

ТРАДИЦИИ
ВОСТОКА И ЗАПАДА
В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
В ЧЕСТЬ ПОЛЯ БЕРНАРА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТРАДИЦИИ ВОСТОКА И
ЗАПАДА В АНТИЧНОЙ
КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
В ЧЕСТЬ ПОЛЯ БЕРНАРА

Под редакцией Казима Абдуллаева

Издательство “Noshirlik yog’disi Press”, 2010
Tashkent 2010

Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии.

Сборник статей в честь Поля Бернара. Самарканд, изд-во «Зарафшан». 2010. 256 с., илл.

Председатель редакционного совета

А.Э. Бердимуратов.

Редакционный совет

Д.х.н., профессор А.А. Абдуразаков, академик АН РУз А.А. Аскарлов,
академик АН РУз Ю.Ф. Буряков, д.и.н., профессор М.Д. Джуракулов,
академик АН РУз У.И. Исламов, академик АН РУз А.Р. Мухамеджанов,
академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе, д.и.н., профессор Р.Х. Сулейманов,
д.и.н., профессор Т.Ш. Ширинов, д.и.н., профессор В.Н. Ягодин

Редакционная коллегия

к.и.н. А.А. Грицина, к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.А. Раимкулов
кандидат исторических наук А.А. Анарбаев

Сборник статей посвящен именитому и всемирно известному ученому Полю Бернару, чья археологическая деятельность и научные труды связаны с явлением культурного взаимодействия между Востоком и Западом и, в особенности, Грецией и эллинизированным Востоком, включая Иран, Месопотамию, Среднюю Азию и т.д. Это было основной причиной выбора тем, сконцентрированных на этой проблеме. Большинство статей включает археологический материал, полученный из недавних раскопок, а также новые идеи и интерпретации известных артефактов. Все категории археологического исследования показывают разнообразие и в то же время всеобъемлющий характер эллинистической культуры Средней Азии.

ISBN 978-9943-10-688-2

© “Noshirlik yog’ disi Press” 2010 г.

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

THE TRADITIONS OF EAST AND WEST
IN THE ANTIQUE CULTURES OF
CENTRAL ASIA

Papers in Honor of Paul Bernard

Edited by Kazim Abdullaev

“Noshirlik yog’disi Press”, 2010
Tashkent 2010

The Traditions of East and West in the Antique Culture of Central Asia.

Papers in Honor of Paul Bernard. Zarafshan. 2010. 256 p. with ill.

Chief of Permanent Staff

Dr. A.E. Berdimuradov

Permanent Staff:

Prof. A.A. Abdurazzakov, Academician of Uzbekistan Academy of Sciences A.A. Askarov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences Y.F. Buryakov, Prof. M.D. Djurakulov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences U.I. Islamov, Academician of Uzbekistan
Academy of Sciences A.R. Muhamedjanov, Academician of Uzbekistan Academy of Sciences
E.V. Rtveladze, Prof. R.H. Suleymanov, Prof. T.Sh. Shirinov, Prof. B.H. Yagodin

Additional Staff:

Dr. A.A. Gricina, Dr. D.K. Mirzaahmedov

Reviewers:

Dr. A.A. Raimkulov

Dr. A.A. Anarbaev

This collection of articles is devoted to Paul Bernard, the eminent and well-known scholar whose archaeological activities and scientific works are associated with the phenomena of cultural interaction between East and West and, in particular, between Greece and Hellenic Orient including Iran, Mesopotamia, Central Asia, etc. This issue was the principal reason to gather the research focused on this problem. All the articles include new archaeological material derived from recent excavations and new ideas or interpretations based on the known artifacts. All of the archaeological investigations illustrate the diversity of cultures and, at the same time, a global character of Hellenistic culture in Central Asia.

ISBN 978-9943-10-688-2

© “Noshirlik yog’disi Press”, 2010.

ПОЛЬ БЕРНАР
(биографическая справка)

Поль Бернар родился в Сен-Максиме в Провансе 13 июня 1929 года. Он получил классическое образование в Каннах, а затем в Париже в Эколь Нормаль Суперieur (1951-1955). Здесь он начал свою специализацию по греческой археологии, изучая эпиграфику с Луи Робером и керамику в Лувре с Пьером Деванбесом. После военной службы в Алжире он становится членом Французской археологической школы в Афинах (1958–1961). В то время французское углубленное образование требовало от студентов не только навыков полевой подготовки, но и дополнительного обучения у более опытных коллег. По счастливому случаю, наставником Поля Бернара стал Франсуа Сальвиат, с которым он вел раскопки на острове Тасос. Здесь молодой специалист впервые столкнулся с проблемами греческой колонизации. С 1961 по 1965 годы Поль Бернар был стажером при Французском Институте археологии в Бейруте. Работая в Ксанфе над погребальными рельефами Ликии под руководством Пьера Демарнь (к которому он сохранил глубокую благодарность), он решил посвятить себя изучению противостояния двух цивилизаций – греческой и персидской, теме, которой он посвятил всю свою творческую деятельность.

Руководитель Французской археологической делегации в Афганистане (DAFA) Даниель Шлюмбержье пригласил молодого специалиста принять участие в раскопках кушанского династийного храма в Сурх Котале (Бактрия). Приблизительно в этот же период стало известно о существовании другого важного городища – Ай Ханум, расположенного чуть севернее, на месте слияния рек Кокчи и Пянджа. Даниель Шлюмбержье уже подумывал о своем преемнике и, получив разрешение афганских властей, он начал многолетние раскопки на этом памятнике. В 1965 году Поль Бернар стал руководителем раскопок этих двух важных памятников. С этого времени и до 1971 года он жил постоянно в Кабуле. На Ай Хануме развернулись широкомасштабные раскопки, длившиеся по три-четыре месяца в году. Ай Ханум впервые открыл научной общественности затерянный мир греческой культуры, которая была известна до этого времени лишь великолепно исполненными монетами и отрывочными сведениями классических авторов. Помимо руководства археологическими раскопками на различных объектах Ай Ханума, Поль Бернар вел и собственный раскоп. Изучение такого памятника, как Ай Ханум, стало прекрасной школой для студентов-археологов и начинающих специалистов. Многие участники экспедиции, прошедшие эту школу, стали ныне известными во всем мире учеными. Результаты раскопок Поль Бернар отразил в своих многочисленных статьях, издававшихся в Европе, Азии и Америке

Раскопки на Ай Хануме регулярно публиковались в журнале *Comptes Rendus de l'Academie des Inscriptions et Belle-Lettres* – это было введением в научный оборот нового материала, однако в то же время блестящим этюдом не только различных аспектов греческой культуры в Средней Азии, но глобальной проблемы взаимодействия эллинистической культуры и культуры Востока. Помимо отдельных статей, под научным руководством Поля Бернара выпускались тома Французской археологической миссии, посвященные объектам Ай Ханума или категориям определенных находок. Под его именем и именами его коллег вышли 8 томов, посвященных изучению городища Ай Ханум (первый том был опубли-

кован в 1973 году). По его инициативе была проведена археологическая разведка по изучению древней ирригации восточной Бактрии во главе с Жаном-Клодом Гарденом, а также раскопки на памятнике хараппской культуры Шортугае, осуществленные Анри-Поль Франкфором.

В 1979 году археологические раскопки на Ай Хануме прекратились из-за начавшейся гражданской войны в Афганистане. В 1980 году Поль Бернар ушел с поста директора DAFA и занялся преподавательской деятельностью в качестве профессора в Ecole Pratique des Hautes Etudes. До этого (1970–1971) он работал в Принстоне в качестве приглашенного ученого. С 1973 по 1981 год он являлся членом Французского национального центра научных исследований. В 1982–1993 годах он – руководитель группы URA 122 в Национальном центре научных исследований «Эллинизм и восточные цивилизации» и одновременно занимается педагогической деятельностью.

Позже Поль Бернар собирает новую команду студентов и молодых исследователей. Свой научный интерес он направляет на изучение восточного эллинизма, посвящая свои статьи вопросам эллинистической культуры Индии, Ирана, Причерноморья, Сирии и в особенности селевкидской Месопотамии. Одна из важных идей Поля Бернара – о роли селевкидской колониальной политики в северовосточном направлении (Бактрия, Согдиана, Парфия), связанной с волной греческих переселенцев в Среднюю Азию.

После вынужденного перерыва в полевых изысканиях Поль Бернар, чьи научные устремления были всегда связаны с восточным эллинизмом, налаживает сотрудничество со своими узбекскими и русскими коллегами.

Следует сказать, что Поль Бернар постоянно делает критические обзоры русскоязычной археологической литературы, переводит наиболее значительные в научном плане работы. Так, например, была переведена с русского на французский книга Б.Я. Ставиского «Кушанская Бактрия». В 1985 году был подписан договор о сотрудничестве с Институтом археологии Академии наук Узбекистана. Поль Бернар стоит у истоков Узбекско-Французской экспедиции, которая более 20 лет плодотворно ведет археологические раскопки на городище Афрасиаб (стационарный объект) и других памятниках округа Самарканда. В настоящее время исследованиями Тогда руководит ставший уже крупным ученым его достойный ученик и коллега, Франц Грене.

Поль Бернар является почетным членом ряда европейских академий, в том числе: Deutsches archäologisches Institut (Берлин); Российской Академии наук; l'Institut français d'Archéologie du Proche-Orient (Французский институт Ближнего Востока, Дамаск); de l'Institut français d'Archéologie orientale. (Французского института Восточной археологии, Каир); de l'Institut français d'Études sur l'Asie centrale de l'École française d'Extrême-Orient (Французского института по изучению Центральной Азии и Французской школы по Ближнему Востоку (Ташкент); Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente (Итальянский Институт Среднего и Ближнего Востока, Рим); l'Accademia nazionale dei Lincei (Национальная академия Линчей, Рим).

В 1992 году Поль Бернар был избран членом в Академию надписей и изящной словесности (L'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres). Он является кавалером Ордена Почетного Легиона; кавалером Ордена за заслуги перед отечеством.

(по статье: Vorearachchi, Grenet, BAI, 2001)

Основные публикации:

1959

Nouvelles découvertes au Dionysion thasien (en collaboration avec F. Salviat // *Bulletin de Correspondance hellénique*).

1962

Inscriptions de Thasos (en collaboration avec F. Salviat) // *Bulletin de Correspondance hellénique*.

1964

Céramiques de la première moitié du VII-e siècle av. J.-C. à Thasos // *Bulletin de Correspondance hellénique*.

1968

Les bas-reliefs gréco-perses de Daskylion à la lumière de nouvelles découvertes // *Revue archéologique*.

1970

Pieds de meubles en ivoire d'époque hellénistique en Asie centrale // *Syria*.

1973

Fouilles d'Aï Khanoum I. Campagnes 1965-1968, 2 vol. (ouvrage collectif).

Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan). I. Les monnaies indiennes // *Revue de Numismatique*.

1974

Les monnaies indo-grecques" (en collaboration avec R. Audouin) II // *Revue de Numismatique*.

1976

Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // *Journal asiatique*.

1978

Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (en collaboration avec H.-P. Francfort).

1980

Héraclès, les grottes de Karafto et le sanctuaire du Mont Sambulos en Iran // *Studia Iranica*;

Plutarque et la coiffures des Parthes et des nomades // *Journal des savants*.

1981

Problèmes d'histoire coloniale grecque à travers l'urbanisme d'une cité hellénistique d'Asie centrale // *150 Jahre. Deutsches archäologisches Institut 1829-1979*.

1982

Haltères votives de de lutteurs dans la Gandhara // *Studia Iranica*.

1984

Le philosophe Anaxarque et le roi Nicocréon de Salamine // *Journal des Savants*.

1985

Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne.

Les rhytons de Nisa. I. Poétesses grecques // *Journal des Savants*.

Le monnayage d'Eudamos, satrape grec du Pandjab et maître des éléphants // *Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata*.

1986

B. Staviskij. *La Bactriane sous les Kushans. Problèmes d'histoire et de culture* (traduction avec compléments en collaboration avec M. Burda, Fr. Grenet et P. Leriche).

1987

Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // *CRAI*.

Le Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // *Studia Iranica*.

1990

L'architecture religieuse de l'Asie centrale à l'époque hellénistique // *Akten des XIII internationalen Kongresses für Klassische Archäologie, Berlin*.

Vicissitudes au gré de l'histoire d'une statue en bronze d'Héraclès entre Séleucie du Tigre et la Mésène // *Journal des savants*.

1991

Les rhytons de Nisa. A quoi, à qui ont-ils servi ? // *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques*.

1992

Fouilles de la mission franco-ouzbèke à l'ancienne Samarkand (Afrasiab) (en collaboration avec Fr. Grenet, M. Isamiddinov et al) // *CRAI*.

1994

L'Asie Centrale et l'Empire séleucide // *Topoi*.

1995

Une légende de fondation hellénistique. Apamée sur l'Oronte d'après les *Cynégétiques* du Pseudo-Oppien // *Topoi*.

Une borne routière grecque à Persépolis (en collaboration avec P. Callieri) // *CRAI*.

1996

L'Aornos bactrien et l'Aornos indien. Philostrate et Taxila. Géographie, mythe et réalité // *Topoi*.

Maracanda-Afrasiab, colonie grecque // *La Persia e L'Asia Centrale da Alessandro al X secolo*. Accademia Nazionale dei Lincei.

1997

Portes Persiques, Portes Caspiennes (en collaboration avec P. Briant et G. Rougemont) // *Dossiers de l'Archéologie* 227.

Les origines thessaliennes de l'Arménie vues par deux historiens thessaliens de la génération d'Alexandre // *Topoi*.

Le Voyage dans l'Empire othoman, l'Egypte et la Perse de G.A. Olivier, naturaliste et envoyé de la République (1792-1798) // *CRAI*.

1999

Alexandre, Ménon et les mines d'or d'Arménie // *Travaux de numismatique offerts à Georges Le Rider*.

2000

Un torque achéménide avec une inscription grecque au Musée Miho (Japon) // *CRAI*.

2002

Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // *Greek Archaeology without Frontiers*.

Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques provenant de l'Asie centrale hellénisée (en collaboration avec O. Bopéarachchi) // *Journal des Savants*.

L'oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922-1982) // *CRAI*.

Carnet de route en images sur les sites archéologiques de la Bactriane afghane (mai 2002) (en collaboration avec J.-F. Jarrige et R. Besenval) // *CRAI*.

2004

Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie Centrale (en collaboration avec G. Rougemont et G. Pinault) // *Journal des Savants*.

2005

De l'Euphrate à la Chine avec la caravane de Maès Titianos // *CRAI*.

2006

Du mirage bactrien aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan à Bactres (2004-2005) (en collaboration avec R. Besenval, Ph. Marquis) // *CRAI*.

Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée de Kaboul. Musée des Arts Asiatiques-Guimet (contributions).

2010

La découverte et la fouille du site hellénistique d'Aï Khanoum en Afghanistan: comment elles se sont faites // *Parthica*.

ПОЛЬ БЕРНАР И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Поль Бернар по праву стоит в ряду корифеев среднеазиатской археологии, внесших весомый вклад в развитие археологии и истории культуры древнего Востока. Этому ученого с большой буквы мы знаем как выдающегося специалиста в области эллинистической культуры, его труды являются непревзойденными этюдами по различным аспектам довольно сложной синтетической культуры. Эллинистическая культура, оставившая яркий след в развитии последующих после походов Александра цивилизаций, отражена во многих категориях художественной культуры, будь то блестяще исполненные произведения медальерного искусства, резные камни, скульптура и живопись и т.д. Одним из показателей, насколько сильны были эллинистические традиции в Средней Азии, говорит народный фольклор и легенды, в которых сохранился до наших дней живой образ Искандера Зулкарнайна.

Поистине потрясающим открытием греческой культуры в Средней Азии было открытие городища Ай-Ханум на севере Афганистана. Памятник этот, исследованный на протяжении многих лет Полем Бернаром, стал образцом эллинистической культуры на территории Средней Азии. Исследования эти воплотились в многочисленные тома экспедиции, в которой работали ученики Поля Бернара, ставшие крупными учеными мирового значения.

Поль Бернар – основатель Франко-Узбекской археологической экспедиции, организованной по его инициативе в конце 1980-ых годов и успешно продолжающей работать под руководством его ученика и коллеги Франца Грене. Экспедиция ведет широкомасштабные археологические раскопки на городище Афрасиаб, которые дали массу важных и интересных находок по культуре Согда в античную и раннесредневековую эпохи. Следует особо отметить открытие настенных росписей караханидского периода, которые представляют собой уникальное явление художественной культуры развитого средневековья. Помимо городища Афрасиаб экспедиция успешно исследует также городище Коктепа, верхние слои которого предшествуют началу эллинизма в истории согдийской культуры. Одной из ярких находок на этом памятнике явились раскопки погребения, относящегося знатной даме первых веков нашей эры.

Хотелось бы сказать много доброго и хорошего о Поле Бернаре. Думаю, что каждый из нас в душе может гордиться, что работал с таким выдающимся ученым, чья жизнь и любовь к своей профессии могут служить примером для подражания.

*Ректор Самаркандского Государственного университета
имени А. Навои, д.и.н., профессор Т.Ш. Ширинов*

ПОЛЬ БЕРНАР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Говоря о Поле Бернаре, Человеке, Ученом, Коллеге, трудно отделить качества ученого, чей талант снискал признание во всем мире от качеств человека, чье яркое творческое обаяние, искреннее расположение к собеседнику, остроумие, открытость вызывают глубокую симпатию.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о лекциях, которые мне посчастливилось посещать в 1990-1991 годах. Это были лекции по греческой археологии в Ecole Pratique des Hautes Etudes, но охватывали они широкие географические пространства, попавшие под влияние эллинистической культуры. Удивительный талант преподавателя, который блестяще разбирается в исторической географии, особенностях ландшафта, топографии и топонимике от Малой Азии, Кавказа, Причерноморья до Средней Азии, выражался во всех областях знаний от анализов греческих и латинских текстов до детального иконографического разбора любого сюжета в искусстве древнего Востока, Греции, Рима и Центральной Азии.

Каждой лекции предшествовала тщательная и серьезная подготовка и неудивительно, что представляемая для аудитории тема отличалась своей ясностью и глубиной и оставляла неизгладимое впечатление. Лекции были живыми, часто возникали дискуссии по тому или иному вопросу. Поль Бернар нередко обращался к аудитории с вопросами, вовлекая слушателей в активное обсуждение и интересуясь их точкой зрения, незаметно обучая творческому обращению с фактами, а главное – методологии научного познания, отлично понимая, что факты, когда их много, могут просеиваться сквозь сознание или забываться, но умение мыслить и обобщать остается в любой ситуации.

Глубокому анализу материала у Поля Бернара способствует великолепное владение европейскими языками, включая и русский язык. Прекрасное знание русскоязычной литературы помогает ему быть в курсе истории изучения предмета и всех новых изданий по археологии. Понимая значение обширной русскоязычной археологической литературы и богатого опыта среднеазиатских археологов, он всегда требовал от своих учеников и молодых коллег изучения русского языка. Надо признать, что требование это успешно выполнялось – почти все участники экспедиции говорят и читают по-русски.

Его труды отличает скрупулезное углубленное изучение, причем всесторонний анализ деталей предмета исследования и их обобщение может служить почти недостижимым образцом. Отмечу одну характерную особенность его статей: каждая из них представляет полноценное законченное исследование монографического характера и по содержанию, а подчас и по объему не уступает книге, в то же время намного быстрее тяжелого арсенала научных монографий внедряет в сознание и практику новейшие научные идеи.

Еще одно качество, редкое даже среди очень талантливых людей – как никто, Поль Бернар умеет оценить труд другого ученого, его находку или удачную идею, искренне порадоваться за коллегу и помочь развить и воплотить ее, проявляя тут неистощимую энергию, юношеский энтузиазм, творческую изобретательность, щедро предоставляя все возможное – от книг своей библиотеки до сокровищницы своего опыта и знаний.

Сфера его интересов далеко не исчерпывается лишь наукой. Он прекрасно разбирается в художественной культуре Запада и Востока. Поль Бернар – тонкий

ценитель изящных искусств, большой любитель классической музыки, скульптуры, живописи. Наряду с западно-европейским искусством и музыкой его любимцы – Чайковский, Рахманинов, Пушкин и Лермонтов. В число любимых французских художников входят Николя Пуссен, Клод Лоррен. В его огромной, тщательно подобранной библиотеке по классическому и эллинистическому искусству и археологии можно видеть многочисленные тома по истории искусства более поздних периодов. Несмотря на богатство его личной библиотеки, он часто приезжает в Париж из Вернуйе, чтобы уточнить какую-либо деталь своего очередного исследования. В нем поражает неиссякаемый интерес ко всему новому, а в особенности к новым археологическим открытиям, новым книгам по античной культуре. Идя в ногу со временем, он осваивает достижения электронных, цифровых и интернет-технологий.

Гостеприимный и радушный хозяин, в то же время чрезвычайно занятый человек, он находит время лично познакомиться своих многочисленных гостей с французскими музеями и любимыми им памятниками французской старины: замок Ментенон, Шартр, Шантильи, Сен-Лис, Шаали. Его жена Джоан – тонкий, чуткий, творчески одаренный и просто красивый человек – сохраняет в их доме атмосферу артистизма, тонкого вкуса, уюта и доброжелательности.

Для археологов Узбекистана Поль Бернар всегда желанный гость и почетный сотрудник, ведь именно он организатор Узбекско-Французской экспедиции, которая более двух десятилетий ведет археологические раскопки на городище Афрасиаб и других памятниках округа Самарканда. В настоящее время исследованиями Согда руководит ставший уже крупным ученым его достойный ученик и коллега, Франц Грене.

За тишиной читальных залов, уходящими ввысь бесконечными книжными рядами, респектабельностью академических интерьеров для археолога кроется упорный труд, настойчивый поиск истины, столкновение противоположных мнений, полевая работа под раскаленным добела солнцем пустыни, артефакты, буквально вырытые из-под земли, ревниво не желающей раскрывать своих тайн и не так легко с ними расстающейся. Поль Бернар с честью прошел все испытания, выйдя победителем. Несмотря на высшие награды, почетные регалии и огромный проделанный труд, ученый Поль Бернар не желает почивать на лаврах и продолжает плодотворно и активно работать на благо мировой науки. Желаю ему, чтобы он сохранял бодрость духа, энергию и радовал нас новыми трудами, пополняя сокровищницу знаний о великом прошлом человечества.

Казим Абдуллаев

*Виночерпий, пусть по кругу
Ходит кубок с брагой пенной.
Ночь покинула округу.
Утра свет занялся бледный.
Но Плеяды чашей светлой
Все еще горят высоко.
И, смеясь, вино рассвета
Запад пьет из рук Востока.*

Абдаллах Ибн аль-Мутааз

ЧАША С МИФОЛОГИЧЕСКИМИ СЮЖЕТАМИ ИЗ ЛУМБИТЕПА

Среди наиболее интересных археологических объектов Ферганской долины – остатки поселения Лумбитепа. Во время археологических раскопок здесь была найдена керамическая чаша с рельефными изображениями. находка вызывает особый интерес, поскольку представляет новый материал о распространении античной литературной и художественной традиции в Средней Азии.

Лумбитепа расположено в юго-восточной Фергане, в 8 км к западу от крупного античного городища Мингтепа (Мархамат) в Андижанской области, на трассе Великого Шелкового пути, проходившего через Фергану и соединявшего Восток с Западом.

Раскопки, проведенные на Лумбитепа, выявили его стратиграфию. Первоначальное обживание поселения относится к первым векам нашей эры. В замке вскрыто три строительных горизонта, датируемых на основе, главным образом, керамических находок концом VI-VII вв. н. э., VII-VIII вв. н. э. и X-XII вв. В лучшей сохранности оказался третий строительный горизонт, относимый к концу VI-VII вв. н. э. В нем вскрыто 19 помещений, в одном из которых в забутовке между полами была найдена вышеупомянутая чаша (Абдулгазиева, 2007, с. 127-132).

Чаша была разбита еще в древности, удалось собрать только одну ее треть. Чаша изготовлена на гончарном станке, снаружи сохранились следы тусклого красного ангоба. Сама чаша имеет форму сегмента шара на кольцевом поддоне, венчик слегка вогнут, стенки украшены рельефными изображениями, выполненными в технике лепки и штампа. Рельеф высокий. Размеры сосуда: диаметр венчика 16,5 см, диаметр дна 6 см, высота 7 см, высота поддона 0,7 см (рис. 1).

По форме, размерам и схеме расположения рельефных сцен – на дне и по широкому поясу на тулове, чаша аналогична металлическим чашам, известным в литературе под названием «греко-бактрийских» (Тревер, 1940, с. 41-73, табл. 15, 18, 80-82). Сохранившаяся часть чаши позволяет предполагать, что на ней были изображены три сцены. Одна из них представлена полностью (рис. 2). На ней изображена борьба героя с вепрем. В композиции все дано условно: пропорциональные соотношения фигур и частей тела человека и животного нарушены, изображения схематичны. Вторая сцена сохранилась частично. В ней изображен персонаж в длинном платье (рис. 3). Третья сцена до нас не дошла. Она была расположена между двух кустов виноградной лозы.

Описание сцен на чаше

Борьба героя с вепрем (рис. 1). Туловище героя лепное, изображено в фас, ноги в профиль, носками влево, обуты в остроносые сапоги без каблуков с голенищами, достигающими до колен, голова выполнена штампом и повернута влево в три четверти. Герой изображен безбородым, лицо круглое, короткие кудрявые волосы обрамляют лоб. Небольшой рот с едва заметной улыбкой на губах, черты лица лишены индивидуальности. На голову надет львиный скальп со шкурой, спускающейся ниже плеч, торс обнажен, но ниже идет юбка или набедренная повязка до колен, подпоясанная широким поясом, подол оторочен каймой. Круп-

ные пластины набедренника выполнены штампом в виде четырехлепестковой розетки, расположенной в один ряд.

На чаше показан кульминационный момент борьбы героя с вепрем. Правой, вытянутой вперед рукой герой схватил ошетилившегося вепря за голову, а левой вонзает меч в его раскрытую пасть. Морда животного исполнена в гротескном стиле, распространенном в коропластике Согда V-VIII вв. н.э. (Мешкерис, 1989, с. 17-18) – правый глаз изображен наклепным кружочком с углублением в центре, пасть наподобие бруска, клык прочерчен изогнутой линией, горизонтальными насечками выделены копыта. Руки человека трактованы схематично, кисти рук в виде трех- или четырехпалой «ласты». Аналогичным образом показаны пальцы на некоторых архаичных типах статуэток богини-матери из Афрасиаба с одной рукой у груди, другой опущенной вниз, восходящие к эпохе бронзы. (Мешкерис, 1989, с. 95-96, рис. 6. 1). Статуэтки богини с аналогичными пальцами встречаются и в эпоху поздней античности в окрестностях Самарканда (Мешкерис, 1989, с. 153-154, рис. 57). Схематично трактованные руки встречаются среди статуэток, происходящих из Афрасиаба и в эпоху раннего средневековья V-VIII вв. (там же, с. 172, рис. 77.14). Представляет интерес также и то, что примитивно проработанные кисти очень характерны для ряда восточнотуркестанских каменных изваяний (Литвинский, Лубо-Лесниченко, 1995, с. 301), такой же прием встречается и на некоторых каменных статуях с сосудом в руках тюркского времени (VII-IX вв.) Алтая, Тувы, Хакасии (Евтюхова, 1952, рис. 3; 22. 2; 23.1; 32, 43).

За кабаном на арке сохранилась часть прямоугольного предмета с орнаментом. Возможно, это палица, но, вероятнее всего, колчан.

Персонаж в длинной одежде (рис. 2). Резко отличается по стилю изображения персонаж в следующей, частично сохранившейся сцене и расположенной слева от описанной выше. Он штампованный, оттиснут в односторонней форме – характерный прием для изготовления согдийских статуэток богинь, затем прикреплен к тулову чаши, края подправлены. Персонаж выполнен в античных традициях: изображение реалистичное, пропорции тела естественные, античная поза, одет в длинное платье из мягко драпирующейся ткани. Рельефно очерчены выпуклости фигуры. Но плавные линии складок одежды не греческого типа, а более изогнутые. С двух сторон – справа и слева фигура обрамлена полосой из розеток, оттиснутых тем же штампом, что и раппорт рисунка на юбке вышеописанного героя. Фигура стоит, опершись на правую ногу, левая отставлена, слегка согнута, носок поднят. Носки ног раздвинуты в разные стороны. За персонажем проступает изображение еще одного человека – видна правая нога и часть платья.

Виноградная лоза (рис. 3). Виноградная лоза изображена с двумя симметрично расходящимися в противоположные от ствола стороны раскидистыми ветвями. Листья и свисающие крупные гроздья предельно стилизованы. На ветке справа помещен предмет, напоминающий кисть руки.

Антропоморфные головки над виноградной лозой (рис. 4). Над виноградной лозой вдоль венчика чаши были расположены три головки (на одном фрагменте чаши сохранилась только одна, на другом – две головки). Они расположены симметрично: одна над центром дерева, две по сторонам. Головки наклепные, выполнены одним и тем же штампом, маленькие, высотой 1 см вместе с прической, овальной формы, нос большой, глаза выпуклые, брови, сросшиеся над переносицей показаны прямой рельефной линией. Прическа на голове в виде крупных тя-

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

желых валиков с буклей на макушке. Большие уши с шаровидной серьгой в мочке трактуются в фас.

Антропоморфная головка на дне чаши (рис. 5). На дне чаши в кольце поддона имеется штампованное изображение женской головы в фас. Лицо круглое, пухлое, глаза миндалевидные с выделенными зрачками, слегка раскосые, выпуклые, небольшой рот, тонкие брови вскинута вверх в виде дуги, изображены выдавленными линиями, короткие кудрявые волосы в виде колечек в два ряда обрамляют широкий лоб и посередине разделены пробором, уши оттянуты вверх, показаны в фас, в левом ухе большая овальная серьга, правая мочка смята.

Интерпретация

В Фергане, как в Чаче и Уструшане, мелкая терракотовая пластика не известна, и до сих пор не найдено ни одной статуэтки женского божества, в то время как в других регионах Средней Азии она была распространена с глубокой древности и дожила вплоть до поздней античности, а в Согде бытовала еще и в период раннего средневековья (Мешкерис, 1989, с. 19-20).

Композиция изображений на чаше не находит прямых аналогий в искусстве Средней Азии. Техника исполнения и стиль изображения сцен на ней имеют много общего с поздне согдийской коропластикой.

Борьба героя с вепрем. В данной сцене для интерпретации героя важным фактором был бы львиный скальп – неперемный атрибут древнегреческого героя Геракла, и здесь можно было бы видеть выполнение им одного из подвигов – поимку Эриманфского вепря: третий подвиг (по В.Д. Блаватскому 1941, с. 194, рис. 3). Представляет интерес то, как изображен на чаше этот характерный атрибут Геракла – львиная шкура – она показана свисающей с головы на спину героя, как плащ, ровными складками, точно так же, как на античных скульптурных группах в сцене с киренейской ланью на щитке глиняного светильника III-IV вв.н.э. из Херсонеса (юго-западный Крым) (Щеглов, 1964, с. 11,12, рис. 3), в сцене «Геракл очищает авгиевы конюшни» на керамических кубках II в.н.э. из Тиритаки (юго-восточный Крым) и из музея Равестейна во Фландрии (Наливкина, 1958, с. 315-316, рис. 1-5)².

Сохранение античных традиций наблюдается и в облике героя. Как было упомянуто, он изображен безбородым. Таков он в пяти первых подвигах на скульптурных группах работы знаменитого древнегреческого скульптора Лисиппа (вторая половина IV в. до н.э.) из Сиккиона, отлившего из бронзы 12 подвигов Геракла для города Акарнани, дошедших до нас благодаря многочисленным копиям с них (Блаватский, 1941, с. 194-197, рис. 3, 4). Вьющиеся колечками короткие волосы Геракла на нашей чаше в точности совпадают с прической колоссальной статуи сидящего безбородого Геракла работы другого древнегреческого аттического скульптора – Мирона (первая половина V в. до н.э.), хранящейся в Palazzo Altemps в Риме (Вальдгауер, 1923, с. 27-28, рис. 11,12).

Однако на изображении головы близость персонажа с Гераклом и кончается.

На герое набедренная повязка или юбка, но, вероятнее всего, он был одет в панцирный кафтан, аналогичный кушанскому доспеху, для которого характерна гладкая нагрудная часть, а набедренная – из больших прямоугольных пластин (Горелик, 1982, с. 90, 98). Следует отметить одну особенность в юбке героя – раппорт узора расположен на ней в один горизонтальный ряд. Истоки этого признака ведут к эллинистическо-римской традиции, так как античные набедренни-

ки имели не более двух рядов фестонов, а увеличение количества рядов – это уже местный признак (Горелик, 1982, с. 98).

Местный восточный стиль сказывается в том, что борющийся герой вылеплен не атлетически сложенным, как это принято в античной традиции, а с узкими плечами и тонкой талией, то есть именно так, как изображены мужчины в памятниках искусства Средней Азии. Мы видим их такими, как лучник на костяной пластинке из Айтугдытепа (VII в.н.э.) в Кашкадарьинской области (Кабанов, 1981, с. 110-111, рис. 59), в настенных росписях VI-VIII в.н.э. Пенджикента (Скульптура и живопись древнего Пенджикента, 1959, табл. VII, VIII), Балалыктепе на юге Узбекистана (Альбаум, 1960, рис. 96-121), на деревянном резном панно дворца афшинов Уструшаны VIII-IX вв. (Негматов, 1977, с. 354), терракотовых статуэтках, образках и плитках Согда V-VIII вв.н.э. Мешкерис, 1977, рис. 5, табл. XXVIII, 24, 28, 37; XXX, 98, 99). Местный мастер изобразил героя в стиле, характерном для местной среднеазиатской традиции эпохи раннего средневековья: туловище лепное, показано в фас при профильной постановке ног, а голова – с поворотом в три четверти, выполнена штампом, фигура статична (Мешкерис, 1989, с. 44). Голова по отношению к туловищу непропорционально велика – также исполнена в соответствии не с греческим, а со среднеазиатским канонem, характерным для мелкой пластики (Мешкерис, 1977, рис. 3). Представляет интерес то, что также в полном объеме исполнены головы персонажей на вазе с горельефной сценой суда Париса, найденной в Ольвии (Северное Причерноморье). Сама ваза изготовлена в Малой Азии в I в. до н.э. (Блаватский, 1961, с. 145-146, рис. 68). Такой же канон, как лепная фигура с непропорционально большой головой, встречается и в Восточном Туркестане. Таким же мы видим изображение гиляндоносца в позе «штангиста» на терракотовой вазе из Хотана с большой головой в высоком рельефе (Сорокин, 1961, с. 198, рис. 3). В Восточном же Туркестане каменные изваяния высечены тоже с непропорционально большой головой (Литвинский, Лубо-Лесниченко, 1995, с. 300).

Композиция изображения борьбы героя с вепрем на нашей чаше также не имеет ничего общего со скульптурной группой с Эрманфским вепрем в греко-римском искусстве, где по традиции обнаженный Геракл несет на плечах связанного кабана (Блаватский, 1941, рис. 3) и, согласно античному мифу, он должен не убивать его, а связать и доставить живым. Это явное отступление от сюжета сближает нашу сцену с изображениями иранских шахиншахов на охоте, хорошо известными по серебряным сосудам сасанидского круга. Особый интерес представляют аналогии в той композиции единоборства, где герой одной рукой хватает хищника за голову, а другой наносит ему поражающий удар мечом. В такой, возведенной в канон, сцене могут изменяться поза героя, отдельные элементы, вид животного, но неизменным остается их взаимодействие. Именно такая композиция могла послужить прототипом для сцены с героем на лумбитепинской чаше, но опосредованно через сасанидское искусство. В этом отношении для аналогии более важными являются сцены на двух серебряных чашах. На одной из них (серебряное с позолотой блюдо, найдено в бывшей Пермской губернии в 1907 г., хранится в Эрмитаже) пеший Шапур III (383-388 гг.) убивает мечом леопарда. Поза Шапура III почти как у героя на нашей чаше, но хищник здесь стоит на задних лапах спиной к охотнику (Смирнов, 1909, СХХII, 308). На другой чаше (середина III в. н.э., частная коллекция, Япония) Пероз I (или один из его сыновей, или наследник) убивает тигра. Хотя здесь царственный охотник воспроизве-

ден на коне, но его взаимодействие со зверем представляет более близкую параллель композиции на нашей чаше (Tanabe, 2001, p. 169-171, color pl.I, fig. 5). На реверсе нахшебских монет V-VI вв. (долина Кашкадарьи) изображен правитель, поражающий стоящего против него на задних лапах льва, причем удар наносится коротким мечом в горло зверя (Кабанов, 1961, с. 139). Представляет интерес то, что на этих изделиях герои показаны обращенными вправо и с мечом в правой руке, т.е. противоположно сцене на нашей чаше. В этой связи особый интерес представляет деревянное резное панно VII в.н.э. из Пенджикента, на котором герой тоже левой рукой убивает фантастическое чудовище (Маршак, 1985, № 585). Но в античной традиции борющийся герой изображался с оружием в правой руке. Это кажущееся противоречие станет понятным, если учесть, что перед нами образ, трактованный в соответствии с местными традициями, и в связи с этим возникает вопрос: был ли он «левшой»? Это как будто подтверждается тем, что среди тюрков особенно славились воины – левши (Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 56, табл. 48). Ведь умение владеть оружием одинаково обеими руками высоко ценилось в воинском искусстве. Истоки композиции с «левшой» ведут в доахеменидский Иран. На золотой пластине VIII-VII вв. до н.э. из Зивие (Тегеранский археологический музей) трижды дублировано зеркально-симметричное противопоставление сцены борьбы одного и того же царственного героя, сражающегося с львом: в левой колонке он замахивается правой рукой с мечом на зверя, а в правой колонке – левой Фрай, 1972, рис. 20). И ахеменидский царь, борющийся с фантастическим зверем, показан «левшой» на рельефе из Персеполя (Лосева, Дьяконов, 1956, с. 387, илл. 333). Как отмечает В.Г.Луконин, что симметричность, зеркальное повторение одних и тех же сцен – это один из принципов искусства Ахеменидов, оказало влияние и на сасанидское искусство (Луконин, 1977, с. 68, 180). Отразилось оно и в композиции на лумбитепинской чаше, но опосредованно через сасанидское искусство.

В эпоху раннего средневековья симметричное удвоение рисунка получает широкое распространение во всех видах искусства. В византийском текстильном производстве этот прием становится традиционным. Именно византийским влиянием на согдийское шелкоткачество объясняет А.А.Иерусалимская исключительное преобладание в тканях занданечи (от названия селения Зандана близ Бухары) симметричных зеркальных композиций в медальонах (Иерусалимская, 1972, с. 12, 24). И этот прием относится к существенным художественным особенностям согдийских шелков (там же, с. 18). Сюжеты разнообразны. Здесь представлены зооморфные, антропоморфные и растительно-геометрические узоры.

Обращает внимание, что зеркальный вариант, как на нашей чаше, представляет бронзовая статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары (VI -VII вв.) с городища Новопокровское в Киргизии. У этого Авалокитешвары опахало в левой руке, тогда как, согласно классической иконографии, этот атрибут должен быть в правой руке, а в левой – касало (Горячева, Перегудова, 1996, рис. 10а). Как констатирует Т.К. Мкртычев, такое зеркальное воспроизведение не является единственным и, очевидно, было в порядке вещей в буддийском искусстве, и эта фигурка, по его предположению, представляет собой отливку с редуцированной модели и является зеркальным вариантом классического оригинала Авалокитешвары (Мкртычев, 2002, с. 164). Следовательно, и в сцене с героем мы видим то же явление.

Несмотря на сохранение неперменного атрибута – львиного скальпа и некоторых присущих Гераклу в греческом искусстве черт, стиль исполнения и композиция в целом резко отличаются от изображений подвига Геракла с вепрем.

Сцена на чаше позволяет говорить о том, что образ Геракла в Средней Азии ассоциировался у местного населения с образами эпических героев. В эпоху становления феодальных отношений были широко распространены легенды и мифы, героические эпосы о богатырях Рустаме, Исфендияре, Гоштаспе и многих других, воспетых в бессмертной поэме Фирдоуси «Шахнаме». Они тоже, подобно Гераклу, совершали немало подвигов (примечательно, что каждый из них по 7 основных – это число на Востоке издревле считалось магическим). Об их популярности среди народа говорят памятники монументального и прикладного искусства. В Пенджикенте на стенных росписях зала VI/41 во втором ярусе изображен целый цикл подвигов Рустама. Известны они и в Восточном Туркестане, где сохранился отрывок текста на согдийском языке, в котором один из эпизодов о Рустаме датируется временем, близким пенджикентским росписям (Беленицкий, 1973, с. 47).

Так кто же изображен на нашей чаше? В этом отношении для сцены на нашей чаше особый интерес представляет подвиг богатыря Биджена, рассказанный в «Шахнаме» Фирдоуси. Биджен смело вступает в единоборство не с одним, а с целым полчищем чудовищных кабанов, опустошавших страну (Фирдоуси, 1965, с. 116-119). Однажды царь Хосров пировал с дружиной. В это время к царю явились посланцы от живших на границе с Туранской страной просить защиты от вепрей, которые опустошают их поля. Царь обратился к бойцам: «Кто пойдет уничтожить этих огромных, как слон, вепрей?» – и обещал сразу щедро вознаграждать тех, кто согласится на такой подвиг. Вызвался только один Биджен. Придя на место, Биджен увидел огромное стадо зверей, наступающих на него. Без страха богатырь рванулся вперед, натянул свой лук и стал убивать их стрелами. Колчан его уже опустел, а вепри продолжали наступать, окружили его, вожак бросился на него и содрал с него кольчугу. Биджен вытащил свой меч и рассек его надвое, остальных тоже всех уничтожил (Фирдоуси, 1965, с. 114-119).

И сцена на нашей чаше показана как битва с кабанам, а не как поимка Эриманфского вепря. По всей видимости, именно финальный момент борьбы изображен на чаше. Герой облачен в панцирный набедренник, но на нем уже нет кольчуги. Здесь изображен местный герой, борющийся с дикими, свирепыми животными. В среднеазиатских эпосах известен только один богатырь, имя которого прославлено борьбой с кабанам. Это Биджен. Вероятнее всего, что на чаше запечатлен подвиг именно этого героя.

Персонаж в длинной одежде. Обращает на себя внимание поза фигуры во второй сцене на лумбитепинской чаше. Эта поза выявляет античные связи – в ней отражен канон движения Лисипповской школы – упор на одну ногу (Тревер, 1940, с. 79). Эта поза становится типичной в искусстве кушанской эпохи, но встречается и позже. В такой композиции обычно изображались цари и божества на монетах кушанских царей Вимы Кадфиза, Канишки I, Хувишки, Васудевы, Канишки III и мужские, (кроме Вадо) и женские божества (Зеймаль, 1983, с. 182-183, рис. 4; Пугаченкова, 1979, с. 159, рис 171, 172; Tanabe, 1995/1996, p. 185, fig. 11-13.), персонажи на биянайманских и мианкальских оссуариях VI-VII вв. н.э. из Самаркандской области (Пугаченкова, 1987, рис. на с. 97, 99, 100, 102, 103, 105). Уместно отметить, что персонажи на этих оссуариях интерпретирова-

ны Ф.Грене как изображения богов – Амеша Спента (Грене, 1987, с. 50-52). В аналогичной позе изображался и стоящий Будда.

Для интерпретации фигуры во второй сцене ниже приводятся три версии: 1. Богиня из круга, близкого Гераклу. 2. Местная богиня или местный сюжет. 3. Будда. Нам придется идти по принципу исключения.

1. Богиня из круга, близкого Гераклу. Можно предположить, что здесь могла быть помещена какая-нибудь богиня из греческого пантеона – из круга, близкого Гераклу: Афина (его сестра), Геба (супруга), которых можно видеть вместе с ним на памятниках искусства. На вышеупомянутом саркофаге Museo Torlonio на узкой стороне центральной ниши находится Геба, а справа и слева от нее помещены изображения подвигов Геракла: «Очищение авгиевых конюшен» и «Геракл с яблоками Гесперид» (Блаватский, 1941, с. 194, рис. 4). На одной расписной греческой вазе (хранится в Неаполе) безбородый сидящий Геракл изображен между Зевсом и Афиной и за ней Гермес (Reinach, 1899, 1900, p. 329, fig. 1). Зевс знал, что много тяжелых испытаний предстоит на пути его сына, поэтому он повелел своей дочери Афине помогать брату, и в самые опасные моменты при выполнении подвигов Афина приходила на помощь Гераклу, а Гермес подарил ему меч (Кун, 1986, с. 121, 123, 126, 140, 145).

В Халчаянском дворце кушанского периода (юг Узбекистана) над царственной четой располагались бюсты Геракла и Афины (Пугаченкова, 1979, с. 153).

Однако от этой версии следует отказаться ввиду того, что, как отмечают исследователи, уже в кушанское время образы эллинистических божеств либо исчезают из местного пантеона и замещаются азиатскими типами, либо сливаются с ними (Пугаченкова, 1979, с. 156; Мешкерис, 1978, с. 224).

Местная богиня или местный сюжет. Рядом со сценой с Гераклом могла быть помещена какая-нибудь местная богиня, это как будто находит подтверждение в памятниках искусства. Так, на вотивном рельефе из храма Bala (I в. до н.э. в Пальмире) Геракл стоит рядом с Иштар – богиней плодородия и здесь же еще две фигуры, возможно, Аглибол – бог луны и Малакбел – бог солнца хранится в национальном музее в Дамаске (Damascus, 4242/10050) (The Grand Exhibition, 1988, n. 206, p. 207-208).

Среди греко-бактрийских чаш широко известны три экземпляра³, на которых, как доказал К. Вейцман, изображены иллюстрации к трагедиям Еврипида, и, как он считает, на этих чашах отражено начало того явления, когда греческие фигуры были не трансформированы, а заменены восточными типами (Weitzmann, 1943, p. 320).

1. На дне серебряной чаши II-III в.н.э. (из коллекции Кеворкиана в Нью-Йорке) орел с полураспахнутыми крыльями – символ сасанидов, а на тулове – охота на медведя.

2. На кустанайской чаше IV в.н.э. (хранится в Эрмитаже) (Смирнов, 1909, табл.СХIII, № 287) в сцене об Алопе в роли судьи изображена кушанская богиня судьбы Ордохшо, тогда как, согласно содержанию драмы, здесь следовало бы видеть отца Алопы Керкиона (Cercyon), который вершил суд и Алопу посадили в тюрьму (Weitzmann, 1943, p. 295-320, fig. 5).

3. На серебряной чаше с позолотой из собрания Строгановых (хранится в Эрмитаже) вставлена сцена пира или бракосочетания, где, как отмечает К. Вейцман, одежда мужчины и женщины с широким вышитым лацканом, характерным

для согдийцев (Weitzman, 1943, p. 320). Этот фасон костюма был широко распространен в Средней Азии.

Исходя из приведенных примеров, можно было бы предположить, что в сцене с полуфигурой изображен местный сюжет, местное божество. Изогнутые линии складок платья фигуры на чаше находят близкие аналогии на согдийских статуэтках богини-матери в складчатом хитоне, и, как уже было отмечено исследователями, направление складок подола их хитона не греческое (Тревер, 1940, с. 32; Мешкерис, 1989, с. 20, рис. 28. 1, 1а). Иконографический тип этих статуэток восходит к западнопарфянским образцам I-III вв. н.э. с ребенком у ног (Мешкерис, 1977, с. 25). Но, с другой стороны, ноги у этой богини трактованы иначе, чем у персонажа в длинной одежде – они сомкнуты вместе, статичны или не показаны вовсе, прикрытые длинной одеждой (Мешкерис, 1989, с. 19-20). Поэтому эта версия тоже не может быть принята.

3. *Будда*. Как было описано выше, персонаж стоит на подставке в виде вытянутого овала с плоской верхней стороной. Это обстоятельство делает более приемлемым отождествление полуфигуры с Буддой. На это обратила мое внимание доктор Dr.Chhaya Bhattacharya-Haesner из музея искусства Индии в Берлине (Museum of Indian Art, Berlin)³. Кроме того, как она отмечает, что густые мелкие плавно изогнутые складки одежды, мягко облегающие фигуру, более характерны для буддийской скульптуры, и она видит в нем связи с Хотаном. Веским основанием для отождествления с Буддой является то, что персонаж стоит на подставке, форма которой в виде вытянутого полуовала – верхняя часть плоская, а нижняя выпуклая представляет собой сильно стилизованный цветок лотоса и вокруг персонажа пламя.⁴ Фигурка на чаше находит близкие аналогии в трактовке позы, одежды и цветка лотоса в шутовых статуэтках из Хотана среди стоящих Будд на полуконическом подножье, показанном как цветок лотоса (Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 43, 119-120, табл. 44), на шутовых рельефах, украшающих стены Дандан Уйлика (Stein, 1907, pl. LIV, D.II, 34, D.II, 74). Основание статуэток в виде стилизованного лотоса в буддийской бронзе Китая довольно частое явление (Мкртычев, 2002, с. 163). На аналогичной стилизованной подставке изображены две буддийские статуэтки бодхисатвы Авалокитешвары из археологических раскопок городища Новопокровское (Киргизия, Семиречье) (Горячева, Перегудова, 1996, с. 183, рис. 10) и еще одна из цитадели Афрасиаба (Самарканд) вейского времени V-VI вв.н.э. (Карев, 1998, с. 113). Исследователи считают их индийским импортом. Однако сопоставление их с китайской буддийской бронзой, как отмечает Т.К. Мкртычев, показывает их китайскую иконографию суйского времени и их следует относить к VI-VII вв. н.э. (Мкртычев, 2002, с. 162-163).

На основе вышеизложенного можно придти к заключению, что полуфигура во второй сцене представляет собой изображение стоящего Будды, и, вполне возможно, что форма для его оттиска имеет хотанское происхождение.

Как было упомянуто, на заднем плане за Буддой проступает еще один персонаж, в котором предпочтительнее было бы видеть Ваджрапани, одной из ролей которого было сопровождение Будды (Bhattacharya, 1995, p. 235). Мы видим его рядом с Буддой на некоторых рельефах Гандхары, в которых стоящий Будда изображен с Колесом Закона – первая проповедь (Quagliotti, 1995/96, p. 201-202, pl. 1 -3). И, как замечает Dr.Chhaya Bhattacharya-Haesner, поза ног Будды – одна отставлена и приподнята – это гандхарский тип изображения Будды.

Поскольку близкие аналогии связаны с Хотаном, отметим, что в Хотане статуэтки стоящего Будды были более распространены именно в эпоху раннего средневековья, чем образ в сидящей позе (Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 43), и он изображался на разных видах изделий. В Дунхуане найден фрагмент шелковой вышивки VII-VIII вв., на которой Будда показан стоящим на лотосе с сосудом в руках (The Art, 1985, fig. 2).

Для северо-буддийского искусства VII-VIII вв. н.э. были обычными также небольшие деревянные расписные иконки, на лицевой стороне которых дано изображение стоящего Будды на голубом лотосе, носки босых ног повернуты наружу, фигура окружена нимбом с двойной серо-голубой каймой (Дьяконова, 1960, с. 65; она же, 1960а, с. 35).

Рассматриваемая фигура из Лумбитена находит близкую аналогию и среди монументальной скульптуры Великой Ступы в Буткаре, где на панелях (плитах), вставленных в ниши, были изображены сцены из жизни Будды, датируемые VI-VII вв.н.э. Здесь в северной нише сохранилась половина рельефа с изображением скульптурной группы: фигура стоящего Будды на цветке лотоса среди поклоняющихся. Другая скульптура стоящего Будды была вставлена в нишу со стрельчатой аркой, окруженной орнаментом (Fassenna 1974, с. 158, 161, 163, рис. 8,51). Фигурка на чаше, как было отмечено, обрамлена с обеих сторон штампами. Видимо, это указывает на то, что персонаж скопирован с монументальной статуи, стоявшей в арке, архивольт которой был украшен розетками, как и в Буткаре.

На территории Средней Азии изображения терракотовых статуэток Будды в эпоху раннего средневековья и, в особенности, в стоячей позе, встречаются редко. Немного было их и в предшествующий – античный период. Даже в Бактрии, где было обнаружено много буддийских памятников разных типов и таких древних городищ, как Дальверзин, Дильберджин, Айртам, Зартепа, Термез и другие, они представляют редкость. Немного изображений Будды и в обширном чекане монет кушанского царя Канишки I, при котором и было введено изображение этого божества в монетную эмиссию на обратной стороне. В приамударьинской части городища Старого Термеца в Северной Бактрии до сих пор найдена всего одна монета Канишки I с иконографическим типом стоящего Будды, но очень плохой сохранности (Зеймаль, 1983, с. 192, 196, № 54/123).⁵ Но на других территориях бывшей кушанской империи отмечены находки монет хорошей сохранности с изображением сидящего и стоящего Будды, сводку которых, с учетом изданных и другими исследователями, опубликовал J.Cribb; в ней имеются близкие аналогии фигурке на нашей чаше (Cribb, 1999/ 2000, p. 150-158, pl. 1, № 4, 7, 8, 10; 2, 3, 4, 10, № 37, 39, 43). И, как отмечает Мкртычев, аналогичная картина наблюдается и в других регионах бывшей кушанской империи, в отличие от монументальной скульптуры (Мкртычев, 2002, с. 176) и живописи. В северной Бактрии найдены только две терракотовые статуэтки стоящего Будды. Они обнаружены на городище Зартепа, на территории жилого квартала позднекушанского времени. Фигурки однотипные, с жестом абхайя-мудра (*abhaya-mudra*) и датируются концом IV-сер.V вв. н.э. Исследователи К.Абдуллаев и В. Завьялов отмечают, ссылаясь на Desai, что эти фигурки наиболее близки по деталям одежды и позе скульптуре Будды из кварца, хранящейся в коллекции института имени Хераса, относимой к произведениям гандхарской школы, а также видят аналогии среди штукковых фигурок из Хотана, одежда которых несколько отличается от зартепинских (Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 112-113, рис. 2,3).

Примечательно, что в буддийском пещерном монастыре «Цянь-Фодун» (пещера 1000 Будд) среди «вейских» памятников (V-VI вв.) нет ни одной алтарной статуи стоящего Будды, а для «танских» или «сунских» храмов они представляют собой обычное явление (Дьяконова, 1947, с. 458). Монастырь расположен в 12 км от г. Дунь-Хуан, в западной части провинции Ганьсу. Отсюда начинался караванный «Шелковый путь», проходивший через Восточный Туркестан, Среднюю Азию и далее на Запад (Дьяконова, 1947, с. 445). Одно ответвление этого пути проходило через Фергану.

Образ стоящего Будды запечатлен также в монументальной скульптуре и живописи северной Бактрии. Фрагменты двух крупных статуй Будды найдены в буддийском монастыре в загородной зоне городища Дальверзинтепа (Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 92, рис. 63), в святилище Фаяз-тепе (I – конец III вв. н.э.) в Старом Термезе. Здесь фигуры двух стоящих рядом Будд изображены в натуральную величину. Около них женщины с молитвенно воздетыми руками (Альбаум, 1990, с. 22 - 23, рис. 2). Аналогичные два стоящие Будды представлены также в настенной живописи Хочо (Khocho) (Музей искусства Индии, Берлин).

Очень важным является то, что фигурка на чаше имеет близкие аналогии среди памятников Восточного Туркестана и тем самым выявляется направление связей и влияний и этот сюжет входит в круг памятников, связанных с историей распространения буддизма в Фергане.

Именно с влиянием Восточного Туркестана связано появление буддийского культового комплекса в предместьях Кубы (Кувы) в VII-VIII вв. н.э. Храм этот относится к новому направлению в буддизме – Ваджраяне, который, кроме Кувы, в других буддийских памятниках Средней Азии не известен, и в то же время был широко распространен в Хотане (Мкртычев, 2002, с. 150-151). Это является ярким свидетельством тесных контактов Ферганы с Хотаном. «Вполне возможно, что и скульптурное оформление храма Кувы было осуществлено выходцами из Хотана» – заключает Т.К. Мкртычев (Мкртычев 2002, с. 151).

Храм в Куве не единственный памятник буддизма в Фергане. К тому же времени, что и кувинский храм, относится пещерный комплекс в шахристане III в. Узгене, который существовал до тимуридского времени, что тоже указывает на связи с Восточным Туркестаном (Бернштам, 1952, сс. 256, 258, рис. 111).

К несколько более раннему времени – IV-V вв. относится Тешиктепа, расположенный южнее г. Ферганы, в котором исследователи склонны видеть остатки буддийской ступы. От Тешиктепа сохранилась только монументальная платформа, возведенная из сырцового кирпича. Вблизи Тешиктепа имелись и другие поселения, сильно разрушенные, датируемые этим же временем (Горбунова, Оболдуева, 1968, с. 139).

Предмет на виноградной лозе. Справа на виноградной лозе имеется изображение, напоминающее кисть правой руки. Кисть руки или обе руки изображались с глубокой древности на различных предметах, делались различные изделия из разных материалов, наиболее ранние из них – бронзовые заколки с кистью руки II тыс. до н.э.) происходят из Сапаллитепа на юге Узбекистана (Аскарлов, 1973, с. 98, табл. 26. 24, 25). Рука – один из древнейших культовых символов, почитание их отмечено еще в древней Месопотамии и Египте, их культовое значение зафиксировано у многих народов Евразии вплоть до современности (Ртвеладзе, 1998, с. 87-88).

Антропоморфные головки над виноградной лозой. Для рассматриваемого периода типичными были штампованные налепы, оттиски головок как антропоморфных, так и зооморфных, на разных керамических сосудах, продублированные по многу раз оттиском штампа, располагавшиеся в ряд вдоль бортиков сосудов. Этот тип орнамента был широко распространен в Согде (Беленицкий, 1958, с. 130-131, рис. 24, 25), но следует отметить, что для керамики Ферганы он не был характерен. По мнению исследователей, они имели значение оберега. Можно полагать, что аналогичное же значение имели и головки на чаше из Лумбитена, тем более, что эти головки с буклей на голове и серьгами в ушах представляют собой изображения боддисатв, как замечает Dr.Chhaya Bhattacharya-Haesner.

Головка на дне чаши (рис. 5). По облику эта головка очень близка к образам эллинистического «эфеба» с курчавыми волосами и греко-буддийских типов – прическа из крутых спиралевидных завитков волос, симметрично расположенных над низким лбом, трактовка бровей – они высоко приподняты в виде дуги и изображены вдавленными линиями, пухлые щеки, уши даны в фас с крупной каплевидной серьгой (Мешкерис, 1977, с. 82-83, 84-85 рис. 8, 3,5; она же, 1989, с. 176-177, 180-181). Очень близкую аналогию по трактовке локонов волос с пробормом посредине головы представляет голова женской статуэтки VI в.н.э. из Пенджикента, но отличается наличием «шлема Афины» на голове (Беленицкий, 1961, с. 94, рис. 20, 3).

Головка на дне чаши находит сходство со статуэтками богини кушанской эпохи из Самарканда: тип лица, овальная серьга, свисающая на плечо, но отличается прической и отсутствием головного убора (Мешкерис, 1977, рис. 3. 4; табл. IV, 2; XVI, 3). Возможно, на дне нашей чаши изображена голова богини.

Гипотеза об изображении в утраченной сцене между двух виноградных лоз

Возникает вопрос: что могло быть помещено в утраченной сцене? Судя по сохранившейся части, она располагалась между двух виноградных лоз и, так же, как полуфигура, была заключена в обрамление из оттисков штампа, возможно, имитирующих нишу.⁶ Это обстоятельство наталкивает на конкретную мысль – возможно, это был бог виноградарства и виноделия, изображенный в традиционном окружении.

В Фергане не известен пантеон местных богов. В связи с этим особый интерес представляет бронзовый штамп VII в. н.э. с изображением бога вина и производящих сил природы Куверы, найденный в квартале 2 в пригороде городища Кува. Штамп диаметром около 6 см. На нем в обрамлении из перлов изображен сидящий на полусогнутых ногах полуобнаженный мужчина в широких штанах, спадающих складками. Вокруг головы нимб, в левой поднятой руке ритон, а правая рука на бедре. С одной стороны от него бурдюк с вином, а с другой – кувшин. По мнению В.А. Булатовой, на штампе изображена сцена возлияния (Булатова, 1963, с. 110-111). В обрамлении из виноградной лозы мы видим Куверу с предстоящей рядом Харити на серебряном блюде из Северного Пенджаба, где также показана сцена возлияния (Булатова, 1963, с. 112; Смирнов, 1909, рис. 41). Возможно, в третьей сцене могло быть расположено изображение бога вина и производящих сил природы Куверы. Судя по находке штампа в Куве, образ его, видимо, был популярен в Фергане. Виноградарство и виноделие здесь было широко развито с глубокой древности.

Заключение

Лумбитепинская чаша с налпными изображениями – это уникальное произведение местного искусства. Композиции сцен на ней представляют собой синтез античных, среднеазиатских и иранских традиций. Не вызывает сомнения, что чаша изготовлена в подражание металлическим изделиям, до нас не дошедшим, с которых коропласт, видимо, копировал сюжеты, внося изменения соответственно местным запросам. Изделия своих местных тореvтов были широко известны и, возможно, была своя школа тореvтики. Об этом позволяют судить китайские письменные источники (Шиц-зи, 140-135 гг. до н.э.): «В тамошних странах (от Давани до Аньси – Б.А.) нет ни шелка, ни лака, не умели отливать ни монеты, ни посуды, ...а когда получали от китайцев золото и серебро, то употребляли их на посуду, а не на монету» (Бичурин, 1950, с. 162). К сожалению, эти сведения настолько кратки, что по ним нельзя получить представлений об этих изделиях. Описанная чаша из Лумбитепы пока единственная и ее пока нельзя привлекать для характеристики местной тореvтики. Сцены на ней, наряду с античными традициями, имеют явное влияние согдийской школы коропластики и Хотана.

Говоря о назначении чаши, следует учесть то, что наличие на ней рельефных изображений исключает ее утилитарное использование. Сама форма чаши в виде полусферы – основная форма для сосудов культового назначения в греко-римский и сасанидский периоды (Тревер, 1940, с. 36, 74, 78, 83), а также имеющиеся на ней изображения божества, древа жизни, оберегов позволяют заключить, что рассмотренная чаша могла использоваться при отправлении культовых обрядов. Описанная чаша из Лумбитепы представляет собой ценный источник для изучения истории искусства Ферганы эпохи раннего средневековья.

Примечания

¹ Исключения представляют антропоморфные алебастровые идола, найденные как в поселениях, так и в погребениях, связанные с погребальным культом и культом предков (Брыкина, 1982, с. 88-116. См. там же и сводку литературы по данному вопросу), а также миниатюрные высотой приблизительно 2-3 см фертообразные фигурки человека из бронзы, происходящие из погребений, которые также связаны с погребальным культом. В Фергане они известны с первых веков нашей эры (Баруздин, 1961, с. 62). Обычай класть в погребение с покойником антропоморфную фигурку известен на обширной территории: от Приаралья на севере (памятники джетыясарской культуры), на Северном Кавказе и в Крыму (Левина 1968, с. 167-171. См. там же сводку литературы по данному вопросу (Stein, 1928, V. III, LXXXIX). Аналогичные фигурки найдены и в Пенджикенте (Беленицкий, 1959, с. 100, рис. 10). Исследователи считают их амулетом (там же, с. 100) и культовым предметом (Левина, 1968, с. 177).

² Кубок из Тиритаки, как отмечает М.А.Наливкина, ссылаясь на публикацию F. Courby (1922, p. 441, fig. 94), совершенно идентичен кубку из музея Равестейна. На обоих кубках в технике штампа воспроизведены шесть одинаковых подвигов Геракла, что позволяет предполагать, что оба кубка изготовлены в одном керамическом центре и в одной мастерской из одной формы (Наливкина, 1958, с. 315). По мнению М.А. Наливкиной, местом изготовления кубка из Тиритаки и ему подобных мог быть один из малоазийских городов, может быть Пергам, который начал выпускать свою продукцию в эллинистический период, продолжал производить и в первые века нашей эры, снабжая краснолаковой посудой города северного Причерноморья (Наливкина, 1958, с. 316).

³ Пользуясь случаем, выражаю Dr. Chhaya Bhattacharya-Haesner свою глубокую благодарность за оказанную мне помощь в интерпретации полуфигуры.

⁴ Здесь нет надобности останавливаться на результатах археологических исследований буддийских памятников на территории упомянутых городищ, поскольку об этом имеется обширная литература.

⁵ Монета была найдена в 1937 г. в приамударьинской части городища Старого Термеза. Она хранится в Термезском музее (Зеймаль, 1983, с. 192, 196). Л.И. Альбаум при описании живописи

святилища Фаязтепа с изображениями стоящих Будд для характеристики привлекает монеты Канишки с иконографическим типом стоящего Будды с нимбом и ореолом, однако без указания количества монет, места их находки и хранения и без ссылки на источник (Альбаум, 1990, с. 22).

⁶ Можно было бы предположить, что здесь помещен еще один из подвигов героя, как это было с изображением Геракла. На памятниках торевтики и прикладного искусства количество их варьировалось обычно от одного до шести-семи, что было связано с формой и размером изделия, на котором следовало поместить изображение. Выбор подвига, видимо, зависел от желания заказчика или это был замысел самого короля. На кубке из Тиритаки запечатлено шесть подвигов Геракла, а на кубке из Александрии – семь (Наливкина, 1958, с. 313). На светильнике из Херсонеса (юго-западный Крым) – Геракл с ланью (Щеглов, 1964, с. 10, рис. 3), на светильнике (первая половина II в. н.э.) из Афрасиаба (Самарканд) – Геракл в борьбе с гидрой (Ставиский, 1964, с. 179, рис. 25). На рукояти меча из слоновой кости (IV-III вв. до н.э.), найденной в храме Окса (Южный Таджикистан) – борьба Геракла с Силеном (Пичикян, 1986, с. 267-268, рис. 2а, б). С другой стороны, арки такой, как в сцене героя с кабаном, здесь не было, следовательно, и другого подвига героя здесь быть не могло, поскольку на памятниках с изображением подвигов Геракла в арках, каждый подвиг помещался в отдельной нише и все они имели одинаковую форму арки (Блаватский, 1941, рис. 3, 4), или не ограничивались нишами, а следовали один за другим, как на кубках из Тиритаки, Александрии, Равестейна (Наливкина, 1958, рис. 4, 5), на плите из Херсонеса II в. н.э. (Белов, 1940, с. 287, рис. 17). Исходя из вышеизложенного, можно прийти к заключению, что на чаше был изображен только один подвиг героя.

Использованная литература

- Абдуллаев К., Завьялов В.А. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зартепа) // *ВДИ*, 1985, № 4.
- Абдулгазиева Б. Легенды и мифы на шелковом пути // Самарканд шахрининг умумбашарий мадания тарихида тутган урни. Тошкент-Самарканд. 2007.
- Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Т., 1960.
- Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // *Изобразительное и прикладное искусство*. Т., 1990.
- Аскарлов А.А. Саполлитера. Т., 1973.
- Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента // *МИА* № 66. М.-Л., 1958.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // *МИА*. № 26. 1952.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., т. 2, 1950.
- Bhattacharya G. The Buddhist Deity Vajrapani // *SRAA*, v. 4. 1995/96.
- Блаватский В.Д. Акарнанские бронзы Лисиппа // *СА*, 1941, № VII.
- Блаватский В.Д. Античный город. М., 1961.
- Булатова В.А. Бронзовый штамп из Кувы VII - VIII вв. // *ИМКУ*, вып. 4. Т., 1963.
- Вальдгауер О.Ф. Мирон. Берлин, 1923.
- Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Работы в районе строительства Центрального Ферганского канала // *Археологические открытия 1967 года*. М., 1968.
- Горелик М.А. Кушанский доспех // *Древняя Индия*. М., 1982.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // *ВДИ*, 1996, № 2.
- Грене Ф. Интерпретация декора оссуария из Биянаймана и Мианкаля // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда*. Т., 1987.
- Дьяконова Н.В. Буддийские памятники Дунь-Хуана // *Труды отдела истории, культуры и искусства Востока*. Т. IV. Л., 1947.
- Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Хотана // *СГЭ*, вып. XVII, 1960.
- Дьяконова Н.В. Буддийская иконка из собрания Петровского // *СГЭ*, вып. XIX, 1960а.
- Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Каталог. Л., 1960.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // *МИА*, 24, 1952.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983.

- Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Кабанов С.К. Нахшебские монеты V-VI вв. н.э. // ВДИ., 1961, № 1.
- Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. Т., 1981.
- Карев Ю. Статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары из Самарканда // ВДИ, 1998, № 1.
- Courby F. Les vases grecs et reliefs. Paris. 1922.
- Cribb J. Kanishka's Buddha image coin revisited // SRAA, v. 6. 1999/2000.
- Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И. Погребальные памятники // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1985.
- Лосева И.М., Дьяконов М.М. Искусство древнего Ирана // Всеобщая история искусств. М., 1956.
- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Маршак Б.И. Панно со сценой битвы героя с чудовищем // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе. 1985.
- Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе. 1977.
- Мешкерис В.А. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978.
- Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе. 1989.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I - X вв.). М., 2002.
- Наливкина М.А. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА, 85, М.-Л., 1958.
- Негматов Н.Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977.
- Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.-Л., 1935.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.
- Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Т., 1987.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Т., 1960.
- Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Буддийское святилище в загородной зоне // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.
- Reinach S. Repertoire des vases peints Grecs et etrusques. Paris. Vol. 1. 1899, 1900
- Quagliotti A/M/. A Relief in the British Museum: «Oblique» Representation of Cakra Combined with the Knees of the Buddha and Related Problems // SRAA, v. 4. 1995/96.
- Ртвеладзе Э.В. Культурное значение изображения руки в древней и раннесредневековой Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов междунар. науч. конф. М., 1998.
- Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, С.-Пб., 1909.
- Сорокин С.С. Керамика древнего Хотана // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 13, Л., 1961.
- Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. II. Plates. Oxford, 1907.
- Tanabe K. Vishvakarman in Gandharan Art (Another Anthropomorphic Image of the God Identified) // SRAA. V. 4. 1995/1996.
- Tanabe K. Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers // SRAA. V. 7. 2001.
- The Art of Central Asia. The Stein Collection in the British Museum. V. 3. Textiles, Sculpture and Other Arts. London, 1985.
- The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. The Sea Route / Nara. 1988.
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.
- Faccenna D. Excavations of the Italian Archaeological Mission (IsMEO) in Pakistan: Some Problems of the Gandharan Art and Architecture // Central Asia in the Kushan Period. Vol. 1. Moskva. 1974.
- Фирдоуси. Биджен отправляется на битву с вепрем // Фирдоуси. Шахнаме, Т. 3. М., 1965.
- Фрай Р.Н. Наследие Ирана. М., 1972.
- Щеглов А.Н. Подвиги Геракла. Л., 1964.
- Weitzman K. Three «Bactrian» Silver Vessels with Illustrations from Euripides // The Art Bulletin. Dek. 1943, Vol. XXV, 4.

ТРАДИЦИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА В АНТИЧНОЙ ГЛИПТИКЕ НАХШЕБА

(По материалам городища Еркурган и его округи)

Чем более мы углубляемся в изучение культуры Южного Согда – территории, занимающей современную Кашкадарьинскую область Узбекистана, тем более утверждаемся в мысли, что культурные комплексы, сложившиеся здесь в эпоху поздней античности, включая и памятники художественной культуры, мало общего имеют с согдийским искусством и тяготеют скорее к искусству западных и южных соседей – Бактрии, Маргианы, Парфии. Это в полной мере выражается в нумизматическом материале, в произведениях мелкой пластики, в образах монументальной¹ живописи и скульптуры, и, хотя объем настоящей статьи не дает возможности отразить все формы изобразительного искусства, даже строго ограниченный круг образов выбранной нами категории может дать представление о сложности и неоднозначности процессов, влияний и течений в художественной культуре этого региона.

Интересны в этом отношении некоторые наблюдения, сделанные М.Е. Массоном. В 1970-ые годы им была выдвинута остроумная идея о том, что в долине Кашкадарьи в эпоху поздней античности (III-IV вв. н.э.) правила одна из ветвей аршакидской династии (Массон, 1977). Свою гипотезу ученый строил в основном на анализе монетных находок с изображением головы правителя влево и сценой единоборства героя с хищником, а также легенды, выполненной «парфяно-согдийским письмом», передающей имя или, скорее всего, эпитет *Vohumazdai* («Добрый маздиец» (Drouin, 1899, pl. V, fig. 9, 10; Кабанов, 1973, с. 163, 164, 170, прим. 12, 13). Вторым решающим доводом в аргументации М.Е. Массона был анализ письменных источников, преимущественно армянских историков (Агафангел, Егише, Бузанд), упоминающих среди прочих партевов (парфян) и маскутских. Последних автор связывает со среднеазиатскими массагетами (Массон, 1973, с. 18); ссылаясь на труд Н.О. Эмина, он отмечает «наличие у них упоминаний о великом царе кушанов Аршакиде, об относящемся к 228 г. первом упоминании кушанской ветви Аршакидов и о войнах Сасанидов с кушанскими царями Аршакидами, династия которых еще существовала в середине IV в.» (Массон, 1977, с. 136-137).

Возвращаясь к монетам, локализация которых падает на долину Кашкадарьи, следует отметить, что М.Е. Массон не соглашается с определением этих монет, выдвинутым С.К. Кабановым (Кабанов 1961; 1973) как «нахшебских», считая спорным отождествление городища Еркурган с Боло и Нахшебом (Массон, 1977, с. 137). Недавние открытия письменных документов ахеменидского времени (коллекция Халили) позволили по-новому взглянуть на историческую географию Южного Согда. В частности, в одном из документов, написанных арамейским письмом, упоминается Ахвамазда – сатрап Бактрии, в ведение которого входила обширная территория по обе стороны Окса, включая и Согд. Среди городов, перечисленных в этом документе, названы и два отдаленных города под названием Накшапайя и Киш, которые согласуются с Нахшебом и Кешем (Shaked 2003, p. 1529). Документ этот относится ко времени похода Александра на территорию Бактрии и Согда, еще конкретнее – к событиям, связанным с преследованием

Бесса после убийства последним ахеменидского царя Дария III и провозглашении себя Артаксерксом (Курций Руф VI. 6.13). Долина Кашкадарья не только в культурном, но и в административном отношении более тяготела к Бактрии и Парфии, нежели к Согду.

Аналогичная ситуация вырисовывается при описании политических событий еще более раннего периода, связанных с борьбой двух мощных государственных образований, когда Нахшеб оказался на границе между Бактрией и Парфией. "Они (парфяне – К.А.) захватили часть Бактрианы, оттеснив скифов и еще раньше Евкратида и его сторонников." (Strab. XI, XI, 2). Одной из неудач греко-бактрийского царя Евкратида стала потеря Аспиона и Туриву – сатрапий, которые были созданы греками после захвата этих областей (область эта названа Страбоном после упоминания Бактр, называемых также Зариаспами – "через которые протекает одноименная река, впадающая в Окс"), "Дарапса и некоторые другие". К последним автор добавляет также Евкратидею, "названную по имени бывшего ее правителя" (XI, XI, 2). Парфяне, по сообщению Страбона, владели также "Согдианой, расположенной выше Бактрианы по направлению к востоку, между рекой Оксом, отделяющей страну бактрийцев от Согдианы, и рекой Иаксартом».

О напряженных отношениях между Бактрией и Парфией сообщает и Помпей Трог устами Юстина, описывающего трудное положение бактрийцев, утомленных бесконечными войнами и уступивших победу более мощному противнику в лице Митридата I (Аршака V) (XLI, 6 (1-3)).

Регион Южного Согда (придерживаясь старой терминологии) включает в себя два наиболее значительных земледельческих оазиса, простирающихся в долинах Кашкадарья – Кеш (современный Шахрисабзский оазис) и Нахшеб (Каршинский оазис). Между ними тянется обширная степная равнина, которая в древности орошалась водами стекающих с северных склонов Гиссарского хребта протоков. Главной рекой этой области была Кашкадарья, в бассейне которой располагалась основная масса поселений, как крупных, так и мелких. Ныне вдоль русла реки можно видеть возвышающиеся руины некогда цветущих земледельческих поселений.

Наиболее значительным археологическим памятником Каршинского оазиса является Еркурган, откуда происходит большинство предметов нашего исследования. Археологическое изучение городища Еркурган осуществлялось на протяжении ряда лет под руководством Р.Х. Сулейманова, издавшего результаты раскопок в своей фундаментальной монографии (Сулейманов, 2000).

Памятников глиптики Нахшеба на данном этапе изучения относительно немного. Но по своему художественному уровню и мастерству исполнения они занимают особое место в искусстве малых форм Средней Азии. В них, как мы отмечали выше, можно проследить различные направления художественной культуры, однако следует учитывать и другую особенность памятников глиптики (геммы-инталии, печати) – их мобильность. Порой они проделывают невероятно длинный путь, прежде чем найти свое окончательное пристанище.

Во всем многообразии стилей и сюжетов прослеживается нечто общее, указывающее на сложение художественной культуры региона и общественных вкусов. Первый предмет нашего исследования представляет собой **цилиндрическую печать** (рис. 1), изготовленную из камня мягкой породы, напоминающего нечто вроде серого глинозема, со слоистой структурой. Форма цилиндра про-

стая, без выделенных и орнаментированных краев. В профиль цилиндр имеет слабую вогнутость вовнутрь.²

Оттиск показал сложную, но несколько нечеткую композицию, представляющую (слева направо) ритуальную сцену с изображением стоящей фигуры, перед которой внизу, по всей вероятности, изображено нечто вроде алтаря. От последнего сохранилось основание и верхняя часть, имеющая конусовидную форму; она доходит до уровня пояса стоящей фигуры. Правее алтаря силуэт животного, вид которого определить трудно из-за нечеткости изображения. Возможно, что это изображение лошади, однако полной уверенности в этом нет. Видны передние конечности животного, выброшенные в беге вперед. На фоне животного, ближе к зрителю, стоит антропоморфная фигура, обращенная к алтарю и предстоящему персонажу. Задний фон заполнен аморфными рельефами небольших размеров, они сгруппированы таким образом, что отдаленно напоминают крону дерева.

Точную аналогию к этой композиции найти не удастся, однако сюжеты с вышперечисленными персонажами и животными, скорее всего, жертвенными, а также атрибутами наподобие алтаря напоминают цилиндрические печати нео-ассирийского стиля, которые относятся к периоду VI и датируются VIII-VII вв. до н.э. (Collon 1987, n 739, p. 205).

Гемма с изображением Зевса (рис. 2).

Гемма была извлечена из культурных слоев городища Еркурган. Она была найдена при раскопках храма, в переотложенном состоянии, «из верхних оплывших слоев кладок стен» (Сулейманов 2000, с. 74, рис. 199: 1). Гемма изготовлена из агата, на щитке в форме удлинённого овала по центру изображение обнаженной мужской фигуры, в руке длинный посох с горизонтальной перекладиной в верхней части, на которой сидит птица (орел). Несмотря на несколько приземистые пропорции туловища с чуть преувеличенной головой и длинными ногами, фигура выглядит гармоничной и атлетически сложенной. Параллельно краю щитка проходит неширокая орнаментальная полоса в виде лесенки (характерный признак этрусских гемм). Резьба выполнена на полосчатом агате; в нижней части на уровне бедер и ниже колен проходит матово-белая полоса. По пластической трактовке гемма во многом напоминает произведения этрусского искусства, в котором полосчатый агат является одним из наиболее любимых материалов этрусских камнерезов (Richter 1968, nn 819, 827, 796, 805, 783, 767, 759, 722). Сюда же следует добавить прекрасно выполненную голову с завитками пышной прически и бороды. Аналогичных изображений мы не встречаем ни в глиптике Средней Азии эллинистической эпохи, ни в других жанрах изобразительного искусства этого времени. Можно лишь упомянуть обнаженную бородатую фигуру Сараписа из Беграма (Афганистан) с палицей в правой руке и калафом на голове (Auboyer, Darbois 1968, 10 b). Некоторое сходство с изображением на гемме обнаруживает бронзовая статуя "эллинистического правителя", выполненная в классическом стиле и относящаяся к середине II в. до н.э. (Римский Национальный музей, Рим) (Biber 1955, fig. 685). Посох и птица, как известно из монетной иконографии эллинистического периода, являлись атрибутами верховного божества греков – Зевса. Следует назвать, в первую очередь, драхмы Александра с тронным изображением Зевса Этофора на оборотной стороне, причем божество держит птицу на вытянутой вперед руке, между тем как правая рука опирается на копье, последнее часто передается точечной линией. Изображение Зевса Это-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 8

фора представлено на ранних селевкидских монетах, в частности, в чекане Селевка I (серия I, группа A) и Антиоха I (серия I) (Newell, 1978, pl. I; XIII, 3-5, pl. II-V). Напомним также монету с Зевсом и Гераклом из Турткультепа, которая косвенно доказывает знакомство мастеров южносогдийского региона с сюжетами и персонажами греческой мифологии (Abdullaev, 2000).

Гемму из Еркургана можно интерпретировать как образ Зевса-Юпитера; согласно стратиграфическим условиям он датируется I в. до н.э., но, исходя из иконографических особенностей, можно предположить более раннюю дату. Мягкая моделировка обнаженного тела и детальная разработка мелких элементов изображения с попыткой их реалистического воспроизведения характерна для итальянских образцов эллинистического времени; форма геммы, ее оформление и компоновка характерны для этрусской глиптики; памятники этого круга датируются III в. до н.э. (Walters 1926, pl. 655, 667, 670; Richter 1968, 728, 731, 734, 747, 797; Furtwangler 1900, XVIII, 19, 21; Zazoff 1968, 101-103). Попасть в Среднюю Азию она могла разными путями, одной из наиболее вероятных кажется мысль, что она могла быть принесена римскими воинами, попавшими в плен во время сражения при Каррах в 53 г. до н.э., когда парфянские войска Орода I разгромили армию Красса.

Гемма с изображением триумфального шествия на слоне (рис. 3).

Вторая гемма-инталия представляет собой одно из ярких явлений в глиптике Средней Азии (Абдуллаев, Раимкулов, 1994, с. 50-58, рис. 1). Камень – кабошон размерами 21x18x5 мм, овальной формы, цвет близок к черному, на просвет фиолетово-красный – разновидность граната. Гемма служила вставкой для перстня. Она была найдена на раннесредневековом памятнике Кунджутлитепа, расположенном в 1,5 км к востоку от городища Еркурган, в слое, относящемся к VI – началу VII в.

Композиция, представленная на выпуклой стороне геммы, изображает сцену триумфального шествия: слон, шагающий влево с сидящим на шее погонщиком – карнаком и седоком на спине. Летящий позади обнаженный ангел венчает голову седока венком с длинными развевающимися лентами. В руке у карнака копьевидная палка с загнутым концом – анк; седок держит на его головой длинную изогнутую ветвь.

Лица персонажей показаны в профиль; отчетливо прослеживаются детали прически седока, волосы, закрученные валиком, широкие брови, пышные усы. Персонаж одет в длинную подпоясанную рубаху с длинным же рукавом. Низ одежды образует сбоку острый угол, подчеркнутый рельефными линиями, передающими форму складок; на седоке узкие облегающие шаровары и мягкая обувь, перехваченная у щиколоток ремешком. Фигура погонщика показана в более мелком масштабе. Его прическа из прямых волос, собранных на темени в округлый пучок, обнаженный торс, черты лица с большим выдающимся носом и крупными губами – все это говорит об его индийском облике.

В левой части геммы надпись, идущая вдоль изображения и вписанная в пространство от конца хобота слона до анка погонщика, т.е. вертикально. Надпись прочитана В.А. Лившицем и содержит одно слово, передающее, по всей вероятности, собственное имя владельца “b'gbr” – буквально “плод богов”. По палеографическим признакам надпись может быть датирована II-IV вв. н.э. Несмотря на условия находки, сопутствующий керамический и другой материал, гемма по иконографическим особенностям явно относится к более раннему времени.

Не останавливаясь подробно на круге аналогий, следует подчеркнуть, что сюжет, запечатленный на гемме, относится к известным мотивам сако-парфянского изобразительного комплекса (Srivastava A.K. 1972, pl. IV, 1-5; 7, 9, 11; V, 4; V, 6-8; VII-4; Mukherjee 1982, p. 22, pl. V, 25; Selwood 1980, pl. 3.11, p. 279-298, pl. 1-9), включая сюда и искусство римской империи, в котором четко запечатлены события, связанные с триумфальными шествиями и празднествами, где воспеваются доблестные герои-победители – императоры, полководцы (Bourgey, Deroyrot 1988, n 136; Mattingly 1965, p. 1, 19; 1, 7; 2, 9; Giard 1988, p. 111, 112, pl. V, 84).

Нет необходимости напоминать, сколь важное место в прокламативном и официальном искусстве Древнего Востока занимает тема прославления и обожествления царской власти. Как покажет последующий анализ памятников искусства Нахшеба, это положение полностью подтверждается. Обратимся к кругу памятников, хронологически и географически близких нашей гемме.

В юэчжийский период Бактрии и Согда тема венчания продолжает успешно развиваться во всех сферах художественной культуры. В официальном искусстве это наиболее отчетливо выразилось на выпусках монет Санаб-Герая, где фигура всадника венчается летящим божеством, в нашем случае Никой-Хваниндой. Следует отметить, что монеты Санаб Герая Кушана – одна из наиболее представительных серий на территории Бактрии юэчжийского периода (Зограф 1937; Давидович 1976, сс. 56-78; Зеймаль, сс. 149-157).

Из памятников кушанской Бактрии близка по своей композиционной схеме гемма, опубликованная в обширном труде по кушанской нумизматике Р. Гебля (Göbl 1984, pl. 177, 1). Что же касается такого сюжета композиции, как венчание, то уместно было бы напомнить сюжет на пряжке из некрополя Тиллятепа (Афганистан), где показана сцена шествия Диониса на грифоне (Sarianidi 1985, 77-79). Отмечу, что я склонен рассматривать тиллятепинский комплекс как памятник сако-юэчжийского характера, а не кушанского, как это делает автор. Рассматриваемый нами сюжет фиксируется и в массовой художественной продукции городского ремесла, к каковой относятся терракотовые изображения; показателен в этом отношении медальон из Халчаяна (Пугаченкова 1966, сс. 235-237). Круг памятников, привлеченных нами в качестве аналогий к композиции на гемме, хронологически смыкается на времени от I в. до н.э. до I – начала II в. н.э. Несмотря на то, что гемма была извлечена из раннесредневекового слоя, бесспорна ее более древняя датировка, учитывая, что произведения глиптики живут на протяжении длительного времени. Иконографические особенности геммы поднимают в то же время ряд вопросов, связанных с характером развития художественной культуры Нахшеба, где отдельные сюжеты в памятниках изобразительного искусства представляются на первый взгляд нетрадиционными и более всего ассоциируются с комплексами соседних Бактрии и Парфии. Культурные связи с последней, как на это указывает целый ряд образцов художественного ремесла, более глубоки и не ограничиваются, по всей видимости, кратковременными связями торгового характера или же миграциями религиозных паломников, представителей различных доктрин и сект.

Нахшеб в древние времена представлял, очевидно, зону интенсивных движений из Бактрии в Согд, как об этом свидетельствуют письменные источники. Об исторических связях и периоде владычества кушан аршакидской династии в Нахшебе упоминал в свое время Э. Друэн, впоследствии эта точка зрения была под-

тверждена и развита в работе М.Е. Массона (Массон М.Е. 1977, с. 131-137). На возможность существования в исторической судьбе Нахшеба династии парфян указывает также С.К. Кабанов, основывая в целом это предположение на особенностях изображений на монетных кружках, а также ряда памятников коропластического искусства (Кабанов 1981, с. 100-102). Сюжет триумфального шествия дополняет круг памятников искусства, принадлежащих среде сакских или парфянских племен, следующих по пути в Индию.

Оттиски гемм на керамике

Булла с изображением всадника и предстоящего жреца (рис. 4)

Один из интересных сюжетов в глиптике Южного Согда представляет булла, найденная в процессе раскопок еркурганского храма и которая датируется первыми веками нашей эры. Она небольших размеров (диаметр 3,5 см, высота 3), изготовлена из глины. Композиция вписана в квадратное поле. Слева в верхнем углу размещены лунарный и астральный символы, причем звезда шестилучевая.³ В левой половине и частично в центре размещена фигура главного персонажа композиции, а именно всадника, сидящего на животном, породу которого определить трудно. Возможно, что это изображение фантастического существа типа грифона, который, однако, отдаленно напоминает и верховое животное (верблюд, лошадь?). Близкое изображение можно видеть на монетах индо-скифского правителя Аза I (Mitchiner 1976, type 761). Однако монетные изображения показывают более четкие и характерные черты животного, как например, густую шерсть на изогнутой шее, показанную штриховыми линиями. Причудливо трактованные нижние конечности в виде раздвоенных и чересчур удлиненных копыт на булле из Еркургана склоняют к мысли, что это собирательный образ хищника кошачьей породы с небольшой круглой головой на выгнутой шее. Уши также круглой формы, едва различимо правое ухо, пасть широко раскрыта, нижняя челюсть прослеживается очень слабо. Животное стоит на длинных ногах, конечности вытянуты и напоминают лапы рептилий или фантастических хищников. Сзади хвост выступает низко от бедра в виде округлого рельефа, от которого, сужаясь, следует вниз. На уровне пояса всадника приторочен (скорее всего к седлу) длинный предмет, напоминающий по форме колчан. От верхней части назад развевается лента. Голова животного плохо различима, она округлой формы, если учесть широко раскрытую пасть и едва заметную нижнюю челюсть. У животного резко и неестественно выпяченная вперед грудь. Фигура всадника продвинута вперед, ноги вытянуты прямо; на нем приталенная рубашка или куртка, широкие штаны, заправленные в мягкую обувь. Ступня показана не горизонтально, а обращена носком вниз. Правая рука с зажатым в ней кнутом вытянута вперед как бы в покровительственном жесте. Голова трактована обобщенно, черты лица неразличимы. От макушки головы вниз свисает длинный «хвост», передающий, по всей вероятности, деталь прически или головного убора (убор типа парфянского башлыка с длинным «хвостом», свисающим за спину?). Правее перед всадником стоит другая фигура, облаченная в длинное, достигающее до пят одеяние. В правой руке персонаж держит глубокую чашу или кубок, в левой руке предмет вытянутых очертаний с загнутым внизу концом, напоминающим нечто вроде ритона. Голова этого персонажа покрыта убором полусферической формы, напоминающим кулах. Прическа показана в виде выступающего из-под убора валика волос; густая борода имеет заостренную спереди форму.

В целом композицию можно трактовать следующим образом. Левая фигура всадника верхом на фантастическом животном простирает над чашей в покровительственном жесте кнут, который в данном контексте символизирует власть. Вторая фигура, изображающая, скорее всего, жреца, получает как бы благословление царской или божественной власти и покровительства.

Обратимся к некоторым деталям композиции, которые могут способствовать в ее интерпретации. Изображение лунарного и солярного символов – не слишком распространенный мотив в среднеазиатском искусстве, который, впрочем, нельзя исключать (пример – монеты Сападбиза со львом и вышеописанными символами). Между тем наиболее часто эти символы встречаются в месопотамском регионе, причем с древнейших времен, позднее – в искусстве Парфии и сасанидского Ирана. Звезда подобной формы в искусстве древнего Востока символизирует богиню Иштар (греческая Астарта), которая трансформируется в различные божества, в том числе Анахит у ираноязычных народов. Географически наиболее близкую в аналогии дает серебряный диск с изображением Кибелы из Ай Ханума (Bernard 1969, p. 93-104, 102-103; Francfort 1984; Абдуллаев 1996, с. 56-57). Облик самого всадника – божества или царя с характерным покровительственным жестом более всего напоминает фигуры на монетных изображениях индоскифских правителей Азилеса и Аза II, изображенных также с вытянутым вперед кнутом (Mitchiner 1976, types 776, 777, 778-785; 814-829; 846-849; 853-859); позднее фигура всадника с покровительственным жестом простертой вперед руки изображается на монетах с легендой «Сотер Мегас» (Массон М.Е. 1950). Напомним, что длинный колчан, притороченный к седлу, можно видеть как в парфянском изобразительном комплексе (росписи Дура-Европос, Гиршман 1962, фиг. 62; граффити со сценой охоты на кабана, там же, фиг. 63) и особенно хочется подчеркнуть изображение этой детали на оттисках гемм из Нисы (Массон М.Е., Пугаченкова 1954, Bader A. 1996, fig. D, type 47; Mollo 2002, fig. 18, с.), так и сасанидском искусстве (Ghirshman 1962, fig. 116, 166, 198 и т.д.). Говоря об образе всадника, следует вспомнить «мервского всадника», запечатленного на монетах, чеканенных в Мерве (Средняя Азия в раннем средневековье, 1999, с. 245, таб. 1а, 12). Парфянские оттиски с изображением всадника из Нисы дают массу общих деталей для композиции на еркурганской булле. Это касается формы костюма, прически; в схожей манере трактована протома лошади с выгнутой назад шеей, маленькой головкой и выпяченной колесом грудью (рис. 5, 6). Весь облик всадника на булле из Еркургана и противостоящего ему персонажа сближается с парфянским изобразительным комплексом. Это объясняется следующими доводами: форма костюма более близка к парфянской; форма прически и головной убор⁴ также сближается с парфянскими изобразительными традициями. Сам сюжет более всего популярен для парфянской глиптики. Во всяком случае, данная композиция имеет явный прокламативный и в то же время

Рис. 11

культовый характер и близок по своей иконографии к ближневосточному изобразительному комплексу.

Три оттиска геммы с изображением бородатого персонажа на венчике сосуда.

Оттиски выполнены по внешнему краю венчика, имеющего форму прямоугольного в сечении валика и с выступающим с широким верхним краем, видимо, рассчитанным на крышку. Фрагмент керамического сосуда был найден в 1988 году при раскопках Хантепа (округа Еркургана) в помещении 10. Керамика довольно плохого качества с крупным помолом и неровным обжигом. Края излома розоватого оттенка, между тем как середина сероватого цвета, присутствует примесь песка, гипса и других включений. Три оттиска осуществлены в ряд по горизонтали. Судя по характеру оттиска, гемма была овальной формы, резьба была нанесена на выпуклую сторону. Размеры щитка геммы по оттиску 1,5 на 1,3 см. На оттисках изображена мужская голова в профиль вправо. Спереди по краю надпись, из которой различимы лишь 4 буквы.

Судя по графике надписи, она более тяготеет к парфянской письменности. Из-за плохого оттиска гемм буквы трудно различимы. Относительно четкий оттиск – левый крайний, другие два смазаны, а некоторые детали изображения расплывчаты. По этой причине мы даем описание по левому образцу.

Первое, что обращает на себя внимание на изображении – это своеобразная прическа из ровных округлых буклей, расположенных в четыре ряда и резко очерченная от виска вниз борода. Борода окладистая, имеет форму лопаты и резко выступает на фоне гладкой шеи. Между линией бороды и прической видна верхняя часть ушной раковины, ниже, примерно от уровня мочек свисает серьга округлой шаровидной формы с поперечной перекладиной в верхней части. Фактура бороды от нижней губы показана в виде тонких параллельных линий, следующих вниз. Губы довольно толстые, верхнюю украшают пышные усы. Черты лица крупные, большие глаза с тонко разработанными веками, прямой формы нос продолжает линию низкого лба. Голова посажена на мощную шею. В нижней части тонкой рельефной линией показан округлый разрез рубахи.

Судя по форме серьги, персонаж более всего тяготеет к сасанидскому изобразительному комплексу, вернее к его раннему этапу, т.е. III-IV вв. н.э. Короткая прическа в виде округлых буклей с массивной бородой более характерна для парфянской иконографии, хотя она могла существовать в промежуточный период смешения парфянских и сасанидских традиций. Во всяком случае, голова очень напоминает, например, бородатую голову Геракла.

Гемма-печать в форме двух пасущихся лошадей с мужским портретом

Случайная находка (район Чимкурганского водохранилища, Кашкадарьинская область). Сердолик красновато-оранжевого цвета, полупрозрачный в форме ложного перстня со сквозным отверстием по центру (высота печати 15,0 мм, ширина 19,0 мм). Оформлен в виде пасущихся лошадей, повернутых друг против друга (рис. 7). Проработаны уши, глаза, грива, копыта и т.д. Шея круто выгнута по контуру печати. Щиток овальной формы: 14,5x11,0 мм.

Мужской портрет в профиль вправо (на оттиске). На голове плотный облегающий убор с гладкой поверхностью, лишь по основанию округлые рельефы в один ряд. Удлиненное лицо с крупным носом и широким разрезом глаз. Заостренная вперед бородка с пышными усами. Волосы на затылке обозначены валиком. На мочке уха подвеска. Голова сидит на мощной длинной шее. Взгляд пря-

мой. На уровне переносицы шестиконечная звезда (рис. 8).

Первое, что поражает своей необычностью в этой печати – это ее форма в виде чрезвычайно умело скомпонованных фигур лошадей с опущенными книзу головами. Штрихи между головой и ногами означают траву, которую щиплет животное, как бы повернув голову назад. Точных аналогий к подобной форме найти не удалось. Что касается портрета мужчины, изображенного на овальном щитке, то его сильно вытянутое лицо также несколько необычно. Головной убор, украшенный округлыми рельефами (нашивные бляшки?) по основанию – довольно распространенная форма в сасанидской глиптике (Gignoux 1978, pl. VI, 3.17, IX, 4.9, Gyselen 1993, 20. B.1, 20. K.2; Gignoux, Gyselen, 1987, VI. 21). Однако подобная форма убора находит аналогии и в более раннем искусстве, например, персонаж на росписи из Кух-и Хвадже (Парфия), датированной 1-ым веком н.э. (Ghirshman 1962, fig. 16). Если брать внешний облик персонажа вообще, то характер строения головы во многом сближается с изображениями на монетах парфянских правителей и, в особенности, на монетах так называемых субаршакидов (Ород 3; рис. 10) (Vardanyan 2002, fig. 22, 5, 6, 10). Физический облик персонажа на гемме сближается также с образами на так называемых нахшебских монетах (рис. 9).

Серебряная подвеска с изображением крылатой Афродиты-Иштар (рис. 11).⁵

Сохранность: отколот правый бок от плеча до бедер. Максимальная высота подвески 34,5 мм; толщина 3,7 мм; вес 2,6 г. Подвеска покрыта черной патиной, на местах потертости – серебряный блеск. Тыльная сторона плоская и гладкая в нижней части, в верхней части головы и на месте крыла мелкие бугорки в виде наростов – результат окисления или дефекта при литье. Фигурка выполнена в технике литья. Сквозные отверстия имеются на месте сгиба руки, точнее, между запястьем и крылом, а также между плечом и талией.

Подвеска представляет собой прямо стоящую женскую фигуру в фас, в верхней части на макушке ушко со сквозным отверстием. Не исключено, что отверстия служили для подвешивания или крепления изображения к материи или другой основе.

Довольно причудливый головной убор в виде двух загнутых вперед рогообразных рельефов, передающих, возможно, пряди, расположенные симметрично надо лбом. Форма прически приближается к куафюрам трех женских божеств на рельефе из Хатры (La terra tra I due fiumi, 1985, n 236). Лицо овальной формы с широким разрезом глаз, маленьким ртом. Уши украшены подвесками. Груды переданы округлыми выступающими рельефами. От левого плеча отходят три параллельных завитка, обозначающие крыло. Запястья украшены браслетами. Левая рука от плеча до локтя плотно прижата к телу, кисть на высоте груди отставлена в сторону и держит атрибут – округлый предмет, скорее всего, яблоко. Правая рука сохранилась не полностью, ее кисть покоится на животе. У бедер рельефным треугольником выделен край одежды или диплоидия. Стройные ноги четко обрисованы от бедер до тонких ступней, несмотря на малые размеры фигурки, рельефы коленных чашек и икры моделированы довольно точно. Ниже колен контур фигурки расширяется, скорее всего это означает тонкое прозрачное одеяние, очень длинное и обильно драпированное в нижней части. Судя по иконографии, подвеска изображает крылатую богиню Афродиту. О том, что это образ Афродиты, свидетельствует также и атрибут в виде яблока. Многие элементы

изображения – прическа, поза, костюм – сближают подвеску с изображениями Афродиты ближневосточного региона, где она сливается нередко с Иштар (знаменитая фигурка Иштар – обнаженная с птичьими ногами, поднятыми руками и атрибутами – головной убор аналогичной формы). Крылатые обнаженные богини, иконография которых близка к греческой Афродите, встречаются и в бактрийском изобразительном искусстве. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть изображения из Тиллятепа. На одной из фигур, задрапированной складчатой тканью от пояса вниз, за плечами показаны крылья, верхние части которых как бы закручены аналогично подвеске из Кашкадарьи (Sarianidi 1985, fig. 99). Другая крылатая женская фигура из того же комплекса в левой руке держит плод (гранат?) (Sarianidi 1985, fig. 48, Сухарева, 1975, с. 32).

Для Средней Азии засвидетельствован обычай ношения идолов в качестве оберега. Наршахи (X в.) сообщает, что в Бухаре, уже после введения там ислама, ежегодно проводились ярмарки, на которых продавались идола, и всякий, кто потерял своего идола или хотел заменить обветшавшего, покупал там себе нового. Из этого вытекает предположение, что идолов носили на себе. В другом месте Наршахи говорит об идолах, вытесанных на дверях замков, что также имело, несомненно, значение оберега» (Наршахи, пер. Лыкошина, Таш., 1889, с. 30, 64).

Еще одно свидетельство о ношении идолов в качестве оберегов встречается в сочинении XVI в. «Рашахот», содержащем жизнеописание известного суфия Ходжа Ахрара. Источник рассказывает, что когда узбеки осадили город, где находился Ходжа Ахрар, он вышел к ним и «своей проповедью обратил их в мусульманство, и тогда они сняли с шеи своих идолов и побросали их» (Собрание восточных рукописей АН Уз ССР, т. 3, №№ 2495-2516).

Об этом же свидетельствуют наблюдения, сделанные О.А. Сухаревой: «память об обычае носить с собой изображение духов-покровителей или божеств, по-видимому, сохранилась в названии женского украшения – *хайкал*. В разных местах эти украшения имели неодинаковые формы: в Самарканде и Ташкенте это были крупные нагрудные медальоны (иногда крестовидные, напоминающие своим силуэтом человеческую фигуру». Название всех этих украшений, имеющее значение «статуя» (хайкал – араб. – храм, алтарь, в таджикском и узбекском издавна получило значение «идол», «статуя»; в толковом таджикском словаре приводится в качестве примера строка из стихотворения Джалоллидина Руми («кофиронро хайкале буд едгор»), из которой явствует, что такое значение термин имел уже в XV веке (Фарханги забони тоджики», М., 1969, т. 2, с. 718). В узбекско-русском словаре (М., 1959, с. 649) дано значение «статуя», «скульптура», что свидетельствует, что речь идет о какой-то статуэтке. Миниатюрная фигурка, видимо, изготовлявшаяся из металла, в Самарканде и Ташкенте помещалась в центре ожерелья (Сухарева, 1975, с. 33).

Примечания

¹ Наиболее раннее упоминание о стране Наутаке в Согдийской земле, получившей это название по имени своего главного города, мы находим у греко-латинских авторов, освещающих поход Александра Македонского в Согдиану (Ναυταξιδ, τῆς Σογδιανῆς χώρας или regio Nautaca). Однако не следует забывать, что для историков и географов Александра Согдиана начиналась с правого берега Окса.

² Размеры печати: высота 18 мм, диаметр 12 мм, диаметр отверстия 5,5 мм. Печать найдена в на Еркургане в 1979 году на раскопе 26, III ярус. Хранится в фондах Института археологии (Самарканд), шифр *Ко 3-к-1-189*.

³ Едва заметная извилистая рельефная линия, происходящая в верхней левой части звезды, является, на мой взгляд, случайной, так как не соответствует другим лучам ни по размеру, ни по очертаниям.

⁴ Близкую форму головного убора с длинным хвостом, спускающимся назад на спину, можно также видеть на одном из оттисков с изображением двух противостоящих персонажей (Mollo 2002, fig. 18, h)

⁵ Подвеска найдена случайно в зоне затопления Чимкурганского водохранилища в октябре 2005 года.

Использованная литература:

- Абдуллаев К. Эллинистическая традиция Согда и Бактрии // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1996, с. 52-60.
- Абдуллаев К., Раимкулов С. Гемма со сценой триумфального шествия из Кунджутлитепа // *ВДИ*, 1994, № 2.
- Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца "Герая". *ВДИ*, 1976, п 6, с. 56-78.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, с. 149-157.
- Зограф А.Н. Монеты "Герая", Т., 1937.
- Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей» – «великого спасителя». *Труды САГУ*, вып. 11, Т., 1950, с. 11 – 49.
- Массон Е.М. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ 1965-1966 гг.). Т., 1973.
- Массона М.Е. Парфяно-согдийские монеты долины Кашкадарьи. История и культура античного мира. М., 1977, с. 131-137.
- Масон М.Е., Пугаченкова Г.А. Оттиски печатей из Нисы. *ВДИ*, 1954, № 4.
- Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда. III-IV вв. н.э. Т., 1981, с. 100-102.
- Пугаченкова Г.А. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. *ВДИ*, 1962, п 2, с. 88-95.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху раннего средневековья. Под ред. Г.А. Брыкиной // Археология. М., 1999.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Т., 2000.
- Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Фарханги забони тоджики, М., 1969, т. 2.
- Узбекско-русский словарь. М., 1959.
- Abdullaev K. The Coin with Herckule representation from Kashkadarya. *Parthica*, 2000.
- Auboyer J., Darbois D. Umeni v Afghanistanu. *Artia*. 1968.
- Bader A.N. Little-known Materials of Parthian Sphragistics and Epigraphy (Sealings from Od Nisa, Turkmenistan) // *BCH. Archives et Sceaux du Monde Hellenistique*. Torino, Vikka Gualino, 13-16 Gennaio 1993. Paris, 1996, p. 395-401.
- Bernard P. Campagne de fouilles. 1969. Ai-Khanoum, *CRAI*, 1970.
- Biber M. The sculptures of the Hellenistic age. Columbia University Press: New York, 1955.
- Bourgey S., Depuyrot G. La Republique Romaine. Collections numismatiques. Edition France, Paris, 1988.
- Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. British Museum Publications. 1987.
- Drouin E. Les monnaies des Grands Kouchans posterieurs // *Revue numismatique*, 1899.
- Francfort A.-P. Le sanctuaire de temple a niches indentees. Vol. 2. Les trouvailles. // *MDAFA*, t. XXVII, Paris, 1984.
- Furtwangler A. Die Antiken Gemen. Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. Leipzig-Berlin. 1900.
- Giard R.B. Catalogue des monnaies de l'Empire Romain. T.II, Paris, 1988.
- Gignoux Ph. Catalogue des sceaux, camees et bulles sasanides de la Biblioteque Nationale et du Musee du Louvre. II. Les sceaux et bulles inscrits. Paris, 1978.
- Gignoux Ph., Gyselen R. Bulles et sceaux sassanides de diverses collections. Paris, 1987.
- Gyselen R. Elements de decors dans l'art sassanide: les a dos decorees // *Studia Iranica*, 22, 1993, p. 15-48.
- Göbl R. System und Chronologie der Munzprägung des Kusanreiches, Verlag der Osterreichischen Aka-

- demie der Wissenschaften, Wien, 1984.
La terra tra I due fiumi. Torino, 1985.
Mattingly M.A. A catalogue of the Roman coins in the British Museum. London, 1965.
Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 6. London, 1976.
Mukherjee B.N. Kusana Silver coinage. Calcutta, Indian Museum, 1982.
Mollo P. Le sigillature di Nisa Vecchia. *Parthica* 3. 2001. Pisa-Roma, 2002, p. 159-210.
Richter G. Engraved Gems of the Greek and Etruscans. Phadon, London, 1968.
Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Leningrad, 1985.
Srivastava A.K. Catalogue of Saka-Pahlava coins of North India. Lucknow, 1972.
Selwood D. An introduction to the coinage of Parthia. London, 1980.
Vardanyan R. Tendenze culturali e ideologiche nell'impero portico. *Parthica* 3. 2001. Pisa-Roma, 2002, p. 25-132.
Walters H.B. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos. Greek Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1926.
Zazoff P. Etruskische Skarabaen. Verlag Philipp von Zabern, Mainz am Rhein, 1968.

Казим Абдуллаев, Амридин Бердимуратов
Узбекистан

МОНЕТА ДИОДОТА ИЗ МУМИНАБАДА (Ургутский район Самаркандской области)

Монета доставлена в Институт археологии в марте 2010 года жителем кишлака Муминабад Ургутского района Самаркандской области. Со слов принесшего, она была найдена в процессе рыхления виноградника, расположенного в южной оконечности Муминабада. Местность пока еще не подвергалась археологическому изучению.

Монета представляет собой медный дихалк. Состояние удовлетворительное, лишь справа в нижней части гурт разъеден коррозией. Дм. 22,6 мм, толщ. 3,1 мм. Вес 7,9 г. Гурт слегка закруглен. Хранится в фондах Института археологии.

Л.с. Голова бородатого Зевса в лавровом венке вправо. Изображение заключено в круг из мелкой зерни.

Об.с. Фигура бегущей вправо Артемиды, держащей в обеих руках длинный факел наперевес. Богиня одета в короткую, доходящую до колен тунику. За спиной видна верхняя часть колчана. В нижнем поле у ног богини размещена фигурка бегущей собаки вправо. Легенда в две строки по вертикали: справа ...Α-ΣΙΛΕ ΟΣ, слева ΔΙΟΔΟΤΟΥ. Зернь по кругу. Соотношение осей 180°.

Медные монеты аналогичного номинала с изображением бородатой головы Зевса (вправо) на аверсе и бегущей вправо фигуры Артемиды с факелом наперевес из коллекции Британского музея приводит в своем каталоге Митчинер (Mitchiner 1975, p. 44, type 82). Эти монеты, как правило, не имеют знаков монетного двора и предположительно связываются с Бактрами (Mitchiner, 1975, p. 44). Следует отметить, что Митчинер из 5 приведенных монет не выделяет тип, где Артемиду на реверсе сопровождает бегущая собака (монета слева в верхнем ряду). На это обратил внимание в своем сводном каталоге Национальной Библиотеки О. Бопеараччи (Bopéarachchi, 1991, с. 151, прим. 22).

Если брать в целом, то медные монеты (халки) царя Диодота на территории Согда можно охарактеризовать как относительно редкие, но достаточно хорошо представленные. Несколько сложнее обстоит дело с датой выпуска этих монет, хотя не будет большой ошибкой, если поместить их между правлением двух Диодотов, т.е. 250-230 гг. до н.э.

Из достоверных находок на Афрасиабе, обнаруженных в восточной части городища, можно привести халк, атрибуция которого не совсем ясна из-за плохой сохранности (Наймарк, 2005, с. 130, прим. 103). Он может относиться, скорее всего, к медным эмиссиям селевкидов (Антиох 1 или Антиох 2), и в меньшей степени к чекану Диодота I.

Помимо Афрасиаба¹ и Самаркандской области, халки Диодота были обнаружены в Туркмении на Гяуркале (Старый Мерв, Массон М. 1970, с. 20). В Кашкардарьинской долине халки были найдены на Сегиртепа (Ртвеладзе, 2002, с. 97), а также в слоях городища Еркурган (Диодот с именем Антиоха? Еркурган. А-16, помещение 8 (Институт археологии, Самарканд, к-254; Баратова, 2000, с. 131, таб. I, 1).

Находки рассматриваемых монет, происходящие из археологических памятников к северу от реки Амударья, локализуются преимущественно на террито-

рии Северной Бактрии – Шахринау (две тетрадрахмы); два халка и дихалк были найдены на Тахти Сангине в кушанских слоях (Зеймаль 1983, сс. 43-44), а также на Кампыртепа – два халка (Ртвеладзе, 2002, с. 97)². Следует упомянуть медные монеты Диодота, найденные в процессе раскопок Тахти Сангина – это халк с головой Гермеса в петасе на аверсе и стоящей фигуры Афины на реверсе (найдена в 1978 году), такие же монеты были найдены в 1979 году и в 1983 году (Зеймаль, 2000, №№ 155, 319, 336). Две медные монеты Диодота происходят с городища Старого Термеза (Массон М., 1933, сс. 7-8).

Серебряные монеты царя Диодота с памятников, расположенных к северу от Амударьи, связаны с находками кладов. Один из них был обнаружен в процессе выборки грунта на памятнике Тахмачтепа, наиболее ранние слои которого относятся ко II-I вв. до н.э. (Бухарская область) и включал в свой состав пять тетрадрахм Диодота (Ртвеладзе, Ниязова 1984; Курбанов, Ниязова 1989; Ртвеладзе 2002, с. 99).

Другим кладом эллинистических монет, содержащим в своем составе монеты Диодота, был клад из Куляба, в котором насчитывалось несколько монет с именем Антиоха II: 4 тетрадрахмы, 7 драхм, 1 гемидрахма. С именем Диодота – 2 тетрадрахмы 8 драхм (по аттическому весовому стандарту).³

В данном сообщении мы не ставим целью дать полную сводку монет двух Диодотов, найденных к югу от реки Амударьи-Окса⁴, так же как и коллекций монет ведущих музеев.⁵ Находки этих монет на территориях, прилегающих к древним Бактрам – резиденции греко-бактрийских царей, где располагался их монетный двор (Newell, 1978) вполне понятны и оправданы. Несколько в ином ракурсе можно рассматривать локализацию этих монет к северу от реки Амударьи-Окса. Находки этих монет на памятниках, расположенных в Согде, включая и Южный, а также на памятниках Маргианы, могут указывать на сферу экономического и политического влияния в период правления Диодота. Об обширности территории государства Диодота может свидетельствовать в какой-то мере эпитет, которым наделяет его Юстин – Помпей Трог, называя его «правителем тысячи городов». Мы можем уже с большей долей вероятности говорить не только о начальном этапе денежного обращения, но и, учитывая хождение медного номинала, о его развитии в Средней Азии. С захватом власти Диодот получает не только территорию «верхних сатрапий» селевкидской державы в пределах бывших границ империи, но и систему денежного хозяйства. Это выражено в полной мере как в сохранении аттического стандарта весовой категории монет, так и их метрических особенностей и номиналов. Меняется лишь идеологическая подоплека, выраженная в новой символике и изображениях, которые сообразуются с пропагандой новой династии.

Границы государства Диодота в ранний период его правления, по всей видимости, еще сохранялись в пределах селевкидской империи. Они могли предположительно соотноситься со старой Бактрийско-Согдийской сатрапией. Западная граница могла пролегать между Маргианой, которая была западным районом, Бактриано-Согдианой и Гирканией, которую Юстин упоминал как одно из завоеваний Аршака.

Парфяно-бактрийская граница могла лежать вдоль водораздела, отделяющего Мургаб (Маргуш) – реку Маргианы от Гери Руда (Арий) или же границей могла быть сама река Арий, где, по Полибию, Евтидем ожидал атаки Антиоха. Парфяно-бактрийская граница вряд ли сильно изменилась до нашествия номадов, если

не считать небольших завоеваний Парфии в период правления Евкратиды, когда к последней отошли сатрапии Аспион и Турива (Абдуллаев, 1999, с. 6-7).

Река Яксарт вместе с пустыней Кызылкум образовывали северную и северо-восточную границы Согдианы⁶, между тем как Памир, Гиндукуш ограничивали пределы Бактрианы с южной стороны. Из наиболее значительных археологических памятников, в силу ограниченности объема статьи, можно привести лишь некоторые, которые могли представлять собой урбанистические центры с оборонительными стенами, заключающими внутригородское пространство. Центральная часть Согдианы представлена наиболее выдающимся и наиболее изученным в археологическом плане городищем Афрасиаб, слои которого Афрасиаб-2а и 2б хронологически укладываются в период развития эллинистической культуры, включая правление Диодота.⁷ Из относительно недавно исследованных раннеантичных поселений можно упомянуть Бойсаритепа (около Сазагана Самаркандской области), во время раскопок которого были найдены тетрадрахма Селевка и халк Антиоха. Поселение расположено на стратегически важном участке, на возвышенности, удобной для обозрения как дороги, так и степной зоны. Название степи «Искандер чуль», сохранившееся в устной традиции, ассоциируется со «Скифской пустыней», упоминаемой у Флавия Арриана в его «Анабасисе» (Абдуллаев, 2006). Не исключено, что поселение выполняло и определенные функции военного характера (наблюдательный пост) наподобие катойкии.

Далее в южном направлении одним из наиболее крупных городищ долины Кашкадарьи является Еркурган (Сулейманов, 2000), который можно отождествить с Ксениппой античных авторов. Напомним, что здесь в слоях был найден халк Диодота.⁸ После Железных ворот отметим относительно недавно исследованные памятники раннеэллинистического периода, выполнявшие наблюдательную и оборонительную функции. К ним относятся Паенкурган, расположенный примерно в 12 км к востоку от Железных ворот; нижние слои его датируются концом IV- началом III до н.э. (Abdullaev, 1999) и Курганзол этого же времени и расположенный также в Байсунском районе Сурхандарьинской области (Сверчков, 2005).⁹

Наиболее значительным городом Маргианы в период правления Диодота была Антиохия Маргианская (Мерв), основанная селевкидами на реке Маргуш (Мургаб). В эту эпоху, она, по всей видимости, являлась самым крупным центром урбанистической культуры региона (Усманова, Филанович, Кошеленко, 1985). Из памятников побережья Средней Амударьи можно назвать поселение

Мирзабеккала, слои которого датируются III-II вв. до н.э. (Пилипко, 1985). Все вышеперечисленные города и поселения, а в количественном отношении они далеко не исчерпывают себя, так или иначе функционировали в период становления и развития греко-бактрийского государства, первым царем которого был Диодот.

Точная дата провозглашения Диодотом своей независимости является предметом оживленного спора ученых на протяжении длительного времени. Спор этот возникает при сопоставлении данных нумизматики с античными текстами (Полибий XI, 39, 2; Страбон XI, 9, 2; Арриан Парфика, фрагмент 1; Юстин XLI, 4), как правило, имеющими противоречивый характер и повествующими о восстании в Бактриане. Исследователи колеблются между верхней датой конца правления Антиоха II (около 250 г. до н.э.) и нижней датой правления Селевка II (около 239 г. до н.э.). Отметим сразу одну особенность, которая выявляется при анализе нумизматического материала. Для Средней Азии характерно хождение монет Антиоха II, а не Селевка II. Это дает основание полагать, что события, происходящие в Бактрии до укрепления власти Диодота, связываются с правлением именно Антиоха II и, возможно, тем кратким промежутком времени междуоубных войн, когда к власти приходит Селевк II. И именно на эмиссиях царя Антиоха II можно видеть последовательную иконографическую трансформацию и изменение легенды. Интересно в связи с этим отметить неопубликованную монету из Берлинского музея, которую приводит О. Бопеараччи. Бронзовая монета с именем Диодота и типом реверса, аналогичным публикуемой в настоящем сообщении монете, т.е. фигурой Артемиды-охотницы с факелом вправо. В сочетании с этим, казалось бы, обычным для этого царя изображением, совершенно неожиданной предстает лицевая сторона с портретом царя Антиоха вместо головы Зевса. О. Бопеараччи считает этот чекан в бактрийском монетном дворе следствием сохранения штемпеля лицевой стороны еще старого образца с портретом Антиоха II (Voreagachchi 1991, p. 42). К тому времени, когда парфяне разгромили Андрагора или несколькими годами позже, как до нас доносит письменная традиция, сатрап Бактрии Диодот становится независимым и провозглашает себя царем. Анализ монет, чеканенных в Бактрах, показывает, что полной независимости предшествовал период, характеризующийся постепенным отдалением сатрапа от центральной власти селевкидской династии. Свидетельством этому являются монеты, чеканенные с именем Антоха II и изображением Аполлона лучника, которого сменяет изображение Зевса-громовержца.

Действительно, вести о смерти Антиоха II и вторжении птоlemeидов в Сирию могли достигнуть далеких Бактр в короткий промежуток времени, в течение которого Диодот теоретически мог чеканить монеты во дворе своей резиденции от имени какого-либо севекида (Will, 1987, p. 309). По всей вероятности, он продолжает использовать аверс предыдущего царя, но приспособив тип реверса под следующий этап собственного правления. Во всяком случае, тенденция отмежевания от центральной власти севекидов намечается задолго до декларации полной независимости. Фраза: «не я первый восстал против царя; напротив, я достиг владычества над Бактрианой тем, что истребил потомство нескольких других изменников» (Полибий, XI, 34, 2-3), вложенная в уста последующего греко-бактрийского царя Евтидема – основателя династии евтидемидов, содержит негативный упрек в адрес Диодота, чьи устремления казались Евтидему очевидно враждебными по отношению к севекидам.¹⁰ Для успешного достижения сво-

их политических планов Диодоту требовалось, с одной стороны, создание мощной коалиции не только в лице своих соотечественников и военной знати, но и местной аристократии с ее военным потенциалом. Вспомним, например, ту же высокопрофессиональную в этом отношении бактрийскую конницу. С другой стороны, создав свою «партию», Диодот невольно сталкивается с оппозицией в лице Евтидема. Мы сознаем гипотетичность этих предположений, которые возникают либо от полного отсутствия письменных источников, либо от их противоречивого характера.

Более или менее ясно обстоит дело с развитием монетных типов Бактр, и анализ нумизматического материала позволяет проследить эволюционную линию от Антиоха II до Диодота. Однако хронология письменных источников выстраивается не столь гармонично, как хотелось бы.

Юстин (XLI, 4) повествует, что после смерти Александра Великого, когда его владения на востоке были разделены между его последователями, государство Парфия было отдано Стасанору – иностранному союзнику, потому что ни один македонянин не соизволил принять его. Впоследствии, когда македонское содружество распалось на части из-за гражданских неурядиц, парфяне вместе с другими народами Верхней Азии отошли Эвмену, а когда тот потерпел поражение, перешли на сторону Антигона. После его смерти они были под правлением Селевка Никатора, затем Антиоха и его наследников, при правнучке которого Селевке они первые восстали в первую Пуническую войну, когда консулами были Люций Манлий Вульв и Марк Аттилий Регул. Что касается восстания, то спор между двумя братьями, Селевком и Антиохом, обеспечил восставшим безнаказанность; пока братья пытались отобрать трон один у другого, они пренебрегли преследованием мятежников. В то же время Диодот – будущий «правитель тысячи городов Бактрии» восстал и принял титул царя; и все другие народы Востока под влиянием его примера отпали от македонян. Некий Аршак, человек безвестного происхождения, но бесспорной храбрости, поднялся в это время. Он, привыкший жить грабежом и разбоем, услышав донесение, что Селевк побежден галлами в Азии и более не опасаясь этого принца, захватил Парфию с «бандой мародеров», низверг Андрагора, его лейтенанта и потом, убив его, принял управление над страной. Вскоре после этого он стал также хозяином Гиркании и, таким образом, распространил свою власть на два народа; поднял большую армию из опасения перед Селевком и Диодотом – царем бактрийцев. Но вскоре после смерти Диодота, избавившись от своих страхов, он установил мир и союз с его сыном, который также носил имя Диодот; Селевка, который решил отомстить восставшим, он победил; и с тех пор парфяне празднуют этот день, в который произошло это событие, с большим торжеством как дату начала их свободы. Это версия событий, которую приводит Юстин.

Интересно отметить, что Андрагор, который оказывается примерно в тех же условиях, чеканит монеты со своим именем, но не включает в свою титулатуру слово ΒΑΣΙΛΕΟΣ. Это, в свою очередь, может говорить о своеобразии сложившейся политической ситуации. Во всяком случае, «отложение» Андрагора и вскоре свержение его Аршаком – представителем местной племенной знати отличается от завоевания власти Диодотом – представителем знати греческого происхождения. Можно ли в таком случае предположить, что греческая, вернее, греко-бактрийская знать пользовалась более сильным влиянием и имела более мощный политический потенциал? Если исходить из событий, изложенных Юсти-

ном, то сценарий отложения от селевкидской державы двух «верхних» сатрапий Парфии и Бактрии развивался по-разному.

Создается впечатление, что Юстин в данном случае объединяет три события в одно. Несколько иначе передает эти события Страбон (X. IX, 3): «От этих скифов, говорят, ведет свой род Арсак; другие, напротив, считают его бактрийцем, который, чтобы спастись от растущего могущества Диодота и его преемников, поднял восстание».

Можно согласиться с мнением А.К. Нарайяна о том, что первое событие связано с восстанием Диодота, когда Манлий Вульв и Аттилий Регул были консулами в 256 г. до н.э. Второе событие было связано с восстанием других сатрапий, включая Парфию, управляемую Андрагором. Третье событие – поражение Андрагора от Аршака в период царствования Селевка II (246-226 до н.э.). Дата 248 г. до н.э., принятая за основание парфянского царства, более относится к установлению аршакидского царства, нежели знаменует его победу над Андрагором.

Не совсем вписывается в канву этих событий, рисующих, казалось бы, победоносное шествие Аршака сообщение, приводимое Страбоном. Описывая народности степей, он отмечает, что «столкнувшись с Селевком Каллиником, Аршак укрывается у апасиаков (кочевое племя, обитавшее в низовьях реки Ох). Однако неотложные дела на Западе вынуждают Селевка покинуть Азию, этот промежуток используется парфянами для создания независимого государства. Другая угроза в лице Диодота разрешается для Аршака смертью Диодота, с сыном которого, также Диодотом, он заключает союз».

В последующий этап Диодот, уже объявивший себя царем, концентрирует внимание на стремительно усиливающемся соседе. Относительно кратковременное правление сменяющихся династий Греко-Бактрии сопровождается непрерывными войнами с Парфией, растущая мощь которой позволяет взять в конечном итоге реванш над бактрийцами. Об этом в определенной мере могут свидетельствовать находки парфянских монет в слоях (II-I вв. до н.э.) памятников Северной Бактрии (Rtveladze, 1995).

Примечания

1. Информация (см. статью Б. Лионне в настоящем сборнике) о многочисленных (26 монет) находках эллинистических монет, якобы осуществленных за последние два года на отвалах раскопок городища Афрасиаб, представляется невероятной. Если учесть тот факт, что за период более чем 20-летнего скрупулезного исследования этого объекта Узбекско-Французской экспедицией ни одной подобной монеты не было обнаружено, легенда о том, что отвалы этих раскопок изобилуют эллинистическими монетами, выглядит фантастично. Происхождение этой неожиданно возникшей коллекции более чем сомнительно.
2. Э.В. Ртвеладзе (2002, с. 97), говоря о двух халках Диодота, ссылается на статью Ф.Р. Аюповой (Аюпова, 1999, с. 78-79), однако в сообщении последней приводится лишь одна монета. Несмотря на «детальное описание», оборотная сторона дана лишь в двух словах «фигура божества», что при отсутствии иллюстрации не дает какой-либо возможности определить тип монеты.
3. Из этого большого по количеству монет клада были инвентаризированы 205 экземпляров, вышеприведенные монеты входят в это число (Voreagachchi, 1999-2000, p. 36-38).
4. Например, при исследовании городища Ай Ханум (эллинистического города) было найдено 12 медных монет Диодота с типом Зевса /Артемида и Гермес/Афина (Bernard 1985, pl. 4).
5. Одна из наиболее полных сводок монет Диодотов дается в статье С. Коваленко (Kovalenko, 1995/96); см. также сводку монет этих царей из коллекции Гос. Эрмитажа (Смирнова 2005). Из приводимых Н. Смирновой двух экземпляров медных монет с головой Гермеса в петасе и Афи-

ной на об.с. и головой Зевса и бегущей Артемидой вправо, обе монеты несут легенду - ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΖΑΝΤΙΟΧΟΥ (Смирнова, 2005, с. 144).

6. Археологические исследования левобережья Сырдарьи-Яксарта позволили выявить здесь ряд значительных памятников, относящихся к эллинистической эпохе, таких, например, как Нуртепа, Хантепа и др. (Грицина, 2000, с. 101-105); другим важным объектом, нижние слои которого относятся к эпохе селевкидов и Греко-Бактрии (финальный этап Бургулюкской культуры) является городище Канка, расположенное на берегу Ахангарана (Абдуллаев Куркмас, 1975).

7. О результатах археологического исследования Французско-Узбекской экспедиции см. (Bernard 1994; 1996; 1997). О стратиграфии этих слоев на основе анализа керамического материала см. статью Б. Лионне в настоящем сборнике.

8. О сводке с описанием раннеантичных памятников долины Кашкадарьи см. (Сулейманов, 2000).

9. Здесь не представляется возможным перечислить все памятники эллинистического времени, напомним лишь некоторые, наиболее изученные из них, содержащие слои интересующего нас периода, это: Джандавлятепа, Талашкан, Кампыртепа, Старый Термез, Хаитабадтепа и др.

10. Такой проселевкидский реверанс можно приписать как дипломатическому шагу со стороны нового династа, так и мало доказанному предположению о якобы существующем родстве Евтидема, женатом на селевкидской принцессе (Tarn, 1951, p. 74; Гафуров, 1989, с. 134).

Использованная литература

Абдуллаев К. Касби (Кесби) – Казби-Аспиона (к вопросу о локализации греческих сатрапий) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999.

Абдуллаев К. Находки эллинистических монет к северу от Амударьи-Окса // *РА*. 2006, № 3.

Абдуллаев Куркмас. Археологическое изучение городища Канка (1969-1972). *ИМКУ*, № 12. Т., 1975.

Аюпова Ф.Р. Находки греко-бактрийских монет из Кампыр-тепе // *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. IV. Т., 1999.

Баратова Л. Древние монеты из Каршинского оазиса // *ИМКУ*. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Гафуров Б. Таджики. Т. 1. Душанбе, 1989.

Грицина А.А. Уструшанские были. Т., 2000.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Зеймаль Е.В. Монетные находки Тахти Сангина (Реестр) // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 1. М., 2000.

Курбанов Г.Н., Ниязова М.И. Каталог Греко-бактрийских монет Бухарского музея. Бухара, 1989.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии, в 1930-1931 гг. // *Материалы Узкомстариса*. Вып. 5. Т., 1933.

Массон М. Е. К вопросу о Маргиане в составе греко-бактрийского царства // *Известия АН Туркм. ССР. Серия общественных наук*, № 5, 1970.

Наймак А.И. Находки греческих монет в Согдиане // *Нумизматика и эпиграфика*. Вып. XVII. М., 2005.

Пилипко В.Н. Побережье Средней Амударьи // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Археология СССР под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985.

Ртвеладзе Э.В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары // *ОНУ*. 1984, № 6.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1. Т., 2002.

Сверчков Л. Эллинистическая крепость Курганзол // *Материалы по античной культуре Узбекистана*. К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко. Самарканд, 2005.

Смирнова Н.М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа. *Нумизматика и эпиграфика*. Том XVII. М., 2005.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Т., 2000.

Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А. Маргиана // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Археология СССР под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985.

Abdullaev K. New Archaeological Discoveries in Northern Bactria // *Circle of Inner Asian Art and Archaeology / Newsletter*, issue 10, London, 1999.

Bernard P. Fouilles d’Ai Khanoum IV. Les monnaies hors trezors. Questions d’histoire greco-bactrienne, Paris, 1985.

- Bernard P., Grenet F., M. Isamiddinov et al. Fouilles de la mission franco-ouzbègue à l'ancienne Samarkand (Afrasiab) // *CRAI*. Paris, 1994.
- Bernard P. L'Asie Centrale et l'Empire séleucide // *Topoi*. 4.2. 1994.
- Bernard P. Maracanda-Afrasiab colonie Grecque» // *La Persia e L'Asia Centrale da Alessandro al X secolo*. Academia Nazionale dei Lincei. 1997.
- Bopearachchi O. Monnaies Greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.
- Bopearachchi O. La circulation et la production monétaires en Asie central et dans l'Inde du nord-ouest (avant et après la conquête d'Alexandre) // *Indologica Taurinensia*. V. XXV. Torino, 1999-2000.
- Kovalenko S. The Coinage of Diodotus I and Diodotus II // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 1995/96.
- Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. I. London, 1975.
- Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.
- Newell E. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucos I to Antiochos III. New York, 1978.
- Rtveladze E.V. Parthia and Bactria // *In the Land of the Grifons*. Ed. by A. Invernizzi, Florence, 1995.
- Tarn W.W. The Greeks in India and Bactria. Cambridge, 1951.
- Will E. Histoire Politique du monde Hellenistique. Nancy, 1987.

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА И ДАТИРОВКА БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ ФАЯЗТЕПА

Изученный в конце 60-х и 70-х гг. XX века археологом Л.И. Альбаумом буддийский монастырь Фаязтепа принадлежит к числу выдающихся памятников буддийского круга Средней Азии.¹ В период с 2002 по 2006 гг. в связи с осуществлением консервационных и частично реставрационных работ на Фаязтепа по совместному проекту Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, Японский Траст Фонд и ЮНЕСКО на памятнике проводились планомерные повторные археологические исследования.²

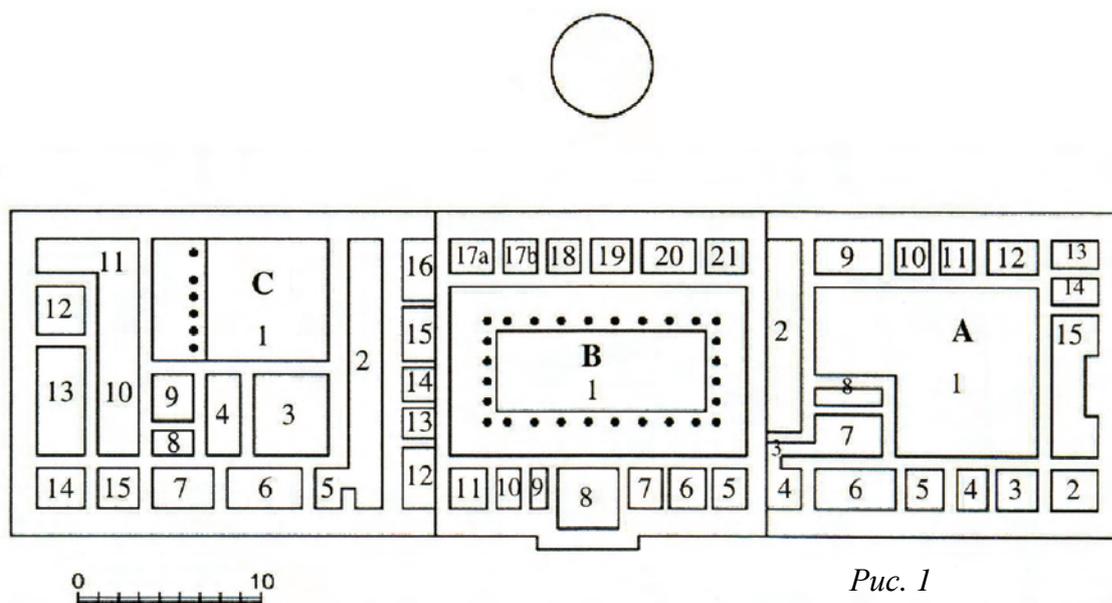
В процессе археологических исследований была изучена вся занимаемая территория памятника. В результате исследования были окончательно выявлены все составные части буддийского монастыря, было получено огромное количество материалов (монеты, надписи и т.д.), которые имеют важное значение для установления времени возведения и этапов функционирования буддийского монастыря Фаязтепа.

По мнению Л.И. Альбаума, Фаязтепа состоял из центрального здания, разделенного на три отсека, ориентированного с северо-запада на юго-восток, длиной 117 м и шириной 34 м. В центре ее находилась «храмовая» половина, северо-западная «монастырская», юго-восточная – «хозяйственная». К востоку от основного здания была расположена ступа (рис. 1).

В результате повторных исследований установлено, что буддийский монастырь Фаязтепа имел длину 118,40 м при ширине 53,00 м на севере и 54,00 м на юго-восточной стороне. В связи с П-образным расширением двора вокруг ступы ширина монастыря по линии запад – восток равнялась 61,00 и 62,00 м (рис. 5).³

Это был уже очередной монументальный буддийский монастырь, воздвигнутый на месте ранее существовавшего буддийского сооружения.

В силу этих косвенных данных остатки более раннего буддийского сооруже-

ния были обозначены как первый строительный период, а построенная над ним часть – как второй строительный период.

Прежде чем перейти к характеристике выявленной планировки и связанных с ней новых артефактов, следует остановиться на существующих в литературе точках зрения относительно датировки буддийского монастыря Фаязтепа Л.И. Альбаумом и другими специалистами.

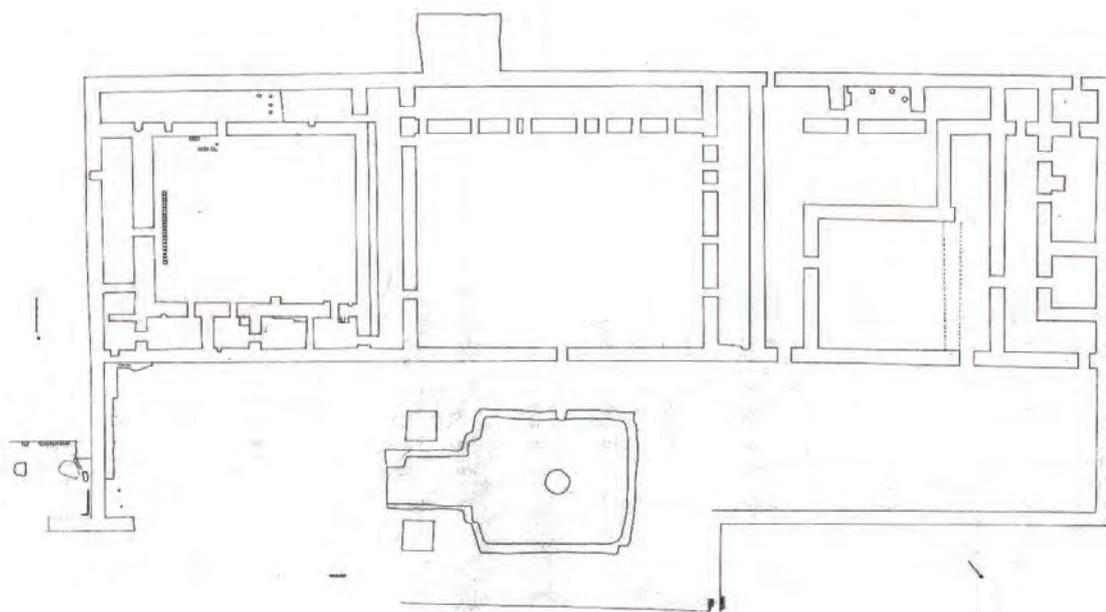
Л.И. Альбаум исходил из находок медных подражаний серебряному чекану греко-бактрийского царя Гелиокла и, воспринимая ступу как отдельно стоящее сооружение, датировал его концом I в. до н.э.; в кушанское время, в период функционирования монастыря, ступа была заключена в более поздний футляр.⁴ Строительство вихары Л.И. Альбаум относил к I в. н.э., а максимально позднее функционирование датировал I-III вв. н.э. Монастырь был разрушен сасанидами в III в. н.э., а в IV в. находился уже в запустении. В V в. некоторые помещения монастырской половины использовались как место захоронений. Обнаруженные в захоронениях монеты были датированы Э.В. Ртвеладзе V-VI вв. н.э.⁵

Б.Я. Ставиский в своей книге, посвященной буддийским памятникам Средней Азии, целиком принял даты, предложенные Л.И. Альбаумом⁶.

Т.К. Мкртычев датировал возведение всего монастырского комплекса серединой и второй половиной I в. н.э., однако его предположение о ремонте и крестообразной планировке фаязтепинской ступы в V в., основанной на реконструкции А.А. Асанова, вновь выявленная планировка не подтвердила.⁷

На основании исследования пространства вокруг ступы Фаязтепа Ш.Р. Пидаев время сооружения ранней ступы, так же как и всего монастырского комплекса, датировал не ранее второй половины I в. н.э. Закладка барабана данной ступы и сооружение на ее основе барабана более крупной ступы определено временем правления Канишки I.⁸

Из числа обнаруженных 18 монет Фаязтепа датирующее значение имеют следующие: монета «Сотер Мегаса», обнаруженная в кладке пахсовой стены пом. С8; монета Вима Кадфиза, найденная в заполнении ямы, спущенной с третьего пола пом. В 20 Б; монеты Канишки I, обнаруженные во дворе блока А; в кладке

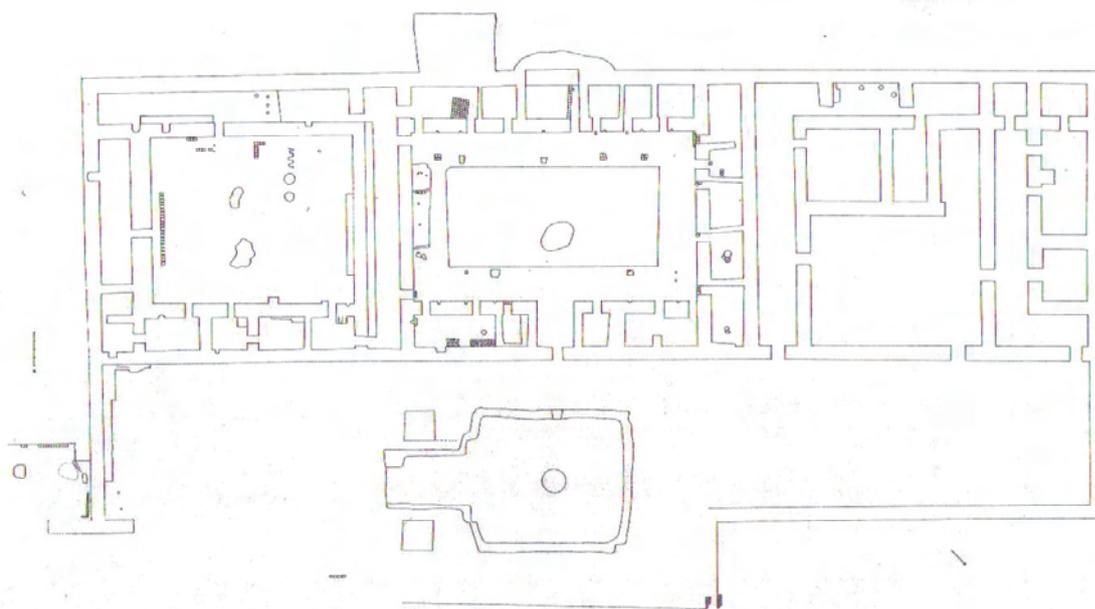
свода в кирпиче помещения В 13; на поверхности пола помещения С 4; в кладке порога в проходе между пом. С 8 и С9; а также монета Васудевы (I) с двумя монетами Хувишки в ремонтной кладке западной стены помещения С 5.

В нумизматической литературе Средней Азии выпуск монеты с именем Сотер Мегас датируется первой половиной I в.н.э. После открытия и изучения бактрийской надписи из Рабатака, и особенно чтения имени неизвестного в исторической науке кушанского царя Вимы Такто, а также соотнесения его с выпуском монет Сотер Мегаса, появился ряд противоположных мнений. По Дж. Криббу, связь монет Сотер Мегаса с Вимой Кадфизом не обоснована и, вероятно, их чеканили в конце правления Куджулы Кадфиза и продолжали при Виме Такто⁹. Э.В. Ртвеладзе считает, что монеты безымянного царя Сотер Мегаса принадлежали не Виме Кадфизу и не Куджуле Кадфизу, а Виме Такто.¹⁰ О. Бопеараччи в недавней публикации, посвященной иконографии и хронологии монет ранних кушан, правление Куджулы Кадфиза определяет 40-90 или 40-95 гг. н.э., правление Вимы Такто 90-95 гг. или 95-100 гг. н. э. Сотер Мегаса он считает узурпатором, который управлял (скорее всего северо-западной Бактрией) в 92-110 или 97-110 гг. н.э. По О. Бопеараччи, Вима Кадфиз правил 100-127 или 105-127 гг. н. э., а правление Канишки I он относит к 127-150 гг. н.э.¹¹

Обнаружение в слоях Кампиртепа монеты Сотер Мегаса вместе с монетой парфянского правителя Готарза (41-53 гг. н.э.)¹² противоречит мнению О. Бопеараччи относительно даты правления Сотер Мегаса.

Совокупность всех имеющихся данных, в том числе стратиграфическое изучение строений города-крепости Кампиртепа дает возможность датировать время правления Сотер Мегаса и чекана его монет первой половиной I в. н.э. Монета Сотер Мегаса в строениях Фаязтепа найдена в стратиграфических условиях *in situ*, т.е. обнаружена внутри пахсового блока и датирует строительство всей монастырской половины Фаязтепа, в том числе его двора с комплексом ступ.

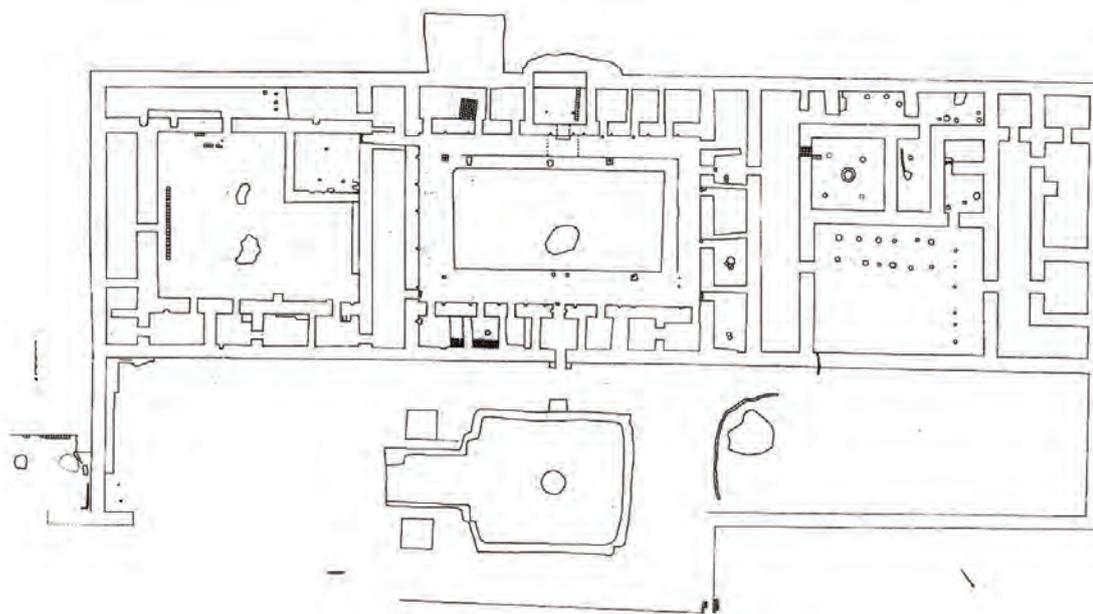
Таким образом, сложение наземного буддийского монастыря Фаязтепа, состоящего из центрального здания и большого двора к северу и северо-востоку от него, происходило в пределах первой половины I в. н. э. В результате исследова-

ний выяснилось, что на месте строений Фаязтепа существовало более раннее сооружение, по-видимому, также культового характера.

В помещении С1 (двор блока С) параллельно к северной стене на полу по направлению с северо-востока на юго-запад выявлена более ранняя стена, сооруженная из болотистого сырцового кирпича размером 33х33х12 см. Стена – остаток длиной 15,40 м северным концом входит под северную стену центрального здания. Судя по толще стен (так, юго-западная сторона имеет ширину 2,05 м, северо-восточная 1,65 м), она являлась наружной стеной более раннего монументального сооружения (рис. 6). Более раннее сооружение на месте уже сложившегося крупного двухчастного буддийского комплекса в период правления Сотер Мегаса являлось также буддийским сооружением. Косвенным подтверждением тому служит датировка индоязычных надписей на Фаязтепа. По предварительному заключению Ж. Фуссмана, среди коллекции есть фрагменты надписей, которые (например, надпись № 14) по палеографическим признакам датируются 20-50 гг. н. э. или ранее. Все надписи, выполненные письмом кхароштки, были выполнены между 20-50 гг. н.э. и 300 гг. н.э.¹³ Индоязычные надписи Фаязтепа найдены в разных, стратиграфически надежно датируемых комплексах, в частности, в хозяйственных ямах (в двух ямах в хозяйственной части центрального здания, в большой яме большого двора, на поверхности полов монастырской половины и т. д.). Поэтому есть все основания полагать, что дата ранней надписи, определенной в рамках 20-50 гг. н. э., является логичной, и этот фрагмент индоязычной надписи связан с ранним периодом существования буддийского сооружения. Обращает на себя внимание также толщина южной стены хозяйственной части. Не исключено, что более раннее буддийское сооружение располагалось именно в пределах этих строений. Продолжительная абсолютная дата сооружения и функционирования раннего буддийского сооружения лежит в пределах от второй половины I в. до н.э. и до 20-50 гг. н.э.

Таким образом, сложение наземного буддийского монастыря – вихары (центральное здание в длину 118,40 м при ширине 53,00 и 54,00 м, около ступы 61,00 и 62,00 метра) происходило в период правления Сотер Мегаса (рис. 2). В

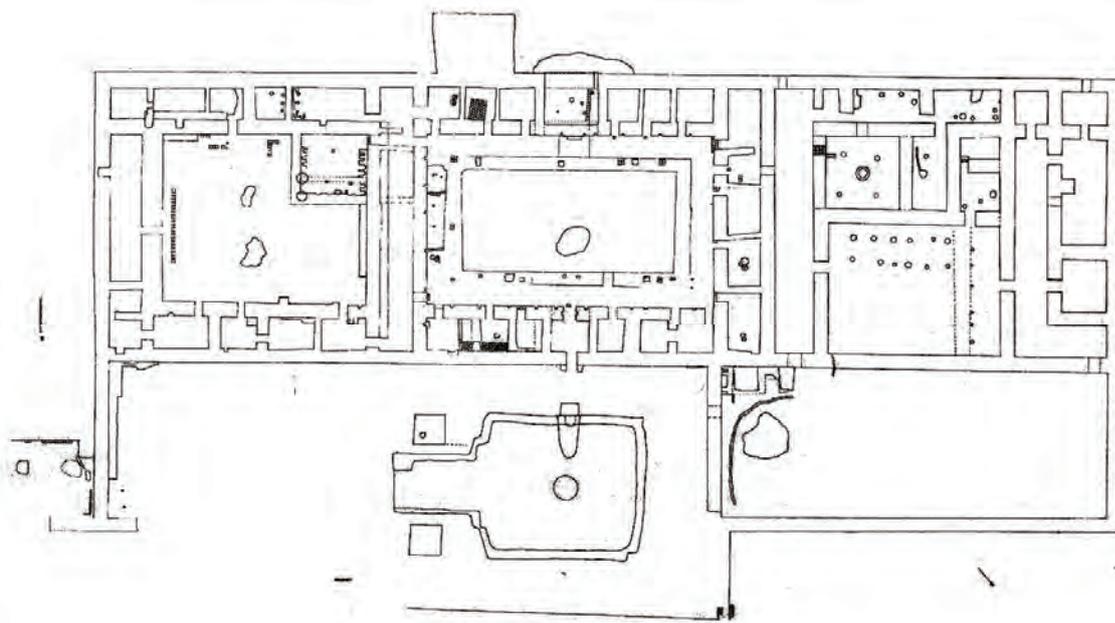
этот период (первый этап второго строительного периода) слагается основа буддийского монастыря Фаязтепа как крупного двухчастного сооружения, причем обе части буддийского монастыря были охвачены единой линией обводных стен.

Следует подчеркнуть, что осуществление постройки такого масштаба возможно было только при поддержке центральной власти в лице правителей города Тармиты – Термеза, который покровительствовал буддизму или же экономически сильной буддийской общине.

Сложившийся уже в первой половине I в.н.э. наземный буддийский монастырь Фаязтепа имел своеобразную планировку. Основной вход к монастырю находился ближе к юго-восточному углу двора в виде невысокого пандуса со ступенькой из сырцового кирпича.

Пандус в южной части значительно понижается и имеет чашевидную форму. В южной оконечности пандуса на песке была вырыта яма. Размеры ямы 1,57x1,20м. Она была углублена в материковый песчаник. По всей видимости, она была водопоглощающей. Пандус не имеет четких размеров. Более четко выявлена западная сторона, которая была обложена двумя рядами горизонтально выложенных сырцовых кирпичей. Размеры сырцовых кирпичей 34x12см. Западная сторона пандуса имеет длину 9,60 м. Восточная сторона пандуса состоит из пахсы, сложенной на разровненном песочном слое. В силу этих причин невозможно выявить восточные грани входа. На восточном углу края стены выступают на 1,40 м от угла в юго-восточном направлении. Толщина этой части 1,55 м, т.е. соответствует толщине основной стены. На этом пространстве пандус имеет ширину 10,40м. На расстоянии 30-38см от наружного края южной обводной стены сохранилось основание ступеньки. Ступенька имеет длину 3,25 м и состоит из трех рядов вертикально поставленных сырцовых кирпичей. Между стеной и ступенькой сохранились следы обмазки ганчем. Ступенька пандуса сложена из сырцового кирпича размером 32x13 см. Ширина входной части ворот равнялась 3 м 25 см, т.е. соответствовала ширине ступеньки, сооруженной из сырцового кирпича.

Ориентировка входной части на юго-восток свидетельствует о том, что изна-

начально буддийский монастырь был предназначен для населения кушанского города Тармиты-Термеза. Ворота были двухколонными, по-видимому, с деревянным затвором. Внутри двора вдоль его южной и отчасти юго-восточной стены была сооружена невысокая суфа. Суфа длиной почти 14,00 м доходила до левого крыла ворот.

Со входа во двор начинался обзор на ступу (сангхарама), лестницы которого были расположены почти на одной оси с воротами. Лестница представляла собой двухступенчатый пандус при ширине у основания 6,89 м и длине 8,82 м. По двум сторонам лестницы пандуса большой ступы располагались две маленькие ступы квадратной формы размером 3,63x3,73 м и 3,53x3,56 м (рис. 3). Основание платформы большой ступы имеет двухступенчатую форму размером 18,61x16,74 м при высоте 1,10-1,13 м; длина верхней ступеньки 1,30 м, а ширина между нижней и верхними ступеньками платформы чуть более одного метра. Нижняя ступенька ступы была сооружена из пахсовых блоков высотой 55-57 см, а верхняя ступенька ступы и поверхность пандуса были возведены из сырцового кирпича 31x31x12; 32x32x12; 33x33x12 см.

Барабан, расположенный в центре ступы округлой формы диаметром 2,62 м, с рельефным фигурным плинтусом у основания. На высоте 0,86 м проходит пояс карниза, выступающая полочка которого сложена из жженных плит. Купольная часть барабана имеет колоколовидное завершение. Общая высота барабана с куполом достигает 2,60 м, т.е. соотношение диаметра барабана к ее высоте почти 1:1 (рис. 4). Как предполагает Ш.Р. Пидаев, ступа по сторонам была ограждена широкой кирпичной оградой, которая образовывала вокруг нее коридор. Вероятно, она была сооружена специально для создания вокруг ступы коридора для ее

обхода. В пользу этого предположения говорит и то, что кирпичная кладка в центре южного фаса, прямо напротив пандуса с двух сторон обрывается, образуя длинный коридор шириной 1 м.¹⁴ После окончательного вскрытия всех частей монастырского комплекса стало очевидным, что на своем раннем этапе функционирования, т.е. на первом этапе второго строительного периода площадка вокруг ступы имела именно такую планировку. Исследованиями 2003 г. установлено, что по периметру большой ступы проходила специальная дорожка шириной 1,05-1,20 м, предназначенная для торжественного обхода ступы (прадакшина патхи). Судя по аккуратной обмазке глиной и штукатурки ганчем, данная дорожка начиналась у лестницы-пандуса большой ступы, прохо-

дила между ней и малой ступой и заканчивалась у западного фаса платформы большой ступы.¹⁵ В середине западной платформы ступы напротив входа в блок В расположена была ниша шириной около 1,00 метра, предназначенная для скульптурных изображений Будды и бодхисатв.

Линия керамических кубуров, выявленных ближе к юго – восточному углу малой (восточной) ступы (рис. 5) свидетельствует о том, что первоначально вода поступала во двор. Источником водоснабжения являлся акведук, проведенный вдоль северной окраины пригорода кушанской Тармиты-Термеза или же рядом расположенный колодец, наподобие буддийского монастыря в Айртаме¹⁶. Северная половина двора, т.е. пространство к северу от ступы состояло из неровной утрамбованной глиняной площадки.

Большой двор с центральным зданием, т. е. монастырской половиной на первом этапе второго строительного периода был связан с четырьмя арочными дверными проемами. Первый располагался напротив ниши, установленной у основания западной платформы ступы, а остальные три находились с северо-восточной стороны блока С центрального здания. Блок А (хозяйственная часть по Л.И. Альбауму) не имел автономной входной части и был соединен дверным проемом со стороны сводчатых помещений блока В. В блоке А, расположенном в южном крыле центрального здания по периметру двора размером 19,65x20,00x23,40, располагались помещения, выполнявшие

Рис. 7

Рис. 8

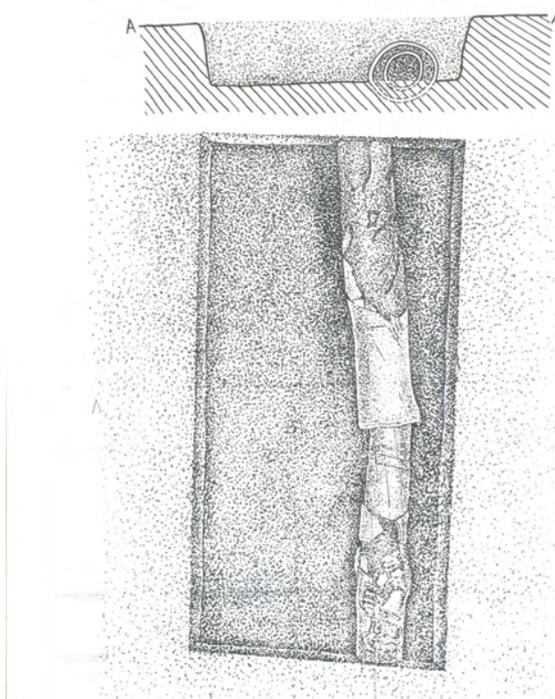

Рис. 9

различные функции. С северо-запада и юго-запада были расположены длинные сводчатые помещения. Сводчатый коридор, расположенный вдоль северной стороны двора, имел длину 31,30 м при ширине 3,70 м, с суфой длиной 25,50 вдоль южной стены. Сводчатый коридор, расположенный вдоль юго-западной стороны двора, имел длину 29,30 м при ширине 3,90x3,70 м, ближе к середине сводчатого помещения по направлению на юг была расположена суфа высотой около 45 см. Вдоль северной стороны суфы почти на одной линии расположены ямы – резервуары. Резервуар №1 имеет диаметр 27 см, при глубине 25 см. На расстоянии 50 см к западу от резервуара №1 расположен резервуар №2. Диаметр его 30 см, при глубине 30 см. Первоначально резервуар №2 имел диаметр около 50 см и края его были обложены жжеными плитами. Резервуар №3 имеет диаметр 30 см при глубине 35 см. Резервуар №4, расположенный в 60 см восточнее грани западной стены сводчатого коридора, имеет размеры: диаметр 30 см, глубина 35 см. Наличие внутри резервуара каменной подставки, а также облицовка этих резервуаров и суфы алебастром свидетельствуют о том, что здесь располагалась мукомольня монастырского комплекса. Южная и восточная стороны двора также были заняты хозяйственными помещениями, имеющими плоское перекрытие.

Средний блок В представлял собою еще недостроенный крупный двор размерами 33,00 x 25,60 м. Северо-западное и юго-западное крыло по всему периметру были охвачены длинными сводчатыми помещениями. Коридор, расположенный на северной стороне двора, имел длину 30,80 м при ширине 3,70-3,80 м, а сводчатый коридор юго-западной стороны имел длину 32,80 м при ширине 3,80-3,90 м.

В сводчатом помещении северо-западного крыла были установлены 5, а на юго-западном 7 арочных дверных проемов с обзором во двор. Юго-западная, северная, а также восточная стороны блока В представляли собой ровное открытое пространство, а в центре располагалось сооружение наподобие хауза (бассейна), выполнявшее первоначально функцию водопоглощающей ямы.

Среди дверных проемов на северной стороне блока С основным и наиболее парадным был арочный дверной проем высотой 2,57 м, расположенный на северо-восточном конце длинного коридорообразного помещения.

На первом этапе функционирования помещений второго строительного периода в северном блоке центрального здания имелись пять дверных проемов. Два дверных проема, установленных на западной стене, были непосредственно связаны со строительством всего буддийского монастырского комплекса. Оба эти сводчатые дверных проема были заложены после завершения строительных работ.

Полное отсутствие сырцового материала, пригодного для строительства, требовало от строителей определенного решения. Пригодную для этих целей глину стали брать с правого берега Окса, в радиусе 1 км юго-западнее от строящегося монастыря, там же изготовлялись сырцовые кирпичи.

Во время строительства монастырского комплекса, особенно при возведении сводчатых перекрытий тяжеловесными сырцовыми кирпичами, раствор жидкой глины перевозили через пандус по стенам. Этот прием строительства являлся довольно экономичным и эффективным.

Северное крыло центрального здания, т.е. блок С за исключением северо-западного угла, где располагались четыре сводчатых помещения, на первом этапе функционирования напоминало еще недостроенный двор. Следующий этап

строительства (второй этап второго строительного периода (рис. 6) относится ко времени правления Вимы Кадфиза.

Из четырех обнаруженных монет Вимы Кадфиза три имеют датирующее значение. Одна из них обнаружена на поверхности суфы пом. А-3, вторая в пом. В 20 Б в заполнении ямы, спущенной с третьего пола, третья – на полу большого двора со ступой. Особого внимания заслуживает стратиграфическое залегание монеты, обнаруженной в яме с зольником (это, скорее всего, один из разновидностей сандала, который имелся в каждом жилом помещении Фаязтепа). Находка данной монеты является веским аргументом, говорящим о сплошной застройке помещениями восточного крыла блока В и разделении на отдельные отсеки сводчатых коридорообразных помещений северо-западного и юго-западного крыла. Стороны двора целиком застраиваются суфой и по сторонам сооружаются айваны. В центральной части юго-западного сводчатого помещения обособленно выделяется святилище с двумя арочными проемами. (рис. 7).

Таким образом, в результате перестроек центральная часть юго-западного коридора за счет сноса части стен и сводчатых перекрытий была преобразована в квадратное помещение размерами 6,23х6,23 м с арочным дверным проемом шириной 1,05 м при высоте 2,26 м. Основание снесенной стены было превращено в суфу шириной 1,90 м. От арочного дверного проема к суфе вела дорожка, расположенная на северной стене помещения. Скорее всего, это была дорожка, которая вела к суфе, где были уже вставлены скульптурные изображения Будды и других персонажей.

В период правления Вима Кадфиза существенные изменения происходят в планировке блока С. Из двух недостроенных дворов было выделено отдельное квадратное помещение С3 размерами 8,50х8,60 м. В свою очередь, арочный дверной проем высотой 2,35 м при ширине 1,30 м, расположенный на его юго-западной стене был заложен сырцовыми кирпичами.

В блоке А вдоль восточной стены южной половины сводчатого помещения была сооружена суфа длиной 8,50 м при ширине 0,80 м. В свою очередь, вдоль северной стены двора также была возведена суфа длиной 8,50 м при ширине 0,70 м. Кухня, расположенная в юго-западном углу двора, переносится в его северо-западный угол.

Следующий этап (рис. 8), т.е. третий этап второго строительного периода функционирования буддийского монастыря Фаязтепа связан с эпохой правления кушанского царя Канишки I, общепринятая дата правления которого относится к первой четверти и половине II в. н. э. В период правления Канишки I над маленькой ступой возводится большая ступа¹⁷; ниша, расположенная в середине западной стороны платформы закладывается и сооружается небольшая суфа.

Кардинальные изменения

Рис. 10

происходят в святилище, расположенном по одной оси с входной частью, напротив ступы. Боковой (северный) арочный дверной проем был заложен сырцовыми кирпичами. В результате оба дверных проема со стороны айвана были превращены в неглубокую нишу. Вход, который вел в святилище, был установлен в середине восточной стены. Перекрытие святилища опиралось на две колонны. Таким образом, святилище, превращенное еще в период правления Вима Кадфиза из сводчатого в помещение с плоским балочным перекрытием размером 6,23x6,23 за счет переделки и дополнительной отделки, становится более парадным.

В середине святилища у юго-западной стены на постаменте суфы был установлен каменный барельеф с изображением сидящего Будды под деревом бодхи с

монахами по сторонам. Внутренние (северо-западная, юго-западная и юго-восточная) стены святилища, а также его входная часть со стороны айвана были оформлены сюжетной живописью. У края ямы, расположенной в середине двора на юго-западной стороне, была установлена каменная ванна со сливом в виде морды льва. В помещении, через которое проходила дорожка и уже по всему центральному зданию были установлены двустворчатые дверные проемы. Выступы с ямками от дверных проемов, сооруженные на западной стороне не имеют связи с боковыми стенами пом. В19, а на швах заметны следы ганчевой обмазки.

Косвенным доказательством осуществленных строительных работ в период правления Канишки I служит монета, обнаруженная при разборке крупного обрушившегося завала от сводчатого потолка в пом. В13.

До правления Канишки в центральном здании со стороны большого двора со ступой имелись четыре входа, причем три из них были расположены в блоке С. В период правления Канишки I три дверных проема, ведущие со стороны большого двора, были заложены сырцовыми кирпичами. Таким образом, в период правления Канишки основным и единственным входом в центральное здание становится вход, расположенный напротив большой ступы. Прорубленный проход со стороны северо-западной стены помещения В13 становится основным связующим узлом блока С с остальной частью буддийского монастыря.

Особенно тщательно было переделано пом. С3. Первоначально был сокращен в размерах и обложен порог дверного проема помещения сырцовыми кирпичами. С правой стороны прохода был сооружен выступ-загородка. Перекрытие поме-

щения держалось уже на четырех колоннах с перекрытием типа дарваза. Ближе к центру помещения появилось круглое сооружение, диаметр его 1,60 м, внутренний 1,10 м, толщина стенок от 30 до 40 см. Наибольшая глубина этого сооружения равна 16 см. Дно данного сооружения было обмазано глиняно-саманной штукатуркой. Стены резервуара имеют красноватый оттенок, свидетельствующий о длительном горении огня. Внутри резервуара выявлены также зольные прослойки.

В юго-западной части двора (пом. С1) обособленно выделяются два сводчатых помещения (пом. С8 и С9). Доказательством тому, что данные строительные работы были осуществлены в период правления кушанского царя Канишки, служат следующие факты. На пороге в глине кладки между пом. С8 и С9 вместе с монетой Вима Кадфиза находилась монета Канишки I.

Одновременно ремонтно-восстановительные работы, а также переделки были произведены в блоке А. Сводчатый коридор, расположенный вдоль северо-западной стороны двора на одной линии с левой (восточной) стороны прохода, расположенный в юго-западном углу, загораживается стеной.

В период правления Хувишки, судя по находкам, обнаруженным на полу и т. д., монастырь существовал непрерывно. В частности, до правления Хувишки пом. В5 и В6 были единым целым. В период правления Хувишки они были разделены на автономные отдельные помещения, так как под стеной под последней кладкой сырцового кирпича, на полу была обнаружена монета Хувишки.

В период правления Васудевы, судя по маленькому кладу, состоящему из трех монет (две из трех принадлежат к чекану Хувишки), были предприняты ремонтные работы, в частности, была отремонтирована юго-западная угловая часть наружной стены блока С.

В период правления Васудевы или же других позднекушанских правителей северная половина большого двора теряет свое значение. Собственно, этот процесс начался во время Канишки I и был связан с заложением всех дверных проемов северного отсека центрального здания, выходящих на большой двор и появлением ямы, куда складывались пришедшие в негодность предметы, в том числе керамическая посуда с надписями. В силу этих причин, с северной стороны ступы по направлению с юго-запада на северо-восток была сооружена ограждающая стена с входом на северную половину двора.

Следующий, четвертый этап второго строительного периода буддийского монастыря Фаязтепа связан с сасанидским завоеванием правобережной Бактрии-Тохаристана, в частности Тармиты-Термеза и его округи. Л. И. Альбаум полагал, что буддийский монастырь-вихара был разрушен сасанидами в конце III в. н.э.

Доказательством тому Л.И. Альбаум привел монеты Васудевы (10 экз.), Шапура II (243-273 гг. н.э.) (1 экз.), Хормизда (242-273 гг. н.э.), а также сасанидо-

кушанские (8 экз.). В IV в. н.э., по Л.И. Альбауму, монастырь был в запустении.¹⁸ Т.К. Мкртычев считает, что, в отличие от Каратепе, Фаязтепа перестал существовать не позднее середины IV в. н.э. Материальные свидетельства погрома отсутствуют, очевидно, монастырь постигла участь большинства буддийских памятников той поры – иссякший поток дарений стал причиной его запустения.¹⁹

Прежде всего следует отметить, что при повторном исследовании в большинстве помещений северного отсека (блок С), срединного (блок В), даже в сводчатых помещениях, расположенных по периметру вокруг двора, вдали от сандалов были выявлены и расчищены следы от огня, свидетельствующие о пожаре. Таким образом, Л. И. Альбаум был прав, связывая разрушения Фаязтепа с сасанидским завоеванием.

Какова была дальнейшая судьба Фаязтепа, можно выяснить путем сопоставления обнаруженных археологических находок, архитектурной планировки, уровня полов и т.д.

Выявленные Л.И. Альбаумом полы в помещениях, особенно в центральном здании, относятся ко времени сасанидского завоевания Северной Бактрии-Тохаристана, в том числе Тармиты-Термеза и его округи.

В помещении перед главным входом в блок В был выявлено основание пола в стене, которое находилось 60 см выше от расчищенного Альбаумом пола. Верхние полы выявлены в боковых восточных помещениях блока В.

Таким образом, в пределах айвана над поверхностью верхнего пола повсеместно во всех помещениях имелся по крайней мере еще один уровень пола, снятый, а потом воспринятый Л.И. Альбаумом как разрушенный слой.

После разрушения буддийского монастыря Фаязтепа в связи с сасанидским завоеванием правобережной Бактрии-Тохаристана, через определенный период времени, по-видимому, в конце IV в. н.э., он был заново отстроен. Одновременно с восстановлением, приведшим в негодность часть монастырской половины, вышедшие из употребления вещи (керамика, фрагменты скульптуры) были вынесены за пределы помещений и закопаны в специальную яму, расположенную к северо-западу от ступы. Вкопанная под пол пом. В10 чаша с полосчатым лощением, и в особенности крышка с изображением лотоса, найденная под южной стеной пом. В6, являются подтверждением вышеизложенной идеи.

Другим важным аргументом в пользу частичного восстановления буддийского монастыря в конце IV в. н.э. служит общая датировка индоязычных надписей, определенная Ж. Фуссманом, она укладывается между 20 г. н.э. и 300 г. н.э. Из числа обнаруженных более 70 фрагментов, включая и наиболее сохранившихся надписи, почти ¼ часть была обнаружена в большой яме, расположенной

к северо-западу от ступы. Часть этих надписей была вкопана в яму вместе с мусором, образовавшимся в процессе восстановления монастыря-вихары.

По нумизматическим данным, по крайней мере до первой половины V в. н.э. составные части монастыря еще существовали. Из числа обнаруженных монет, самая поздняя монета относится к подражаниям серебряным драхмам Пероза или же является локальным чеканом Термеза.

Основываясь на годах правления сасанидского шаханшаха Пероза, серебряные подражания его драхмам чеканились между 457-484 гг. н.э. или после этой даты. Таким образом, со второй половины V в. н.э. некоторые сводчатые помещения Фаязтепа использовались как место захоронений. По Л. И. Альбауму, среди сопровождающего инвентаря были монеты, которые датируются Э.В. Ртвеладзе V-VI вв. н.э.²⁰

Об использовании некоторых помещений, ступы и всего монастыря как культового объекта в период с VI по VII вв. свидетельствует керамический материал.

В период арабского завоевания Термеза, которое началось в 90-х гг. VII в, монастырь был окончательно заброшен. Когда раскапывался клад, состоящий из 263 (или же 247?) омеядских и аббасидских дирхемов²¹, буддийский монастырь Фаязтепа лежал уже в развалинах.

Использованная литература

1. Альбаум Л.И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976, с. 43-45.
- Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // Изобразительное и прикладное искусство. Т., 1990, с. 18-27.
- Альбаум Л.И. Грифон из Фаязтепа // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978;
- Альбаум Л.И. Фаязтепа // Культура и искусство древнего Узбекистана Кн. 1. М., 1991, с. 107-112.
2. В рамках совместного проекта повторные археологические исследования на Фаязтепа были начаты 2002 г. В 2002 г. археологом Т. Аннаевым были исследованы некоторые помещения южного отсека (Блок А) центрального здания. В 2003 году группа под руководством Ш.Р. Пидаева изучала ступы Фаязтепа, в 2004-2006 гг. археологическая группа Термезского государственного университета совместно с участниками проекта исследовала повторно всю территорию памятника.
3. В процессе археологических исследований три составные части центрального здания Фаязтепа для лучшей ориентации были названы блоками А, Б, С. Блок А - южный отсек по Л.И. Альбауму - хозяйственная часть. Блок В - средний отсек («храмовая» половина), блок С - «монастырская». Повторно исследованные помещения внутри каждого блока были пронумерованы как А-1, В-1, С-1; А-2, В-2, С-2 и т.д.
4. Альбаум Л.И. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе) // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 60.
5. Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // Изобразительное и прикладное искусство. Т., 1990, с. 26.
6. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998, с. 44.
7. Мкртычев Т.К. Буддизм в Термезе // Термез—древний и новый город на перекрестке великих дорог. Т., 2001, с. 56.
8. Пидаев Ш. Исследование ступы Фаязтепа // Консервация и реставрация руин Фаязтепа. Т., 2006.
9. Sims-Williams N, Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura/ 1994-1995, p. 73-75.
10. Ртвеладзе Э.В. К истории становления Кушанского государства в Бактрии и Гандхаре // Индия и Центральная Азия. Т., 2000, с. 147.
11. Woppearachchi O. Les premiers souverains Koushans: Chronology et iconographie monétaire // Journal des Savants Janvier-juin 2008, p. 52. (p. 3-52)
12. Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампиртепа в 2004 году // Материалы Тохаристанской экспедиции. Выпуск 2, Т., 2001, с. 7.

13. Благодарим Ж. Фуссмана за предварительное определение индоязычных надписей Фаязтепа
14. Пидаев Ш.Р. Исследование ступы Фаязтепа // Консервация и реставрация руин Фаязтепа. Т., 2006
15. Пидаев Ш.Р. Исследование ступы Фаязтепа // Консервация и реставрация руин Фаязтепа. Т., 2006, с. 35-36
16. Ртвеладзе Э.В. К периодизации буддийского комплекса в Айртаме // *ОНУ*, № 5-8, с. 72-77.
17. Пидаев Ш.Р. Исследование ступы Фаязтепа // Консервация и реставрация руин Фаязтепа. Т., 2006, с. 42.
18. Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // *Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство*. Т., 1990, с. 26.
19. Мкртычев Т.К. Буддизм в Термезе // *Термез древний и новый город на перекрестке великих дорог*. Т., 2001, с. 57.
20. Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // *Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство*. Т., 1990, с. 26.
21. Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-западном Тохаристане в раннем средневековье // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда*. Т., 1987, с. 129.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ФАЯЗТЕПА

По данным Л. И. Альбаума, с 1968 по 1976 гг. на Фаязтепа было обнаружено 44 монеты. Из них медных подражаний серебряным тетрадрахам греко-бактрийского царя Гелиокла – 3, монеты «Сотер Мегаса» – 6, монеты Вимы Кадфиза – 5, Канишки – 11, Хувишки – 2. Согласно Л.И. Альбауму, в слоях разрушения были найдены также монеты Васудевы – 10, Шапура I (243-273) – 1, Хормизда I (242-273) – 2, сасанидо-кушанские – 8. В погребениях были найдены также серебряные монеты эфталитского чекана, датируемые Э.В. Ртвеладзе V-VI в. н.э. В верхнем слое Фаязтепа был обнаружен клад, состоящий из 260 серебряных дирхемов Аббасидов и 3 – Омеядов.¹ Однако в публикациях Э.В. Ртвеладзе данный клад состоял из 247 дирхемов и по определению Г. Алимова, они были чеканены при халифах Хишаме (724-743), ас-Саффахе (749-754), ал-Мансуре (754-775), ал-Махди (775-785), ал-Хади (785-786), Харуне ар-Рашиде

	Особенности изображений и легенд		Раз- мер, мм	Место и обстоятельства находки		
	Л.ст.	Об.ст.		Объ- ект	Пом.	Слой
1.	"Сотер Мегас" Погрудное изображение правителя вправо. В левой руке дротик, за головой (на уровне IX ч.) тамга. Изображение окислено [Cribb, 1996, p. 114-115: fig. 12, type 5, variety a, b].	Всадник вправо. Круговая легенда сохранилась частично (конец первого слова): ... IAEOC... Изображение окислено. Монетный кружок обрублен на уровне X-XII ч.	21x20	Блок С	С 8	В кладке паховой стены
2.	Вима Кадфиз Контуры изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Круговая легенда сохранилась частично (конец первого и начало второго слов): ... OC BACI... Изображение коррозировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 760, 762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Правой рукой опирается на быка. Левая рука поднята вверх, изображение зажатого в ней трезубца не различимо. Вокруг тела Шивы путы (paša). Штемпель смещен вверх. Изображение коррозировано.	25x25,1	Блок А	А3	На поверхности суфы

3.	Вима Кадфиз Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Изображение корродировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 760, 762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Штемпель смещен влево. Изображение корродировано.	27,0x2 6,8	Блок В	В 20 "Б"	В заполне - нии ямы спу- щен- ной с пола 3.
4.	Вима Кадфиз Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Справа в поле палица, над ней тамга (незамкнутый круг с отходящими от него влево и вправо "усами" и четырехзубчатым навершием [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 3, 3]). Изображение корродировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984:762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Изображение корродировано.	26,1x2 6,1	Блок С	В про- ходе меж- ду пом. С8и С9	В кладке порога
5.	Вима Кадфиз Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Штемпель смещен влево. Изображение корродировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 760, 762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Изображение корродировано.	27,6x2 7	Восточ- ный фас	Двор- со- ступ- пой	На 4-м полу (от уровня д.п.)
6.	Канишка Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней, неразлично. Кругом мелкоточечный ободок. Монетный кружок неровный. Изображение корродировано. Легенда бактрийским письмом сохранилась частично (часть второго слова имени): ...рк... [Зеймаль, 1967, с. 68, рис. 8, 5; Göbl, 1984: 774-75, 801].	Божество с вытянутой правой рукой, обращенное влево. За плечами "рога" полумесяца. Кругом мелкоточечный ободок. Справа в поле (на уровне II-IV ч.) легенда бактрийским письмом: М(?) АО (Max).	24,9x2 5	Вос- точ- ный фас	Двор- со- ступ- пой	

7.	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Кругом мелкоточечный ободок. Монетный кружок неровный. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1967, с. 68, № 9; Göbl 1984: 768-71, 794, 796].	Божество с вытянутой правой рукой, обращенное влево (Михр). Вокруг головы лучистый нимб. На поясе меч, на рукояти которого покоится левая рука. Тонкими рельефными линиями передан плащ. Слева в поле под правой рукой тамга (полукруг с отходящими от него влево и вправо "усами" и четырехзубчатым навершием [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 3. -/]). Легенда не различима.	22x22 ,5	Блок А	Двор	На глубине 0,25 м от поверхности верхнего пола.
8.	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней, не различимо. Монетный кружок неровный, обрублен в нескольких местах (на уровне VI-VIII, VIII-IX и IX-X часов). Штемпель смещен вправо. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1967, с. 69, № 12; Göbl, 1984: 776, 805].	Божество в длинном одеянии, обращенное вправо. Руки подняты на уровень груди, изображение зажатых в них предметов не различимо. Слева в поле легенда: NANA. Точечный ободок сохранился частично (на уровне VI-XII часа). Изображение коррозировано.	26,5x 26,5	Блок В	ВЗ	В кладке свода в кирпиче
9.	Канишка I Изображение царя в длинном кафтане, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Лево́й рукой опирается на копьё. На голове кулах, поверх которого повязана диадема. Штемпель смещен вправо. Легенда начинается с I ч., заканчивается на XII ч., (с III по IX ч. разделена мелкоточечным ободком): ρΑΟ – ΚΑΝ Ἡ ρΚΙ [Зеймаль, 1967, с. 68, № 9; Göbl, 1984: 770-71].	Божество с вытянутой правой рукой, обращенное влево. Вокруг головы лучистый нимб. На поясе меч, на рукояти которого покоится левая рука. Тонкими рельефными линиями передан плащ. Слева в поле под правой рукой тамга (полукруг с отходящими от него влево и вправо "усами" и четырехзубчатым навершием [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 3, 4]). Справа в поле легенда: ΜΙΟΥΡΟ.	25.2x 25,1	Блок С	С4	На Поверхности пола

10.	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Монетный кружок неровный. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1967, с. 68, №9; Göbl, 1984: 768-71, 794, 796].	Контурсы изображения божества обращенного влево с вытянутой правой рукой. Легенда не различима. Изображение коррозировано.	25х 25,6	Блок С	В прох оде межд У пом. С 8 и С 9	В Кладке порога
11.	Хувишка Контурсы изображения царя на слоне вправо. Легенда не сохранилась. Изображение коррозировано. Штемпель смещен вниз [Зеймаль, 1967, с. 81-82, рис. 10,40,43].	Контурсы изображения божества, обращенного влево. Слева в поле тамга, различимо только четырехзубчатое навершие. Легенда не сохранилась. Изображение коррозировано.	23,0х 23,2	Блок А	А 12	На полу
12	Хувишка Контурсы изображения царя на тахте. Левая нога опущена, правая согнута в колене поставлена на сидение.левой рукой опирается на тахту, правая рука у пояса. Изображение коррозировано. [Зеймаль, 1967, с. 81-82, рис. 10,42, 45-45 а, 47].	Контурсы изображения божества обращенного влево. Правая рука вытянута, левая у пояса. Слева в поле тамга, различимо только четырехзубчатое навершие. Легенда не сохранилась. Изображение коррозировано.	21,2х 20,2	Блок С	С5	Западная стена, ремонтная кладка
13.	Хувишка Контурсы изображения царя на тахте. Левая нога опущена, правая согнута в колене и поставлена на сидение.левой рукой опирается на тахту, правая рука у пояса, остальные детали не различимы. Изображение коррозировано. [Зеймаль, 1967, с. 81-82, рис. 10, 42, 45-45 а, 47].	Хувишка Контурсы изображения царя на тахте. Левая нога опущена, правая согнута в колене и поставлена на сидение.левой рукой опирается на тахту, правая рука у пояса, остальные детали не различимы. Изображение коррозировано. [Зеймаль, 1967, с. 81-82, рис. 10, 42, 45-45 а, 47].	22,2х 20			

14	Хувишка Контур изображения царя на слоне вправо. Легенда не сохранилась. Изображение коррозировано. Штемпель смещен вниз [Зеймаль, 1967, с. 81-82, рис. 10,40,43].	Изображение божества обращенного вправо. В правой поднятой на уровень груди руке копье, левая рука у пояса. Слева в поле следы изображения тамги (не различимы). Легенда сохранилась частично (начало первого слова): рА... Штемпель больше монетного кружка, изображение божества увеличено.	21,8х 22,7	Восточный фас. Северо-восточная половина двора	Квадрат А,	0,10 м от поверхности пола
15	Васудева (I) Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Монетный кружок неровный (обрублен с VIII по XI ч.). Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1983, с. 217, табл. 24, 26-31; Göbl, 1984: 1000-1009].	Шива (изображение как бы врезано в изображение быка) перед горбатым быком (Нанди), обращенным вправо. Легенда не сохранилась. Изображение коррозировано.	19,3 х 21,1	Блок А	А3	На полу
16	Васудева (I) Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней, не различимо. Легенда не сохранилась за исключением двух несвязанных знаков справа в поле. Штемпель смещен вниз, так, что ноги царя попали под обрез. Монетный кружок неровный (обрублен в трех местах на уровне I-II, II-IV и IV-V часов) и обломан (на уровне XI-XII ч.). Изображение коррозировано [Зеймаль, 1983, с. 217, табл. 24, 26-31; - II-, Göbl 1984: 1000-1009].	Шива (изображение как бы врезано в фигуру быка) перед горбатым быком (Нанди), обращенным вправо. Легенда не сохранилась. Штемпель больше монетного кружка. Крупноточечный ободок сохранился частично (на уровне II-IV ч.). Изображение коррозировано.	21,2х 20,2	Блок С	С5	Западная стена, ремонтная кладка
17	Кушанская (?). Изображение полностью коррозировано, детали не различимы.	Изображение полностью коррозировано, детали не различимы.	20х2 0,9			Подъемная

18	Термезский локальный чекан	Подражание серебряным монетам Пероза	Блок В	Блок В Пом В11, в отвале.
----	----------------------------	--------------------------------------	--------	---------------------------------

Пом. С 8

Проход между пом. С 8 и С 9.

Пом. С 4

Пом. А 12

(786-809), ал-Амине (804-813), ал-Мамуне (813-833), в городах ал-Байде, Васите, Басре, Куфе, Рее, Мухаммадие, Мадинат-ас-Саламе, Зерендже, Балхе, Бухаре, Самарканде, Шаше, Мерве, Герате, Рафике.²

В 2003 г. в процессе исследования ступы Фаязтепа были найдены две монеты. Обе монеты принадлежат чекану кушанского царя Канишки I.³

В ходе археологических работ на Фаязтепа 2004-2006 гг. были найдены 18 монет, которые были определены А. Гориным и просмотрены Э. В. Ртвеладзе.⁴

Использованная литература

1. Альбаум Л. И. Живопись святилища Фаязтепа. // Изобразительное и прикладное искусство. Т., 1990, с. 26.
2. Ртвеладзе Э. В. Денежное обращение в Северо-западном Тохаристане в раннем средневековье. // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда. Т., с. 128-129.
3. Пидаев Ш. Р. Исследование ступы Фаязтепа // Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе. Т., ЮНЕСКО, 2006, с. 40-41
4. Описание соответствует типологии, приводимой в следующих нумизматических изданиях (имя автора, через двоеточие номер монетного типа; для некоторых работ приводится номер иллюстрации): Göbl, 1984 – Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984. Cribb, 1996 – Cribb J. The Rabatak Inscription, its historical implications and numismatic context. Part II. / Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Kamakura. Зеймаль, 1967 – Зеймаль Е.В. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа, т. IX. Л., 1967. Часть монет плохой сохранности и точное определение дать не удалось. В этих случаях приводится только общее определение монетного типа (например, "Хувишка").

КОМПЛЕКС ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ “ДУЛАНА БУЛАК” В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ АХАНГАРАНА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Долина реки Ахангарана является одним из перспективных регионов Центральной Азии в среднем бассейне Сырдарьи и, по данным археологических и письменных источников, она сложилась как центр по добыче рудных ископаемых, сначала цветных, а затем и благородных металлов, начиная с античного времени. Благоприятные природные условия, богатый растительный и животный мир региона привели к освоению её первобытными охотниками и собирателями ещё в пору древнекаменного века (многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак под Ангреном)¹. Первобытные люди оставили следы жизни в виде пещерных и открытых стоянок, отдельных орудий и громадных мастерских кремнеобрабатывающей индустрии (Кызылалмасай и Гыштсай)² и картинных галерей магического назначения с изображениями, высеченными на скалах Чаткала (Верхний Ирташ) и на валунах многочисленных горных саев (Куруксай, Кызылалмасай и др.)³.

Впоследствии горные склоны региона были заняты кочевыми и полукочевыми скотоводческими племенами культуры степной бронзы, архаического периода, античности, раннего средневековья и последующих периодов. Археологическими работами, проведенными нами и нашими предшественниками⁴ было установлено, что памятники погребальных комплексов Ахангаранской долины были сосредоточены в средней части долины. Здесь было выявлено 29 групп погребальных памятников с различными обрядами захоронения. Преобладающую группу составляли курганы с лёссовой насыпью, такие как Пскентское Мингтепа, Алмалыкское, Ханабадское и т.д.

Из групп Пскентского Мингтепа вскрытые курганы оказались с грунтовыми ямами от первых веков до н. э. и до XIV в.н.э⁵

Верховья бассейна реки Ахангаран, особенно выше города Ангрена изучены недостаточно полно, здесь выявлено 11 погребальных групп, из них преобладающее большинство представлено курганами с каменной насыпью. Вскрыты курганы кызылалминской группы, представленные наземными группами труположений. Подавляющее большинство из них было ограблено кладоискателями. Сохранившийся погребальный инвентарь в основном представлен керамикой, датируемой первыми веками нашей эры. Большой интерес представляли погребальные сооружения Апартака, расположенные в 2 км от г. Ангрена. Вскрытые здесь в 1960-70 годах подземные каменные склепы в виде подквадратных в плане камер с купольными перекрытиями и узкими длинными входами, которые сверху были завалены каменной насыпью, оказались ограбленными. Сохранившийся инвентарь представлен фрагментами глиняных сосудов и украшениями из золота, стекла, бронзы, характерными для позднего Каунчи II и частично для раннего средневековья⁶.

Чётко представляя перспективность проведения археологических работ в верховьях реки Ахангарана и с учётом информации, полученной от К.А.Крахмаля – археолога областного государственного педагогического института в г. Ангрен, весной 2009 года организовали научную экспедицию.

Экспедиция состояла из групп одарённых студентов, магистрантов и аспирантов исторического факультета ТГПУ имени Низами. В задачу экспедиции входило изучение горных ландшафтов верхнего Ахангарана, ознакомление молодёжи с методами поисков, разведки, раскопок разных археологических памятников, обучению их работе на археологических объектах, ведение камеральной и научной обработки археологических материалов в лабораторных условиях. Тем самым планировалось подобрать и подготовить из их числа склонных к археологии молодых научных работников. Для осуществления этого под научным руководством археолога – академика А.Аскаророва предполагалось проведение полевых работ по двум направлениям: собственные раскопочные работы и ведение археологической разведки с целью выявления и картографирования новых объектов – курганных захоронений, рудных выработок, поселений и замков рудокопов в горных долинах в верховьях Ахангарана.

Рекогносцировочные археологические работы, произведенные нами в 2009 г. в верховьях Ахангарана, позволили выявить в районе горного посёлка Чинар две группы погребальных памятников. Первая из них – грунтовый могильник, где погребальные сооружения имели конструкцию в виде подквадратных в плане камер с куполом, с длинным дромосом и узким входным отверстием в погребальную камеру. В конце длинного дромоса узкий проём в камеру был перекрыт огромной каменной плитой или несколькими каменными глыбами. Купола погребальных камер сохранились хорошо, что позволяет полностью выявить конструкцию погребальных сооружений. Скелеты погребенных и сопровождающий их инвентарь не были засыпаны землей, т.е. в погребальной камере оказалось покое пространство, что редко встречается в археологической практике.

Здесь сохранились даже вещи из мягких материалов, деревянные гробы, волосы погребенных, т.е. масса материалов для проведения лабораторных анализов. По составу погребального инвентаря можно даже установить, чем занимался умерший при жизни. Комплекс археологических материалов принадлежит к каунчинской культуре и датируется концом Каунчи I – началом Каунчи II, т.е. рубежом нашей эры. Здесь находится целое могильное поле. Здесь вскрыто пока пять могил с аналогичным полым пространством в погребальной камере.

Вторая группа памятников верхнего Чинара представлена каменными курганами, выборочное вскрытие трёх из них показало подбойные конструкции со сравнительно бедным погребальным инвентарём более раннего времени, чем грунтовые могилы первой группы. Оба могильника являются перспективными для проведения здесь дальнейших археологических исследований, особенно грунтовый могильник с богатым погребальным инвентарем.

После этой краткой информации об истории находок из верхнего Чинара опишем вскрытие нами могил, как катакомбных грунтовых, так и с каменными надмогильными сооружениями округлой формы, длинные широкие открытые входные коридоры которых были заложены камнями до устья подбойных погребальных камер.

Еще в 2007 г. по трассе высоковольтной электрической линии Ташкент – Фергана в районе посёлка верхнего Чинара при установке рабочими металлического столба на глубине около 3-х м было обнаружено погребение с десятью глиняными сосудами. Место близ посёлка верхнего Чинара живописное, представляет собой наклонно вытянутый с севера на юг мысообразный адыр. С востока и запада адыр ограничен глубокими каньонами Кансая и Ингичкася. Над южной ча-

стью адырного поля находится древний могильник, лишенный всяких надмогильных сооружений. Примерно в 500 м к северу от него по склону адыра располагались каменные насыпи округлой формы, что свидетельствует о наличии здесь древнего могильника иного типа, чем первого. Южное могильное поле получило условное обозначение «Объект А», тогда как северная группа – «Объект Б»

По узкому бассейну Ингичкася, на солнечной стороне «Объекта А» были выявлены развалины многочисленных горных жилищ с остатками каменных стен. Не исключено, что это – руины поселения, жители которого хоронили своих умерших в вышеупомянутом могильнике и синхронны ему. От них вверх по течению сая, среди густых зарослей боярышника находится источник пресной воды – родник, именуемый населением окружающих местностей «Дўлана булок» (Родник-боярышник), благодаря которому жители данного поселения не чувствовали недостатка в питьевой воде, даже в летное маловодное время. Поселение было расположено в таком естественно удобном месте, которое в зимнее время укрывала возвышенность (кыр) от северного холодного ветра. Жители аула, по всей вероятности, занимались яйлажным горным скотоводством.

Таким образом, на верхнем Чинаре нами были выявлены, кроме могильников, «Объект А», «Объект Б» и «Объект В», которые составляют единый комплекс памятников, названных нами «Дўлана булок».

«Объект А»

Могила, обнаруженная в 2007 г., судя по рассказам рабочих, была, по всей вероятности, катакомбной. Она была богатая, при скелете стояли 10 глиняных сосудов. Ручки отдельных сосудов оформлены фигурками горного архара и козла, что свидетельствует о принадлежности их к Каунчинской культуре оседающих древних тюрков Ахангаранской долины древнеташкентского оазиса.

Могила №1 была катакомбная, с длинным подземным ходом, в конце которого вертикально стояла широкая каменная плита, которая закрывала входное отверстие перпендикулярно расположенной погребальной камеры. В камере на полу лежали скелеты с богатым погребальным инвентарём. Всё это позволило ориентироваться в поисках новых могил.

Могила №2 была обнаружена около погребения №1, ниже твёрдого грунта земли, т.е. на глубине 2,40 м выявлен дромос с мягким земляным заполнением. Дромос имел направление с юга на север, длину 2,5 м, размеры 105x80 см. Северный его конец упирался вертикально поставленную каменную плиту, которая закрывала входное отверстие погребальной камеры. В качестве укрепительной меры за плитой вплотную был поставлен большой камень, а верхние угловые щели плиты были закрыты небольшими камнями. Оставшаяся в правом верхнем углу дыра перегороджена глиняной плоской чашей.

После фотофиксации каменная плита была извлечена, и за ней открылось узкое (35x50 см) входное отверстие длиной 40 см, ведущее к перпендикулярно расположенной погребальной камере. Погребальная камера не была заполнена землей, она имела прямоугольную форму, округлые углы и размеры 240x194 см. Высота потолка камеры 87 см, на стенках сохранились чёткие следы орудия, при помощи которого была вырыта камера. Лежавшие в камере скелеты и сопровождающий их инвентарь остались нетронутыми и были покрыты вековой пылью, что редчайшее явление в археологической практике. В камере лежали два вытянутых на спине скелета в анатомическом порядке, головой на восток, к восходу

солнца. В глубине камеры, на северной половине, в деревянном гробу (рис. 1) лежал скелет мужчины в возрасте 40-45 лет. Под черепом каменная подушка. Гроб был установлен на кусках нескольких каменных плит. Сохранность черепа очень плохая (рис. 2), сохранилась лишь коробка черепа, а лицевая часть, за исключением обеих челюстей, рассыпалась. Около плечевой кости стоял кувшин. Второй скелет принадлежал женщине в возрасте 30-35 лет. Она тоже лежала на спине, головой на восток. Под сгнившим черепом каменная подушка, в области ушных отверстий заржавленная железная серьга, за затылочной частью черепа сильно заржавленный непонятный железный предмет, в области груди – ожерелье из разных каменных бус, среди которых находились два вотивных колокольчика, около тазовой кости стоял черноангобированный кувшин, другой кувшин с ручкой – у ног скелетов около южной стенки камеры. Ближе к выходу, около черепа женского скелета стояли 6 глиняных сосудов, в некоторых из них сохранились остатки пищи (рис. 3); ручки некоторых из них были оформлены в виде фигур животных. Два сосуда красно ангобированы и залощены до зеркального блеска, а один из них ангобирован темновато-красным ангобом.

Таким образом, в могиле при двух скелетах были обнаружены 10 керамических сосудов, железная серьга, нож и много каменных бус разной формы.

Могила № 3 была обнаружена примерно в 30 метрах к северо-востоку от могилы №2. На глубине 1 м от дневной поверхности, в южной стенке траншеи стал выявляться дромос, который резко контрастировал своим темноватым мягким грунтом с твёрдым материковым слоем. Четко очерченный дромос направлялся с северо-запада на юго-восток, и был длиной 2,3 м, шириной 80 см. В северо-восточном конце на глубине 2 м начали появляться камни, перекрывающие входное отверстие могилы. Погребальная камера, как и предыдущая, не была заполнена землей, имела подпрямоугольную форму с округлыми углами и размеры 280x235 см. В камере лежали три скелета, два из которых занимали центральную часть камеры (рис. 4). В глубине камеры лежал скелет мужчины 35-40-летнего возраста, рядом с ним головой на северо-восток – скелет женщины примерно 30 лет. В головах погребенных был помещен скелет подростка, лежавшего головой на северо-запад.

Скелеты относительно хорошей сохранности находились в анатомическом порядке, на черепе мужского скелета даже сохранились остатки волос (рис. 5). Около бедренных костей мужского скелета обнаружены 6 железных наконечников стрел. Все они – трёхлопастные, черешковые. На черешке даже сохранились остатки древка (рис. 6). На тазовых костях мужского скелета лежала железная поясная пряжка. В грудной части женского скелета – ожерелье из каменных бус. Большинство из них из-за сильного засоления потеряло форму. Они изготовлены из яшмовидных пород камня, мрамора и бирюзы. Среди них имеется один миниатюрный металлический колокольчик. У ног женского скелета стояло три глиняных сосуда (рис. 7). В области ушных отверстий подростка следы сильно заржавленных тонких колец из железа. На пальце руки – железный перстень. Около западной стенки камеры местами сохранились следы пепла.

Могила № 4. На глубине 2,40 м выявлена камера, подквадратной формы, размерами 240x215 см. Максимальная высота свода 110 см, глубина могилы от дневной поверхности 290 см.

В могиле оказались два скелета, которые лежали на плиточной подстилке. Оба помещены головой на восток (рис. 8). Скелеты принадлежат мужчине и жен-

Рис.1. Остатки деревянного гроба из могилы № 2 (Объект А)

Рис. 2. Сохранность скелета в камере могилы № 2 (Объект А)

Рис. 3. Погребальные сосуды с остатками пищи из могилы № 2 (Объект А)

Рис. 4. Сохранность скелетов и погребальные предметы из камеры могилы № 3 (Объект А)

Рис. 5. Состояние сохранности черепа с остатками волос могилы № 3 (Объект А)

Рис. 6. Железные наконечники стрел с остатками на черешке древка из могилы № 3 (Объект А)

Рис. 7. Глиняные сосуды из могилы № 3 (Объект А)

Рис. 8. Панорама погребальной камеры могилы № 4 (Объект А)

Рис. 9. Панорама погребальной камеры могилы № 5 (Объект А)

Рис. 10. Панорама поля курганных захоронений – курумы (Объект Б)

Рис. 11. Вид в разрезе дромоса, заложенного камнями (Объект Б)

Рис. 12. Намогильное сооружение кургана № 2 (Объект Б)

Рис. 13. Состояние сохранности скелета кургана № 2 (Объект Б)

Рис. 14. Намогильное сооружение кургана № 4 (Объект Б)

Рис. 15. Центральная часть намогильного сооружения кургана № 5 (Объект Б)

Рис. 16. Панорама погребальной камеры кургана № 5 (Объект Б)

щине не менее чем 50-летнего возраста. Черепа и грудные части скелетов сильно раздавлены и потревожены. Черепная коробка женского скелета лежала около его таза, нижняя челюсть была перевернута, а остальная часть черепа превратилась в труху. Берцовые кости женского скелета отсутствуют, одна лучевая кость лежала около раздавленного черепа. В области ног, около входного проёма стояли два сосуда. Один из них – большой кувшин светло-кирпичного цвета, второй – кружка с ручкой темного цвета, со следами закопченности. Сосуд был вертикально надтреснут и имел следы заклепки. В области головы мужского скелета кости жертвенного животного (одна ножка, ребро и астрагал). На костях рук женского скелета следы окиси от пронизки бронзовых бус, которые оказались очень плохой сохранности, поднять их не удалось.

Могила № 5. Дромос пятой по счету могилы был обнаружен на глубине 280 см от дневной поверхности. В погребальной камере размерами 260x220 см на глубине 3,5 м лежали два скелета головой на восток (рис. 9). Высота свода камеры 140 см. В глубине могилы помещен скелет женщины примерно лет 35, рядом, ближе к входному проёму лежал скелет мужчины, умершего возрасте 45 лет. Череп сдвинут с места, лицевые кости раздавлены, видимо, в момент обвала свода камеры, нижняя челюсть покойника так же раздавлена. Не исключено, что скелеты сильно пострадали в момент обвала. Рядом с черепом мужского скелета стоял единственный предмет – темно-серая кружка, со следами закопченности и с ручкой (рис. 9).

Таким образом, комплекс памятников “Дўлана булоқ” «Объект А», открытый на южном склоне Чаткалского хребта, в районе верхнего Чинара, судя по составу погребального комплекса, принадлежал к культуре Каунчи, к которой относились оседающие скотоводы Верхнего Ахангарана. Хозяйственно-экономическую основу составляло яйлажное скотоводство. Заложив свои аулы в таких удобных для жилья местах, как «Объект В», в благоприятных естественно-географических условиях, на берегах горных саев, они занимались богарным земледелием и садоводством.

Изучая погребальное устройство, состав погребального инвентаря и проведя сравнительный анализ в хронологическом и историко-культурном аспекте с одновременными аналогичными памятниками Ташкентского оазиса, мы пришли к выводу, что: во-первых, жители были скотоводами, носителями культуры полуседлого образа жизни в горных местностях. Во-вторых, комплекс «Объект А» относится к поздней фазе Каунчи I и ранней Каунчи II, абсолютная дата I в. до н.э.– I в. н.э. В-третьих, «Объект А» хронологически и в историко-культурном отношении соответствует второму этапу этногенеза узбекского народа, когда мощная волна тюркоязычных хуннов проникает из нижней Сырдарьи к среднему её бассейну, т.е. по всей территории древнеташкентского оазиса распространяются тюркоязычные племена. В-четвёртых, если учесть тот факт, что средний бассейн Сырдарьи в античности был ядром формирования расы среднеазиатского междуречья, характерной для узбекского народа, то носители культуры нашего объекта оказались непосредственными участниками этого этнокультурного процесса.

«Объект Б»

Одновременно велись археологические раскопки и на могильнике «Объект Б». Памятники этого круга в отличие от могил «Объекта А» имели надмогиль-

ные юртообразные сооружения из кладки камней округлого очертания (рис. 10). Здесь таких каменных сооружений было зафиксировано 6. Сохранность их хорошая, они были лишь покрыты травой. На высокой поверхности их не заметны следы ограбления. Такое состояние курганов показывало, что мы имеем дело не с ограбленными курганами.

С целью изучения каменной структуры курганов начали работы с расчистки надмогильных сооружений одного из них, после чего стало ясно, что надмогильное сооружение имеет округлую форму диаметром 7,60 – 7,35 м. На глубине 2 м от дневной поверхности обнажилась погребальная камера овальной формы размерами 2,45x1,25 м. На дне могилы лежали отдельные кости погребенного, в частности, нижняя челюсть, коробка черепа и т.д. По строению могила была подбойной. Дно погребальной камеры находилось на 65 см ниже входной ямы. Входная яма имела форму длинного открытого коридора, заполненного кладкой камней (рис. 11). Ширина 1,20 м, длина 3,5 м, т.е. коридор начинался от края круга до камеры погребенного. Из разреза видно, что сначала поверхность могилы была засыпана землей, вынудой как из погребальной камеры, так и из входного коридора, после чего над ними укладывались надмогильные камни (рис. 11). Всё это мы наблюдаем на примере могилы, обозначенной нами под номером **курган № 1**, что служило ориентировкой для дальнейших раскопок новых курганов.

Курган № 2. В 30 метрах от первого кургана под дерном лежал второй курган, после расчистки надмогильных камней была выявлена круглая в плане каменная насыпь диаметром 4,60 м (рис. 12). Погребальная камера была найдена на глубине 110 см от дневной поверхности, она имела прямоугольную форму с округлыми углами, размерами 215x130 см и была ориентирована с северо-востока на юго-запад. Входной коридор, заполненный кладкой камней, находился с юго-восточной стороны каменного кургана. Ширина его 1,5 м, вертикальная высота 2,10 м.

На дне камеры на спине лежал скелет головой на северо-восток (рис. 13). На поверхности тазовой кости лежала сильно заржавленная поясная пряжка. Напротив черепа, около входного проёма стояли два глиняные сосуда. Чёрный, вертикально треснутый сосуд со следами скрепления медной ленточкой, видимо, ранее служил для кипячения жидкой пищи или молока, о чем свидетельствуют следы закопченности на поверхности сосуда. Второй кувшин без ручки кирпичного цвета.

В области черепа скелета, чуть ниже его, были обнаружены обломки костей и череп от другого погребенного. Второй скелет оказался уровнем ниже (на 15 см) от первого, лежал прямо под ним, значит, тот череп, который лежал в северо-западном углу камеры, принадлежал второму скелету. Следовательно, в могилу в разное время были захоронены два покойника, видимо, муж и жена. Сначала умерла жена в возрасте 30-35 лет, затем её муж, которому было 35-40 лет. Они жили очень бедно, судя по тому, что в могиле оказались всего лишь два сосуда и железная поясная пряжка.

Курган № 3 находился в 20 м к югу от кургана № 2, и состоял из трёх кучек камней. На первый взгляд, каждая кучка камней представляла собой отдельную могилу. Однако расчистки камней и поиски могил до глубины 2 м не дали никаких результатов – ни останков скелета, ни погребальных предметов.

Курган № 4 находился между курганами № 3 и № 5. Проводилась тщательная

расчистка надмогильного сооружения (рис. 14). Однако вскрытие могил было отложено на будущее.

Курган № 5 – самое большое сооружение среди могил на “Объекте Б”. Размер выкладки надмогильных камней 7x8 м. Северо-восточная часть круга насыщена камнями, а на юго-западной стороне они были насыпаны гораздо реже. На первый взгляд, судя по расположению камней, погребальная камера занимает центральную часть круга (рис. 15). Однако в процессе раскопок выяснилось, что она находится на северо-восточной его части, т.е. здесь ниже двух рядов камней обнажился чистый грунт, под которым на глубине 1,5 м действительно оказалась погребальная камера, вытянутая с северо-востока на юго-запад, прямоугольной формы с округлыми углами, размерами 170x227 см, с юго-восточной стороны был расположен дромос, проём которого, ведущий в камеру, был заложен камнями. Размер проёма в камеру 50x50 см. Внутри камера заполнена землей, её потолок куполовидный, высота купола от дна могилы 140 см. В камере лежали два скелета на спине, головой на север (рис. 16). Они лежали на глубине 280 см от дневной поверхности надмогильных камней. Череп женского скелета обращен на восток. Затылочная часть черепа мужского скелета и нижняя челюсть сохраняли анатомический порядок, но лицевая часть его черепа нарушена и оказалась около плечевой кости.

В области ног скелетов стоял большой кувшин. Со стороны входного проёма, около левой руки женского скелета стоял тёмный сосуд-кипятильник в виде большой кружки с ушком. На тазовой кости мужского скелета лежал сильно заржавленный железный нож, рядом с ним еще какой-то костяной предмет. Около колена лежал ещё какой-то железный предмет очень плохой сохранности. Близ коленной чашки женского скелета лежал сильно раздавленный сосуд, темного цвета, внутри него сохранились остатки пищи, видимо, этот сосуд был котлом для варки пищи.

Таким образом, результаты раскопок хронологически одновременных и конструктивно разных погребальных памятников показывают перспективность археологического изучения долины Ахангарана, тем самым позволяют наметить пути хозяйственного освоения и этнокультурного развития племен оседающих горных скотоводов эпохи античности и раннего средневековья. Если внимательно просматривать на положение скелетов и ориентацию могил, то наблюдается общая закономерность, единые исторические корни их происхождения, связанные с миграцией группы племен из нижней Сырдарьи Жетиасарского круга культур древних скотоводов. Это подтверждается также общим обликом археологических комплексов в целом.

Древнечачский оазис, в том числе и Ахангаранская долина, начиная с эпохи поздней бронзы, особенно в эпоху античности играл роль контактной зоны между ираноязычными согдийцами и тюркоязычными хунно-усунями. Тюркоязычные хунны свободно проникали в глубь Мавераннахра, в результате чего в регионе средней Сырдарьи, как нам кажется, в эпоху античности сложился особый чачский диалект согдийского языка, в котором проявились тенденции отуречивания автохтонного населения, что привело в конечном итоге к появлению в позднеантичном и раннесредневековом Чаче и Илаке кангарского народа с древнетюрским языком.

Известно, что в этот период в обществе автохтонного скотоводческого населения Ташкентского оазиса – Заяксартских саков (к которым относится и скотово-

ды бассейна Ахангарана) уже в эпоху античности происходил процесс интенсивного оседания, в результате чего на севере Средней Азии возникает, как политическая оппозиция, полукочевое государство Кангюй, ставшее потом грозным соперником Кушанской державы. Столицей этого государства становится город Александрия Эсхата, город, построенный Александром Македонским как военный лагерь против зяксартских саков, эллинизированная градостроительная планировка которого была выявлена академиком Ю.Ф. Буряковым в процессе раскопок на городище Канка,⁷ древнем Харашкете, расположенным в низовьях реки Ахангаран, близ реки Сырдарья. Это государство занимало обширную территорию от Сырдарьи до Приаралья, временами расширяясь на запад вплоть до Самаркандского и Бухарского Согда включительно.

В недрах Кангюйского государства интенсивно развивается оседло-земледельческая культура, тесно связанная с соседними кочевыми районами. По раскопкам памятника Каунчитепа, расположенного в черте современного города Янгиюль, памятники этой культуры называются «каунчинской культурой»⁸ и датируются с II-I вв. до н.э. и до начала VI века н.э.⁹ Памятники каунчинской культуры широко распространены в нижней и средней части долины Ахангарана. Основную группу погребальных памятников среднего бассейна реки Ахангаран в основном составляли погребения в катакомбах с дромосом. Они были датированы временем Каунчи I и Каунчи II¹⁰. Они располагались цепочками на холмистых склонах, близ горных саев, образующих реку Ахангаран. Памятники каунчинской культуры были широко распространены в долине Чирчика, также и по всей территории Южного Казахстана¹¹. На археологическом материале конца III и начала IV в. н.э. довольно четко прослеживается распространение её влияния на культуры древней Ферганы, древнебухарского оазиса и даже центрального и южного Согда. В IV-V вв. элементы культуры появляются в памятниках бактрийских владений.

Научно доказано, что в этнической основе носителей каунчинской культуры присутствуют два разноязычных этнических компонента, т.е. шел процесс ассимиляции ираноязычного сако-согдийского и тюркоязычного хунно-усуньского пластов, которые в античности составляли основу населения среднего и нижнего бассейна Сырдарьи. Эта высказанная в свое время С.П. Толстовым¹² научная точка зрения была поддержана академиком К. Шаниязовым¹³ и профессором Т.К. Ходжайовым¹⁴ и послужила поводом к удревнению начального этапа этногенеза узбекского народа¹⁵ до образования Кангюйского государства.

Кангюйское государство, северо-восточная граница которого доходила до реки Урал, охватывая весь юго-восточный склон Уральских гор, способствовало политической консолидации тюркоязычных племен и народов в среднем бассейне Сырдарьи, где происходил процесс этногенеза узбекского народа, с характерным для него антропологическим типом («раса среднеазиатского междуречья»). Всё это определяет научную важность и перспективность археологического изучения бассейна Ахангарана. Если сюда добавить перспективность этого региона в плане горнорудного производства, имеющего огромное значение в экономике страны не только в эпоху раннего, но и развитого средневекового Чача и Илака, то ещё более усиливается научная актуальность изучения памятников долины Ахангарана.

Использованная литература

1. Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. *МИА*, № 185, Л., 1972, с. 111-119;
Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореф. докторской дис. Новосибирск, 1990, с. 3, 13-20.
2. Касымов М.Р. Памятники каменного века в долине Ангрена. *ОНУ*, № 2, Т., 1967, с. 57-58;
Касымов М.Р. Мастерские каменного века в долине р. Ангрена. *ИМКУ*, № 8, Т., 1969, с. 21-31.
3. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области. Т., 1973, с. 84-85.
4. Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I-VIII вв. н.э. Автореф. канд. дисс. Т., 1966.
5. Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрена. *ИМКУ* № 6. Т., 1966.
6. Буряков Ю.Ф. и др. Археологические памятники, с. 76-100.
7. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982, с. 52-57.
8. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития, с. 5-6, 9-10, 55.
9. Буряков Ю.Ф. Взаимодействие оседлых и кочевых народов в Средне-Сырдарьинском оазисе (древность и средневековье). Доклад на международной конференции «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». 7-8 IX. 2009. Самарканд.
10. Григорьев Г.В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Уз.ССР в 1934 г. Т., 1935.
11. Григорьев Г.В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Т., 1940.
12. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чордары (археологические исследования в зоне Чордаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.
13. Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. № 6-7, 1947, с. 303.
14. Шаниязов К.Ш. Қанғ давлати ва қанғарлар. Тошкент, 1990, с. 5.
Шаниязов К.Ш. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001, с. 19.
15. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докторской диссертации. М., 1981, с. 19, 37-38.
16. Аскаров А. Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. Тошкент, 2007, с. 60-61, 215-216.

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ЖИВОПИСИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Еще недавно казалось, что художественная культура Бактрии достаточно хорошо изучена и, хотя ежегодные новые находки постоянно пополняют галерею бактрийского искусства, но картина на полотне, найденная в Синьцзяне и опубликованная Б. Маршаком и Ф. Грене, вдруг открыла, что из поля зрения ученых и искусствоведов выпал целый жанр изобразительного искусства.

Декоративное ткачество археологически зафиксировано с древнейших времен. Но ситуация с живописью на ткани гораздо более туманна, и вряд ли кто-то может уверенно назвать время и место ее возникновения. Бытует мнение, что она существовала еще в Древней Греции, но ссылок на подлинные находки мне найти не удалось. Известны фрагменты живописи на полотне и шелке гораздо более позднего времени – VIII-XI вв., найденные в Синьцзяне (Turks, 2005, p. 47, 61). В Европе с X века фиксируется распространение холста как живописной основы, но наклеенного на дерево. Живопись на свободно натянутом холсте появилась в Европе, вероятно, не ранее XIV или XV века. Если бы даже обнаружилось, что опубликованная Б.Маршаком и Ф.Грене картина и не является самой ранней находкой станковой живописи на свободно натянутом холсте в мировом искусстве, то для Бактрии кушанского времени это находка сенсационна, ибо перевернула наши представления об искусстве Бактрии.

Статья Б. Маршака и Ф. Грене с комментарием П. Бернара (Marshak, Grene, 2006) вводит в научный оборот уникальное произведение искусства – картину на ткани, представляющую царя, сидящего в окружении придворных и жрецов на архитектурном фоне и в декоративном обрамлении¹. До этой находки живопись в регионе представляли настенные росписи, и во многих случаях, например, в Дильберджине, Пенджикенте, Афрасиабе, Варахше, Тавке, Шахристане и др., их совершенство и законченное мастерство заставляет задуматься не только о существовании и развитии различных школ, возникших, конечно же, не на пустом месте, но и о самом процессе подготовки художников, которые не могли обходиться без штудий, предварительных набросков, эскизов и мобильных образцов, фиксирующих одобренные заказчиком или просто удачные варианты композиций. Самым вероятным кажется предположение о том, что подобное полотно могло служить или эскизом будущего произведения, подобно тому, как художникам Возрождения при создании фресок служили картоны или образцом, «прописью» уже существующей настенной росписи. Связь данного полотна с настенной росписью кажется несомненной; оба эти жанра подчинены единым композиционным и колористическим законам и создаются одними и теми же мастерами. Совпадения между ними простираются даже на мельчайшие детали.

Конечно, живописное полотно после его создания приобретало и самостоятельную ценность, а его мобильность давала ему дополнительные преимущества перед стенной росписью – оно могло служить той же конечной цели – прокламации царской власти на территориях, далеких от места его создания. Но перед лицом времени этот жанр оказался уязвим настолько, что целый век регулярных раскопок не выявил даже фрагмента живописи на ткани кушанского времени, и

только благодаря уникальным археологическим условиям Синьцзяна могло сохраниться это замечательное полотно.

Статья Б. Маршака и Ф. Грене (Marshak, Grene, 2006; Маршак, Грене, 2010) посвящена, в первую очередь, идентификации персонажей и сюжета, анализу наиболее значимых реалий и атрибутов, а также определению их места в историческом и социальном контексте. Поль Бернар в своем комментарии, кроме исторического и археологического аспекта, в нескольких лаконичных, но ярких образных фразах уделил также внимание художественным достоинствам произведения. Авторы атрибутировали его как выполненное в Бактрии в кушанское время и представляющее кушанского правителя (возможно, Хувишку) в сцене инвеституры.

В данной статье осуществлена попытка реконструкции утраченной части (рис. 1.), уделено внимание отдельным художественным и техническим нюансам, костюму персонажей, а также малозаметным или предполагаемым деталям композиции.

Центральную часть композиции занимает фигура царя, сидящего на небольшом возвышении или просто на ковре. Церемония происходит в открытом общественном месте, на фоне архитектурного сооружения храмового типа. Если предположить, что изображено конкретное историческое событие, то представляется, что в реальности действие должно было происходить на площади перед храмом в присутствии зрителей, то есть свиты, войска, при большом стечении народа, хотя древний художник изобразил только основных участников. Вряд ли будет ошибкой предположение, что художник тоже мог состоять в придворном штате.

Ковер, на котором восседает царь, пурпурно-розового цвета с каймой из чередующихся кругов и квадратов² голубого цвета на светлом фоне. Видимо, по самому краю проходит еще один узкий светло-розовый бордюр (при беглом взгляде его можно принять за ножку трона). Единственный сидящий персонаж – царь – сидит на этом ковре, скрестив ноги. Его крупная голова показана в профиль, от всей атлетически сложенной фигуры веет уверенностью и силой. Создается впечатление, что его лоб имеет резкую покатость, которая зрительно сочетается с орлиным носом и пронзительным взором; но нельзя исключить, что лоб царя мог быть более прямым, почти таким, как у остальных персонажей. Иллюзия резко покатога лба может возникать благодаря утрате, граница которой проходит по наклонной линии и лишь случайно совпадает с анатомически возможной и иконографически убедительной.

Взгляд царя направлен вправо (для зрителя – влево) и вниз, благодаря чему создается стойкое убеждение, что на утраченном фрагменте в том месте, где он перекрещивается с опущенным взглядом жреца, должен находиться небольшой по размеру, но весьма важный персонаж (Маршак, Грене, 2010, с.153). Но при попытке продолжить линии фигур царя и служителей храма, и в особенности после завершения реконструкции (рис. 1) определилось, что для персонажа по правую руку царя недостаточно места. Маловероятно, чтобы наследник или преемник разместился в этом узком промежутке. В сцене нет и божества, вручающего власть; здесь доминирует явно царь, все персонажи подчинены ему: стоящий за его спиной царедворец, держащий наготове блюдо с дарами, военачальник, чье присутствие говорит о поддержке войска, оставшегося «за кадром», жрецы с покорно склоненными головами и почтительно опущенными глазами. Какие иные причины, кроме введения во власть, могли быть причиной столь торжественного

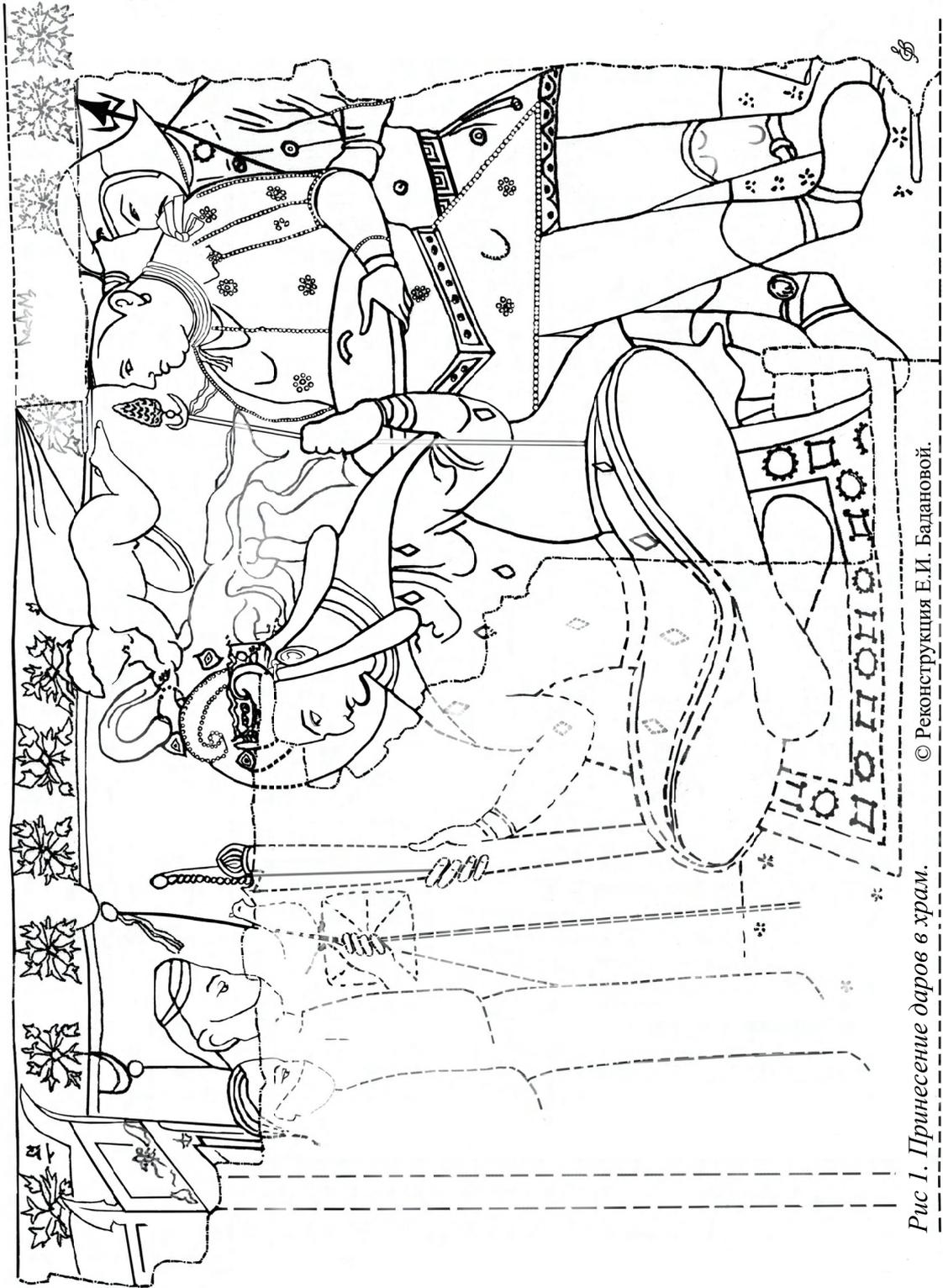

Рис 1. Принесение даров в храм. © Реконструкция Е.И. Бадановой.

собрания всех этих людей на площади перед входом в храм? Возможно, царь принимает храм и религию в лице ее служителей под свое покровительство? В изучении религиозной ситуации кушанского времени много неясностей, и анализ представленной картины в этом плане мог бы пролить свет на этот важный вопрос.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ. Головной убор царя весьма сложен и состоит, по всей вероятности, из двух самостоятельных частей. Длинные свисающие вниз лопасти, скорее всего, принадлежат башлыку. Этот древний головной убор мог изготавливаться из разных материалов: ткани («карбос»), кожи, фетра, тонкой выделки войлока и т.д. и известен в кочевническом мире во многих разновидностях, к основным из которых можно отнести персидский кирбасий (Abdullaev, Badanova, 1998, p. 203-206), а также башлык «скифского» типа, снабженный двумя или четырьмя лопастями (рис. 2 а, б). Эти лопасти варьируются по форме и по длине; вариации по длине – признак, видимо, в большей степени временной, хотя и неоднозначный, а вариации по форме следует относить к этническим признакам. В.Н. Пилипко даже считает, что для каждого племени был характерен свой покррой, выполняющий также функцию опознавательного знака (Пилипко, 2001, с. 296). К наиболее древнему типу этого головного убора можно отнести башлыки с длинными лопастями, несмотря на то, что они продолжают бытовать и в более позднее время. Они могут завязываться на затылке, сбоку или у подбородка, обертываться вокруг шеи, защищая от ветра, пыли и т.д. Интересно, что, как и у царя на картине, эти древние башлыки часто не закрывают ушей, которые видны между боковых лопастей (рис. 2 а, б). Возможно, со временем лопасти утратили свой функциональный характер, и, как замечает в своем комментарии П.Бернар (Маршак, Грене, 2010, с.157), стали скорее декоративной или символической деталью, а подчас и просто данью традиции. Встречаются также башлыки с короткими лопастями (рис. 4 а, б).

На голову царя надет вначале башлык, поверх него водружена сложная корона с мягким верхом, приподнятым и загнутым в виде волноты; она украшена жемчужной пронизкой или мелкими округлыми бляшками³ по контурным линиям. Нельзя исключить возможность того, что сама корона могла иметь открытый верх, не закрывающий верхней части башлыка, подобного башлыкам на рис. 2 б, только должным образом декорированного.

Если вопрос с башлыком хотя и не решен, но уже более или менее понятен, то далее приходится вступать в область догадок. Корона изготовлена из нескольких разных материалов: ее верх (или верх башлыка) – видимо, из ткани и украшен округлыми перлами. Полоса или опушка вокруг головы, основа собственно короны – ткань или мех золотисто-красного цвета, на котором крепятся оправленные в золото самоцветы (лазурит? его цвет передан очень точно), и множество золотых деталей (цвет золота также передан весьма натурально). Некоторые из этих деталей производят впечатление гибких (объемные многорядные золотые цепи?), некоторые кажутся твердыми и четко фиксированными, например, крупное кольцо сбоку, в которое продеты мягкие элементы. Видно, что верх убора надо лбом выделен особо – на зеленом фоне вставка в виде глазка, обведенная золотистой линией. Скорее всего, это инкрустация, камень в оправе; существует еще небольшая вероятность, что на лбу закреплен глазок павлиньего пера. Еще две подобных детали видны – одна на макушке и еще одна позади, около затылка.

а

б

Рис. 2. а – ойнохойя из Британского Музея. 460-е гг. до н.э. б – фрагменты кратера из Апулии со сценами из трагедии "Персы". Неаполь, Национальный музей

а

б

в

Рис. 3. а – Донатор. Фрагмент росписи Пенджикента; б – торс из Аджинатепе; в – фрагмент росписи из Афрасиаба. (фиг. 14 по Л.И. Альбауму, 1975)

Утрата декоративной полосы в правом верхнем углу не позволяет определить форму головного убора одного из персонажей: у придворного с блюдом можно видеть лишь, что убор не закрывает лба, околыш сзади поднимается почти вертикально вверх, а спереди, у лба, кажется, идет на расширение. Из-под околыша слегка виден край подшлемника из светлой ткани, проходящий по границе волосяного покрова и образующий небольшой мыс перед ухом. Форма самого убора пока не поддается реконструкции – недостаточно материала для сколь-нибудь обоснованных предположений.

Несмотря на стертость черт лица крайнего правого персонажа, все же удалось их частично рассмотреть – они обнаруживают большое сходство с персонажем костяной пластины из храма Окса со сценой охоты (Литвинский, 2001, таб.12,13), в частности, стрелком из лука, чьи волосы собраны на затылке в пучок – те же длинные, характерно надломленные брови, узкий длинный разрез раскосых глаз. Головной убор этого персонажа картины удается восстановить с достаточной степенью убедительности. Первое впечатление, что он завершается у края композиции, но при пристальном изучении видно, что его контурная линия пересекает горизонтальный край бордюра. Небольшой фрагмент коричневатого-розового цвета в просвете между головами персонажей, совпадающий по цвету с границей бордюра, не принадлежит к ней, а является не чем иным, как прижатой вперед макушкой фетрового (войлочного) в своей основе или кожаного шлема, точнее, шлемовидного башлыка (далее для краткости – шлем). Из-под шлема четко виден ровный край подшлемника, на шее под подбородком края шлема смыкаются. Сам шлем имеет двухцветный окрас – коричневатый-розовый внизу и на макушке, по центру проходит широкая горизонтальная полоса темно-зеленого цвета, это, вероятно, декоративная вставка, на которой слабо видны следы орнамента (?). Возможно, шлем был комбинированным и был изготовлен из двух разных материалов, например, из войлока и кожи. Технология комбинирования материалов известна с древности (Руденко, 1962, таб. XII).

Сходство с этим головным убором обнаруживает рельефное изображение всадника с копьем наперевес на фляге из Кой-крылган-калы, датируемой более ранним временем – III-II вв. до н.э. (Культура и искусство...1991, илл. 321). Башлык сходных очертаний изобразил в своей таблице С. Яценко (Яценко, 2006, рис. 121, 4)⁴.

КОСТЮМ. Царь одет в парадный костюм кушанских царей, широко отраженный в их чекане, с мантией изумрудного цвета, наброшенной на плечи (Абдуллаев, 2006, с. 88), украшенной широкой розовой полосой по низу, что создает впечатление роскоши и богатства и делает ее, вместе с головой царя, кульминационным центром картины. Мантия могла бы фиксироваться на груди округлой фибулой, как у «сидящего правителя» из Халчаяна (Пугаченкова, 1971, таб. 68 (№ 58), но центр груди скрыт длинной лопастью головного убора. Под мантией на царе надета поколенная облегающая рубаха с длинным узким рукавом. По краю мантии на груди видны нашивные бляшки в форме удлинённых шестигранников, приближенных к форме ромба. Несколько подобных элементов раскидано по ткани рубахи. Бляшки сходной формы в небольшом (8 штук) количестве имелись среди находок Тиллятепе в захоронении № 2 (Sarianidi, 1985, p. 233, №16). В. Сарияниди ссылается и на другие захоронения, где «золотошвейные узоры состояли из пальметок и ромбов» (Сарияниди, 1989, с. 89). На шее ровные гривны, на руках гладкие браслеты. Браслеты есть также у

вельможи, у воина, и даже у обнаженного путти на руках видны браслеты из перлов.

Наиболее полно сохранилась фигура и костюм вельможи – персонажа, стоящего справа от царя (для зрителя) и держащего блюдо. В его левом ухе серьга в форме кольца, на шее не менее двух гривен, дополнительные линии могут означать горловину одежды. Сзади видны короткие пряди черных волос. Небольшая драпировка на груди под округлым вырезом горловины будто бы указывает, что это нечто вроде туникообразной рубахи, облегающей торс, резко расширяющейся на бедрах, хотя для рубахи непривычен «жесткий, как панцири насекомых» по меткому выражению Поля Бернара, далеко торчащий острый угол, не менее 45 градусов с подолом одежды. На левом плече слабо виден завязанный узлом сложный бант голубого цвета, указывающий на ранг носителя (Абдуллаев, 2006, с. 90); в знак особых полномочий или отличий. У горловины справа угадываются завязки того же цвета, что и одежда, но тоже не очень четко. Подобные завязки видны у плеча на рубахе персонажа из Фаязтепа, но они контрастного цвета – красные на белом (рис 5 а).

Персонажи с бантами на левом плече встречаются также на памятниках Согда более позднего времени (рис. 3 а, в). Донатор из Пенджикента (рис. 3 а) (Древности... 1985, с. 222, рис. 565), несмотря на иной стиль росписи, обнаруживает несколько совпадений с персонажем картины в деталях: он также держит в руках блюдо, правда, открытое; он стоит в аналогичной позе; у него нет головного убора, но стриженные черные прямые пряди на затылке, округлая горловина с гривной, бант на левом плече, узкие облегающие рукава, наборный пояс из прямоугольных элементов напоминают аналогичные детали на картине. Банты других персонажей (рис 3 б, в) более схожи с декоративно завязанным плащом или шарфом, закинутым назад, но мы не знаем точно природы банта на плече вельможи; удалось рассмотреть лишь общие очертания. Нечто вроде округлой петли между бантом и шеей не исключает возможности того, что бант может являться частью шарфа или небольшого плаща (Абдуллаев, 2006, с. 90).

Широкий наборный пояс из прямоугольных элементов опущен низко на бедра под тупым углом. Рукава плотно облегают предплечья и заканчиваются у локтей. Из-под них виден еще более облегающий рукав другой одежды розового цвета, он доходит до запястий. Конструктивные линии украшены линиями перлов или мелких округлых нашивных бляшек – рукав по контуру, по центру и низу; «туника» – по центру груди вертикальная линия перлов или нашивных бляшек (слабо видна параллельная линия, тогда это – окантовка планки; возможна потайная застежка), а также по подолу и по контуру острого угла. Кроме того, ткань украшена редко разбросанными мелкими розетками из 7, иногда 8 перлов, не считая центрального⁵.

Туника⁶ персонажа, держащего блюдо, расширяется резко без каких-либо складок, низ окантован узорной полосой; краска в уголке, видимо, стерлась или осыпалась. Рисунок сходен с лиловым платьем соседнего персонажа – те же мелкие розетки, изображенные на ткани, но более обобщенно – кольцо и кружок внутри. Низ туники отделан орнаментальной полосой с волнистым узором. Второй, военизированный персонаж одет в облегающую торс и расширенную на бедрах туникообразную рубаху с длинными узкими рукавами и высокими манжетами коричневатого-розового цвета. Рубаха из-под пояса расширяется не столь резко по сравнению с предыдущим персонажем и заложена сбоку в несколько

вертикальных складок. Этот вариант костюма часто встречается в произведениях искусства, связанных с парфянским изобразительным комплексом, хотя далеко не всегда ткань обладает достаточной жесткостью, чтобы расширяться на бедрах под углом около 45 градусов; чаще она мягко ниспадает на бедра, образуя подвижные складки. Длина туники варьируется от очень короткой, как на нашей картине, и примерно до колен. Примечательно, что очень часто встречаются изображения, где подол спереди слегка или резко укорочен – прием, характерный для одежды всадника (Abdullaev K, Badanova E., 1998).

Несмотря на то, что на трех светских персонажах полотна мы не видим косого запаха на груди, как это изображено на реконструкции мужского захоронения № 4 Тиллятепе (Sarianidi, 1985, p. 246; Сарияниди, 1989, с. 88, рис. 32), по многим другим элементам можно провести параллели с этим памятником. В особенности это касается отделки контурных и конструктивных линий с густо нашитыми округлыми бляшками. Впрочем, на членах царского рода, похороненных в Тиллятепе, было надето до трех слоев одежд, и уже непосредственно под кафтаном с косым запахом обнаружилась рубаша с округлой горловиной, обшитая по вороту полусферическими бляшками (Сарияниди, 1989, с. 87). В.И. Сарияниди отмечает, что при очевидном сходстве «бактрийских полукафтано́в» и «скифских» последние отличаются большей длиной и доходят до середины бедер и нередко до колен (Сарияниди, 1989, с. 88).

Костюмы персонажей картины подтверждают то, что погребенные в Тиллятепе похоронены не в специально погребальных, а в своих парадных одеждах, возможно лишь дополненными погребальными покрывалами и отдельными элементами (Сарияниди, 1989, с. 89, 110).

На всех персонажах правой части надеты узкие облегающие штаны длиной до лодыжек, их нижний край показан не ровной линией, а дугой, прогнутой вверх. Штаны двух стоящих персонажей розоватого цвета, по низу видимо, украшены тесьмой.

Наборные пояса из прямоугольных бляшек с инкрустацией из камня находят аналогии в росписи Фаязтепа (рис. 5 г). В использовании наборных металлических поясов В. Пилипко усматривает парнско-парфянское влияние (Пилипко, 2001, с. 299).

ОБУВЬ персонажей с ремешками, пропущенными под стопу и обвивающими щиколотку, с округлой пряжкой в месте перекрещивания или сближения ремней, очень характерна. Она полностью закрывает стопу, носок обуви имеет шаровидную, сильно преувеличенную, как бы «раздутую» форму. Так как название этой обуви неизвестно ни по источникам, ни по аналогиям, напрашивается наименование «дутьши» («routers»), которое я предлагаю использовать, ориентируясь на внешнее сходство, пока не будет предложено лучшего варианта. Чтобы носок кожаной обуви приобрел шаровидную форму, непропорционально крупную по сравнению с анатомическими размерами человеческой стопы, необходимо было создать дополнительный объем колодки, например, плотно набить его мягкими заполнителями вроде битой шерсти или растительных волокон. Конечно, об изготовлении кожаной обуви мы знаем недостаточно, чтобы говорить с уверенностью об ее изображении, единственное, на что можно опереться в этом вопросе – анализ свойств природных материалов, не имевших в ту эпоху альтернативы.

В качестве аналогии можно привлечь роспись южного айвана двора комплекса «Б» Каратепа (рис 5 в), а также композицию с северной стены Фаязтепе, где

сохранилась нижняя часть росписи с обутыми в такие же «дутьши» ногами в подобной же позиции (Альбаум, 1990) (рис. 5 з). Автор публикации отмечает: «четко прослеживается бордюр, состоящий из белой полосы (она смыкалась с белой каймой пола айвана) и красной, обрамлявшей ее сверху линией шириной до 7 см. Эта красная линия служила одновременно нижним краем многофигурной композиции, от которой на стене сохранились изображения 13 ног (...) Изображениям мужчин принадлежали расставленные носками врозь ноги, обутые в мягкие сапожки с пряжкой-застежкой сбоку» (Ставиский, 1972, с. 76-77). Обувь характерной формы – мягкие полусапожки типа «дутьши», манера постановки ног – на ширине плеч носками врозь и характерное перекрещивание ног соседних персонажей. К этому композиционному приему – выстроенным во фронтальную шеренгу ногам – мы еще вернемся.

Сама поза ступней и тип обуви, хотя не столь «раздутой», а, напротив, весьма изящной формы, с узорной пряжкой сбоку обуви встречается среди новых скульптурных находок того же Каратепа⁷, хотя на ней не видны ремни, но присутствует круглая бляшка в виде четырехрядной розетки (Буддийская живопись... 2009, рис. 8), а также в Топрак-кале в виде алебастровой матрицы для отливки рельефов (Культура и искусство...1991, т. 1, илл.348) – здесь изящные короткие сапожки с четко видимыми ремнями и пряжкой сбоку разведены в стороны и сомкнуты в пятках. Эта поза ног запечатлена также на статуе Канишки и рельефах из Матхуры, в скульптуре Сурхкотала, Шоторака (Rosenfeld, 1967, fig. 2, 32, 120, 109), многочисленных кушанских монетах и т.д.

В мужском захоронении № 4 некрополя Тиллятепе обнаружены следы мягкой кожаной обуви с ремнями, расположенными по той же схеме, как и на картине, с внутренней стороны скрепленным округлыми пряжками высокохудожественной работы, только носки этой обуви были предположительно квадратными (Sarianidi, 1985, Pl.124; Cat. 4,1; p. 246 Сарианиди, 1989, с. 87-88).

АТТРИБУТЫ. Атрибуты, представленные перед царем, определены Б. Маршаком как «верхняя часть лука, древко которого перевито крученой веревкой и завершается шариком; справа от него расположен верх трубчатого колчана, снабженного закругленной ребристой крышкой» (Маршак, Грене, 2010, с.153). Ф.Грене считает маловероятным, чтобы царь мог держать в одной руке широкий горит, соединенный с двойным колчаном – тип, известный по пластинам Орлата и монетам Герая. Ученый полагает, что «так как тетива спадает со стороны царя, то именно он должен держать его в правой руке, также как и колчан»,.. но «лук для этого должен быть либо вытасен, либо помещен в узкий горит» (там же, с.155). Эти замечания важны для воссоздания утраченных элементов.

Для большей убедительности реконструкции можно обратиться к археологическим находкам и попытаться несколько конкретизировать форму и предположительные размеры такого горита и колчана. Так, в храме Окса был найден «отпечаток крашеной кожи длиной 83 см (...) Широкий конец размером в 11 см, узкий обрезан ровно⁸ – ширина 6 см» (Литвинский, 2001, с. 29). Следы этого предмета были условно определены авторами находки как горит. Остатки похожих горитов были найдены в погребении Тиллятепе – они также были кожаными с костяными подвесками и имели следы росписи ярко-красного (киноварь) и черного (пигмент органического происхождения) цветов (Сарианиди, 1989, с. 110, 236).

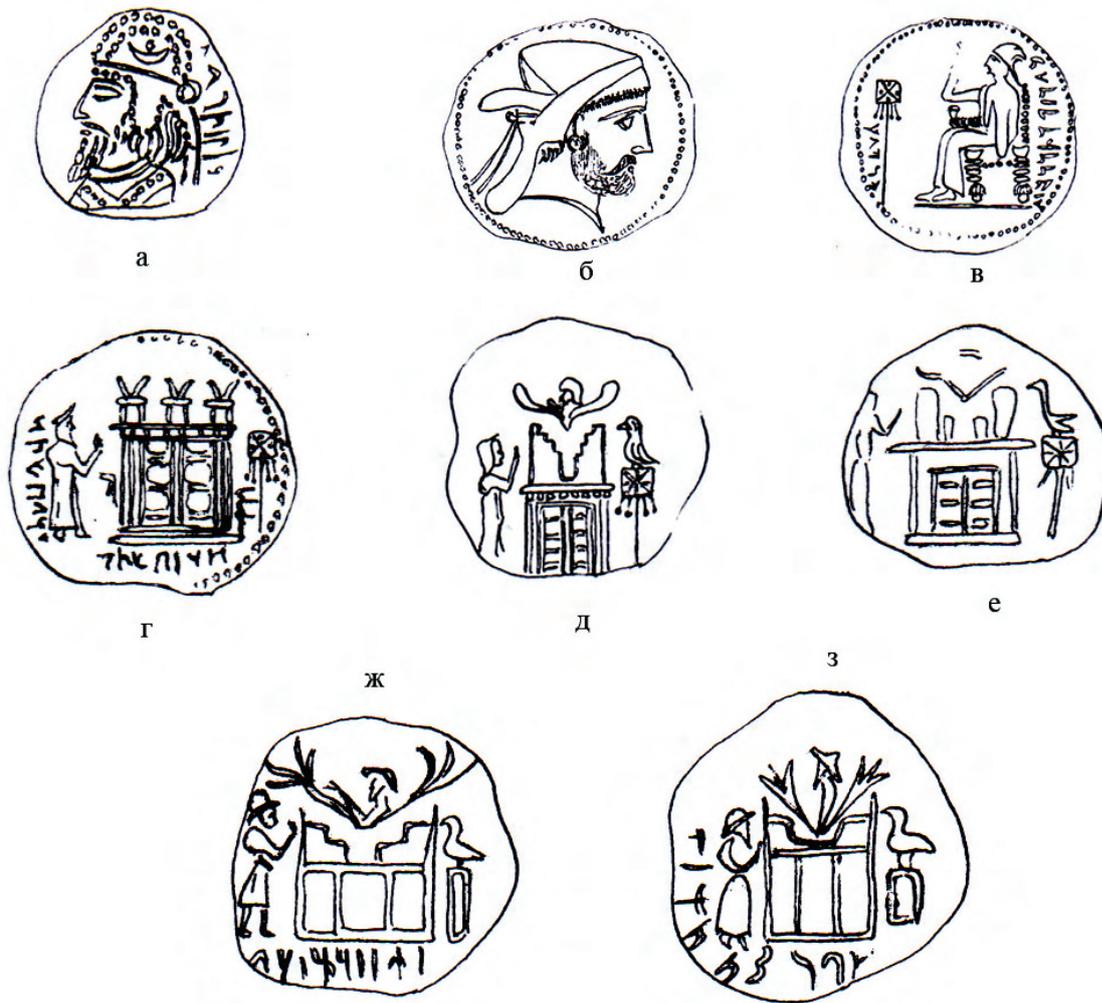

Рис. 4: монеты субаршакидов: *а* – Манчихр; *б* – Байдад, аверс; *в* – Байдад, реверс; *г* – Ардашир I; *д*, *е* – неизвестный царь; *ж* – Дарев I; *з* – Вадфрадад II (по Варданяну, 2001).

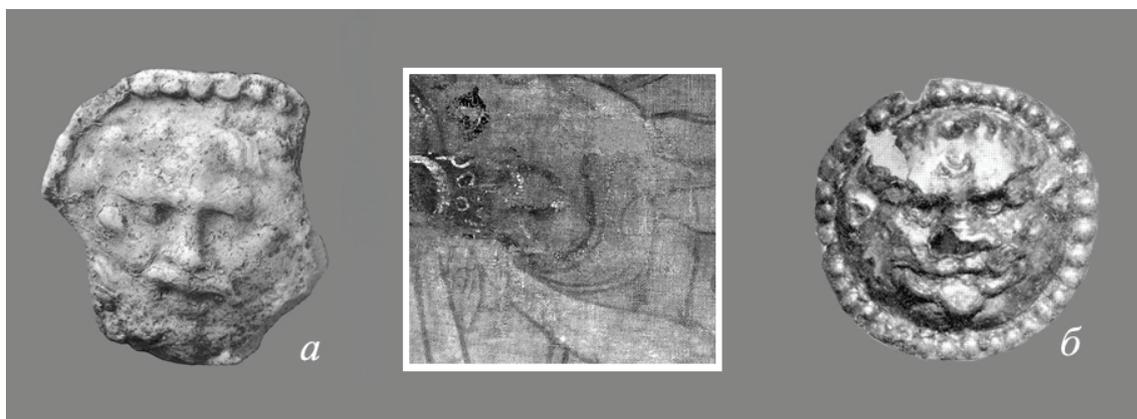

Рис. 6: *а* – Налеп из Дальверзинтепе; *б* – медальон из Пенджикента

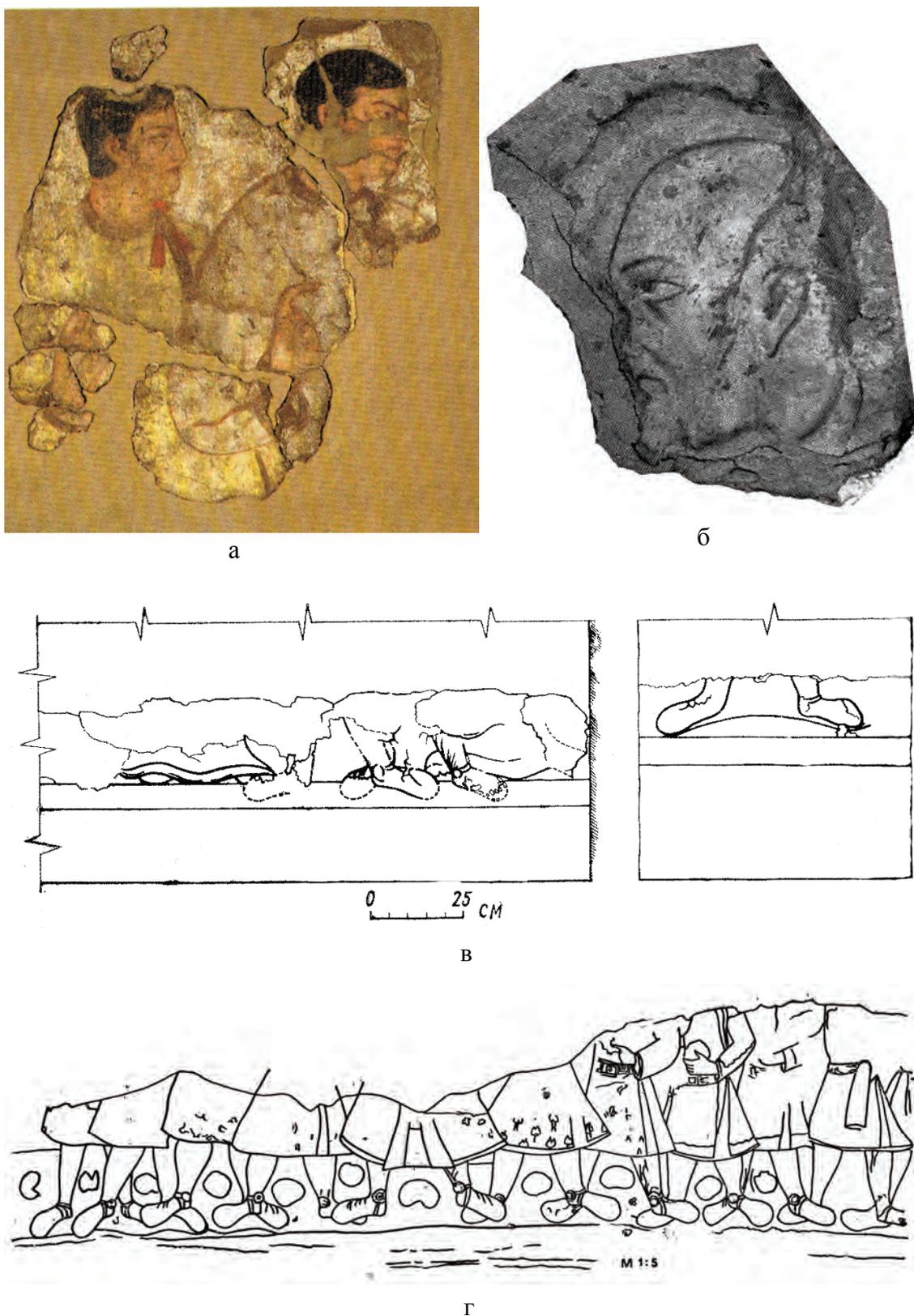

Рис. 5: фрагменты росписей **а** – Фаязтепе, святилище. I-II вв. н.э.; **б** – Карате-пе, южный айван двора комплекса Б; **в** – Каратепе, южный айван, западная часть (по Ставискому, 1972); **г** – Фаязтепе, северная стена святилища (по Альбауму, 1990).

Реальные находки как горитов, так и колчанов относительно немногочисленны. Б. Литвинский приводит или упоминает несколько типов колчанов, основными из которых являются: прямоугольный берестяной колчан 77x11 см с деревянным дном из Ак-тобе II; кожаный колчан эллинистического времени с полихромной черно-бело-пурпурной раскраской из башни №1 храма Окса и несколько ажурных бронзовых пеналов, тоже раскопанных в храме Окса и предположительно являвшихся обкладками колчанов (Литвинский, 2001, с. 78-79; 116-118; таб.33). Один из двух колчанов, найденных в захоронении №4 Тиллятепе, цилиндрической формы с серебряной стаканообразной крышкой, был украшен тонкой гравировкой по тулову, четырехлепестковой розеткой сверху и имел петлевидную ручку. (Сарианиди, 1989, с. 86, 110). От самих луков остались лишь костяные накладки концов, выточенные из ребер животных. Горит и колчан, близкие по размерам к вышеприведенным, царь вполне мог удерживать в одной правой руке. Учитывая гипотетичность форм этих предметов, на графической реконструкции они даются в условно-обобщенном изображении.

Кроме того, в храме Окса было найдено более 45 костяных накладок сложно-составного лука (не считая мелких фрагментов), датированных I-III вв. н.э., причем преобладают концевые накладки, то есть с вырезом для тетивы; некоторые из них на этом месте не имели следов сработанности, из чего было определено, что «по крайней мере часть луков жертвовались в храм совершенно новыми» (там же, с. 29).

На картине, на конце лука – месте, наиболее нуждавшемся в укреплении, за обмоткой не видно костяных накладок. Излишняя гибкость на концах лука снижает его боевые качества; мастера устраняют этот дефект различными способами. А. П. Окладников, обнаруживший в погребениях III тысячелетия до н.э. костяные пластины, называет луки, где пластина крепится сухожильной оплеткой, «усиленными», а те, где она приклеивается – «сложными» (Литвинский, 2001, с. 31). Царский лук на картине укреплен перевивкой сухожилием (с наложением пластины или без нее); для достижения высокой прочности соединения использовались сухожилия различных животных. По сообщению Н.А. Аванесовой⁹, черешковые наконечники стрел, обмотанные сухожилием медведя с остатками древка из дикой груши, найдены в могильнике середины II тысячелетия до н.э. Жаман-Узе в Центральном Казахстане (под Карагандой).

Таким образом, царский лук на картине можно отнести к категории «усиленных». Важно, в каком качестве он присутствует на картине – как инсигния власти или дар царя храму? Возможно, что в дар храму приносится не только блюдо с дарами, которое держит вельможа. Может быть, лук и колчан тоже жертвуются в храм? Это напрямую связано с уточнением характера представленной сцены.

Левее этих предметов при внимательном рассмотрении можно заметить живо изображенную головку птицы вправо¹⁰. Что означает изображение птицы перед храмом и – вопрос чисто практический – на чем она может сидеть? Не связано ли это с изображениями на монетах субаршакидов, на оборотной стороне которых фигурка птицы сидит на прямоугольном предмете, укрепленном на невысоком шесте перед храмом (рис. 4 д-з)? Интересно наблюдать, как меняется и упрощается изображение этого загадочного предмета. Вначале это квадрат со свисающими подвесками и перекрещивающимися диагоналями и линиями, соединяющими центры сторон, укрепленный на шесте высотой около или менее чело-

веческого роста. На монетах встречается подобное изображение перед храмом (рис. 4 г-з) или перед царем (рис. 4 в) с сидящей на нем птицей или без нее (рис. 4 в, з). На других монетах деталей нет, только общий контур; стилизуется также и фигурка птицы (рис. 4 ж, з). Все это в совокупности с птичьей головкой, видимой на нашем полотне, дает возможность и здесь предположить наличие подобного предмета, укрепленного на шесте и воткнутого в землю или зафиксированного как-то иначе. Правда, на монетах птица повернута клювом в сторону храма, но в данном случае трудно представить, чтобы птица могла быть повернута хвостом в сторону царя. И стилизованные силуэты птицы на монетах, и реалистическая птичья головка на полотне более всего напоминают голубя, а квадратный предмет, на котором он сидит, по моему мнению – его клетка. Изображение голубя рядом с храмом можно объяснить прежде всего тем, что у многих народов он считался священной или вещей птицей – в Додонском оракуле, например, голубь наделен даром пророчества (Словарь античности. 1989, с. 146), голубь был символом зороастрийской богини Анахиты (Кошеленко, 1977, с. 162), голуби могли использоваться жрецами для прорицаний, гадания по их полету (*auspicium*), при обряде, подобном инаугурации, который обычно связан с приемственностью верховной власти.

Кроме того, голубь мог быть изображен при храме или перед царем не только как символ богини, священная или вещая птица, но и как почтовый голубь, сидящий на собственной клетке и готовый нести весть о важном событии в другие части страны. Несомненно, храмы нуждались в быстрой связи как между собой, так и с администрацией правителя, и, возможно, обменивались срочной информацией посредством голубиной почты. На монетах обычно изображаются немногочисленные, тщательно отобранные атрибуты, но клетка с голубем, вынесенная перед храмом, могла символизировать и обряд, и смену власти как таковую, и важные новости и перемены.

Присутствие царя склоняет в данном случае к обрядовой версии, хотя вообще голуби при храме могли выполнять как обрядовую, так и почтовую функции и либо совмещать их, либо делиться на две функциональные группы. При раскопках храмов в Бактрии и Парфии, кажется, не было найдено похожих квадратных или кубических предметов, которые могли крепиться на шест, но, если то была клетка или голубятня из тонких дощечек или веток, тогда понятно, что они и не могли сохраниться.

Исключительные навигационные способности голубей были известны в древнем Китае и Египте, у греков существование почтовых голубей засвидетельствовано с V в. до н.э. Например, Элиан (*Claudii Aeliani. Varia Historia IX, 2*) сообщает о посылке голубя из Писы в Эгину с вестью о победе Тавросфена (событие относится к 444 г. до н.э.). В Риме почтовые голуби известны со времен Нерона, а при Диоклетиане уже существует регулярная голубиная почта. На Ближнем Востоке проводились первые селекционные работы (Словарь античности. 1989, с. 452). Свидетельств популярности голубиной почты немало, и ареал их распространения широк, но я хочу привести фрагмент, отдаленный и во времени, и в пространстве – лишь в силу его выразительности:

«На рассвете жрецы храма Лады,
Что стоял на холме в центре града,
Отпустили из клеток ветловых

Голубей сизокрылых почтовых.
Эти голуби с грустным посланьем
Полетели к столицам Поморья (...)
Через день все столицы Поморья
Знали то, что на землях латинских
Собирается ратное войско».

(Сидоров Г., 2008).

ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕТАЛИ. За головой царя видна раздутая ветром легкая тонкая ткань типа кисеи, схваченная свободным узлом и делящаяся далее на два длинных развевающихся конца; в ее складках прямо за плечом царя виден антропоморфно-фантастический лик. Действительно ли это лик какого-то ирреального существа или случайно возникшая причудливая игра складок – нельзя сказать уверенно. Однако в древнем искусстве, как правило, нет места случайностям, особенно в царских изображениях; все детали продуманы и четко регламентированы. Округлый лик с мощным надбровным валиком и сплюснутым носом обнаруживает некоторое сходство с наделом из Дальверзинтепа, датируемым II-III вв. н.э. (*Antiquities...* 1991, Pl.138) и личиной, изображенной на серебряном медальоне более позднего времени – V-VI вв. из городища Пенджикента (*Древности...*, 1985, с. 208, № 531).

В левых руках жрецов – штандарты с навершием в виде полумесяца рожками вверх, закрепленного на сфере; в левой руке царя штандарт с полумесяцем, малой сферой и стилизованным изображением пламени в виде конической чешуйчатой «шишки».

В правом нижнем углу виден небольшой треугольный элемент, более всего напоминающий краешек полы длинной одежды, не похожей на короткие туники персонажей. Если с левой стороны роспись, вероятно, заканчивается храмовым зданием, то справа она могла продолжаться и включать изображение по крайней мере еще одного персонажа, одетого иначе, и, судя по расположению фигур и направлению взглядов, не относящегося к VIP - персонам.

Декоративные пряжки на обуви крайнего правого персонажа не являются парными – на правой ноге круглая бляшка с изображением, на левой – серповидная с язычком (?).

ШКОЛА. К особенностям живописной школы можно отнести ритмическую, как в танце, постановку ног с перекрещиванием. Лучше всего проиллюстрировать ее на примере росписи Фаяз-тепе (рис. 5 з), где представлено большее количество персонажей – около 10 человек. Главный персонаж в центре, его ноги, обутые в характерные «дутьиши», симметрично разведены в стороны. Каждый следующий персонаж из стоящих по обе стороны от него находится позади, один за другим, и разведенные на ширину плеч ноги перекрещиваются с ногами соседей. И в то же время вся шеренга остается развернутой фронтально на одной линии – прием, характерный для росписей также и Каратеппе (рис. 5 в, з).

Почва под ногами персонажей обозначена темно-зеленым, почти черным цветом и оживлена разбросанными по ней пятилепестковыми розетками мелких белых цветов. Этот прием также можно отнести к признакам общей или родственной школы – изображение земли черным цветом, оживленным рассыпанными мелкими пятилепестковыми цветочками встречается так же и в росписях Каратеппе. Интересно, что эта манера передачи земли под ногами персонажей сохраня-

ется даже в скульптуре Каратепа, только в ином сочетании цветов. М. Реутова, описывая новые находки Каратепе, отмечает: «Поверхность суфы, на которой стояли пристенные скульптуры, была окрашена в насыщенный красный цвет, по которому рисовались мелкие черные пятилепестковые цветы» (Реутова, 2010, с. 160).

Аналогичным образом изображена почва на фаязтепинской росписи: черная полоса шириной 45 см с редкими белыми пятилепестковыми цветочками, под ней проходит 15-сантиметровая орнаментальная полоса из красных ромбов, что приводит Л.И. Альбаума (Альбаум, 1990, с. 22) к предположению, что персонажи стоят на ковре. Но орнамент ничем не связан с композицией, отграничен от нее прямой линией и проходит под ней на всем протяжении, то есть не является частью сюжета, а лишь нижним его обрамлением.

Еще об одной, неожиданной аналогии любезно сообщила М.А. Реутова¹¹. В 1991 году она снимала и консервировала настенную роспись городища Канка. В ее рабочем блокноте того времени сохранился набросок нижней части мужской фигуры из пом. № 3, Р10. Несмотря на то, что эти росписи были более поздними и датировались раннесредневековым временем (7 век н.э.), но сходство костюма, обуви и позы ног как с нашим образцом, так и с росписями Фаязтепа и Каратепа несомненно, что указывает на стойкость традиций. Персонаж изображен на черном фоне. От талии к бедрам одежда резко расширяется под углом, близким к 45 градусам и достигает колен. По подолу и бокам, образуя равнобедренную трапецию, проходит широкая красная полоса. Центральная часть трапеции, то есть середина подола, орнаментирована редкими некрупными пятилепестковыми цветками, разбросанными по белому фону. Ноги в сужающихся книзу штанах и мягких коротких сапожках расставлены на ширину плеч и развернуты так, как было описано выше. Различие лишь в том, что сапожки менее объемны в носках, однако на примере Каратепа мы видели, что на одном и том же памятнике встречаются и полномерные «дутьши», и более изящный вариант мягких сапожек.

ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ. Интересно, что на полотне с изображением царя тоже имеется декоративная полоса, но она проходит по верху композиции. Это наиболее полно сохранившаяся сторона. Мы не знаем точно, совпадает ли этот край с кромкой ткани, но отмеченная Б. Маршаком (Маршак, Грене, 2010, с. 150) петелька для подвешивания подтверждает, что верхний край не тронут и не утрачен, и декор не продолжался далее вверх. Вряд ли такая полоса могла обрамлять полотно по периметру, подобно раме картины или кайме ковра: несколько важных элементов верхней части заходят на нее: верх храмового здания, крыло и часть фигуры путти, штандарты и головные уборы двух правых персонажей. Это именно фриз, как заметил П. Бернар, и он является частью фона и служит его декоративным завершением, своего рода «небом» всей композиции, с которого слетает божественный посланец. П.Бернар отметил близость этой растительной композиции к мотивам пазырыкского ковра № 5, предположительно привезенного из Ирана или Бактрии ахеменидского времени. Возможно, небезынтересной покажется дополнительная этнографическая информация о том, что этот мотив был до середины XX века популярен среди вышивальщиц Узбекистана, включая школы Самарканда, Шахрисабза, Бухары и Термеза (может быть, и шире), чему подтверждением любая крупная коллекция среднеазиатских вышивок, например, Самаркандского музея.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. Художник не раз передвигал или уточнял многие линии и контуры, так что произведение все же следует признать не образцом, а скорее эскизом. Еще одна интересная особенность: сейчас, когда краски частично осыпались или стерлись, а местами, усохнув, стали прозрачными вследствие химических реакций (это наблюдение не раз приходилось слышать от художников-иконописцев), все вспомогательные, предварительные и уточняющие линии – то есть все следы творческого поиска стали четко видны. По цвету этих линий – черные, красные, коричневые – можно проанализировать этапы работы художника и ход воплощения его композиционного замысла. Слегка просвечивающие контурные линии и даже наличие подстилающего наброска обнаружил в настенных росписях Топрак-калы еще С.П. Толстов (Топрак-кала. Дворец. 1984, с. 70).

Хотелось бы также обратить внимание на особенный прием, свойственный индивидуальной манере нашего художника – это своеобразное перетекание линий с одного предмета на другой. Линия, очерчивая контур предмета, продолжается, переходя на другие предметы, даже если художнику приходится для этого жертвовать прямизной или подгонять к нужному изгибу кривую. Вот одна из самых простых иллюстраций: если взять для примера пояса двух правых персонажей, то нижняя линия пояса левого персонажа служит верхней границей правого. Штандарт в левой руке царя продолжает внизу край коврика, а копьё крайнего правого персонажа продолжается его правой ногой, и такие совпадения создают особый ритм предметных связей.

В заключение несколько слов о колорите картины – такая возможность применительно к столь древнему искусству представляется достаточно редко. Цветовая гамма очень гармонична и создает впечатление цветового богатства, но, если разобраться, то окажется, что оно создано искусным применением немногих цветов: зеленого двух-трех оттенков, розового разной интенсивности, черного и фиолетового разной светлоты – от бледно-лилового до глубокого темного. Основной цвет грунта или холста – терракотовый разных оттенков. Присутствует также и голубой, но применение его ограничено мелкими деталями: крыло путти и детали орнамента на коврике и верхнем декоративном бордюре. Оттенки часто достигаются не изменением состава краски, а сочетанием, точнее, соседством дополнительных цветов, что говорит о хорошем, пусть интуитивном, понимании оптических свойств каждого цвета.

К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ИЗУЧЕНИЮ. Не могу не обратить внимания на несколько важных моментов, которые требуют отдельного изучения – то, например, как отмечаемая многими исследованиями религиозная толерантность кушанских правителей проявляется в искусстве. Росписи Фаязтепа и Каратепе столь близки нашему образцу по сходству лиц, поз, костюмов, деталей, стиля и манеры изображения (рис. 5 а-г) нашему образцу, что можно даже предполагать единую школу; в то же время первые связаны с буддизмом, картина же представляет изображение зороастрийских жрецов и царя-донатора. Далеко идущие выводы из этого пока делать рано, но эти частные случаи подтверждают, что между представителями конфессий не пролегалo пропасти столь глубокой, чтобы художники одной школы не могли обслуживать художественные потребности приверженцев двух разных религий. Подобной веротерпимости невозможно представить в более позднее время, например, в средние века. Возможно, за этим кроется нечто большее, чем просто религиозная толерантность, достаточно вспомнить

надпись «Фарро» над головой поклоняющегося Будде персонажа из Фаязтепа (рис. 5 а).

Второе – органичность, с которой переплетаются влияния, мотивы и детали, принадлежащие к двум культурным пластам – кушанскому и парфянскому, говорит о том, что наши знания о связях и взаимоотношениях этих народов еще далеко не полны. Этот вопрос заслуживает специального углубленного изучения; картина, опубликованная Б. Маршаком и Ф. Грене, как ни одно другое произведение из ранее известных, может приоткрыть завесу в *terra incognita*.

ВЫВОДЫ. Итак, попытка реконструировать утраченные детали изображения привела к возникновению еще одной версии, с несколько иной расстановкой смысловых акцентов. Принесение даров в храм и покровительство царя зороастрийской религии – таким представляется видимый сюжет композиции. Однако у основного сюжета, скорее всего, имеется подоплека и повод, например, вступление во власть и проведение связанных с этим обрядов, идет ли речь о царе или о назначении верховного жреца. Нельзя исключать и возможного присоединения новых земель и утверждения легитимности нового правления; интерпретация публикаторов (Маршак, Грене, 2010) остается в силе и не теряет актуальности. Нельзя не согласиться также с их мнением об историчности и конкретности царского изображения; возможно, лица приближенных также портретны. Люди, которые больше семнадцати веков покоятся в неизвестных курганах на просторах Бактрии, силою искусства предстали перед зрителем облеченными плотью, полными энергии, жизненных сил и красок.

Изучение этого вновь открытого произведения искусства начато совсем недавно (Marshak, Grene, 2006); вне всяких сомнений, оно продолжится далее в самых разных аспектах материальной и духовной культуры древнего общества.

Сноски

1. Здесь и далее, когда речь идет об оригинальном произведении, его деталях и свойствах, в особенности о цветах и красках, см. статью Marshak, Grene, 2006, fig. 1, 2 или Маршак, Грене, 2010, рис 1, 2, помещенную в настоящем сборнике.
2. Подобный мотив демонстрирует фрагмент живописи Буджиката (Древности...1985, с. 272, № 702).
3. По картине трудно определить, чем украшены головной убор царя и одежды персонажей – жемчужными пронизками или нашитыми в ряд по конструктивным и контурным линиям нашивными бляшками. Но их бело-желтый цвет, великое множество подлинных находок золотых бляшек в некрополе Тиллятепа (Sarianidi, 1985, Pl. 214, Cat.2, 37), причем некоторые из них имеют объемно-выпуклую форму, имитируя форму жемчужин, делают вероятными обе возможности, учитывая относительно короткую жизнь жемчуга и зависимость ее от археологических условий захоронения.
4. К сожалению, автор ссылается лишь на очередной повтор своей таблицы и привязывает ее географически к Чим-кургану, без ссылки на автора и литературу.
5. В.И. Сарияниди говорит также об золотошвейном шитье в сочетании с орнаментом из нашивного жемчуга, обнаруженном в захоронениях (Сарияниди, 1989, с. 88, 111), однако количество жемчуга в погребении явно уступает количеству золотых бляшек.
6. Рубаха туникообразного кроя – для краткости туника.
7. Приношу искреннюю благодарность М.А. Реутовой, заведующей реставрационным отделом Института археологии АН РУз за любезно предоставленную возможность ознакомиться с недавно отреставрированными росписями и скульптурой Каратепе, а также за информацию о городище Канка.
8. Видимо, это должно означать, что верхний, широкий конец обрезан косо, под углом.
9. Сердечно благодарю Н.А. Аванесову, профессора кафедры археологии СамГУ за консультацию и интересное сообщение о могильнике Жаман-Узе.

10. Первая мысль, не может ли это быть рукоятка оружия типа махайры с навершием в виде головки птицы, сразу отпадает, так как, в отличие от лука, такое оружие не встречается и не обосновывается логически в подобном контексте, да и птица с крошечным клювом явно не принадлежит к хищным (Литвинский, 2001, с. 286).
11. См. прим. 3.

Использованная литература.

- Абдуллаев К. Об одном македонском обычае в костюме Средней Азии // ИМКУ, вып. 35. 2006, с. 83-90.
- Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа. Культура Среднего Востока // Изобразительное и прикладное искусство. Т., 1990.
- Буддийская живопись памятников юга Узбекистана эпохи кушан. (Историко-художественное и лабораторное исследование). Отчет о научно-исследовательской работе. Исполнитель – М.А. Реутова. Самарканд, 2009.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Под ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе, 1985.
- Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1977.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Под ред. К. Абдуллаева, Э. Ртвеладзе, Г. Шишкиной. Каталог выставки. Т. 1. М., 1991.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. М., 2001.
- Маршак Б.Я., Грене Ф. Кушанская живопись на ткани // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара. Под ред. К. Абдуллаева. Самарканд, 2010.
- Пилипко В.Н. О костюме парфян и парнов // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001, с. 293-316.
- Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Реутова М.А. Новые находки глиняно-ганчевой скульптуры на Каратепа и их консервация // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Самарканд, 2010.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Сидоров Г. «Завещание Никлота» (по летописным источникам западных славян XII века). Томск, 2008.
- Словарь античности. Составители Й. Ирмшер, Р. Йоне. Лейпциг-Москва, 1989.
- Ставиский Б.Я. Работы на Кара-тепе в 1970-1971 гг. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965-1971 гг. М., 1972.
- Топрак-кала. Дворец. Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под ред. Ю. А. Рапопорта, Е. Е. Неразика. Том XIV. М., 1984.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии. М., 2006.
- Abdullaev K, Badanova E. Bactrian Dress in the Achaemenian Period // *Mesopotamia*, XXXIII, Firenze, 1998.
- Antiquities of Southern Uzbekistan. Editor-in-chief G.A. Pugachenkova. Soka University Press, 1991.
- Forgotten Empire. The World of Ancient Persia. Los Angeles. 2005.
- Ghirshman R. Arte Persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962.
- Marshak B., Grene F. Une peinture Kouchane sur toile // CRAI, Paris, 2006.
- Ralf von den Hoff. Alexanderportrats und Bildnisse Fruhhellenistischer Herrischer // Alexander der Gross und die Offnung der Welt. / Asiens Kulturen im Wandell. Reiss-Engelhorn-Museen Manheim, 2009.
- Rosenfeld J.M. The Dinastic Art of the Kushans. Los Angeles, 1967.
- Sarianidi V.I. Bactrian Gold. L., 1985.
- Turks. A Journey of a Thousand Year 600-1600. Edited by David J. Roxburgh. New York, 2005.
- Vardanyan R. Tendenze Culturali e Ideologiche Nell'Impero Partico Riflesse dalla Monetazione // *Parthica*, 3, Pisa-Roma, 2001.

Сергей Баратов, Улугбек Рахманов
Узбекистан

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС АНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ХОРЕЗМА – ТАШ-КАЛА 2

Таш-кала 2 располагается юго-западнее возвышенности Уч очаг – на правом берегу Амударьи. Памятник был обнаружен С.П. Толстовым, где им был выявлен сырцовый кирпич квадратного формата (Итина. 1991, с. 25 – 26.). Сегодня памятник представляет собой сильно разрушенный и оплывший холм, имеющий в плане форму правильного прямоугольника, ориентированного углами по сторонам света, со сторонами по основанию 90x70 (м) и сохранившейся высотой до 4,5 м от уровня окружающей поверхности. Юго-западная часть холма, обращенная к реке – более пологая. Здесь, в сильно оплывшем рельефе, «читались» остатки предвратных сооружений. Рельеф холма позволял предполагать, что внутри памятника имеет место дворовое пространство. С юга и запада от Амударьи к памятнику были подведены два канала, остатки которых и сегодня заполняются водой. К юго-востоку в 400 м сохранились остатки их подпорной водозаборной плотины, сложенной из «дикого» камня. С северо-западной и юго-восточной сторон памятника сохранились остатки заплывших рвов и валов перед ними. Очевидно, каналы служили для подвода воды ко рвам, а также, вероятно, для подхода лодок и судов непосредственно к предвратному сооружению.

Первыми же исследованиями было установлено, что памятник сильно пострадал в XII в., когда в непосредственной близости от него возводился караван-сарай Таш-кала 1. Сырцовые кирпичные стены Таш-кала 2 и камень были использованы в качестве источника строительного материала, в результате чего его оборонительные конструкции были срублены на конус.

Стационарные археологические раскопки были сконцентрированы на юго-восточном и северо-западном углах памятника. На этих участках памятника заложены два планиграфических раскопа: Р-1, с размерами 25x25 м и Р-2, с размерами 25x35 м, доведенные до материка. Стратиграфическими исследованиями на площади раскопов выявлены три строительных периода.

Первый строительный период датирован археологическим материалом II в. до н.э. – III в. н.э. Все сооружение было возведено по единому плану – на невысокой нивелирующей пахсовой платформе. На ней из квадратного кирпича с размерами: 40x40x10 и 42x42x12 см было возведено фортификационное сооружение квадратной в плане формы с размерами 70x70 м. Оборонительные стены имели внутрискладчатый коридор. Толщина оборонительных стен – 6,3 м. При этом ширина внутрискладчатого коридора – 2,2-2,3 м. Толщина внешней части стены – 2,0 м, внутренней – 2,0 м. Оборонительные стены фланкированы башнями. В площадь Р-1 попали две пристенные башни №№ 1 и 3 и одна угловая № 2. В площадь Р-2 попала одна пристенная башня. Все исследованные пристенные башни в плане правильной параболической формы. Размеры внутрибашенных помещений: по основанию параболы – 4,0 м, по высоте параболы – 3,5. Угловая башня – овоидной в плане формы и имеет размеры 4,4x2,3 м. Во внутрибашенных помещениях ведут асимметрично расположенные проходы шириной от 0,9 до 1,0 м. Куртины между башнями в плане полукруглой формы и имеют радиус 1,5 м. По сохранившимся складкам рельефа и косвенным признакам можно предполагать, что по

фасаду каждой из 3 стен памятника располагались по 4 пристенных и 2 угловых башни. Анализ планировки фортификации Таш-кала 2 позволяет предполагать, что для разметки на местности и строительства его оборонительных стен хорезмскому зодчему требовались знания алгоритма Эвклида. Внешние стены стрелкового коридора и башен прорезаны бойницами, расположенными в шахматном порядке. Расстояние между бойницами 1,5 – 1,7 м. Бойницы – щелевидной формы, имеют плоское перекрытие. По фасаду верхняя часть бойниц на последнем кирпиче кладки выложена в стреловидной форме. Полы внутрискладовых коридоров, башен и двора первого строительного периода отличаются почти абсолютной чистотой и почти полным отсутствием находок. Очевидно, что стены оборонительных конструкций Таш-кала 2 имели два этажа. В башне № 1 сохранилось плоское перекрытие прохода в коридор первого этажа, состоявшее из бревен. Полы башен и коридора первого этажа располагались на высоте 2,5 м над уровнем древней дневной поверхности. Высота помещений и коридоров первого этажа составляла 2,2 м. Высота второго этажа, вероятно, была аналогичной. С учетом толщины перекрытий первого и второго этажей, а также высотой парапета верхней стрелковой площадки, реконструируемая высота стен в целом могла составлять около 9 м.

Раскопками юго-западной части памятника (Р-2), обращенной к Амударье и сильно разрушенной в средневековый период, выявлены остатки стен предвратного сооружения. Оно представляло собой башню почти квадратной в плане формы с размерами 16х16 м. Его стены толщиной – 2,2 м имели внутрискладовый коридор шириной 2,6 м, по которому, по-видимому, осуществлялся проход в сооружение. Внутрискладовый проход предвратной башни выводил в коридор оборонительной стены памятника и был оформлен обычным дверным проемом шириной 1,0 м. Надо полагать, что для того, чтобы пройти в дворовую часть, необходимо было пройти по внутрискладовому коридору оборонительной стены, как по обводной галерее. Небольшой стратиграфический раскоп в западном углу двора выявил остатки античной стены, толщиной 4,0 м, сложенной из сырцового кирпича размерами 40х40х10 и 42х42х12 см, принадлежавшие монументальному зданию. Реконструируемые размеры здания – 20х20 м. В завалах его рухнувших стен найдены фрагменты скульптур, выполненные из необожженной глины. Материалы, полученные из этого раскопа, позволяют относить время функционирования этого здания в период между II в. до н.э. и III в. н.э. Остатки этого здания перекрыты мощным слоем разрушений III – IV вв. н.э.

Особенная планировка и конструкция Таш-кала 2, его предвратного сооружения, небольшие размеры проходов в здание, отсутствие бытовых отходов и элементов хозяйственной инфраструктуры на полах помещений первого и второго строительных периодов, по нашему мнению, позволяют интерпретировать этот памятник как храмовый комплекс. Ближайшие аналогии архитектуре Таш-кала 2, среди античных памятников Хорезма, мы видим на храме городища Казаклы-Яткан.

В III-IV вв. н.э. на площади Р-1 и Р-2 зафиксирован период запустения, наступивший после сильных разрушений, выраженных в мощных слоях завалов и следов горения, перекрывших остатки конструкций первого строительного периода.

Во второй строительный период (V-VII вв. н.э.) внутрискладовые коридоры, башни и бойницы забутовываются диким камнем. Фасады стен облицовываются ремонтной рубашкой из камня и кирпича с размерами: 37х37х9 (10), 39х39х10 см.

1

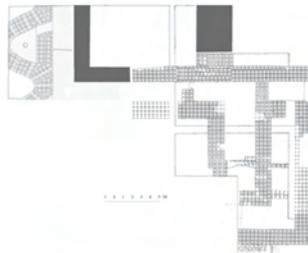
2

3

4

5

6

Рис. 1. Карта археологических памятников Южного Хорезма; рис. 2. Таш-кала 2 до раскопок. Снимок со спутника; рис. 3. План исследованной части Таш-кала 2; рис. 4. Фрагмент алебастрового декора. Пальметта; рис. 5. Фрагмент барельефной скульптуры лошади; рис. 6. Фрагмент головы алебастровой скульптуры.

Фасады стены Таш-кала 2, в результате этого оформляются «гофрами», характерными для Хорезма и Парфии афригидского времени. В слоях этого времени, наряду с афригидской керамикой Хорезма встречена лепная посуда, характерная для культуры Кердера. Уровень пола дворовой части этого периода отличается «чистотой» и почти полным отсутствием «культурных» остатков. В слоях V-VII вв. н.э., выраженных завалом битого сырцового кирпича и фрагментами сгоревших деревянных конструкций, расположенных над монументальным зданием античного времени найдено большое количество фрагментов штукатурки, архитектурного декора и горельефной скульптуры, выполненные из алебаstra. Многие из них сохранили остатки росписи, выполненной черной, красной и желтой красками. Элементы декора отливались в формах и собирались впоследствии на алебастровых плитах различных форм, которые монтировались на стены. Аналогичная технология изготовления декора и скульптур известна на дворце Топрак-кала (Рапопорт, 1984, с. 53–180) и не характерна для среднеазиатского региона. Однако подобная технология изготовления декора применялась для украшения интерьеров богатых усадеб Ктесифона VI-VII вв. н.э. Там же находят параллели орнаментальные элементы, а также композиции декора, найденного на Таш-кала 2 (Kröger, 1982. S. 65–66, Kat. Nr. 71, Abb. 29 a – b und Taf. 20, 1–3). Раскоп 2 не доведен до конца, и окончательная датировка второго строительного периода ждет своего уточнения.

Находки, представленные фрагментами росписей, богатым архитектурным декором и скульптурой, датирующиеся афригидским периодом, позволяют полагать, что и в V-VII вв. н.э. сооружение могло функционировать как культовое.

Третий строительный период представлен слоями активной жизнедеятельности, насыщенными материалами первой половины VIII в. н.э. и свидетельствами значительных разрушений и пожаров, связанных, по-видимому, с арабским завоеванием. Здесь найдена медная монета правителя Кердера – Хусрова. Подобные монеты отнесены Б.И. Вайнберг к типу «Г12». Эти монеты, по ее мнению, чеканились в период с 713 г. до середины VIII в. (Вайнберг, 1977, с. 63. Табл. XXVI.).

Использованная литература

- Итина М.А. Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи. // Древности Южного Хорезма. М., 1991.
Рапопорт Ю.А. Топрак-кала. Дворец. *Труды ХАЭЭ*. Том XIV. М., 1984.
Kröger J., Sasanidischer Stuckdekor // *Bagdadischer Forschungen*, 5, Mainz, 1982.
Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

К ДИСКУССИИ О ЗДАНИЯХ С КРЕСТООБРАЗНОЙ ПЛАНИРОВКОЙ В ЧАЧЕ

В последнее время в связи с работами на Мингурике в Ташкенте, где было вскрыто сооружение с крестообразной планировкой, возникла необходимость вернуться к вопросу о функциональном назначении подобных сооружений. Вместе с выявленными ранее схожими сооружениями в Южном Казахстане (Кзыл-Кайнар-тобе, Чоль-тобе), в Бухарском Согде (Сеталак 1) и в Западной Фергане (сооружение около Чун-тепе в Керкидоне) они позволяют выделять их как один из архитектурных типов общественно-бытовых построек, бытовавших на территории Кангюя.

Впервые для Ташкента такое сооружение было открыто на Шаштепа, поселении, расположенном вдоль канала Джун на юго-западе современного Ташкента.¹ Здесь в третьем строительном горизонте, под зданием небольшого раннесредневекового замка, было обнаружено сооружение, состоявшее из квадратного ядра со стороной в 21–22 м и с крупными прямоугольными башнями (6-7,5 X 5-5,5 м) в центре каждой из сторон. [Алимова, Филанович, 2009, с. 83].² Внутренняя застройка состояла из 6 длинных и узких помещений, однако характер их соединения между собой на настоящий момент выявить не удалось. Можно лишь предполагать, что они были соединены единой линией проходов с коридорами по периметру здания (Рис. 1, 1). На одном из этапов здание было обнесено округлой стеной-оградой диаметром около 60 метров [Филанович, 1983, с. 56].

На другом этапе уровень двора был поднят на 1 м. Затем вдоль обводной стены возведено внутреннее кольцо, в результате чего пространство между стенами было оформлено как внутрискладный коридор. Следующие перестройки выразились в возведении к северу от пом. № 1 и в южной части постройки стен-перегородок с 3-мя стреловидными прорезами. Внутри здания полы были подняты кирпичной закладкой и перекрыты в некоторых из них вымосткой из булыжников [Филанович, 1983, с. 58].

Принципиальное значение приобретают вопросы датировки и назначения здания. М.И. Филанович датирует сооружение здания на Шаштепа II – I вв. до н.э., а слой золисто-органической структуры, перекрывающий нижний пол, толщиной в полтора метра относит к Каунчи II, комплекс которого она выделяет как Шаш IV (т.е. II – IV вв. н.э.). В конце этого периода происходит частичное разрушение и заброс здания. [Филанович, 1983, с. 58] Относительно функционального назначения, по мнению М.И. Филанович, здание на Шаштепа уже на первом этапе – это храм солнцеслужителей и огнепоклонников, позже превращенный в культово-погребальный комплекс с захоронением черепа (?) [Филанович, 2009, с. 47]. Сооружение, действительно, несет следы воздействия огня (вероятней всего, пожара), но М.И. Филанович видит в этом прямую связь с традицией сжигания мавзолеев с погребенными в Восточном Приарале. [Алимова, Филанович, 2009, с. 124].

Другое крестовидное сооружение было открыто на городище Мингурик.³ Здесь в ходе раскопочных работ в 2008 – 2009 гг. в нижних слоях, во втором строительном горизонте, были выявлены остатки монументального квадратного

здания со стороной в 14,5 м, ориентированного почти по странам света и пережившего несколько этапов (Рис. 1, 2).⁴ Внутри комплекс состоял из ряда параллельных узких помещений (№ 1, 2, 4) с проходами, расположенными по одной оси. Интересно, что в центре западного и южного фасов здания выявлены полуовальные башни с квадратными помещениями внутри (№ 5 и № 7). Вход в них вел из смежных помещений центрального комплекса. Как оказалось, внутрибашенное помещение южной башни (№ 5) было почти квадратной формы 2,4 x 2,3 м. Важной деталью стала находка железного трехперого черешкового наконечника стрелы с опущенными жалъцами, впившегося в наружную стену башни. Другая, западная башня, смежная с помещением № 1 и соединяется с ним проходом. Ее внутрибашенное помещение (№ 7) позже было забутовано сырцовым кирпичом. В забивке обнаружено захоронение или следы строительной жертвы в виде фрагментированного черепа без нижней челюсти. Третья восточная башня сохранилась лишь частично. Но выявлен проход в нее шириной 1,10 м и высотой 1,80 м, кусок стены и уровень пола с камешками, на котором прослеживается зольный слой и куски керамики. С севера существовала еще одна четвертая башня, но от нее сохранились лишь незначительные остатки. Внутренняя планировка здания состояла из 4 узких помещений (№ 1–4), три из которых параллельны и вытянуты с запада на восток (Рис. 1, 2). Помещение № 4 – крайнее с юга, а помещение № 2 – с севера, причем помещение № 3 является его продолжением. Одним из центральных помещений было помещение № 1. На его западной стене над уровнем арки прохода сохранился горизонтальный ряд овальных углублений – пазов балок плоского перекрытия, что указывает на наличие второго этажа. Верхнее помещение было сводчатым. Комнаты нижнего и верхнего этажа были высотой около 3,5 м. Пол в нижнем помещении был покрыт слоем мелкой гальки, который перекрывает слой древесного угля и золы, выше чередуются окристано-горелые слои с зольно-органическими отложениями [Древний Ташкент, 1976, с. 37]. В восточной торцевой стене, которая являлась общей для пом. № 4, 1, 2, расчищен напольный очаг, утопленный в тело стены полуовальной в плане нишкой. Ширина его устья – 26 см. О том, что он функционировал длительное время, свидетельствуют три днища жаровен, установленных друг на друга. Очаг явно носил культовый (магико-охранный) характер, дымом тлеющих в нем семян и растений, окуривая (очищая) всех входящих. Показательно и то, что очаг расположен не на осевой линии помещения, а несколько под углом к проходу в пом. № 2.

За южной стеной пом. № 3 была устроена узкая глухая трапециевидная в плане комнатка: 3 X 1,40 (1,03) м. Внизу ее восточной стены был обнаружен вход в подземное помещение или ход, который, вероятно, вел к воде, но в настоящее время он завален камнями и кусками осевшей глины.

В южной части комплекса вскрыт короткий коридор, выводивший к восточной башне. Пока не очень ясно, где находился вход в здание, т.к. обнаружено два прохода с противоположных сторон, с севера и с юга, но оба в сильно разрушенном состоянии. Первый из них – в северной стене помещения № 2, шириной 1,1 м и высотой 1,6 м, был как бы продолжением осевой линии коридора и прохода из него в помещение № 2. Однако не исключено, что он вел не наружу, а в четвертую башню. Этот участок сильно разрушен перекопами позднего времени. Еще один вход в здание выявлен на южном фасаде. Он был шириной 3 метра с осевшим арочным перекрытием. Позже коридор и проход были заложены пахсо-

выми блоками. Пока не ясно, существовал ли этот проход изначально, или функционировал только на позднем этапе. Причем именно на этом этапе с юга над восточной стеной помещений № 4, 1 была устроена лестница с широкими ступенями, пространство между которыми позже было заполнено галькой и превращено в пандус. Вероятно, это коленчатый пандус – подъем на верхние этажи комплекса. Поверх пандуса зафиксирован рыхлый коричневатый слой древесных остатков деревянного перекрытия. Он прослеживается дальше в северо-восточном направлении над пом. № 1а. Аналогичное устройство лестницы – пандуса и комнаты с колодцем наблюдается на Актобе II [Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 24].

Хронологически чуть позже, но с этим же горизонтом связано возведение обводного коридора с юго-западной стороны, шириной в 2 м (помещение № 6), повторяющего абрис южной башни. Видимо, с этим же коридором связано еще одно помещение (№ 8), к юго-западу от которого выявлен участок стены. Однако вскоре все эти помещения были забутованы. Но и при следующем ремонте помещение, возведенное над коридором, сохраняет овальный абрис. Об интенсивности обживания и бытовом характере свидетельствуют зольные отложения с включением мелких угольков, горелых обломков костей и фрагментов керамики. Кстати, с северо-западной стороны комплекса уже поверх забутовки спускаются мощные зольные отложения.

Работы в юго-западной части холма выявили ряд помещений и участок обводной крепостной стены с внутрстенной галереей. Как выяснилось, эта крепостная стена возводится в 8–10 м от здания, но не сразу, а спустя какое-то время, после того как было возведено центральное здание и даже «обвод» вокруг южной башни. К сожалению, от нее сохранился лишь небольшой участок, поэтому осталось неясным, был ли это специальный обвод, охватывавший периметр только этого здания (как на Чоль-тобе или Кзыл-Кайнар-тобе), либо это вообще крепостная стена шахристана. В любом случае совершенно очевидно одно – то, что стена была возведена спустя какое-то время после строительства и бытования основного здания. Обводная галерея вскрыта не полностью. Как оказалось, ее южная стена сложена из сырцового кирпича, тогда как у западной – кладка комбинированная, нижняя часть из пахсовых блоков, а верхушка из сырца. Причем на многих кирпичах имеются знаки в виде круга, сдвоенной полосы, дуги с отходящей полосой. В заполнении галереи были обнаружены куски штукатурки с черной поверхностью. Отсюда же происходит большое количество бытовой керамики. Вполне соотносится с этим находка следа боевого столкновения, железного трехперого черешкового наконечника стрелы, впившегося в наружную стену южной башни, который показывает, что обводной стены вокруг комплекса на первых этапах не существовало, как не было и овального дополнительного обвода вокруг южной башни. Его появление вызвано не культовыми потребностями, а необходимостью усиления (укрепления) сооружения с этой стороны.

В целом сооружение датируется первыми веками н.э.⁵ Башни и стены сложены из сырцового кирпича прямоугольного формата, но встречается и квадратный кирпич (39х40х10 см), что позволяет отнести возведение здания к самому концу III – IV вв. Башни пристроены к основным стенам, что тоже соответствует строительным традициям фортификационных сооружений античности. Но его основное бытование относится к IV – VI вв.

Показателен в этом плане комплекс керамики, полученный с уровня полов в

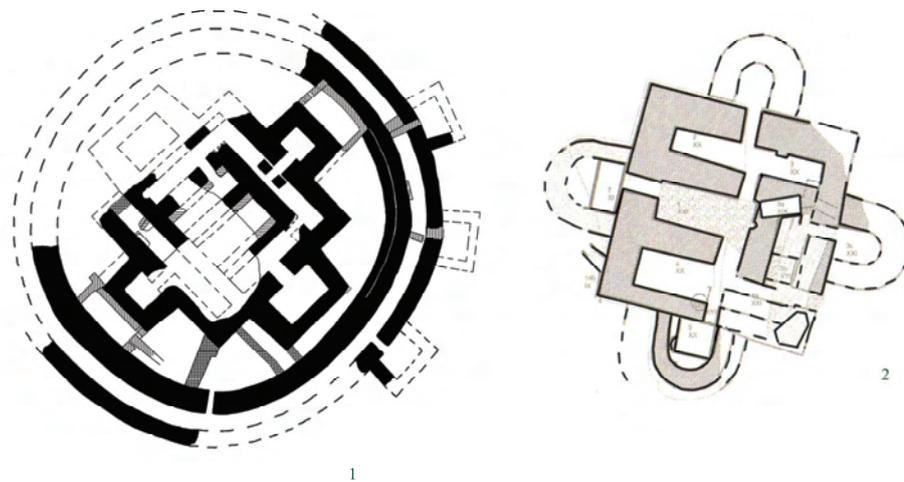

Рис. 1. 1 - План Шаштепа, 2 - Мингурик

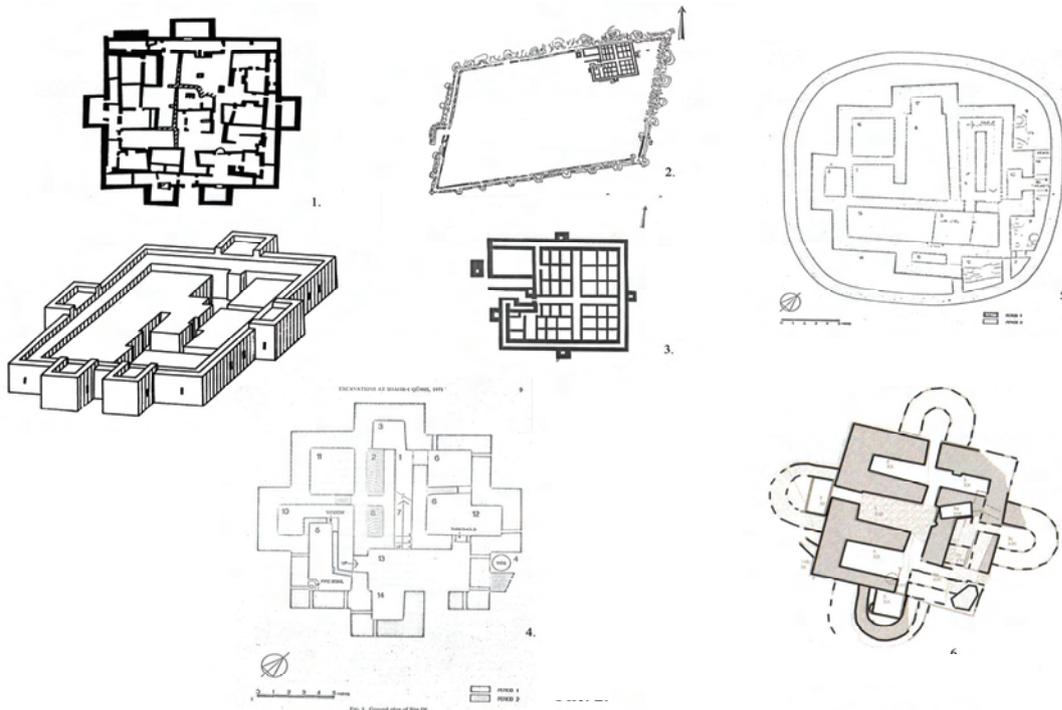

Рис. 2. 1 - план и реконструкция поселения Келлели-4; 2 – 3 - планы городища Аязкала-3 и Большого дома; 4 – план здания (объект IV) в Шахр-и Кумис; 5 – план сооружения Шахр-и Кумис XIII; 6 – план нижнего здания на Мингурике (Ташкент)

башне (№ 5) и в помещении № 4. Этим же временем, т.е. III – V вв. датируется железный наконечник стрелы из стены башни. Он находит аналогии среди материалов погребальных комплексов кочевников Южного Казахстана и Ташкентского оазиса [Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 93, рис. 2.21 (31,33)].

М.И. Филанович видит в здании на Мингурике продолжение традиции культовой направленности Шаштепинского комплекса [Филанович, Богомолов, Ильясова, 2009, с. 56]. Причем на последнем этапе существования сооружения перестройки с возведением пандуса превратили его в возвышенный стилобат. Навер-

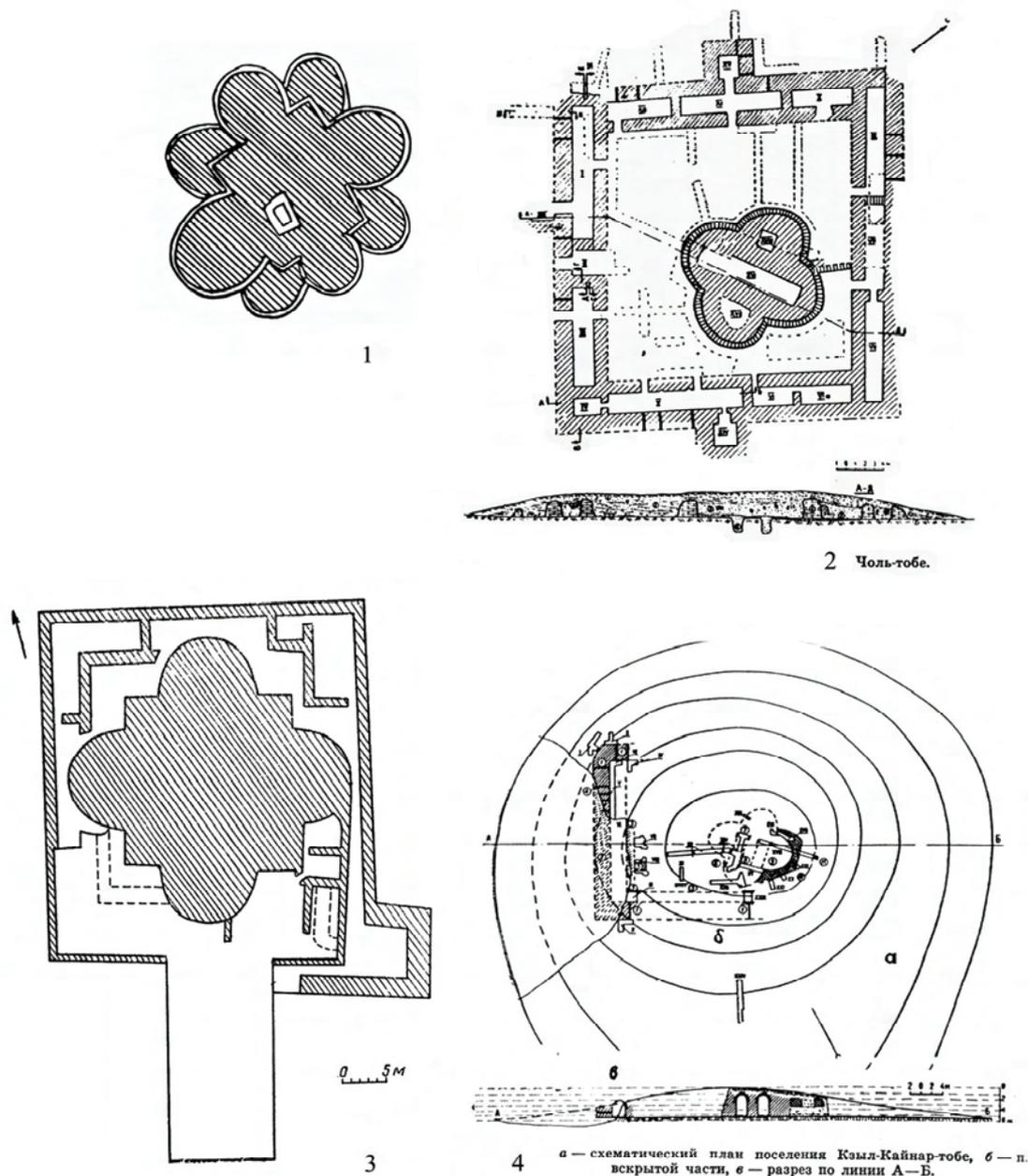

Рис. 3. 1 - План сооружения около Чунтепа в Керкидоне (Фергана); 2 – План и разрезы Чоль-тобе (Южный Казахстан); 3 – План Сеталак – I в конце II строительного периода (Бухарский оазис); 4 – План и разрезы Кзыл-Кайнар-тобе (Южный Казахстан)

ху этого монолита, видимо, возжигался открытый огонь, зола от которого скопилась за стенами здания. Город, по ее мнению, сложился вокруг этого культового комплекса, посвященного Солнцу [Филанович, 1983, с. 47].

Однако культовая принадлежность этих сооружений на Шаштепа и Мингурике вызывает большое сомнение. Комплекс находок, характер культурных напластований и, наконец, планировка сооружений явно указывает на то, что это гражданская архитектура жилого назначения. Следы огня и зола – это зыбкий аргумент для доказательства культовой принадлежности комплекса. Тем более что в

реальности эти «мощные накопления» золы являются золисто-гумусными бытовыми накоплениями, характерными для абсолютного большинства каунчинских поселений. Укажем, к примеру, на стратиграфию почти синхронных памятников на территории Ташкента Таукаттепа или Бузгонттепа. Казалось бы, более существенным аргументом является необычная крестовидная планировка сооружений на Шаштепа и Мингурике и предполагаемая их культовая преемственность.

Действительно, крестообразность планировки восходит к традициям архитектуры Древнего Востока. Однако в целом здания с «крестовидной планировкой» типологически не однородны. Часть из них представляют собой сооружения, в которых крестообразность является организующей основой, т.е. соответствующее расположение коридоров или помещений формирует внутреннюю планировку здания (например, крестообразное расположение комнат или камер погребального сооружения). Другие – здания, в которых крестообразность – это проявление фасадного оформления, где дополнительные элементы (башни или лопасти-платформы) пристраиваются в центре внешних сторон и придают сооружению крестовидный внешний контур, тогда как собственно ядро здания может быть прямоугольным или квадратным.

Появление зданий с крестовидной планировкой в Средней Азии можно отнести еще к середине II тысячелетия до н.э., причем далеко не все из них являются культовыми. Ярким примером бытовой направленности было поселение Келлели-4, где здание поселения большесемейной общины представляло собой квадратное сооружение (29,5 x 29,5 м) с внутренним закрытым двором и жилыми помещениями-секциями по его периметру вдоль стен. Для его защиты (Рис. 2, 1) по центру каждой из сторон, т.е. крестообразно, были возведены прямоугольные башни [Мамедов, 2003, с. 16-17; Масимов, 1984, с. 17]. Видимо, в дальнейшем такое крестовидное расположение башен становится характерным для небольших фортификационных объектов – цитаделей, небольших крепостей и укрепленных сельских усадеб. Таков большой дом Аяз-калы 3 в Хорезме. При этом, как считают исследователи, вначале, на первом этапе, было возведено отдельно стоящее, хорошо укрепленное здание квадратной формы (Рис. 2, 3). На втором этапе, в кушанское время, оно берется в обвод оборонительных стен городища (Рис. 2, 2), которое в это время становится центром, крепостью-убежищем поселения и его округа [Болелов, 1998, с. 130-131]. В целом же на территории Южного Приаралья сооружения с крестообразной планировкой первоначально используются в погребальной и культовой архитектуре в начале I тыс. до н.э., но уже во второй половине I тыс. до н.э. появляются и в гражданской (бытовой) архитектуре [Болелов, 1998, с. 133-134].

Сопоставление памятников с крестообразной планировкой Ирана и Средней Азии показывает, что здесь так же часть из них могла быть культовыми постройками, а часть, причем большая – светскими, более того, укрепленными сельскими усадьбами [Хасанов, 2004, с. 160]. О древности такой линии развития в Иране свидетельствует памятник Баба Джан, датируемый IX веком до н.э. В плане он представляет собой почти квадратное здание, по углам и в центре каждой из сторон которого (т. е. крестообразно) расположены прямоугольные башни. Центральную часть занимал вытянутый прямоугольный двор, который позже был застроен колоннадой и перекрыт. [Goff, 1977, p. 15]. Мидийским периодом датируется центральный храм на поселение Нуш-и Джан. Он имел крестовидную планировку и внутри состоял практически из двух крупных помещений

[Stronach, Roaf, Stronach R., Bökönyi, 1978, p. 1-3, Fig. I], то есть уже к парфянскому времени среди крестообразных в плане построек и в Иране, и в Средней Азии преобладают отдельно стоящие дома – усадьбы [Хасанов, 2004, с. 160]. При этом многие из них сохраняют квадратный контур основного сооружения, а внутри состоят из узких помещений со сводчатым перекрытием. Таково парфянское поселение I века до н.э. Шахр-и Кумис [Hansman, Stronach, 1970, pl. IX, b, c.], основное ядро которого представляло собой квадратное сооружение с выступающими в середине каждой из сторон квадратными башнями (Рис 2, 4-5). Укрепленные усадьбы как тип жилой архитектуры в виде укрепленного ядра с оградой по периферии появились в Средней Азии с середины I тыс. до н.э. Безусловно, далеко не все из них имели крестовидную планировку. Такова, например, усадьба Гары-Кяриз I в Туркмении с округлыми башнями со стреловидными бойницами, но её внутреннее пространство занимают узкие коридорообразные помещения [Пилипко, 1984, с. 28-58]. Античным временем датируются замки-усадьбы из Центрального Согда – Холикназартепа [Исаков, 1980, с. 250-256] и Хамтуда [Хасанов, 2004, с. 159]. Не совсем типологически близка, но, видимо, к этому же ряду памятников относится сельская усадьба Киндиктепа в Южном Согде, пережившая несколько этапов с III по VI вв. В III–IV вв. возвели угловой донжон, а саму усадьбу оформили в виде высокого крестообразного здания. Из этого делается вполне логичное заключение, что эти изменения отражают не столько архитектурную моду, сколько выделение и рост значения знати [Хасанов, 2004, с. 161].

Видимо, такие укрепленные усадьбы можно считать предшественниками мелких замков раннесредневекового периода. Примечательно, что уже к V веку такой тип жилья, как квадратный в плане замок со стороной около 18 м, становится одним из ведущих типов замков в Согде и, вероятно, в других районах Средней Азии [Семенов, 1985, с. 16]. Таковы укрепленные усадьбы или замки Айтугдитепа в Южном Согде [Кабанов, 1977, с. 79-82], Фильмандар под Пенджикентом [Исаков, 1979, с. 51], усадьба близ Кафыркалы под Самаркандом [Шишкина, 1961, с. 192-222], замок Куджраха (Калаи Тухтамыш) в долине Магиандарьи [Исаков, 1980, с. 247-248]. Кстати, сооружение в Фильмандаре, по мнению А.И. Исакова, было замком или укрепленным домом свободного дехкана-землевладельца, не являвшегося еще в V веке собственно феодалом по своему социальному статусу, так как даже при наличии второго этажа в нем могло проживать 1 семейство из 10-15 человек [Исаков, 1979, с. 51].

Достаточно близок зданию на Мингурике замок Куджраха. Он представлял собой квадрат со стороной 14 м и состоял по первому этажу из трех параллельных помещений, вестибюля, расположенного перпендикулярно им, и пандуса для подъема на второй этаж [Исаков, 1980, сс. 247-250].

Не менее важно и то, что аналогичные здания, с такими же габаритами и внутренней планировкой, появляются не только в округе Пенджикента, но и в его жилой городской застройке [Семенов, 1990, с. 62]. Возможно, в этом отразились как тенденции развития городской застройки, так и новые социальные явления, имевшие место и в Согде и в Чаче.

Анализ конструкций и планировки показывает, что основное ядро обоих сооружений на Шаштепа и Мингурике имеет:

– квадратную форму (только на Мингурике со стороной 15 м, а на Шаштепа – 21-22 м),

- внутри вытянутые в ряд узкие помещения (только на Шаштепа периметр оконтуриен анфиладой из узких коридоров),
- наличие башен по центру каждой из сторон здания (правда, на Шаштепа они прямоугольной формы, а на Мингурике – овальной),
- существование второго этажа (на Мингурике следы его обнаружены, а на Шаштепа лишь предполагаются, хотя косвенно на это может указывать толщина внутренних стен),
- и, наконец, наличие обводной укрепленной стены, охватывавшей здание и часть примыкавшей к нему территории. На Шаштепа она – округлая в плане и примыкает к зданию почти вплотную, на Мингурике ее планировка не ясна и стена проходит на расстоянии 8-10м.

Все это позволяет говорить, что оба сооружения типологически близки, явно относятся к жилой гражданской архитектуре, нежели к культовой, и самое главное, практически синхронны. Иначе говоря, удревять крестовидное сооружение на Шаштепа до II – I вв. до н.э. нет оснований, его датировку следует омолодить до III – IV вв. н.э. Не случайно в керамическом комплексе почти отсутствуют сосуды с ручками с протомами животных (барана) и много находок очажных кирпичей-подставок в виде головы быка, т.е. признаки, характерные для комплекса Каунчи II, а не Каунчи I. Кстати, не противоречит этому и факт наличия стреловидных прорезей на стенах-перегородках Шаштепа, т.к. этот архаический элемент для этого сооружения тоже не исключает более поздней датировки. Стреловидные бойницы как рудимент встречаются на ряде раннесредневековых памятников. Так, две бойницы стрельчатой формы были устроены в овальной башне замка Ак-депе у Артыка (Туркмения) и по комплексу находок датируются IV – VI вв. [Губаев, 1979, с. 65]. В Фергане раннесредневековые замки Аралтепа, Сары-курган дают сочетание прямоугольных башен со стреловидными бойницами [Семенов, 1985, с. 19].

В развитии крестовидных сооружений, видимо, можно наметить две линии. Одна из них – культовая. При чем общим для всех этих сооружений признаком можно считать фигурно оформленное основное ядро. Если судить по памятникам Чоль-тобе (Рис. 3, 2), Кзыл-Кайнар-тобе (Рис. 3, 4) [Мерциев, 1970, сс. 79-87], Сеталак I (Рис. 3, 3) [Сулейманов, 1979, сс. 18-21], остаткам постройки около Чун-тепе в Керкидоне (Рис. 3, 1) [Горбунова, 1977, с. 115, рис 1, 6], то оно представляет собой платформу, на верхней площадке которой совершались какие-то ритуальные действия. Кроме того, в её овальных лопастях нет внутрибашенных помещений, они имеют монолитную структуру и лишь имитируют башни. Однако нельзя исключать и то, что этот тип культовых сооружений развивался под влиянием светской архитектуры, воссоздавая в определенном виде привычный тип престижного жилья. Другая линия – жилые укрепленные сельские усадьбы большесемейной общины, отражающие один из типов светской архитектуры эпохи Кангюя. Видимо, в первые века нашей эры они, как привычное, но в то же время престижное жилье появляются в нарождающейся застройке городов. Именно к ним относятся выявленные здания на Мингурике и Шаштепа. Только в дальнейшем пути их разошлись. Шаштепа как хорошо защищенная усадьба стало разрастаться как сельское поселение, тогда как сооружение на Мингурике, недаром оно меньше по размерам Шаштепа, участвовало в сложении городской застройки. Планировочный же принцип построения здания в виде квадрата, разбитого внутри на три параллельных помещения, с пристроенными в центре каж-

дой из сторон полуовальными башнями, является оригинальным для Чача, но подобная коридорно-гребенчатая планировка хорошо известна в сооружениях с глубокой древности и обычно указывает на бытовой характер сооружения. Правда, интерпретация гребенчатой или коридорно-гребенчатой планировки неоднозначна. Так, В.А. Лавров связывал развитие такой внутренней планировки с конструктивными особенностями сводчатых перекрытий [Лавров, 1950, с. 44]. В.Л. Воронина считала, что появление этой планировки напрямую вытекает из функционального назначения самих зданий, как большесемейных общинных домов [Воронина, 1950, с. 190-191]. Однако большинство исследователей относит здания с гребенчатой планировкой к сооружениям оборонительного, сторожевого характера [Нильсен, 1966, с. 183-190; Негматов, Зеймаль, 1961, с. 67-88; Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 107-115].

Таким образом, монументальное здание с квадратным ядром и крестовидно расположенными башнями на Мингурике не являлось, да и не могло быть культовым сооружением, а представляло собой квадратный двухэтажный замок, с несколько необычным размещением в центре каждой из его сторон полуовальных башен. Несмотря на небольшие размеры, эти башни были весьма действенными сооружениями, способными вполне эффективно отразить натиск, простреливая стороны и углы здания, т.е. фланги нападающих. Комплекс находок на уровнях полов и характер заполнения тоже свидетельствует о бытовом назначении сооружения.

Подобные сооружения вполне логично связать с сельскими усадьбами позднего времени, как отражающими схожие явления в разработке типов и форм расселения. Так, в Хорезме и Среднесырдарьинском оазисе были распространены усадьбы-хаули больших состоятельных неразделенных семей, окруженные пашнями и садами, представляли собой подобие маленькой крепости. Они были защищены высокими крепкими воротами. Помимо жилья в усадьбе находились кладовые и помещения для скота. Такое устройство диктовалось необходимостью иметь защиту от набегов кочевников.

Такие же усадьбы известны в пригородных селениях Самарканда и Бухарской области. Правда, в отличие от Хорезма, здесь они были расположены вдоль улиц, среди плотной застройки [Сухарева, Турсунов, 1982, с. 36].

Все это показывает, что появление такого здания на одном из первых этапов обживания территории Мингурика не удивительно. С одной стороны, оно отражает процесс формирования городской застройки, с другой – представляет собой как бы один из «типовых» проектов, бытовавших в это время зданий, и, вероятней всего, сельских домов-усадеб. Согласно исследованиям фортификации античного Хорезма, в кушанский период (т.е. в I – IV вв. н.э.) наблюдается процесс появления мелких квадратных и прямоугольных укреплений (Кзилкала, Гяуркала на Черменебе, Атсызкала, Ангкакала, Джильдыкала и др.) [Ходжаниязов, 1981, с. 50]. Квадратные дома-замки известны для V-VI вв. в Согде, Тохаристане и Чаче [Аннаев, 1988. Рис 19, 18; Древности Ташкента, 1973, с. 117, рис 30; Семенов, 1985, с. 18-19; Семенов, 1990, с. 62-63]. Не менее показательны в этом плане поселение Киндиктепа (в Южном Согде), где укрепленная усадьба III – V вв. была оформлена как крепостца, с башнями по середине каждой из сторон, и где крест из башен вытеснил средний квадрат, составлявший ранее основу плана [Хасанов, 2004, с. 160]. Примеры сооружений с крестовидной планировкой дают ферганские памятники – цитадель Билувуртепа [Заднепровский, 1985, с. 93-94] и

здание на городище Арк, где выступами креста являлись башни, в стенах которых имелись стреловидные бойницы [Горбунова, 1977]. Показательно, что даже в XIX – начале XX вв. «крепостной» стиль служил своеобразным образцом в архитектуре сельских усадеб – курганча в Средней Азии. Как отмечает А.К. Писарчик, в первой половине XIX века богатые люди нередко строили усадьбы с крепостными элементами, которые трансформировались в декоративные башенки. Известно, что один из первых владельцев такой курганчи был вызван в суд, где основным вопросом дознания было, почему он, не будучи государем, строит крепость – курган. То есть власти усматривали в этих действиях претензии отдельных лиц на статус независимых владетелей, внешним проявлением чего была укрепленная курганча [Писарчик, 1974]. Все это отражает поиск оптимальной планировки для сооружений замкового типа, где каждый из них мог иметь собственный индивидуальный путь развития. Появление на Мингурике сооружения замкового типа могло свидетельствовать о принадлежности этого здания знатному лицу, который стремился таким способом заявить свои претензии и значение в нарождающейся городской застройке.

Сноски

1 Однако ни первоначальное бургулюкское поселение, ни возникший позже каунчинский поселок не связаны изначально с каналом Джун, а возникли на высоком надпойменном берегу старицы Чирчика, где пойма реки обильно орошалась паводковыми водами, тогда как ирригационная ветка системы Салар-Джун сложилась, видимо, на базе соединения паводковых протоков Чирчика в одну систему не ранее первых веков н. э. Позже (на рубеже V-VI вв. н.э.) это поселение было превращено в укрепленную цитадель – замок с небольшим поселением, обводнявшимся с севера руслом канала. То есть функционально это типичное сельское поселение, так называемое «тепе с площадью». В это же время, т.е. в раннем средневековье, селение начинает разрастаться по другому берегу канала. Такая планировка сохраняется вплоть до XII в.

2 Правда, четвертая башня не обнаружена и вводится в план гипотетически.

3 Само городище Мингурик – один из наиболее крупных археологических памятников эпохи поздней античности и раннего средневековья на территории Ташкента и было, видимо, его древнейшим ядром. Городище расположено в центральной части современного Ташкента, к северу от канала Салар рядом с Северным вокзалом. С ростом города его территория была почти поглощена современной застройкой. Только по картам конца XIX в. хорошо видно, что некогда городище состояло из цитадели и шахристана, общей площадью 35 га, от которого к настоящему времени сохранился лишь небольшой участок – холм подтреугольной формы 42 x 30 м, высотой 15 м и примыкающий к нему с севера небольшой шлейф, длиной около 80 м и шириной 3 – 4 м. С запада и с юга холм сильно срезан (почти до подошвы).

4 Разрезы и планы вскрытого на Мингурике комплекса с элементами реконструкции сделаны архитекторами В.И. Артемьевым и А. Урмановой.

5 Керамический материал с нижнего уровня пола относится к III – IV вв. Ссылка М.И. Филанович на наличие в кладке квадратного кирпича скорее подтверждает переходный характер строительных конструкций здания.

Использованная литература

Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Т., 2009.

Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Т., 1988.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

- Воронина В.Л. Изучение архитектуры древнего Пянджикента // Труды ТАЭ. Том 1, МИА, № 15, М.-Л., 1950.
- Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры. (Некоторые итоги исследования) // СА. 1977, № 3.
- Губаев А. Замок Ак-депе у Артыка в свете новых раскопок. (К динамике развития раннесредневековых поселений Северного Хорасана) // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4, Л., 1979. Древности Ташкента. Т., 1973.
- Древний Ташкент. Т., 1976.
- Заднепровский Ю.А. Городище Билувуртепа (восточная Фергана) // КСИА, выпуск 184, М., 1985.
- Исаков А.И. Фильмандарский замок // УСА, вып. 4, Л., 1979.
- Исаков А.И. Работы Косаторошского отряда в 1975 г. // АРТ, Вып. XV (1975). Душанбе, 1980.
- Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Т., 1977.
- Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003, с. 16-17.
- Масимов И.С. Жилой дом на Келлели // Памятники Туркменистана. 1984, № 2, с. 17.
- Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I-IV веков и захоронение в нем война IV-V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 79-87.
- Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 44.
- Негматов Н.Н., Зеймаль Т.И. Раскопки Термизактепе // Известия АН Тадж. ССР, СОН, 1961, вып. 1 (24).
- Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
- Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Т., 1966.
- Пилипко В.И. Поселение раннежелезного века Гары-Кяриз I // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984.
- Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XIX – XX вв. (по материалам 1938 – 1941 гг.). Душанбе, 1974.
- Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Л., 1985.
- Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М. 1990.
- Сулейманов Р.Х. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса // УСА, вып. 4. Л.; 1979.
- Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Т., 1983.
- Филанович М.И. Ташкент: Зарождение города и развитие городской культуры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею г. Ташкента. Т., 2009.
- Филанович М.И. Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. Новые данные по древней истории Ташкента // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею г. Ташкента. Т., 2009.
- Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Ю.Ф. Бурякова, Самарканд, 2004.
- Ходжаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма // СА, 1981, № 2.
- Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ, вып. 2, Т., 1961.
- Goff C. Excavations at Baba Jan: The Architecture of the East Mound, levels II and III // Iran. Volume XV, London, 1977.
- Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-Qumis, 1967 // Journal of the Royal Asiatic society. 1970, № 1. – Pl. IX, b,c.
- Stronach D., Roaf M., Stronach R., Bökönyi S. Excavations at Tepe Nush-i Jan // Iran. Volume XVI, London, 1978.

О ГОРОДАХ ПАРФЯНСКОЙ МАРГИАНЫ

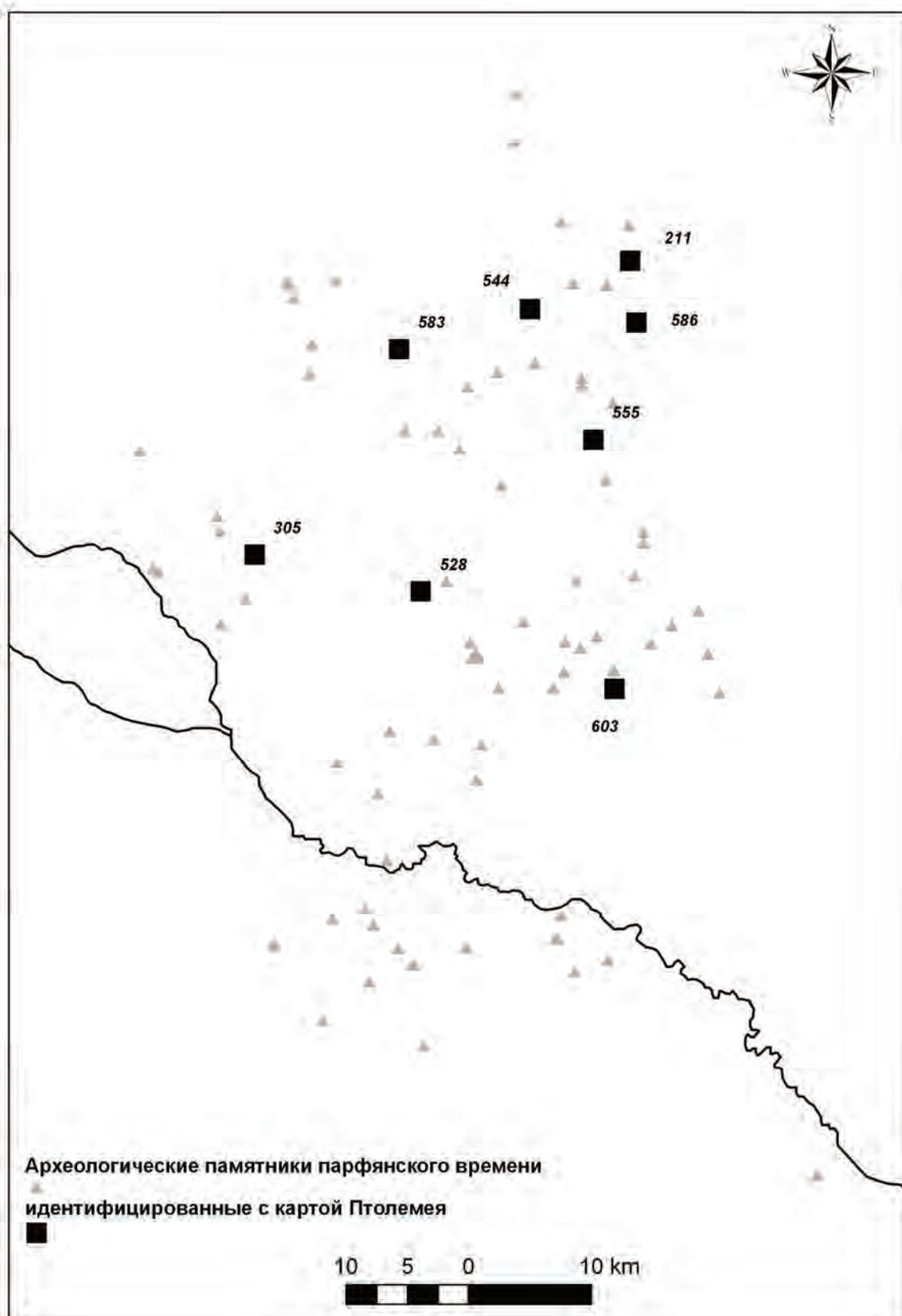
Выдающийся исследователь прошлого центральноазиатского региона Поль Бернар, юбилею которого посвящен данный сборник научных трудов, отличается поразительным разнообразием своих научных интересов. Он в равной степени профессионал в истории, археологии, нумизматике, эпиграфике. Но есть еще одна отрасль знаний, которой он занимается на протяжении многих лет с неизменным успехом, это – историческая география, научная дисциплина очень важная, но чрезвычайно трудная.

Авторы данной статьи решили посвятить юбилею Поля Бернара небольшую заметку, в которой поднимаются некоторые вопросы исторической географии древней Маргианы.

Как хорошо известно, на протяжении нескольких лет объединенная российско-туркмено-итальянская археологическая экспедиция проводила исследования на территории Мервского оазиса (Туркменистан) с целью создания археологической карты данного региона. Соответственно, важнейшим результатом этой работы стала публикация списка памятников, зафиксированных на территории оазиса с точным указанием их местоположения на основе GPS и краткого описания, в котором фиксируются его размеры, характерные особенности, предлагается датировка (на основе сбора подъемного материала)¹. Среди многочисленных памятников (более 1000) выделяются и памятники парфянского времени (около 100).

Естественно, что создание археологической карты не может быть самоцелью. Она становится своего рода базой для различного рода исследований, включая и исторические интерпретации. Соответственно, для исторических интерпретаций особую роль играет сопоставление данных археологии и данных письменных источников. Поскольку нас интересует в первую очередь парфянское время, то в роли письменных источников выступают сочинения греческих и латинских авторов, упоминающих Маргиану. Их немного, информация, содержащаяся в них, достаточно скудна, но среди них имеется один, имеющий совершенно особое значение для разрабатываемой нами проблемы. Мы имеем в виду «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Содержащиеся в нем списки городов с указанием их географического положения, а также связанные с ними карты дают уникальную возможность для сопоставления двух систем данных: археологических и исторических.

Несмотря на все сложности, связанные с особенностями текста Птолемея, двое из авторов данной статьи попытались разработать методику такого сопоставления². Не повторяя содержания статьи, отметим только, что принцип состоит в том, что производится сопоставление взаимного расположения городов на карте Птолемея и древних населенных пунктов, зафиксированных в ходе работ по составлению археологической карты. Поскольку основным отправным пунктом в исследовании являлось городище Гяур-кала (вместе с Эрк-калой), которое абсолютно достоверно отождествляется с городом Антиохия Маргианская, с очень большой степенью вероятности на основе использования этого метода было определено местонахождение еще двух городов Маргианы парфянского

времени. После завершения этой стадии исследования мы попытались отождествить все остальные города карты с археологическими памятниками³.

Результатом этого этапа исследования стала следующая картина: в античных источниках (в первую очередь у Птолемея) упоминаются следующие города: 1) Антиохия в Маргиане; 2) Аратха; 3) Сена; 4) Гуриане; 5) Аргадина; 6) Рея; 7) Ясонион; 8) Ариака; 9) Нисайя (Нигейя).

Наши отождествления выглядят следующим образом:

1) Антиохия в Маргиане – памятник №№ 602, 603 по археологической карте (городище Гяур-кала с Эрк-калой).

2) Аратха – памятник № 586 по археологической карте (городище имеет несколько современных названий: Старый Кишман, Кишман-депе, Дингли Кишман, Койне Кишман; в эпоху средневековья известен как Кушмейхан).

3) Сена – памятник № 544 по археологической карте (городище имеет несколько современных названий: Новый Кишман, Улы Кишман, Тязе Кишман; в средневековое время этот населенный пункт известен как Хурмузфарра).

4) Гуриане – памятник № 528 по археологической карте (городище Чильбурдж).

5) Аргадина – памятник № 583 по археологической карте (городище Гебеклы).

6) Рея – памятник № 305 по археологической карте (городище Джин-депе).

7) Ясонион – памятник № 555 по археологической карте (городище Гечигран).

8) Ариака – памятник № 211 (современное название не известно).

9) Нисайя (Нигейя) вызывает некоторые затруднения, поскольку столь далеко на юг нам не удавалось проникнуть, так как уже у Тахта-Базара начиналась пограничная зона, куда и в советское время, и сейчас попасть достаточно затруднительно, и определения географических координат с помощью GPS были невозможны. Однако есть некоторые факты, которые позволяют уточнить ситуацию.

На карте Птолемея город отмечен в том пункте, где река Мургаб покидает горы и выходит на равнину. Характерно, что на том же сегменте карты, но уже к югу от горной цепи, обозначающей соответствующую границу Маргианы, отмечена область Нисайя, что заставляет нас думать о естественной связи этих двух фактов. Наиболее реальным выводом является предположение о том, что город Нисайя является центром одноименной области. При этом город располагается на границе гор и равнины, а собственно страна – несколько к югу, в данном случае за первой горной цепью. Достаточно точная локализация области становится возможной благодаря помощи несколько неожиданного источника. В одном из зороастрийских сочинений («Видевдате» или «Вендидаде») в знаменитом первом фаргарде содержится список стран, поклоняющихся Ахурамазде. На пятом месте в этом списке находится Нисайя, которая определяется следующим образом – «[расположенная] между Маргианой и Бактрией»⁴.

Как известно, из Мерва в Бактры существовало два пути. Один из них – более короткий, но более трудный – вел через пески юго-восточных Каракумов к берегам Амударьи (примерно к району современного города Керки), а затем – вдоль берега этой реки к Балху. Второй – более длинный, но более комфортный – вдоль реки Мургаб: сначала строго на юг, затем – в горах – следуя по долине, идущей с востока на запад, затем – невысокий перевал – и дорога выходит на Бактрийскую равнину достаточно близко от Бактр⁵. Именно этим путем прошли, как показал П. Бернар, караванщики Маеса Титиана примерно в 100 г.н.э.⁶

В районе выхода реки Мургаб на равнину имеется только два значительных

по размерам памятника: Меручак и Бала-Мургаб. Городу Нисайя должен отвечать один из них.

Таким образом, с определенной степенью уверенности мы отождествили с конкретными археологическими памятниками все те города, которые упоминает Птолемей в своей работе. Не пытаясь сейчас решить все проблемы, вытекающие из этого, мы отметим только одно обстоятельство – под общую рубрику «город» попали древние населенные пункты весьма различного характера. Фиксируется четыре типа населенных пунктов. К первому из них относится городище Гяур-кала (вместе с Эрк-калой). Достаточно адекватную картину города дает его описание в соответствующем разделе тома, посвященного археологии Средней Азии и Кавказа в известной серии «Археология СССР»⁷. С того момента археологические материалы для интересующей нас эпохи пополнились тремя важными дополнениями. Было установлено, что стена, окружавшая городскую округу (о которой писал Страбон), действительно существовала, но она располагалась не там, где ее помещали ранее, а гораздо ближе к городу⁸. Была детально исследована оборонительная система Гяур-калы, которая предстает перед нами как образцовый пример раннеэллинистической городской фортификации⁹.

Таким образом, Антиохия Маргианская предстает как огромный город (почти 2x2 км) с цитаделью и обширным пригородом, окруженным стеной.

На другом конце шкалы населенных пунктов находятся Аргадина, Ясонион, Ариака. Лучшее других известен памятник Аргадина (Гебеклы)¹⁰. Это небольшая крепость (100x100 м) со слабыми следами обживания вокруг. Но при раскопках памятника кроме обычных материалов была обнаружена огромная коллекция глиняных булл, свидетельствующая о значительном экономическом значении этого пункта¹¹. К этому же типу принадлежит и Ясонион (Гечигран) – памятник еще меньших размеров, но также со следами обживания вокруг, а также Ариака (памятник 211) – самый северный из всех населенных пунктов оазиса парфянского времени. Он очень сильно разрушен, но, кажется, также представлял собой небольшую крепость.

Следующий тип представляют такие населенные пункты, как Сена (Новый Кишман)¹², Аратха (Старый Кишман)¹³, Гуриане (Чильбурдж)¹⁴. Этот тип характеризуется следующими особенностями: прямоугольный план, достаточно мощные укрепления и размеры в несколько раз (от 4 до 8) превышающие размеры населенных пунктов предшествующего типа.

Наконец, последний тип представлен единственным памятником – Рея (Джиндепе)¹⁵. Общая площадь памятника весьма значительна (около 2x1,5 км). Состоит он из 12 отдельных бугров, каждый из которых представляет собой остатки отдельного квартала. Квартал состоял из 2 или 3 отдельных домохозяйств с большим общим двором¹⁶. Самый северный из бугров – видимо, остатки небольшой цитадели. Город был крупным ремесленным центром. На нем зафиксировано 11 керамических печей (из них было вскрыто 5)¹⁷.

Разнообразие типов населенных пунктов, скрывавшихся под общей рубрикой «город», ставит трудную проблему – на основе каких именно критериев античные авторы (в первую очередь Птолемей) выделяли их из остальной массы населенных пунктов. На настоящий момент мы можем выдвинуть только одно предположение – этим критерием был их административный статус. Видимо, они являлись локальными центрами внутри общей политико-административной структуры оазиса.

Примечания

1. The archaeological map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995 // Ed. by A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi. Roma, 1998.
2. Гаилов В.А., Требелева Г.В. О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий) // *РА*, 2006, № 3, с. 157–164 (здесь же предшествующая литература, посвященная проблеме).
3. Гаилов В.А., Кошеленко Г.А., Требелева Г.В. О локализации городов Маргианы парфянского времени // *Проблемы истории, филологии, культуры* (в печати).
4. Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. A Study on the origins of Mazdeism and related problems. Napoli, 1980. P. 63; Кошеленко Г.А. Гаилов В.А., Бадер А.Н. Авестийские данные о Маргиане // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Т. 3. Часть 1. 1996, с. 139.
5. Frye R. A note on the ancient history of Bactria // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharistan. Actes du colloque de Termez 1997*. Paris, 2001, p. 247-249.
6. Bernard P. De l'Euphrate à la Chine avec la caravane de Maës Titianus (с. 100 ap. N.È.) // *CRAI*, 2005.
7. Кошеленко Г.А., Усманова З.И., Филанович М.Ф. Маргиана // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М., 1985, сс. 226-242.
8. Ее остатки были хорошо видны еще в середине 40-ых годов прошлого века (Bader A.N., Gaibov V.A., Košelenko G.A. Walls of Margiana // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / Ed. by A. Invernizzi. Torino, 1995, p. 39-50).
9. Zavyalov V.A. The fortifications of the city of Gyaur Kala, Merv // *After Alexander. Central Asia before Islam* // Ed. by J. Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007.
10. Литература, посвященная этому памятнику весьма значительна. Последняя обобщающая публикация – Koshelenko G.A. The fortifications at Gobekly-depe // *After Alexander. Central Asia before Islam* // Ed. by J. Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007, p. 269-283.
11. Gaibov V. The Bullae of at Gobekly-depe // *After Alexander. Central Asia before Islam* / Ed. by J. Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007, p. 285-294.
12. См. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // *Труды ЮТАКЭ*, Т. XIII. Ашхабад, 1966, p. 36-56.
13. См. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956-57 гг.) // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР*, Т. V. Ашхабад, 1959, с. 136-169.
14. О нем см. Gaibov V., Košelenko G., Novikov S. Chilburj // *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 4, part 1. 1990, p. 21-36.
15. В описании памятника (The archaeological map... p. 228, № 305) допущены ошибки.
16. Кошеленко Г.А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. // *КСИА АН СССР*. Вып. 95, 1963.
17. Мережин Л.Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // *Труды ЮТАКЭ*, Т. XI (Керамика античного и средневекового Мерва). Ашхабад, 1962, с. 12-25, 30-36.

Frantz Grenet

France

QUELQUES DONNÉES PEU EXPLOITÉES SUR LE PROTOCOLE ROYAL DANS L'IRAN ET L'ASIE CENTRALE PRÉISLAMIQUES

Le domaine «iranien» pris au sens le plus large a mis la royauté au centre de toutes ses représentations idéologiques. Par le témoignage des chroniques royales, des ambassadeurs et voyageurs européens, des miniatures, on a des informations précises sur les *darbār*, les grandes audiences publiques des souverains moghols de l'Inde. On peut prendre pour premier exemple une miniature figurant Jahāngir (**fig. 1**): l'audience a lieu en plein air, sous une grande tente portée par des mâts, le souverain se tenant sous un dais doré; on aperçoit des barrières concentriques séparant diverses catégories d'assistants; des éléphants et des cavaliers stationnent en dehors. Une audience de Shāh Jahān (**fig. 2**) offre une version plus statique; le souverain saluant ses fils occupe encore plus nettement encore la position du Soleil, car un halo doré émane de sa tête – d'ailleurs certains témoignages mentionnent une première rambarde dorée et une deuxième rambarde argentée. À cette symbolique astrale spatiale s'en superposait une autre, temporelle, puisque les courtisans devaient porter des habits de couleurs différentes selon les jours de la semaine. On sait aussi que chaque assistant se voyait assigner une place à une distance précise par rapport au souverain, en fonction de son rang protocolaire¹.

La minceur des données sur l'époque préislamique.

À l'époque préislamique il existait des audiences solennelles où le peuple tout entier était censé être représenté dans toutes ses provinces et toutes ses catégories sociales. En principe elles avaient lieu deux fois par an, au Nouvel An (*Nowrūz*) et à la fête de Mithra, six mois et seize jours plus tard (*Mihragān*); à cette dernière occasion le roi pouvait apparaître ivre en public².

Pourtant on a peu d'éléments pour se figurer concrètement ces cérémonies des rois achéménides, sassanides, pour ne rien dire des rois arsacides. Les témoignages occidentaux sont très indirects: aucun des Grecs, des Romains ou des Byzantins qui ont écrit n'y ont assisté eux-mêmes. La description occidentale la plus détaillée qui nous soit donnée d'un roi sassanide sur son trône, celle de Hormizd IV chez Théophylacte Simocatta (IV. 3. 7-8), concerne en fait une audience privée et non pas publique³. Les informations proprement iraniennes ne sont transmises que dans des textes d'époque islamique, peu précis et susceptibles d'être mêlés de traits légendaires. Le *Livre de la Couronne* adapté en arabe par Ibn al-Muqaffa' indique qu'au *Nowrūz* «les hommes prenaient place d'après leur rang, se différenciaient par les habits qu'ils revêtaient pour cette journée-là»⁴. C'est le seul texte qui paraisse faire référence à des différences de couleurs, celui donc qui nous rapprocherait le plus des textes grecs que nous allons examiner plus loin. Le *Fārsnāma* d'Ibn al-Balkhī, en persan (12e s.), se borne pour l'essentiel à indiquer que lors des audiences solennelles de Khosrow Ier Anōshervān (531-579) les dignitaires étaient assis devant lui en rangs disposés selon l'ordre hiérarchique⁵. Le *Marzbān-nāme*, un «miroir des princes» en persan du début du 13e siècle, adapté d'un original en dialecte tabaristanais de la fin du 10e siècle composé par un souverain local issu d'une lignée de gouverneurs préislamiques (et même, prétendaient

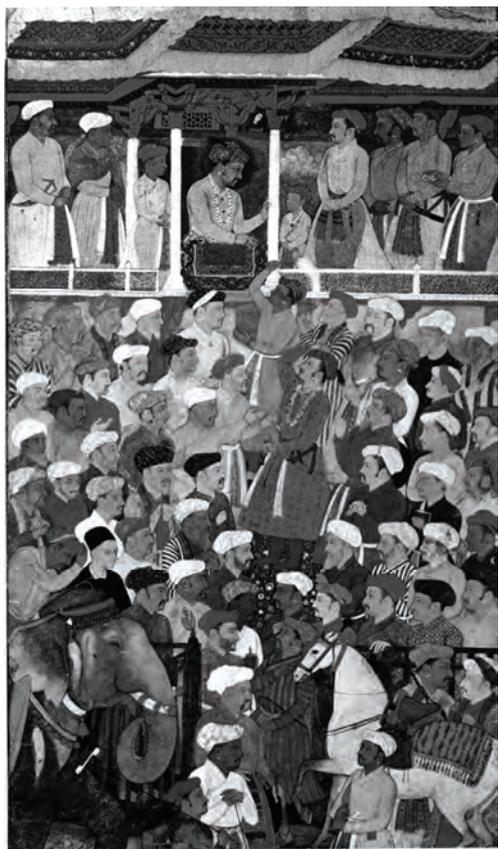

Fig. 1: *Darbār de Jahāngir*, c. 1620 (Museum of Fine Arts, Boston)

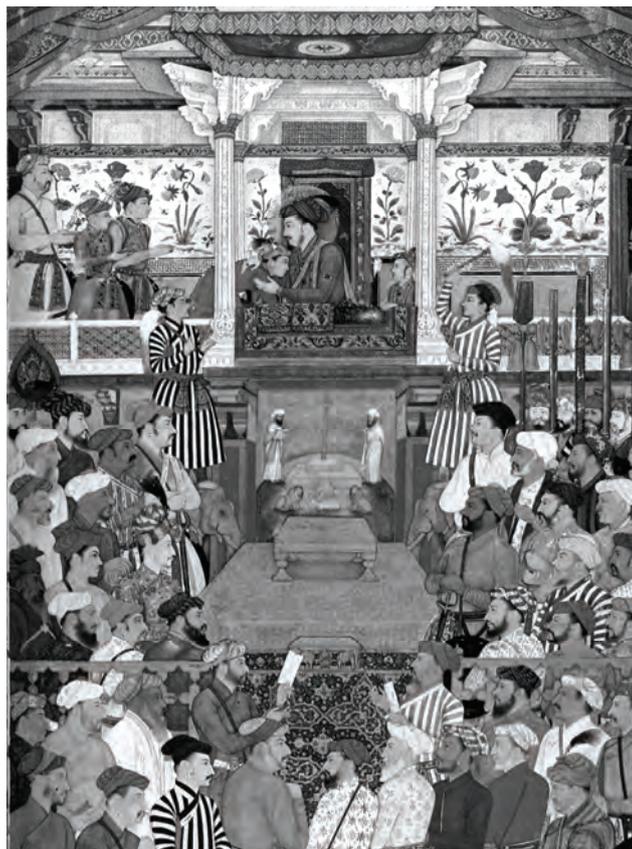

Fig. 2: *Darbār de Shāh Jahān*, c. 1650 (Royal Library, Windsor Castle)

-ils, d'un frère de Khosrow Ier), ajoute le détail que lors de «fêtes» données par les rois sassanides (évidemment au *Nowrūz* ou au *Mihragān*) les représentants de toutes les catégories du peuple, des plus grands nobles aux criminels mutilés et aux condamnés à mort, étaient disposés en rangées concentriques, par ordre décroissant de dignité, devant le roi assis sur le trône; celui-ci recevait les doléances de ses sujets, transmises, donc, peut-on supposer, filtrées, par ceux du premier cercle (information confirmée par Nizam al-Mulk en ce qui concerne le *Nowrūz*)⁶; à un moment donné, sur ordre du roi, les assistants pivotaient tous d'un demi-cercle pour contempler non plus leurs supérieurs mais leurs inférieurs, de façon à ce que chacun connût exactement sa place dans la hiérarchie sociale; cette dernière coutume aurait été abandonnée par Yazdgird Ier (399-420)⁷. Aucun de ces textes n'indique explicitement que les rangées étaient disposées en cercles ou demi-cercles plutôt qu'en rangées droites, mais ils ne permettent pas non plus d'écarter cette possibilité.

Il faut bien admettre aussi que les documents iconographiques d'époque préislamique nous laissent très démunis. À Persépolis le protocole d'audience se présente en images dissociées, avec d'une part, sur la façade de la terrasse, l'arrivée des délégations des peuples de l'empire, et d'autre part, sur les jambages des portes, le souverain trônant recevant un seul individu. Quant aux reliefs et plats sassanides qu'on peut supposer refléter des scènes d'audience, ils offrent des images très elliptiques réduites au roi lui-même flanqué de quelques dignitaires (fig. 3)⁸, sans que rien ne nous permette d'apercevoir la disposition dans l'espace. Le mur ouest de la grande peinture d'Afrasiab, dite «peinture des ambassadeurs», figure certainement l'audience publique du

Fig. 3: Plat d'argent attribué à Kawād Ier (499-531) ou Khosrow Ier (531-579) (Musée de l'Ermitage)

des Achéménides et qu'en outre ils nécessitent un certain travail de décryptage pour pouvoir être utilisés de manière complémentaire. La **fig. 4** tente d'exprimer de manière graphique le résultat de ce travail.

Le premier de ces témoignages se trouve chez Hérodote I.98: c'est la fameuse description des remparts concentriques de la ville d'Ecbatane bâtie par le roi mède Déiokès, censé avoir régné à la fin du 8e siècle:

«La disposition de la dite forteresse est telle, qu'une enceinte ne dépasse la voisine que de la hauteur des créneaux (...) Le nombre des enceintes est de sept en tout; et c'est dans la dernière que se trouvent la palais et les trésors (...) À la première enceinte, les créneaux sont blancs (*leukoi*); à la seconde, noirs (*melanes*); à la troisième, pourpres (*phoinikeoi*); à la quatrième, bleus (*kyaneoi*); à la cinquième, d'un rouge orangé (*sandarakinoi*). Ainsi, les cinq enceintes ont des créneaux coloriés; des deux dernières, l'une a des créneaux argentés (*katargyrômenoi*), l'autre des créneaux dorés (*katakechrysômenoi*). Déiokès éleva ces murailles pour sa propre sûreté autour de sa résidence; et il ordonna au reste du peuple d'habiter en dehors des murs».¹⁰

La description procède de l'extérieur vers l'intérieur. On a compris depuis longtemps qu'il ne s'agissait pas d'une description réelle des remparts d'Ecbatane – dont la fouille en cours par les archéologues iraniens nous révèle une image complètement différente au moins depuis la période parthe¹¹-, mais plutôt de l'évocation stylisée d'un palais ou d'un camp royal où se tiennent les audiences. On a compris aussi que le roi occupait la position du soleil et que l'emboîtement des autres cercles reflétait un symbolisme astral, en l'occurrence l'ordre de la semaine planétaire, avec en fin de série une inversion inexplicable entre Saturne et Vénus. La correspondance des couleurs, des métaux et des planètes se retrouve dans une longue tradition irano-babylonienne jalonnée tant par l'«Échelle de Celse» du mithriacisme occidental¹² que par la tradition sabéenne dont la plus pure expression, comme Henry Rawlinson l'avait déjà reconnu en

Nowrūz à laquelle préside le roi de Samarkand⁹, mais toute la partie supérieure où devait se trouver le roi et son entourage est perdue; la partie inférieure comporte deux groupes de gardes turcs assis chacun en ovale, et une double file d'ambassadeurs apportant des cadeaux, mais ce qui est conservé ne permet pas d'apercevoir une structure globalement concentrique.

Les remparts d'Ecbatane et la tente d'Alexandre: un même protocole concentrique.

Et pourtant on a bien dans les sources grecques deux témoignages (ou ensembles de témoignages) que je considère comme extrêmement significatifs, bien qu'ils ne s'appliquent pas directement au protocole

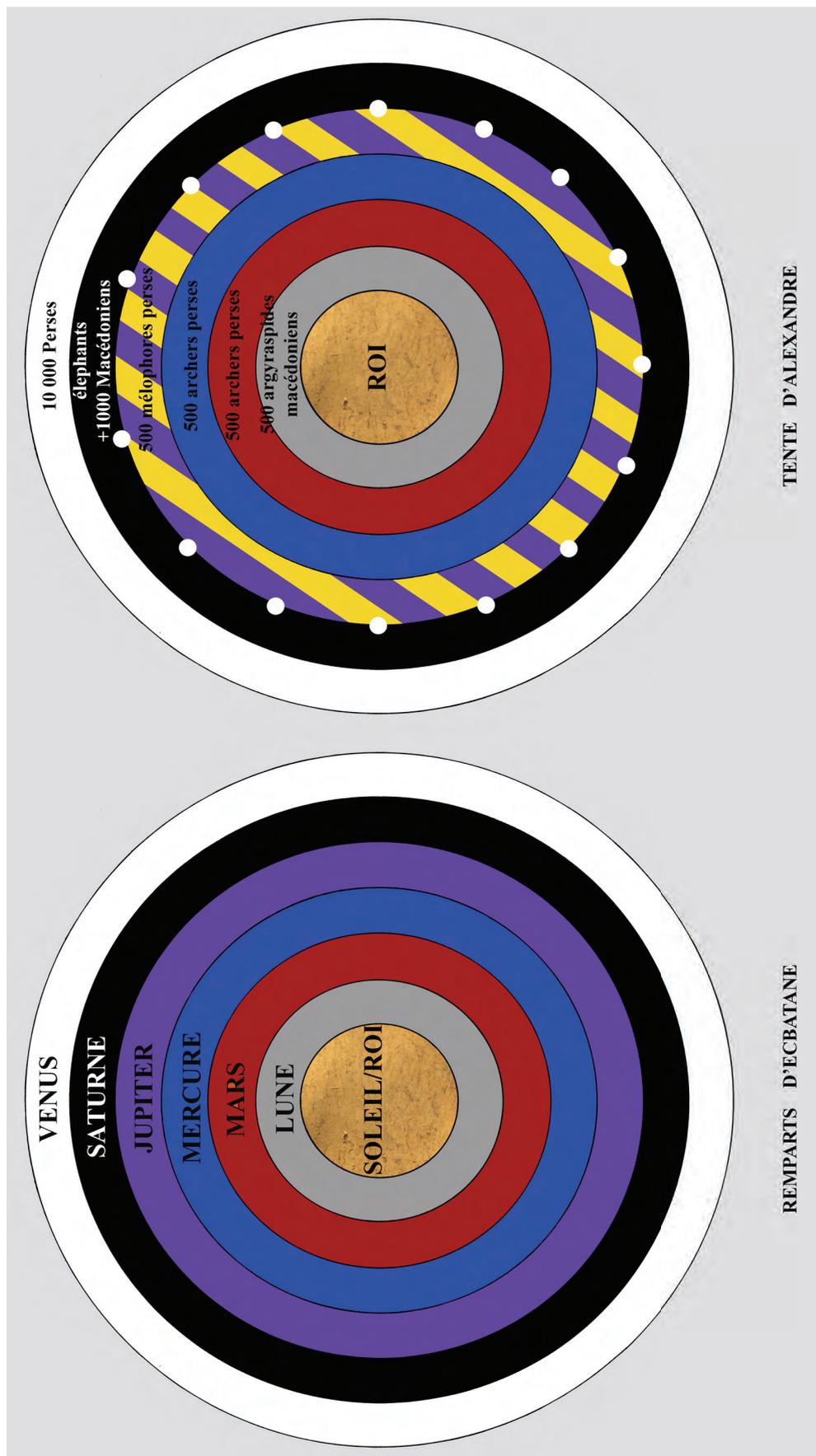

Fig. 4: Tentative de présentation synthétique des « remparts d'Ecbatane » (d'après Hérodote) et des cercles d'assistants dans la tente d'Alexandre (d'après Polyen).

relation avec le passage d'Hérodote¹³, se trouve dans le poème de Nezāmi, *Haft Peykar* (12ème siècle), où les sept princesses qui personnifient les planètes demeurent chacune dans un pavillon d'une couleur particulière. Ici le Soleil est doré (*zarrēn*), la Lune verte (l'un des reflets de l'argent), Mars rouge, Mercure bleu foncé (*kabud*), Jupiter «couleur de santal» (*sandali*), qu'on traduit parfois «gris» mais qui doit plutôt se comprendre comme «brun-rouge», couleur d'une des variétés du santal¹⁴, ce qui nous rapproche du «pourpre» d'Hérodote; Vénus est blanche, Saturne noir. On retrouve ainsi la semaine planétaire des astrologues «chaldéens»¹⁵: Soleil = dimanche, Lune = lundi, Mars = mardi, Mercure = mercredi, Jupiter = jeudi, Vénus = vendredi, Saturne = samedi. Dans l'Ecbatane symbolique d'Hérodote cette semaine se déploie du centre vers l'extérieur. Une interprétation qui pourrait éventuellement se superposer à l'interprétation planétaire serait d'associer les quatre premiers cercles à la hiérarchie des classes sociales indo-iraniennes (les *varna* indiens) et aux couleurs qui leur sont toujours attribuées tant en Inde qu'en Iran: les prêtres en blanc (ou en couleur argentée), les guerriers en rouge, les agriculteurs en bleu, avec au centre le roi transcendant le système et associé à la couleur dorée du Soleil.

Par ailleurs on a un ensemble de témoignages d'historiens grecs sur les audiences données par Alexandre sous sa tente. Ces témoignages citent une source unique perdue, l'historien Phylarque d'Alexandrie (3e s. av. n.è.), dont on a pu supposer qu'il avait lui-même trouvé cette description dans les *Mémoires* de Charès de Mytilène, chambellan d'Alexandre.

Le texte le plus développé est celui donné par Polyen, *Stratagēmata* IV. 3. 24. Le passage parallèle chez Athénée, *Deipnosophistae* XII. 539, est plus concis mais le complète sur quelques points. Élien, *Variae historiae* IX. 3, n'apporte rien de plus.

Le passage de Polyen, qui n'avait jamais été traduit avec la précision nécessaire, l'a été pour moi par Paul Bernard il y a quelques années, et ces *Mélanges* en son honneur m'offrent une occasion particulièrement appropriée d'utiliser sa contribution¹⁶.

«Alexandre, lorsqu'il rendait la justice chez les Macédoniens ou chez les Grecs, passait pour rendre des jugements mesurés et démocratiques, mais chez les Barbares il passait pour tenir séance de façon brillante et dominatrice, impressionnant les Barbares par l'ordonnance de l'audience. En tout cas chez les Bactriens, les Hyrcaniens et les Indiens, lorsqu'il tenait séance, il le faisait sous une tente ainsi agencée. La tente était de cent couches, elle était soutenue par cinquante colonnes d'or. Le toit était fait de toiles artistement brochées d'or. Les Perses étaient les premiers au nombre de cinq cents, des mélophores, qui se tenaient à l'intérieur de la circonférence de la tente, revêtus de vêtements pourpre (*porphyreoi*) et jaune coing (*mèlinoi*). Après les mélophores il y avait des archers en nombre égal, qui se différenciaient par leurs vêtements, les uns étaient en effet revêtus de tenues couleur de feu (*phloginoi*), d'autres couleur bleu foncé (*kyaneoi*), et les autres écarlates (*hysginobaphoi*). Devant ceux-ci se tenaient les argyraspides macédoniens au nombre de cinq cents, de très haute stature, et au milieu de la tente se trouvait le trône d'or sur lequel, assis devant tout le monde, il traitait les affaires, et les gardes du corps se tenaient de chaque côté du roi tenant séance. Autour de la tente se tenait le corps des éléphants parés, et mille Macédoniens en tenue macédonienne. En plus de ceux-ci il y avait cinq cents Susiens revêtus de pourpre, et après ceux-ci, en cercle, dix mille Perses les plus beaux et les plus grands, parés de tous les ornements perses, tous avec des *akinakès*. Telle était l'audience d'Alexandre chez les Barbares».

Ici la description procède de la circonférence vers le centre à l'intérieur de la tente,

puis elle est complétée dans le sens inverse pour les deux cercles extérieurs; sur mon schéma (**fig. 4**, à droite) la limite est exprimée par des ronds symbolisant les mâts. Les cercles sont formés de gardes appartenant à différents corps de l'armée, répartis entre Macédoniens et Perses. Si l'on additionne les chiffres on arrive à deux mille personnes à l'intérieur de la tente, dont on nous précise qu'elle est «soutenue par cinquante colonnes d'or»: il faut donc se la figurer comme un grand chapiteau porté par des mâts de bois doré, analogue au cadre des *darbār* des Grands Moghols. Les cercles des assistants sont différenciés par la couleur des costumes ou des attributs. Si l'on tente de les visualiser, on constate une forte analogie d'ensemble avec la description des «remparts d'Ecbatane», avec certes quelques complications, mais qui n'altèrent pas vraiment la structure globale.

- Le roi est au centre, sur un trône d'**or**;

- Le premier cercle est formé de cinq cents argyraspides macédoniens, portant des boucliers d'**argent**;

- Ensuite viennent, selon Polyen, cinq cents archers perses qui se partagent entre trois couleurs: couleur de feu, écarlate (deux nuances du **rouge**), et **bleu foncé**. Mais selon Athénée ce cercle est de mille, chiffre double par rapport au cercle qui précède et à celui qui suit, ce qui constitue une anomalie. On peut alors supposer que le protocole d'Alexandre, ou la transmission littéraire ultérieure, ont fusionné deux cercles d'archers dont le premier était en rouge et le second en bleu.

- Ensuite viennent cinq cents mélophores perses «revêtus de vêtements **pourpre** et jaune coing». Je considère la seconde couleur comme une addition (sur le même habit ou chez certains membres du groupe, le texte ne permet pas d'en décider).

- Le premier cercle extérieur à la tente est formé d'éléphants et de mille Macédoniens dont la couleur n'est pas précisée. Dans toute la tradition iconographique iranienne, depuis le moment où la couleur y est attestée, l'éléphant de guerre importé d'Inde est **noir** ou du moins de couleur foncée.

- Un cercle intermédiaire est formé de cinq cents Susiens en pourpre, mais Athénée précise que cet anneau, plus mince que ceux entre lesquels il s'insère, n'est pas original et a été ajouté à l'initiative d'Alexandre.

- Le dernier cercle est formé de dix mille Perses, évidemment la garde des Immortels. Les gardes des briques émaillées de Suse, qu'on considère habituellement comme les figurant, portent des robes à dominante **blanche** ou jaune clair, avec des liserés pourpres ou verts.

Il ne me paraît pas faire de doute que le protocole des audiences solennelles des Achéménides, emprunté et quelque peu modifié par Alexandre (qui a attribué aux Macédoniens les places d'honneur et inséré un cercle de Susiens), obéissait à la même symbolique astrale que celui attribué au roi mède à Ecbatane, lequel n'est peut-être que la projection rétrospective du protocole perse. On y retrouve, dans les anneaux extérieurs, la même inversion entre le blanc, couleur de Vénus, et le noir, couleur de Saturne.

De possibles échos.

Un protocole concentrique, mais qu'on ne peut ramener à sept cercles ni associer à une symbolique des couleurs, est attesté en deux circonstances précises liées à Alexandre et à la période qui a suivi sa mort. La première circonstance concerne le banquet suivant le sacrifice, auquel sont associé des Mages, offert par Alexandre après la muti-

nerie d'Opis (Arrien, *Anabase* VII.11. 8): on nous précise seulement qu'il fit disposer en cercle autour de lui d'abord les Macédoniens, puis les Perses, puis les représentants des autres peuples. La seconde circonstance est le banquet offert à Persépolis en 316 par Peukestas, satrape du Fârs, un Macédonien qui avait affecté de s'iraniser (Diodore de Sicile XIX. 21.3 – 22.1): autour des autels consacrés aux dieux grecs, à Philippe et à Alexandre, on mentionne quatre cercles de convives dont les argyraspides n'occupent que le troisième, ce qui implique que la symbolique astrale n'est plus alors observée.

Les métaux associés aux sept enceintes de la forteresse mythique de Kangdēz dans la tradition iranienne des anciens rois semblent toujours renvoyer à un ordre astral, mais la logique symbolique y apparaît un peu relâchée, au moins dans la forme sous laquelle le mythe nous a été transmis par la littérature pehlevie¹⁷.

Il n'est pas impossible que des recherches plus poussées dans les textes relatifs au protocole des *darbār* moghols amèneraient à reconnaître, au moins en certaines occasions, un système de sept barrières. Une peinture népalaise sur lequel Gérard Fussman a bien voulu attirer mon attention (**fig. 5**), datant de 1643 (donc contemporaine du *darbār* de Shāh Jahān de ma **fig. 2**)¹⁸, montre une vision idéalisée de la capitale Kathmandu centrée sur le temple de la déesse Taleju. Dans la première enceinte qui l'entoure le roi en habit doré, accompagné par sa famille et par les brahmanes, pèse son fils. Au-delà de cette première enceinte on distingue nettement six autres (la troisième

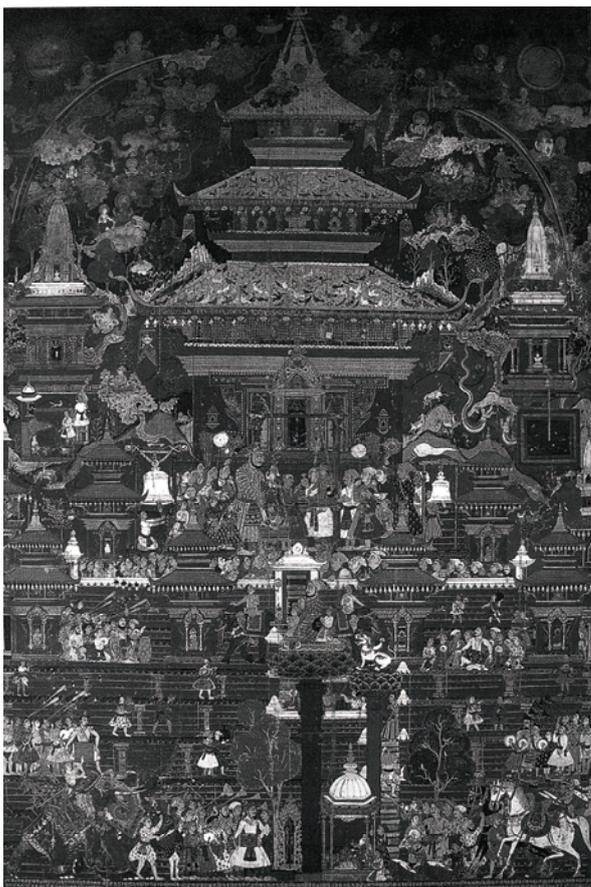

Fig. 5: Peinture figurant le roi de Kathmandu Pratapa Malla, 1643 (Collège de France, Paris).

est dédoublée de part et d'autre d'une rue), entre lesquelles prennent place les représentants de catégories sociales inférieures (principalement des musiciens). Des éléphants et des cavaliers stationnent au dehors, comme au *darbār* de Jahāngir (**fig. 1**) et comme dans le texte de Polyen. Les enceintes ne sont pas différenciées par leurs couleurs ni par celles de leurs occupants, à l'exception de la deuxième qui est blanche, une allusion possible au cercle lunaire.

Ce protocole concentrique a-t-il laissé des traces dans l'architecture palatiale de l'Iran antique? Évidemment pas à Persépolis; mais les fouilles en cours par la mission karakalpako-australienne au palais occupant la partie nord-ouest du site de Kazakly-yatkan, très probablement la capitale de la Chorasmie du 2e s. av. n.è. au 2e s. de n.è.¹⁹, laissent apercevoir une structure centrée sur un noyau fortifié et se présentant comme un emboîtement de corridors (**fig. 6**). Il faut certes tenir compte d'une histoire architecturale compliquée qui oblitère largement ce qu'a pu être le parti architectural d'origine²⁰. Deux faits méritent cependant d'être relevés, car ils pourraient résonner

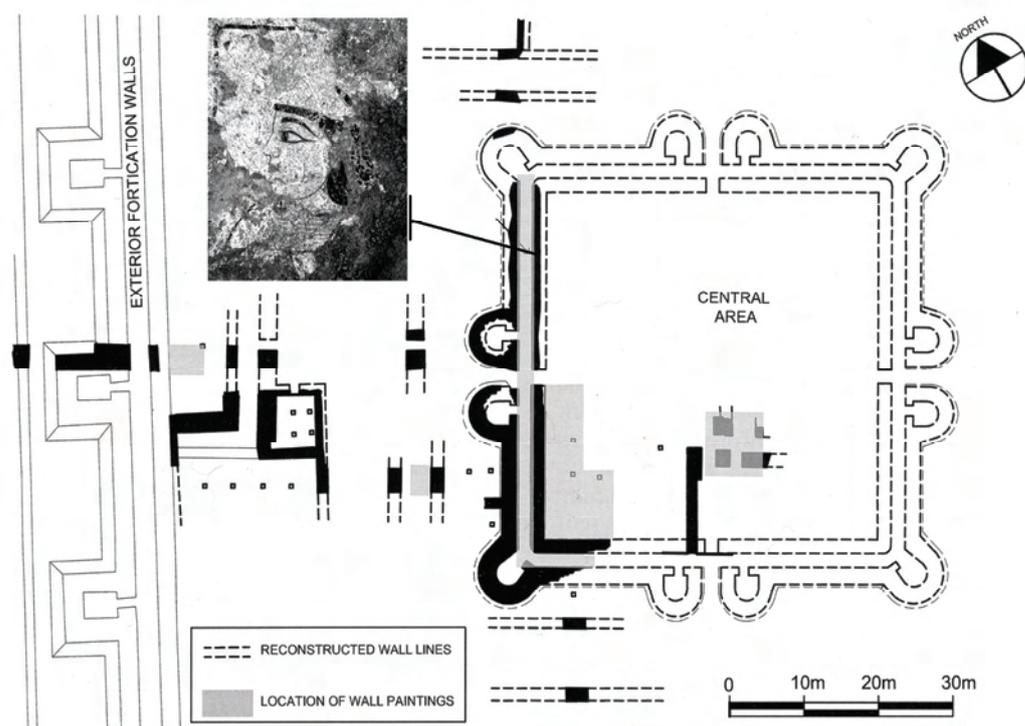

Fig. 6: Le palais de Kazakly-yatkan, état de la fouille en 2006 (d'après BAI, 18, p. 79 fig. 6), complété par un des portraits de la «galerie»

avec ceux qu'on a discutés tout au long de cet article. Le premier, c'est qu'un pied de trône ou de lit en ivoire, comportant des ailes et donc probablement royal, a été mis au jour dans la partie centrale²¹. Le second, c'est qu'une «galerie de portraits» datant du 1er s. av. n.è. et figurant de manière assez stéréotypée une quarantaine au minimum de bustes royaux ou aristocratiques (tous portent les mêmes torques spiralés à terminaisons zoomorphes que les rois arsacides contemporains, et certains des couronnes), était peinte dans la partie nord du corridor ouest de ce noyau central; y répondait, dans la partie sud, une file de chevaux amenés par des piétons, comme à Persépolis. On est en droit de se demander si cette architecture et ce décor ne seraient pas en rapport étroit avec les audiences royales du *Nowrūz* et du *Mihragān*, et si ce palais à l'évidence cérémoniel n'aurait pas abrité un protocole chargé d'une forte symbolique spatiale.

Notes

1. Sir Th. Roe, *The Embassy of Sir Thomas Roe to India, 1615-19*, ed. W. Foster, London, 1926, p. 91; Abu'l Fadl, *Ā'in-e Akbari*, trad. H. Blochmann, H.S. Jarrett, Calcutta, 1873-1907, reproduit en ligne (<http://persian.packhum.org/persian/>), mais il s'agit ici des audiences quotidiennes.
2. Athénée, *Deipnosophistae*, X. 45, citant Ctésias.
3. M. and M. Whitby, *The History of Theophylact Simocatta*, Oxford 1986, p. 106. Passage cité *in extenso* par A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, 2e éd., Copenhague, 1944, qui rassemble l'ensemble des données disponibles dans les sources sur le protocole royal (p. 397-412) sans tenter de les classer de manière critique.
4. M. Grisnaghi, «Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul», *Journal Asiatique*, 1966, p. 129-135.
5. G. Le Strange, R.A. Nicholson, *The Farsnama of Ibnu'l-Balkhi*, London, 1921, p. 97.
6. Nizam al-Mulk, *The Book of Government or Rules for Kings*, tr. H. Darke, London / Henley / Boston, 1960 (2nd ed. 1978), p. 42-44 (chap. VI. 2-4).
7. *Marzbān-nāme*, éd. M. Rowšan, Tehrān 1355/1977, vol. 1, p. 513 l. 8 – 516 l. 1; Varāvini, *Contes du prince Marzbān*, trad. M.-H. Ponroy, Paris, 1992, p. 227-228.

8. P.O Harper, P. Meyers, *Silver vessels of the Sasanian period, volume one: Royal imagery*, New York, 1981, pl. 19.
9. M. Compareti, É. de la Vaissière (ed.), *Royal Nawrūz in Samarkand*, Roma, 2006; M. Compareti, *Samarqanda centro del mondo. Proposte di lettura del ciclo pittorico di Afrāsyāb*, Milano / Udine, 2009.
10. Trad. Ph.-E. Legrand, Paris, «Les Belles-Lettres», 1932.
11. M.R. Sarraf, «Neue architektonische und städtebauliche Funde von Ekbatana-Tepe (Hamadan)», *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 29, 1997, p. 321-339.
12. R. Beck, *Planetary gods and planetary orders in the Mysteries of Mithras*, Leiden / New York / København / Köln, 1988, p. 73-85.
13. H. Rawlinson, «Memoir on the site of the Atropatenian Ecbatana», *Journal of the Royal Geographical Society*, 10, 1841, p. 127-128; Ž. Vesel, «Réminiscences de la magie astrale dans les *Haft Peykar* de Nezāmi», *Studia Iranica*, 24, 1995, p. 7-18.
14. Je remercie Adriano Rossi pour m'avoir aidé à préciser ce point.
15. R. Beck, *Planetary gods...*, p. 8-9.
16. Ed. E. Woelfflin, Leipzig (Teubner), 1898. Voir aussi la traduction italienne de E. Bianco, *Gli stragemmi di Polieno. Introduzione, traduzione e note critiche*, Torino, 1997.
17. Voir en particulier le *Bundahišn iranien* 32.12 (B.T. Anklesaria, *Zand-Ākāsīh. Iranian of Greater Bundahišn*, Bombay, 1956, p. 270-271): du centre à l'extérieur les remparts sont en or, en argent, en acier, en bronze, en fer, en cristal, en lapis-lazuli. Le fer peut passer pour bleu (dans l'Échelle de Celse il occupe l'emplacement de Mercure), mais le bronze peut difficilement passer pour rouge (dans l'échelle de Celse il occupe plus logiquement l'emplacement de Jupiter, de couleur pourpre selon les autres sources). Le cristal, dans l'avant-dernier cercle, représenterait logiquement Vénus blanche, mais le lapis-lazuli n'est guère à sa place pour Saturne noir (en plomb selon l'Échelle de Celse).
18. A. Vergati, *Art et société au Népal*, Paris, 2005, p. 155-158, pl. XXIX. Cette peinture est conservée au Collège de France à Paris. Sans qu'il s'agisse à proprement parler d'un protocole concentrique, au moins selon les traits qu'a retenus la source, les descriptions de la grande tente d'audiences du Moghol Humāyūn (la «tente des douze signes») dans le *Qānun-e Humāyūni* de Khwāndamir (trad. B. Prashad, Calcutta, 1940, réimpression 1996) évoquent par bien des points les «remparts» d'Ecbatane et la tente d'Alexandre: douze tentes symbolisant le Zodiaque sont contenues dans un chapiteau plus grand symbolisant la voûte céleste (p. 48-49); les différentes classes de la société sont reçues en fonction des jours de la semaine placés chacun sous l'autorité d'une planète (p. 26-28); le dimanche le roi représente plus particulièrement le Soleil (p. 75); l'audience principale a lieu à l'équinoxe de printemps, au «Nowrūz des rois zoroastriens» dont Humāyūn a ranimé la coutume, suscitant la désapprobation du clergé musulman (p. 69-70). Il est difficile dans tout cela de faire la part des éléments hérités et de ceux suscités par la méditation des oeuvres littéraires, notamment *Haft Peykar* de Nezāmi. Je remercie mes collègues Corinne Lefèvre et Yves Porter pour leurs précieuses indications.
19. F. Kidd, M. Negus Cleary, V.N. Yagodin, A. Betts, B. Brite, «Ancient Chorasmian mural art», *Bulletin of the Asia Institute*, 18, 2004 [2008], p. 69-95; V.N. Yagodin, A.V.G. Betts, F. Kidd, G. Khozhaniyazov, Sh. Amirov, V.V. Yagodin, E. Baker Brite, G. Fray, «Preliminary report on the Kazakly-yatkan wall paintings: the 'portrait' gallery in the western corridor of the KY10 monumental building complex», *Studies in Inner Asian Art and Archaeology*, 4, 2009 (à paraître 2010).
20. Les dernières campagnes, postérieures à la mise au net du plan reproduit ici, suggèrent un axe de circulation ouest-est flanqué de salles hypostyles et aboutissant à l'entrée axiale ouest du noyau central, lequel comportait lui-même une telle salle du côté sud de l'entrée.
21. J'ai pu l'examiner sur place en septembre 2008 grâce à l'obligeance de Vadim Jagodin et Alison Betts, directeurs de la fouille. Il sera prochainement publié. Les seuls exemples de pieds de trônes zoomorphes à ailes figurés en Iran préislamique sont des trônes royaux, voir Harper, Meyers, *Silver vessels...*, fig. 35 (plat kouchano-sassanide); pl. 19, ici **fig. 3** (Kawād Ier ou Khosrow Ier); pl. 33 (Khosrow Ier ou un souverain d'Asie centrale).

СТРАТИГРАФИЯ ГОРОДИЩА КОКТЕПА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СОГДИАНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Городище Коктепа расположено на правой верхней террасе Зерафшана на поверхности лессовидных холмов. Внутреннее городище имеет неправильную форму, близкую к квадрату, площадью около 23 га. В рельефе видна оборонительная стена, окружавшая его со всех сторон, и четверо ворот по центру каждой стороны. На расстоянии 500 метров к западу сохранилась внешняя оборонительная стена, длиной около 1000 м, а остальная часть уже снесена. Видимо, она защищала от проникновения кочевых скотоводческих племен только с северной, северо-западной и северо-восточной сторон.

С середины 90-х гг. XX в. на этом объекте ведёт раскопки узбекско-французская экспедиция.¹ Во внутреннем рельефе городища выделяются два крупных, отдельно стоящих холма. Один из них – в центральной части и второй – в юго-восточной. Весь рельеф городища и многометровые культурные слои свидетельствуют о бурном развитии и периодах запустения², т.е. они напоминают о сложных этапах взаимоотношений между обществами скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев.

На данном этапе изучения городища Коктепа прослеживаются следующие последовательные слои:

Период **Коктепа I** характеризуется наличием плотной пахсовой застройки и многочисленных землянок и полуземлянок. В культурных слоях этого времени были обнаружены многочисленные фрагменты лепной расписной керамики, каменные ножи, серпы, зернотерки, каменные матрицы для литья бронзовых серпов, ярко свидетельствующие о бронзолитейном производстве племен, населявших городище Коктепа. В конце этого периода почти полностью исчезает расписная керамика, на поверхности бывших построек наблюдаются многочисленные ямы от столбов, возможно, относящихся к жилищам с легким перекрытием.

Период **Коктепа II** характеризуется появлением двух мощных укрепленных ансамблей, возвышающихся над окружающей равниной. Первый ансамбль на юго-востоке и второй ансамбль на северной части плато. Оба эти ансамбля имеют мощные укрепления, сооруженные из плоско-выпуклых кирпичей, толщиной достигающие до 6 м. Вместе с тем пока остается невыясненной как внутренняя структура, так и планировка этих зданий. Для этого времени выделяется розовая керамика, изготовленная вручную. Отсутствие расписной посуды является характерной особенностью керамических комплексов этого времени. Отдельные фрагменты крашеной или расписной керамики, встречающейся в слоях, пока что воспринимаются археологами как «случайные». Не ясна для этого комплекса и абсолютная дата, но отсутствие керамики, изготовленной на гончарном круге, свидетельствует о близости к эпохе лепной – расписной керамики.

Период **Коктепа III** характеризуется сооружением внешней оборонительной стены, видимо, раннеахеменидского времени, но не синхронного ранним стенам Афрасиаба. Предварительное изучение разреза стены показало, что она состоит из нескольких этапов строительства и сооружена из прямоугольных кирпичей

размерами 45x25x10; 46x25x10; 50x34x9 см³, но в единичных случаях (возможно, на ранних этапах?) были видны плоско-выпуклые кирпичи.

В центральной части, на поверхности бывших двух ансамблей сооружаются квадратные по форме платформы из плоско-выпуклых, традиционных для Коктепа кирпичей. Они перекрывают бывшие стены ансамблей. Формы кирпичей, способ кладки стен, знаки на кирпичках аналогичны стенам двух ранних ансамблей.

В период **Коктепа IV** сооружается внутренняя крепостная стена коридорно-галерейной планировки, которая пролегает по краю древнего плато. Одновременно по всей внутренней части оборонительной стены сооружаются отдельно стоящие укрепленные здания. Один из таких домов был обнаружен на центральной части северного ансамбля. Он был построен по единому архитектурному плану. Для строительства дома были использованы квадратные 40x40x10-12; 40x40x13; 40x40x12 см и прямоугольные кирпичи размерами 40x20x12 см (рис. 1; 2; 3).

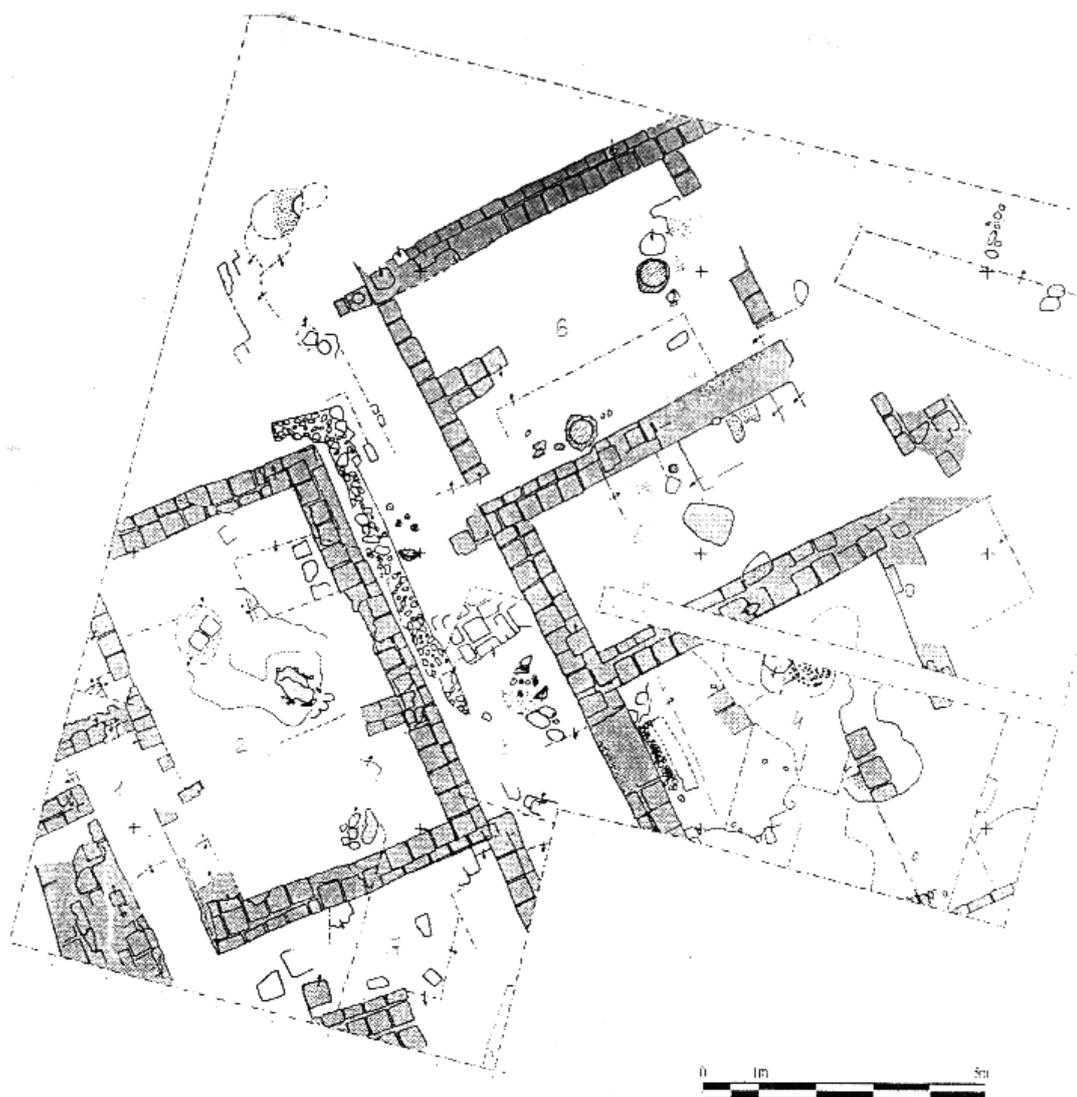

Рис. 1. Общий план раскопа

Раскопками на этом объекте был выявлен один большой зал и более пяти помещений с отдельными, изолированными проходами в каждом из них (рис. 1). По центру дома проходит прямой длинный коридор. Толщина внешних обводных стен доходила до 170 см, в то же время толщина внутренних стен доходила до 60 см. Кладка комбинировалась одним квадратным кирпичом и вторым прямоугольным (рис. 2).

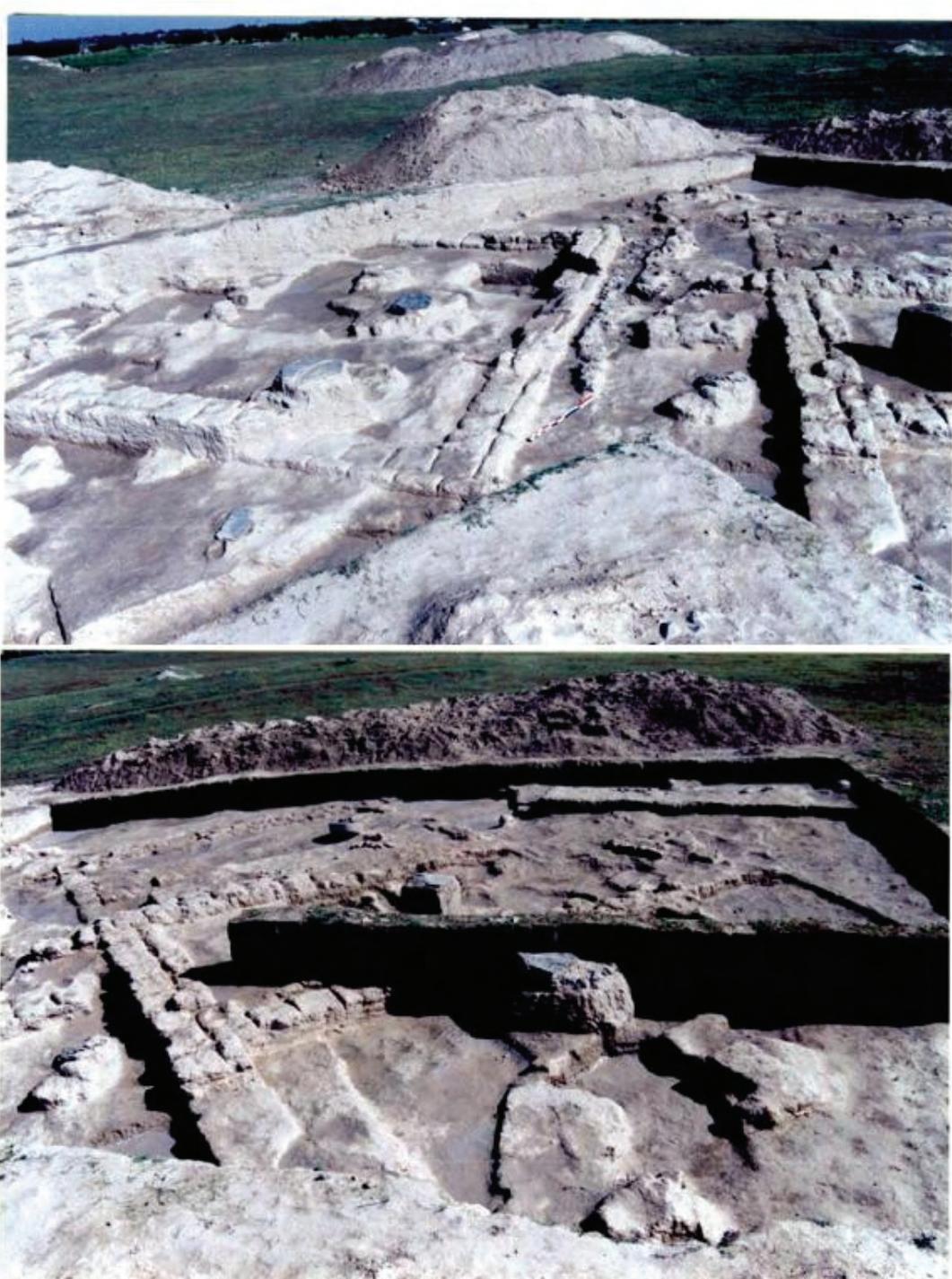

Рис. 2. Общий вид раскопа

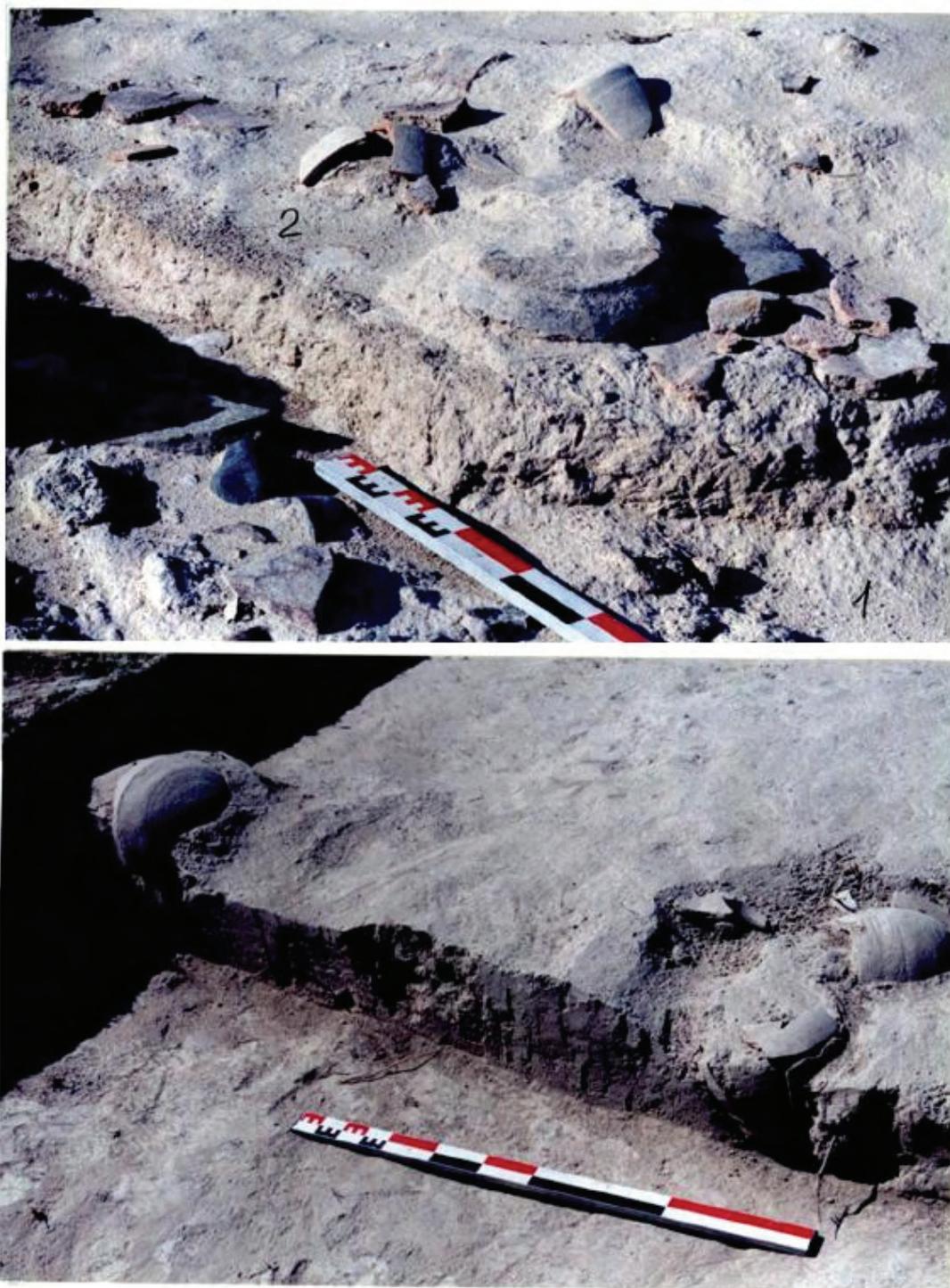

Рис. 3. Общий вид третьего строительного горизонта

Достаточно четко выделяются три уровня полов этого дома. Результаты изучения керамики каждого уровня дали хорошие результаты. С первого уровня пола были собраны в основном фрагменты керамики цилиндрической, или так называемой «баночной» формы: сосуды – хумчи, горшки и кубковидные чаши с округлыми донцами, лепные круглодонные и банкообразные котлы с прилепленными к плечикам языкоподобными ручками. Почти все сосуды оказались сосу-

дами закрытого типа (рис. 4; 5).

Со второго и третьего уровней полов появляется масса тонкостенной керамики, выполненной на гончарном круге. К такой посуде можно отнести: формы в виде тарелок, тонкостенные кубки со слегка округлыми бортиками (рис. 6; 7); в большом количестве – кувшины с донцами, напоминающими круглодонные хумы и хумчи позднеахеменидских поселений. Также в большом количестве встречаются хумы и хумчи цилиндрической формы, вся кухонная посуда еще выполняется лепным способом.

Почти такую же последовательную картину развития фортификационной архитектуры можно было увидеть по разрезу оборонительной стены, заложенной Ш.Рахмановым на юго-западном углу городища Коктепа.

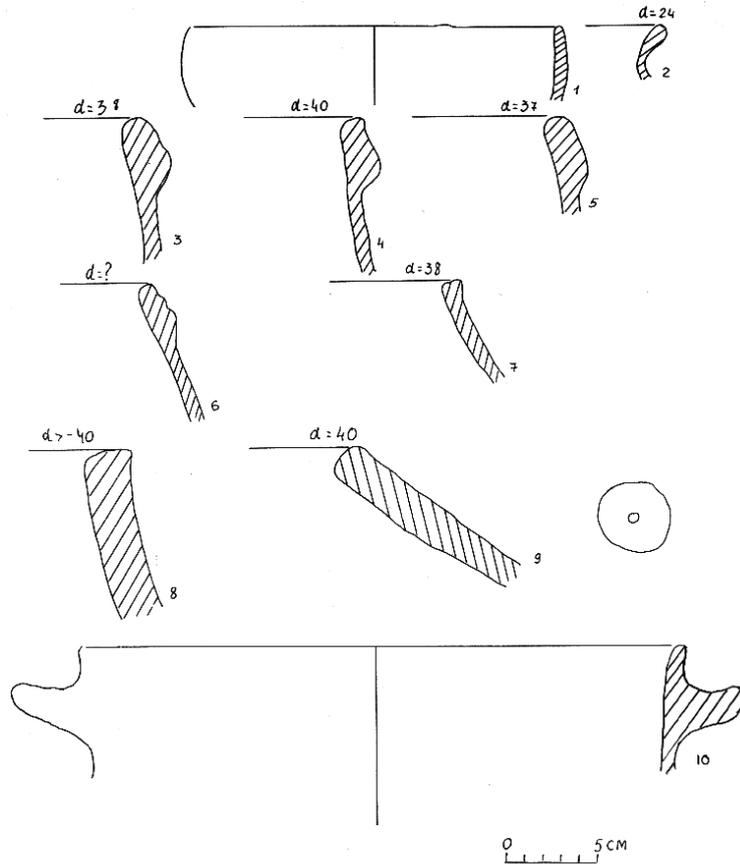

Рис. 4. Керамика первого строительного периода

архитектуры можно было увидеть по разрезу оборонительной стены, заложенной Ш.Рахмановым на юго-западном углу городища Коктепа. Во-первых, на окраине плато, на поверхности естественных лессовидных пород из квадратных кирпичей сооружается оборонительная стена коридорно-галерейной системы. Через некоторое время вся стена разрушается, нивелируется и заново из таких же кирпичей строится оборонительная стена коридорно-галерейной планировки. Отсутствует также большой перерыв между двумя строительными периодами стен. Создается впечатление, что только что сооруженную оборонительную стену сносят и сооружают новую.

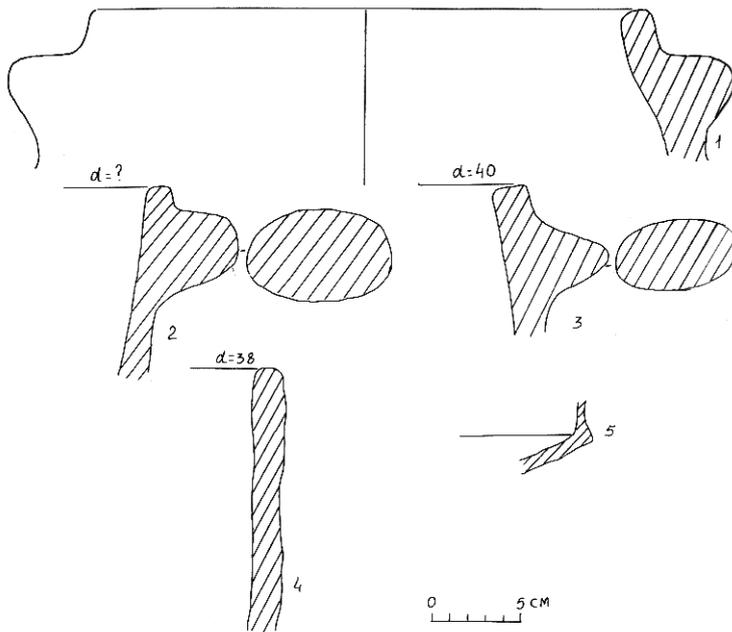

Рис. 5. Керамика первого строительного периода

Если сравнивать керамику первого строительного периода «казармы» со вторым строительным периодом, то можно наблюдать значительную разницу между рассматриваемыми комплексами. Керамический комплекс, обнаруженный на первом полу «казармы» состоит в основном из сосудов баночной формы: это хумчи, горшки баночной формы с манжетовидными венчиками, лепные котлы и горшки.

Характерной особенностью керамики второго и третьего строительного периода помещений «казармы» является массовое появление тонкостенных чаш, кубков, тарелок и кувшинов с слегка закругленными донцами. Вместе с тем формы так называемой «эллинистической» керамики встречаются еще в небольшом количестве. В частности, еще отсутствуют «римские рыбные блюда», цилиндро-конические кубки на ножке, «мегарские чаши», чаши с закругленными бортиками и т.д.,

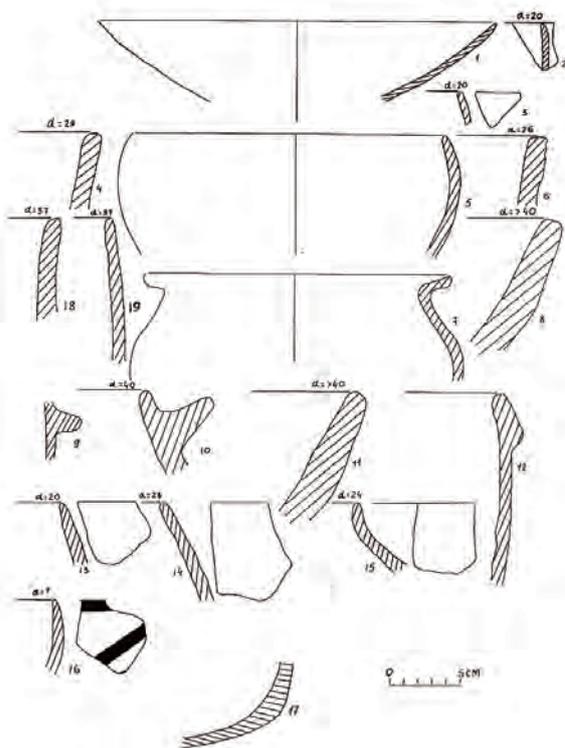

Рис. 6. Керамика второго строительного периода

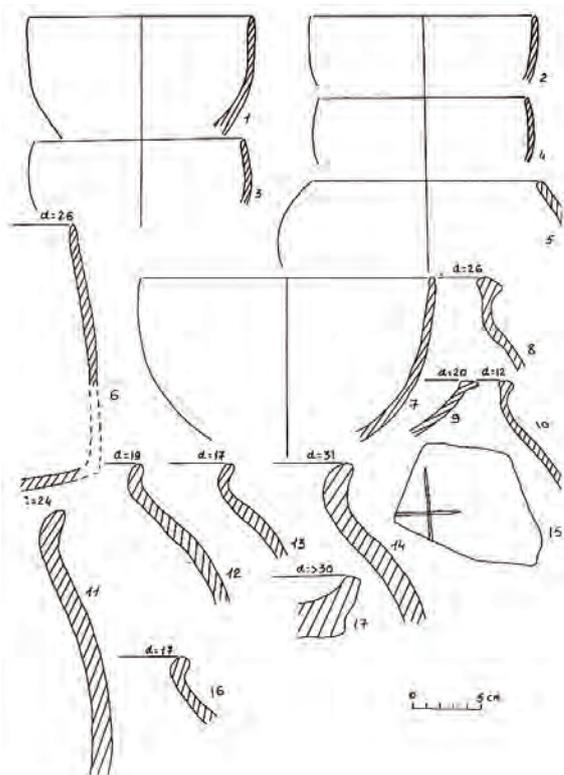

Рис. 7. Керамика третьего строительного периода

характерные для стран Средиземноморья. Город на месте городища Коктепа, по неизвестным нам пока причинам, погибает. Это трагическое событие для жителей города было, по всей вероятности, внезапным. На полу самого последнего строительного горизонта имеется очень много целых керамических сосудов, оставленных местным населением (рис. 1). В целом комплекс, выделенный в верхних слоях городища Коктепа, является достаточно изолированным и самым ранним эллинистическим комплексом. Его можно выделить как комплекс Афрасиаб–Па.

Если стратиграфические данные городища Коктепа дают достаточно отрывочную картину накануне прихода сюда войск Александра Македонского и гибели древнего города через некоторое время, то исторические данные хорошо освещают этот период.

Период завоевания Самарканда Александром Македонским очень хорошо

отражен историками его похода. Первое упоминание о Мараканде (Самарканде) дано у Арриана. Он отмечает «... Александр, с армией и обозом, продвигался на север довольно медленно. Местное население обязали поставить лошадей, после чего Александр двинулся к Мараканде»⁴. Традиционно путь из долины Кашкадарьи к долине Зерафшана всегда был как через перевал Тахта Карача, так и по степной дороге через селение Джам. Видимо, дорога, которая пролегла через Джам, являлась основной дорогой и для войска Александра Македонского, потому что до недавнего времени степь возле селения Джам называлось «Дашти Искандар», т.е. «степь Александра».

Что касается взятия Мараканды, источники отмечают, что она была взята без боя, в результате мирных переговоров. Имеются противоречивые точки зрения, в частности, у Квинта Курция есть такие моменты: «оставив в Мараканде гарнизон, Александр опустошил и сжег ближние деревни»⁵. Как видно, эти два источника явно противоречат друг другу. Если судить по сообщению Квинта Курция, в Мараканде или его окрестностях был какой-то бунт, или выступление недовольных греко-македонскими захватчиками, из-за чего они могли «опустошить» и «сжечь» ближние деревни. Некоторые исследователи полагают, что уничтожение этих селений было связано с тем, что их жители участвовали в боях против греко-македонцев, развернувшихся еще на подступах к столице⁶. Материалы раскопок Афрасиаба показывают обратное, в частности, вся коридорно-галерейная система оборонительной стены периода взятия города Александром имеет следы сильного пожара, противоречащего данным письменных источников.

Из Мараканды Александр двинулся на север, к берегам Танаиса, где находилась северо-восточная граница ахеменидских властей, город-крепость Кирополь. Он прекрасно знал, что, не подчинив жителей этого города и близлежащих населенных пунктов, особенно саков, невозможно считать, что покорил всю территорию ахеменидской державы.

Очевидно, дорога к берегам Танаиса должна была проходить через территорию средневековой Уструшаны. Как сообщает Арриан, македонцы-фуражиры были уничтожены местными жителями, «которые затем бежали на гору, недоступную и со всех сторон отвесную. Было их тысяч 30»⁷. Историки Александра далее отмечают, что в бой против местных жителей вступил сам полководец, взяв «с собой самых легких на ходу воинов». Завоевателям удалось, в конечном счете, подняться на возвышенность. Многие из местных жителей, защищавших ее, погибли во время сражения, «многие погибли, бросаясь вниз со скал, так что из 30000 уцелело не более 8000 человек»⁸. Почти во всех обобщающих работах сражения местных жителей в горных местностях средневековой Уструшаны, воспринимаются как ожесточенные, и будто бы «...греко-македонцы впервые встретили столь ожесточенное сопротивление»⁹.

Арриан кратко описывает события на берегу Танаиса (Сырдарья), куда прибыли послы от «скифов-абиев» и от «европейских скифов». Среди сакских племен в этих местах особое место занимали дахи, которых историки похода Александра в данном случае неточно именуют «европейскими скифами»¹⁰.

Александр решил построить на берегу Танаиса город, «назвав и его своим именем»¹¹. В это время пришло известие о восстании «приречных варваров». Источники сообщают, что восставший народ захватил и перебил расквартированные в их городах гарнизоны македонских солдат и, ожидая карательных экспеди-

ций Александра, начал укреплять эти города¹². Одновременно подняли восстание и согдийцы, возглавляемые, как пишет Арриан, теми, «кто захватил Бесса». К согдийцам примкнули и бактрийцы.¹³

Сам Александр направился к Газе.¹⁴ По приказу Александра все мужское население города было истреблено; женщин, детей и добычу греко-македонцы взяли с собой. Такое же истребление населения производилось и в других городах, где поднимался мятеж. Таких городов на этом месте оказалось восемь. Одним из больших городов на берегу Танаиса был город Кирополь. В этом городе было убито около 25000 человек.

В это время пришло известие о том, что Спитамен осадил гарнизон, оставленный в цитадели Мараканды. К правому берегу Сырдарьи подошли войска «азиатских скифов», которые собирались поддержать восставших согдийцев¹⁵. Александр отправляет в Мараканду отряд во главе Фарнухом, уроженцем Ликийи, знавшим местные языки (т.е. согдийский).¹⁶

Основной целью Александра были переговоры с местным населением, потому что он боялся размаха разраставшегося восстания на разных участках захваченных земель. Одновременно на берегу Сырдарьи начали строить город-крепость – «Александрия Эсхата» (Александрия Крайняя).

Саки, живущие за Сырдарьей, прекрасно понимали, что Александрия Эсхата послужит базой для дальнейшего продвижения греко-македонских войск на север и на восток. В связи с этим предводитель саков, Картасис (или, по другим источникам, Сатракес) брат сакского царя, с большим отрядом всадников был послан, чтобы разрушить Александрию Эсхату и «далеко отогнать македонское войско от реки»¹⁷.

Отряд греко-македонцев, насчитывавший 1,5-2 тысячи человек, первым вступил в бой с саками¹⁸ и понёс большие потери. Значительные потери были и с сакской стороны. Вскоре после описанных событий, к Александру прибыли послы от сырдарьинских саков «с извинениями в том, что произошло»; их приняли благосклонно, и в результате переговоров им без выкупа были выданы все 150 пленников¹⁹.

В это время восставшие согдийцы во главе со Спитаменом овладели городом Маракандой. Гарнизон, занимавший цитадель столицы Согда, предпринял удачную вылазку. Приближение отряда, посланного Александром с берега Сырдарьи на выручку маракандского гарнизона, заставило Спитамена снять осаду цитадели и уйти из города. Спитамен счел за лучшее отступить на север Согдианы. В свое время исследователи искали местонахождение «басилеи» (т.е. столицу) Согдианы». Исследователи считая, что речь идет о летней резиденции Самаркандских правителей, искали его в других регионах Согдианы.²⁰

Всё дело в том, что до 90-х годов XX века никто не знал о городище Коктепа, расположенном в 35 км к северу от Самарканда и относящегося к концу II и началу второй половины I тысячелетия до н.э.²¹ Возможно, Спитамен «удалился» на север, в «летнюю резиденцию» самаркандских правителей, где имелись крепости, окруженные стенами.

Далее источники подробно описывают сражения местного населения совместно с саками против войск Александра Македонского, где были потери с обеих сторон. После этого Александр ведет специальную карательную операцию в поселениях долины Зарафшана. Как пишут источники, многие из этих поселений были сожжены. Зимой 329-28 г. Александр Македонский провел в столице Бак-

трии Бактрах²². Весной 328 г. до н.э. пришло известие о том, что «множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр». Вслед за согдийцами вновь восстало и население нескольких районов Бактрии²³. Далее Александр всю свою армию перебрасывает для подавления восставших. Подробности военных действий остаются неизвестными, но о силе сопротивления восставших и жестокости греко-македонцев можно судить по тому, что согдийские города совершенно обезлюдели, так что Александр был вынужден принять меры. «Он отправил Гефестиона с приказом вновь заселить города Согдианы²⁴. По этому приказу имелось в виду не только заселение опустевших поселений, но и основание новых.

Итак, если судить по историческим источникам, строительство внутренней крепостной стены городища Коктепа может быть связано с приказом Александра, который выполнял его военачальник Гефестион. Несколько по-иному можно представить ход строительства новых городов, если судить по распространению квадратных кирпичей. В частности, на территории Хорезма квадратные кирпичи появились еще задолго до прихода войск Александра Македонского в Среднюю Азию. В связи с этим можно полагать, что сооружение первой оборонительной стены и домов, сооруженных из квадратных кирпичей, относится к эпохе последних правителей ахеменидской державы. Сооружение второго и третьего строительных горизонтов можно отнести к эпохе селевкидов и даже к ранним этапам греко-бактрийского царства.

Примечания

1. Археологические работы на этом объекте проводились в 1994 – 2008 гг. при сотрудничестве Национального центра научных исследований Франции и Института Археологии АН Узбекистана в рамках работы узбекско-французской экспедиции (дир. Ф.Грене и М.Исамиддинов). Раскопки на этом объекте производились под руководством К. Рапена и М. Исамиддинова.
2. Предварительные результаты раскопок по этому объекту были опубликованы в следующих работах: Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности. Т., 2002; Исамиддинов М.Х. Некоторые новые данные к проблеме ранней урбанизации на территории Самаркандского Согда. Ўзбекистон урбанистик маданияти. Халқаро илмий конференция материаллари. Т., 2003, сс. 70-73; Rapin C. Nomads and the Shaping of Central Asia (From the Early Iron Age to the Rushan Period), in: Proceedings of the Conference After Alexander: Central Asia Before Islam (London, British Academy, 23-25 June 2004). London, 2007; Исамиддинов М.Х. О культурной преемственности в Согде в эпоху раннего железа (по данным строительной традиции). Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге. С-Пб, 1999, с. 74-75; Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007, с. 29-38.
3. Исамиддинов М.Х. Истоки городско..., сс. 38-40 и рис. 28.
4. Арриан, III, 30, 6.
5. Квинт Курций, VII, 6, 10.
6. История таджикского народа. М., 1963, т. I, с. 250.
7. Арриан, III, 30, 10. Квинт Курций, VII, 6, 1-10.
8. Арриан, III, 30, 11; Квинт Курций, VII, 6, 2.
9. История Узбекской ССР. Том I. Т., 1967, с. 98; История таджикского... сс. 250-251.
10. Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios. *Orientalia*, Nova Series, vol. 15, Roma, 1946, pp. 315-316.
11. Арриан, IV, 1, 3.

12. Арриан, IV, 1, 4.
13. Арриан, IV, 1, 5.
14. История таджикского народа... с. 255.
15. Арриан, IV, 3, 6.
16. Арриан, IV, 3, 7.
17. Квинт Курций, VII, 7, 1.; Арриан, IV, 3, 6.
18. Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом. Сб. Памяти М.С.Андреева // *Труды АН Тадж. ССР*, т. СХХ), Сталинабад, 1960, с. 95.
19. Арриан, IV, 5, 1; Квинт Курций, VII, 9, 17-19.
20. Мончадская Е.А. О «царском городе» или «второй столице» Согдианы. *ВДИ*, 1959, № 2, с. 116-121; Сагдуллаев А.С. К вопросу о второй столице Согдианы. *СА*, 1988, № 4, сс. 223-230.
21. Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Тезисы конференции посвященной 60-летию Ю.Ф. Бурякова. Самарканд. 1994, с. 33.
22. Арриан, IV, 7, 1.
23. Арриан, IV, 16, 1.
24. Арриан, IV, 16, 3.

D'AÏ KHANOUM À KOKTEPE. QUESTIONS SUR LA DATATION ABSOLUE DE LA CÉRAMIQUE HELLÉNISTIQUE D'ASIE CENTRALE

Il est généralement admis que les problèmes de chronologie absolue sont à peu près résolus avec l'avènement des périodes historiques. En effet, les textes, inscriptions et monnaies trouvés sur presque tous les sites de ces époques sont supposés donner des informations suffisantes pour dater correctement les différents niveaux archéologiques des sites. La réalité est beaucoup moins évidente, d'autant plus qu'on cherche le plus souvent à avoir, alors, une date extrêmement précise.

En ce qui concerne l'Asie centrale, les textes sont peu nombreux et généralement laconiques, la paléographie reste une science imprécise, et les monnaies ne sont pas fréquentes. De plus, ces dernières sont rarement en place – et, dans ce cas, elles ne donnent au mieux qu'un *terminus ante quem* – et leur attribution à certains souverains font encore l'objet d'un débat. Nos datations absolues sont donc mal assurées et fluctuantes. Elles sont essentiellement relatives, se fondant sur celles des niveaux qui précèdent ou de ceux qui suivent, lesquels, à leur tour, sont datés sur des bases parfois très fragiles. Seuls des cas très rares de données extrinsèques comme les importations ou leurs copies peuvent permettre, parfois, de meilleurs ancrages.

La période hellénistique en Asie centrale, au cours de laquelle la monnaie apparaît et circule véritablement, ne fait pas exception, et les discussions sur la datation des niveaux de tel ou tel site ne sont toujours pas résolues. Je voudrais, dans cet article, reprendre à nouveau le cas de trois d'entre eux (voir Lyonnet 2001) et confronter les données qui en sont issues à la lumière de nouvelles informations. Ceci peut, en effet, apporter quelques éléments supplémentaires quant à leur datation absolue. Il s'agit, d'une part, d'Aï Khanoum – vaste cité hellénistique située au confluent de l'Amu Darya et de la Kokcha en Afghanistan du N.E., région habituellement considérée comme faisant partie de la Bactriane, d'autre part d'Afrasiab – l'antique Samarkand, capitale de la Sogdiane, et, enfin, de Koktepe, un site moins connu car fouillé depuis moins longtemps, également situé en Sogdiane mais un peu plus au nord, sur la rive droite du Zeravshan. Les trois sites ont fait ou font encore l'objet de fouilles françaises ou franco-ouzbèques¹ et j'en ai étudié le matériel céramique².

Aï Khanoum

Anciennes données et hypothèses:

Les dates de l'occupation grecque à Aï Khanoum n'ont jamais été considérées comme assurées. Elles ont, de fait, été plusieurs fois modifiées. Seule la date de la destruction de la ville, longtemps placée autour de 130 avant notre ère, voire plus tard encore (Bernard 1967, 1969, 1971, 1973: 104), put être modifiée avec certitude en 1978. Elle est, en effet, solidement ancrée à la fois grâce à l'ensemble des monnaies trouvées sur le site – les plus récentes étant celles d'Eucratide (Bernard 1985: 97) – et grâce à une découverte faite au cours de la dernière année de fouille dans la trésorerie, à savoir une inscription à l'encre sur un récipient de céramique portant la date de l'an 24 (Bernard 1985: 99-102; Rapin 1992: 114). L'ère n'était pas mentionnée, mais les fouilleurs l'ont attribuée à Eucratide³ puisqu'il fut le dernier souverain à y régner. En l'état actuel de nos connaissances, on peut donc considérer comme valide la date finale qui place la destruction de la ville autour de 145 av. n. è. (Bernard 1985: 102)⁴.

La date de la fondation de la ville sur un terrain auparavant vierge⁵, est, quant à elle, toujours restée incertaine: était-ce sous Alexandre comme sa position stratégique pouvait le laisser supposer (Bernard 1973: 105-107; 1978: 13-15), ou plutôt sous les premiers Séleucides (Bernard 1967; 1973; 1982) comme la paléographie d'une inscription trouvée dans l'Hérôon de Kinéas pouvait le laissait croire (Robert 1973)⁶?

L'impossibilité de trancher a constamment pesé sur les dates proposées pour la céramique trouvée dans les différents niveaux stratigraphiques. Ces dates ont donc fluctué au gré des hypothèses en vigueur, mais il a toujours été clairement indiqué qu'elles étaient arbitraires et qu'elles pourraient changer en fonction de nouvelles informations (Gardin 1971; Gardin-Lyonnet 1976; Lyonnet 1997: 148, 2001).

L'étude croisée de la céramique et de la stratigraphie des différentes fouilles dans la ville s'est constamment enrichie et ce n'est qu'en 1978 qu'on a estimé pouvoir discerner huit phases (ou périodes) chronologiques successives en se fondant sur l'analyse du matériel de trois chantiers principaux, à savoir l'Hérôon de Kinéas, le Temple à redans et la maison du quartier d'habitation sud-ouest de la ville (Gardin 1985; Lyonnet 2001)⁷. Il ressortait de cette étude typo-chronologique que:

- la période I, la plus ancienne, n'était attestée que sur un seul monument, à savoir dans une partie du remblai ayant servi à la **re**construction de l'Hérôon de Kinéas. La position centrale de ce monument laissait supposer, par ailleurs, que ce personnage était important et qu'il pouvait être le fondateur de la ville. On notera ici que rien ne permet de savoir si le matériel de ce remblai (au total 2000 tessons, dont la moitié constituée de bords ou de fonds) s'est formé sur une courte ou sur une longue durée;

- les périodes II et III correspondaient aux niveaux les plus profonds (7 et 6) du Temple à redans;

- les périodes IV à VIII étaient celles des niveaux 5 à 1 de ce Temple et des états 5 à 1 de la maison.

Chacune de ces périodes témoignait d'innovations dans la céramique dont l'importance en quantité et en intérêt pour la chronologie était très variable. Aucun indice ne permettant de connaître la durée de chacune de ces huit étapes, il a été arbitrairement décidé de leur attribuer une durée égale (Gardin 1971; Gardin-Lyonnet 1976). Leur nombre laissait néanmoins supposer que la ville avait vécu pendant une période relativement longue.

Dès la période I, la majorité des formes caractéristiques de la céramique de la ville par la suite étaient déjà présentes. Dans la mesure où peu d'innovations apparaissent au cours des deux périodes suivantes (II-III), nous les associerons, dans cet article, avec la première. La particularité de cette première phase (périodes I-III) était qu'elle présentait un certain nombre de rapprochements avec le matériel de la «période achéménide» précédente, tel qu'il était défini en Asie centrale à cette époque. C'était ainsi le cas de la facture, dans la mesure où les vases de cette phase avaient tous une couleur blanchâtre ou claire, voire un effet blanc sur rouge dû à la méthode d'empilement dans les fours très répandue en Asie centrale avant la période grecque. C'était aussi le cas de plusieurs formes, soit qu'elles poursuivaient plus ou moins celles connues auparavant, comme les jarres à lèvres en méplat ou les gobelets, soit qu'on puisse les comparer à des types achéménides connus sur le plateau iranien (Cattenat-Gardin 1977, fig. 6 a-f pour les séries o2-s4 et o2-s5) ou en Asie centrale (Lyonnet 1997, fig. 31, 6 et p. 94 pour la série o2d4/1). Toutefois, la présence de nombreuses assiettes à poissons et de bols à lèvres rentrants, deux formes typiquement grecques, ainsi que celle de quelques vases à engobe rouge, montraient tout aussi clairement que la reconstruction du plus

ancien monument de la ville se faisait sur un remblai contenant déjà du matériel résolument hellénistique (Lyonnet 1997: 148, 2001). On notera, cependant, que l'ensemble de cette céramique présentait un caractère relativement fruste et que les décors y étaient rares.

Les périodes intermédiaires IV-V témoignaient, quant à elles, d'un changement majeur avec l'introduction d'une céramique fine de table en pâte et à engobe gris-noir, parfois estampée de palmettes, et celle d'amphores sur fond annulaire. Enfin, c'était également au cours de ces deux phases qu'apparaissaient les bols à décor moulé (dits bols mégariens), ainsi que ceux à motif moulé à l'intérieur du fond (ou bols pergamiens)⁸.

La période finale VII-VIII correspondait à la fois à la dernière période d'occupation grecque sous Eucratide et à la phase d'occupation tardive qui lui avait immédiatement succédé. Aucun élément ne permet de faire durer cette phase d'occupation post-grecque très longtemps. En effet, si les sols montaient considérablement alors, c'était essentiellement en raison de la destruction généralisée de la ville et de la récupération de tous les matériaux possibles par les nouveaux occupants, mais le matériel céramique était indifférencié et des collages fréquents entre tessons des deux périodes témoignaient des profonds bouleversements qui eurent lieu alors. D'une part on y voyait la poursuite de l'introduction de nouveaux types grecs tels les décors moulés – généralement des têtes féminines – sur la partie supérieure des anses de cruches ou amphores, ou les œnochoés à col étroit et bec pincé, ou encore les bols de même forme que les mégariens mais ne portant plus qu'un décor moulé très simplifié⁹, et, d'autre part, on observait aussi la présence de quelques rares vases considérés comme ceux des envahisseurs (Lyonnet 1991, idem 1997; 157-172).

Jusqu'à récemment, hormis pour la phase terminale, nous manquions d'éléments pour assurer la date absolue de ces phases. En effet, bien que Aï Khanoum ait livré un grand nombre de monnaies, très peu avaient été trouvées en place. Au temple à redans, une monnaie de Diodote¹⁰ (donc post-250 avant notre ère) avait été découverte dans un contexte attribuable soit à la période IV, soit à la période V, tandis que, dans la maison du quartier sud-ouest, une monnaie d'Euthydème¹¹ venait de l'état 3 (période V ou VI). Dans cette maison, toutefois, des moulages en plâtres pouvant dater de la fin du 3ème s. av. n.è. provenaient d'une fosse datant d'un état encore antérieur (Bernard 1971)¹².

Sur le site en général, quelques-unes des monnaies trouvées pouvaient être des émissions pré-séleucides, mais la grande majorité était surtout datée d'Antiochos Ier (Bernard 1985: 7). Ceci m'avait conduit à proposer que le renouveau grec visible avec la période IV soit attribué à ce souverain et à son successeur Antiochos II (Lyonnet 1997: 148), laissant ainsi ouverte la possibilité que la période I remonte à Séleucos I^{er}¹³ voire à des prédécesseurs, en fonction des hypothèses de l'époque sur Kinéas et sur la position stratégique de la ville.

Enfin, lors d'une visite en Grèce et en Asie mineure qu'il avait faite en 1980 pour étude comparative, J.-C. Gardin avait été mis au courant des dernières hypothèses en vigueur concernant la date d'apparition des bols mégariens à Athènes. Ceci l'avait conduit à considérer que les niveaux dans lesquels on les trouvait à Aï Khanoum ne pouvaient pas dater d'avant le milieu du 3e s. voire 230 av. n.è.¹⁴, mais il considérait néanmoins que le moment de leur apparition en Bactriane ne pouvait être très postérieur à cette date dans la mesure où il avait remarqué la très grande rapidité avec laquelle les innovations et les modes se diffusaient depuis la Méditerranée jusqu'en Asie

centrale (Gardin 1985; 1990)¹⁵.

Nouvelles données et hypothèses:

Depuis lors est parue une publication sur la céramique hellénistique de l'Agora d'Athènes (Rotroff 1997). Son analyse faite récemment à l'occasion de la parution définitive des travaux sur l'habitat à Aï Khanoum donne désormais un certain nombre de clés¹⁶ qui permettent de revoir nos propositions initiales (Lyonnet, sous presse). Elle montre, en effet, que les cinq états de cette maison s'inscrivent tous dans une période beaucoup plus courte qu'on ne l'avait supposé: la maison du quartier sud-ouest n'aurait pas vécu plus d'une cinquantaine d'années, le premier niveau de sa construction se situant au début du 2e s. et le niveau de sa destruction autour de 145 av. n. è. La construction de cette maison peut donc avec certitude être mise en relation non pas avec Antiochos Ier mais avec un renouveau méditerranéen résultant de la reconquête d'Antiochos III sur l'Asie centrale laquelle se place autour de 209-207 av. n. è.¹⁷. L'étude de la céramique du temple à redans n'a pas encore été reprise, mais il est probable que les comparaisons qui seront faites avec le matériel athénien montreront elles aussi que le niveau 5 où apparaît la céramique gris-noir doit également dater de cette époque.

De ce fait, pourrait-on attribuer seulement à Antiochos Ier la fondation d'Aï Khanoum plutôt qu'à Séleucos Ier voire à Alexandre?

Nous ne disposons pas, pour la fin du 4e et le début du 3e siècle de points de comparaisons extérieurs aussi fiables et il faut donc, à nouveau, se contenter d'arguments qui pourront être éventuellement contestés en fonction de nouvelles découvertes.

D'une part, rien n'indique que la durée de vie des périodes I à III doive forcément être aussi courte que celle des périodes IV à VIII. Mais, d'autre part, dans la mesure où aucun changement majeur, ni hiatus, n'a été décelé entre la fondation de la ville et sa renaissance magistrale après la reconquête d'Antiochos III, on doit en déduire que la ville n'a fait l'objet d'aucune attention particulière après sa fondation. Placer cette fondation sous Antiochos Ier réduirait la durée de la phase un peu obscure correspondant aux périodes céramiques II et III et permettrait de dater celles-ci de l'époque de la sécession des Diodote. L'abondance des monnaies d'Antiochos Ier par rapport à celles des Diodote peut permettre une telle hypothèse¹⁸. De plus, si l'on se fie aux dates attribuées au matériel de l'Agora d'Athènes, on constate qu'une partie des séries céramiques qui sont caractéristiques de la période I à Aï Khanoum sont dites là-bas dater de la fin du 4e et début du 3e s. av. n. è.¹⁹, et sont donc plutôt attribuables aux Séleucides. On restera néanmoins prudent sur ce point car, comme nous l'avons vu, certaines de ces mêmes séries sont aussi datées de la période achéménide.

Au final, ces divers indices, qui, répétons-le, ne sont toujours pas des preuves, nous invitent à formuler l'hypothèse que la période céramique I de la ville²⁰, ne soit pas contemporaine de l'époque de la conquête d'Alexandre, ni même du règne de Séleucos Ier, mais plutôt de celui de son fils Antiochos Ier sans qu'il soit possible d'en préciser mieux la date²¹. D'après ce qu'on connaît des vestiges fouillés, on peut supposer que la ville avait alors surtout une fonction militaire et administrative.

Ceci, cependant, ne permet pas de totalement écarter une présence grecque antérieure sur le site d'Aï Khanoum, en particulier sur la citadelle de la ville haute. Là, des vestiges de constructions massives en briques d'un format inhabituel pour la période grecque mais bien connu pour la période achéménide²², contenant des tessons surtout de type achéménide mais avec quelques formes déjà grecques, reposent sur des traces d'occupation encore un peu plus ancienne (Leriche 1986: 18 et 21-22)²³. En fonction de la révision proposée pour la date de la céramique de la période I, cette phase qui la

précède pourrait dater de la période post-Alexandre²⁴. A cette époque, toutefois, il ne s'agissait très certainement que d'une petite garnison militaire. Nous reviendrons plus loin sur ce point.

Afrasiab

Anciennes données et hypothèses:

Contrairement à Aï Khanoum, Afrasiab est un site qui a été constamment occupé au cours de nombreux siècles, jusqu'à l'invasion mongole. Les niveaux anciens ne sont donc généralement atteints que dans des sondages profonds où les témoins architecturaux sont extrêmement réduits. Les investigations sur ces époques se sont particulièrement concentrées sur les remparts.

L'occupation grecque de l'ancienne Samarkand a été mise au jour il y a déjà fort longtemps par nos collègues russes et soviétiques (période Afrasiab II). Elle faisait suite à une période antérieure (Afrasiab I), datée, sur la base de comparaisons du matériel céramique avec celui de la Bactriane et de la Margiane, de la «période achéménide»²⁵ voire remontant jusqu'à une période précédant la conquête de Cyrus²⁶ (Terenzhkin 1950; 1972). Les datations proposées par nos collègues pour le matériel Afrasiab II se situaient entre le 3e et le 1er s. av. n.è. à la fin des années 1960 (Nemtseva 1969; Kabanov 1969), ou entre la fin du 4e et le 2e s. av. n.è. au milieu des années 1970 (Shishkina 1974; 1975). Dès le début des années 1980, S. Kabanov (1981) lui attribuait pourtant une durée déjà beaucoup plus courte, uniquement le 3e s. av. n. è., car il pensait avoir isolé, dans la zone ouest de la ville²⁷, deux assemblages céramiques intermédiaires entre Afrasiab I et II, mais qu'il rattachait néanmoins plus à la période I et qu'il avait en conséquence dénommés Afrasiab IA et IB²⁸. Quelques formes, au sein de ce matériel, sont proches de certaines de celles de la période I d'Aï Khanoum³⁹, mais les vrais types grecs comme les assiettes à poisson ou les bols à bord rentrant n'y sont pas attestés. Bien que fondées à la fois sur des localisations différentes au sein du même chantier, sur leurs positions stratigraphiques et sur la typologie, il n'y avait malheureusement pas d'architecture associée à ce matériel pour assurer les propositions de Kabanov, et, de ce fait, elles restaient questionnables.

L'étude de la céramique hellénistique issue des travaux de la mission franco-ouzbègue conduits exclusivement sur la ville haute, m'a permis, elle, de mettre en évidence deux phases dans l'occupation grecque, séparées par un hiatus (Lyonnet 2001), ce que l'architecture des remparts successifs corroborait par ailleurs (Rapin et Isamid-dinov 1994). Me fondant sur les hypothèses émises pour les dates d'Aï Khanoum, j'ai proposé alors avec prudence une première occupation pré-séleucide ou séleucide (Afrasiab IIA), puis un hiatus entre Antiochos Ier et Eucratide, et enfin une très courte réoccupation sous ce dernier (Afrasiab IIB).

L'un des principaux points mis en évidence dans cette étude était celui de la similitude entre le matériel du niveau hellénistique ancien de l'antique Samarkand (période Afrasiab IIA) et celui de l'Hérôn d'Aï Khanoum (période I). A Samarkand aussi, on notait là des éléments déjà foncièrement grecs comme les assiettes à poisson et les bols à lèvre rentrante, mais le manque de variété et le caractère très banal de ce matériel donnaient à croire qu'il s'agissait plus de celui de contingents militaires que d'une colonie grecque. L'architecture du seul bâtiment non défensif fouillé par la mission à ce jour³⁰ semblait également conforter cette hypothèse. Les cratères, quelque soit leur forme, pourtant attestés dès la phase initiale d'Aï Khanoum, y étaient particulièrement rares et aucun décor, mis à part de rares cas de vaisselle à engobe rouge lissé, n'y était non plus attesté. L'uniformité du matériel suggérait, de plus, que la phase IIA était de

courte durée.

Aucune des innovations observées dans les niveaux intermédiaires d'Aï Khanoum n'était visible dans ce matériel³¹. Ceci était particulièrement flagrant pour ce qui concernait la vague méditerranéenne des périodes Aï Khanoum IV et V. Ainsi, la céramique gris-noir et les palmettes, tout comme les amphores et les bols mégariens, y étaient totalement absents³². Il existait néanmoins, dans les niveaux stratigraphiquement postérieurs à IIA, la présence de bols mégariens à décor très simplifié et celle d'œnochoés ainsi qu'une abondante vaisselle à engobe rouge ou brun. Ce constat m'avait conduit à considérer que ces niveaux (Afrasiab IIB), étaient contemporains des périodes VII-VIII d'Aï Khanoum.

L'ensemble de ces observations avait permis de déduire que, contrairement à Aï Khanoum, la Sogdiane avait dû connaître une période d'indépendance vis à vis du pouvoir grec peu de temps après l'apparition du premier matériel hellénistique. La réintroduction de nouveautés hellénistiques contemporaines de la fin de l'existence d'Aï Khanoum pouvait s'expliquer par une reconquête de la région sous Eucratide.

Les nouvelles données et propositions issues d'Aï Khanoum conduisent à corriger et préciser les datations que j'avais avancées alors, tout en faisant resurgir un certain nombre de questions.

Nouvelles données et hypothèses:

Les nouvelles propositions qui datent la période céramique I d'Aï Khanoum de l'époque d'Antiochos Ier, placeraient donc dorénavant la période Afrasiab IIA également sous ce souverain. Etant donnée la courte durée de vie du matériel observée, on peut admettre que le hiatus mentionné dans l'occupation grecque ait commencé après la fin de son règne et celui de son fils, c'est à dire probablement à l'époque où le royaume gréco-bactrien faisait aussi sécession. Rien ne change en ce qui concerne la réoccupation sous Eucratide.

A nouveau, comme pour Aï Khanoum, cette proposition d'une date relativement tardive pour Afrasiab IIA ne signifie pourtant pas qu'il n'y ait pas eu d'occupation grecque antérieure sur Afrasiab: les textes sont très clairs quant à la présence d'Alexandre et de ses troupes sur le site de Marakanda (Arrien IV. 5. 2-3, 6. 3-4, etc.). Cette phase, en conséquence, ne se matérialiserait pas nécessairement par un changement notable dans le matériel céramique ni même, peut-être, dans le format des briques par rapport à ce qui prévalait au cours de la période précédente³³. Il est donc tout à fait possible, voire probable, qu'une partie du matériel Afrasiab I, habituellement attribué uniquement à la «période achéménide», puisse aussi dater du début de la période grecque (depuis la conquête d'Alexandre jusqu'au règne de Séleucos Ier inclus). Ceci irait dans le sens des propositions de Kabanov mentionnées plus haut. Sur la citadelle, le matériel en place dans les différents chantiers que nous avons fouillés ne permet pas encore de mettre cette phase suffisamment bien en évidence en l'état actuel de notre étude. Cependant, d'autres découvertes faites dans les faubourgs de Samarkand sont venues souligner leur bien-fondé: c'est en effet le cas d'un établissement de potiers mis au jour à Saratepe 2, daté par son fouilleur d'une période allant de Afrasiab IB à II (Ivanitskij 1992). Sur ce site, vingt fours de potiers répartis en trois types différents, associés à plus de quatre-vingt fosses, ont été découverts. Le matériel mis au jour n'est pas totalement uniforme et varie selon les fours (et fosses). Il s'étale, me semble-t-il, sur une phase plus longue (I, IA, IB et II) que celle donnée par son auteur, mais la plus grande partie se différencie néanmoins du matériel «achéménide» habituel tout en ne présentant pas encore de formes spécifiquement grecques.

Voyons si les nouvelles découvertes monétaires vont de pair avec l'ensemble de ces nouvelles propositions.

En Sogdiane, les trouvailles monétaires sont encore plus rares qu'en Bactriane et sont surtout dues aux fouilles clandestines pré- et post-soviétiques, ce qui ne permet malheureusement pas de connaître leur contexte stratigraphique ni le matériel céramique associé.

Pendant longtemps, le nombre de monnaies hellénistiques découvertes avec certitude sur le site même d'Afrasiab est resté extrêmement modeste. L'étude très récente de A.I. Najmark (2005) en mentionnait seulement quatre:

- un dichalque de Séleucos Ier trouvé fortuitement,
- un tétradrachme d'Antiochos Ier acheté à Urgut mais qui proviendrait d'Afrasiab³⁴,
- un chalque attribué selon les différents numismates à Antiochos I ou II, ou encore à Diodote, et provenant des fouilles de la zone est d'Afrasiab mais qui a été perdu,
- un cuivre d'Euthydème Ier découvert dans le cimetière moderne d'Afrasiab³⁵.

A celles-ci s'ajouteraient une obole d'Eucratide ainsi qu'une de ses imitations mais, selon l'auteur, cette association ne garantirait pas qu'elles proviennent d'Afrasiab.

De plus, une étude en cours des monnaies trouvées lors des dernières fouilles soviétiques mais qui n'avaient pas encore été analysées jusqu'à présent a également décelé la présence d'un chalque de Diodote venant d'un sondage sous la mosquée (Atakhodzhaev, communication personnelle).

Toutefois, au cours des deux dernières années, le nombre de ces monnaies a été brusquement multiplié grâce à plus d'une trentaine d'autres trouvailles, dont plusieurs en cuivre, mises au jour avec certitude sur le site mais par des moyens non conformes aux méthodes habituelles des archéologues. Elles viendraient des remblais de fouilles tant anciennes que récentes (Atakhodzhaev, à paraître). Une étude préliminaire de quelques-unes d'entre elles récemment publiée (Atakhodzhaev 2005) permet d'indiquer la présence de:

- une monnaie pré-séleucide (Sophytès),
- une monnaie de Séleucos Ier,
- cinq imitations des drachmes d'Antiochos Ier.

Parmi les 26 monnaies hellénistiques³⁶ repérées dans ces nouvelles trouvailles par A. Atakhodzhaev (à paraître), 17 seraient placées entre les règnes d'Alexandre et d'Antiochos Ier, tandis que cinq font partie des cas dont l'attribution ne fait pas l'unanimité (Antiochos II ou Diodote), qu'une autre serait un Diodote Ier, et que trois pourraient peut-être être des Antiochos III.

Outre ces découvertes venant du site même de l'ancienne Samarkand, on peut mentionner la présence non loin de là dans la vallée du Zeravshan d'un drachme de Séleucos Ier à Sazagan (Abdullaev, Franceschini *et al.* 2004), d'un tétradrachme d'Antiochos Ier à Djam, d'un chalque ou dichalque d'Antiochos Ier à Dzhizak, d'un tétradrachme commémoratif d'Antimaque Ier à Pendjikent, d'un tétradrachme de Démétrios II à Kurgan-Tepe, et, un peu plus loin dans le Kashka Darya près d'un col conduisant directement à Samarkand (Trésor de Kitab), d'un très grand nombre de drachmes, tétradrachmes et oboles d'Eucratide (Najmark 2005).

Ces trouvailles confirment bel et bien que le pouvoir grec est nettement moins affirmé à partir de la période qui suit Antiochos Ier ou son fils puisqu'on trouve alors en Sogdiane, d'une part, de nombreuses imitations des monnaies de ce souverain³⁷ et, d'autre part, un nombre très restreint de vraies monnaies des rois gréco-bactriens. En ce qui concerne Eucratide, les découvertes ne viennent pas véritablement assurer sa

reconquête de Samarkand, mais la très courte durée de cet épisode, confirmée par l'inachèvement du nouveau rempart que l'on reconstruisait alors (Rapin et Isamididov 1994), pourrait l'expliquer. Le nombre relativement important de monnaies de souverains antérieurs à Antiochos Ier montre bien, en revanche, une occupation conséquente, laquelle doit se manifester par un matériel céramique que nous devons mettre en évidence.

Koktepe

Ce site se trouve à une trentaine de kilomètres au nord d'Afrasiab, sur la rive droite du Zeravshan. Son occupation a commencé bien avant Afrasiab, dès la fin de l'Age du Bronze ou le début de l'Age du Fer (période KT I)³⁸. Selon les fouilleurs, le site aurait été occupé sans interruption jusqu'au début de la période hellénistique (période KT III), puis n'aurait été réutilisé que de façon épisodique par la suite. Précisons qu'aucune monnaie n'y a encore été découverte et que l'étude des différents états architecturaux est encore en cours, donnant lieu à des interprétations différentes selon les auteurs. Il n'y a donc pas lieu ici de faire une distinction entre données et hypothèses anciennes et nouvelles.

C'est essentiellement en raison de l'apparition d'un format carré des briques tant sur le rempart à galerie intérieure que sur la citadelle ou dans certaines autres constructions de type baraquement militaire, que les fouilleurs ont indiqué une occupation hellénistique (Isamididov 2002: 139-142)³⁹. En se fondant sur leurs propres analyses du matériel, ils ont estimé que le matériel céramique associé à la période KT III correspondait à celui d'Afrasiab II (Isamididov, Rapin *et al.* 2001, Isamididov 2002: 101). Dans les baraquements, cependant, on le considère comme toujours «de type achéménide» (Rapin 2007). Enfin, il est également dit que de la céramique hellénistique provient de la couche supérieure du site mais sans être reliée à une architecture spécifique (Isamididov 2002: 140). Ces hésitations posent la question de la datation précise du matériel céramique de cette dernière occupation importante du site.

L'étude de cette céramique, que j'ai faite indépendamment de toute donnée stratigraphique, montre que les traits purement hellénistiques sont, de fait, extrêmement réduits et ne se manifestent que par un unique tesson de cratère, un seul d'assiette à poisson, un seul encore d'une assiette engobée de rouge à bord intérieur souligné par un bourrelet, tandis qu'on note un net accroissement du décor d'engobe rouge lissé sur une forme locale de gobelets⁴⁰. Au sein de ce matériel, les seules formes ouvertes bien attestées sont toutes de couleur claire et à fonds plats: il s'agit essentiellement de bols à bord droit⁴¹ ou à lèvre aplatie à l'horizontal ou montante⁴². Nous avons déjà vu que ces formes, bien qu'elles se poursuivent au cours de la période hellénistique – mais alors, généralement couvertes d'un engobe rouge ou noir – sont, d'une part, comparables à certaines des séries de l'Hérôn d'Aï Khanoum, mais aussi, d'autre part, qu'elles sont déjà connues au cours de la période achéménide. A Afrasiab, elles sont en particulier bien représentées dans la phase finale de la période I (phases IA et IB) telle que l'a mise au jour Kabanov⁴³. On notera que le diamètre souvent imposant de beaucoup d'entre elles est aussi un trait qui les rapproche des récipients collectifs de la période achéménide. De plus, quelques-unes sont également attestées dans une facture locale, façonnée à la main, même si un soin certain leur a été apporté, et ont une couleur rosée, polies ou lissées. Or, cette facture est caractéristique de la Sogdiane à une période qui a commencé vraisemblablement avant les Achéménides et s'est poursuivie ensuite un certain temps (Lyonnet 2007, *idem* sous presse 2). Les formes fermées qui caractérisent la période finale de Koktepe se retrouvent, certes, pour beaucoup dans l'assembla-

ge Afrasiab IIA, mais aussi dans celui des phases I, IA et IB de Kabanov.

L'ensemble de ces données placent donc clairement, selon moi, cette dernière occupation importante de Koktepe dans la phase transitionnelle entre Afrasiab I et II.

Conclusion

Le constat d'une date absolue assez tardive, à la fin du 3e-début du 2e s. avant notre ère pour l'apparition en Asie centrale de la céramique gris-noir, des motifs de palmettes estampées et des décors moulés hellénistiques, nous a conduite à reconsidérer la date de la fondation d'Aï Khanoum. Sans en avoir de preuves irréfutables, un certain nombre d'indices semblent la placer sous le règne d'Antiochos Ier.

Ces indices sont issus non seulement de découvertes provenant d'Aï Khanoum, mais aussi d'Afrasiab et de Koktepe, dans la mesure où un matériel transitionnel entre les assemblages que l'on attribue habituellement à la «période achéménide» et à la période hellénistique a pu être mis en évidence.

Si ceci est un point important dans la chronologie relative, on se heurte cependant à un problème du point de vue de la chronologie absolue. En effet, en Asie centrale, l'identification d'une céramique proprement «achéménide» est une question toujours non résolue et cette attribution et les dates qu'on lui associe sont donc à prendre avec beaucoup de précautions (Lyonnet 1997: 104-105 et 118-119; Francfort 2005). Il est certain, néanmoins, que des changements profonds ont lieu au cours de cette période transitionnelle puisqu'on y constate l'apparition d'inhumations⁴⁴, un phénomène qui avait entièrement disparu d'Asie centrale depuis le milieu du 2e millénaire avant notre ère et qui ne peut être dû qu'à l'arrivée des Grecs.

Si on admet l'équation posée ici entre la céramique de l'Hérôn d'Aï Khanoum ou d'Afrasiab IIA et le règne d'Antiochos Ier, ce matériel transitionnel qui le précède peut donc dater de l'époque de la conquête d'Alexandre. Ceci donnerait raison à L. Sverchkov quand il propose de dater de cette même époque l'édification de la forteresse de Kurganzol (période I), qu'il considère être l'une des six construites par Alexandre lors de son retour en Sogdiane en 328 av. n. è. mentionnées par Quinte Curce (Sverchkov 2008)⁴⁵.

Mais il n'est pas possible, actuellement, de savoir exactement quand ce matériel transitionnel a commencé à se diffuser. On peut, en effet, poser la question de la date d'introduction en Asie centrale des formes connues aussi sur le plateau iranien: se sont-elles imposées à la suite d'une nouvelle impulsion de Darius III dans les satrapies orientales ou sont-elles apparues seulement avec l'arrivée des Grecs ?.

Notes

1. Respectivement sous la direction de P. Bernard, P. Bernard et F. Grenet, F. Grenet, C. Rapin et M. Isamiddinov.
2. En collaboration avec J.-C. Gardin pour Aï Khanoum.
3. Eucratide Ier (171-145 av. n. è.).
4. Aucun argument ne peut être avancé pour défendre la position récemment prise par Lerner 2003-4 et 2005 en faveur d'une date plus tardive.
5. Contrairement à ce qui est écrit par Lerner, *op. cit.*: voir à ce sujet Lyonnet 2001, note 12. Seule une occupation datant de la fin de l'Age du Bronze mise au jour sur le Bala Hissar est avérée (sondage mentionné dans Bernard 1969).
6. Cette inscription n'était plus en place mais il était considéré qu'elle provenait d'un état ancien du monument.
7. C'est dans Lyonnet 2001 qu'on trouvera le tableau établi à l'époque portant les dates absolues correspondant à celles qui étaient admises alors.

8. Voir, à ce sujet, le tableau typo-chronologique établi en 1978 et publié (contrairement à ce qu'indique Lerner 2003-4 tout en l'utilisant dans ses notes 15 et 27) dans Lyonnet 2001, fig. 1: 144-146, ainsi que la note 24 sur le problème posé par la position stratigraphique du plus ancien tesson de bol mégarien retrouvé à Aï Khanoum.
9. Composé de deux tenons opposés imitant peut-être, plus ou moins bien, la massue d'Héraklès, attachés sur deux sillons le long du bord.
10. Diodote I (246-238). Diodote II (238-223).
11. Euthydème Ier (223-195).
12. Cette fosse était attribuée alors à l'état 4 de la maison, mais elle est désormais considérée comme faisant partie de l'état 5 initial (Lecuyot, sous presse).
13. Séleucos Ier (310-280).
14. Gardin 1985, repris dans Gardin 1990 avec une date élargie «seconde moitié du 3e s. av. n. è.» et dans Lyonnet 1997: 127, ce que l'on comparera avec S. Rotroff 1982: 6, laquelle indique que les bols mégariens sont apparus soudainement à Athènes au début du dernier quart du 3e s. av. n. è., peut-être sur la base de prototypes d'Alexandrie en métaux précieux (: 7); elle précise (: 10) que les bols de l'Agora d'Athènes, qui sont les premiers connus tant en Grèce qu'en Asie mineure, ont été produits entre 240 et 220; enfin, elle avance l'hypothèse (: 13) que cette production soudaine ait été faite à l'occasion d'un événement particulier, comme la fête donnée en l'honneur de Ptolémée III en 224/3. Ceci m'a conduit à évoquer, dans une étude postérieure, un doute quant à la réelle présence de ce type de vase dès la période IV à Aï Khanoum (Lyonnet 2001, note 24).
15. Contrairement à ce qu'a compris J. Lerner 2003-4 et 2005.
16. Il ne s'agit pas seulement de la date des bols mégariens.
17. Ceci concorde donc avec les conclusions avancées par J. Lerner 2003-4 et 2005.
18. Les monnaies de Diodote (sans distinction entre le père et le fils) sont beaucoup moins nombreuses que celles d'Antiochos Ier et d'Euthydème, voir Bernard 1985: 7-9.
19. Il s'agit des séries o2-s3, o2-s4, o2-s5 et o2-t1 du tableau chronologique de 1978 publié dans Lyonnet 2001, comparables à Rotroff 1997: 165 (1045-1049). Cependant, des variantes très proches se poursuivent ensuite jusqu'au début du 1er s. av. n. è., voir Rotroff *ibidem*: 149-150 (735-773), ce qui ne donne aucune certitude quant à une datation absolue.
20. Il est probable que la période d'utilisation de cette céramique trouvée dans le remblai ayant recouvert le tombeau initial de Kinéas corresponde à celle où ce personnage était encore en vie, mais nous n'en avons pas la preuve.
21. Il peut aussi s'agir de la période où Antiochos Ier a régné avec son père, entre 293 et 280.
22. Les briques de la période hellénistique sont carrées, tandis qu'au cours de la période précédente elles étaient rectangulaires. Il y a, toutefois, de très nombreuses variations à l'intérieur de ce schéma général.
23. A l'époque, dans la mesure où P. Bernard considérait comme possible que la fondation de la ville soit due à un successeur immédiat d'Alexandre, ces constructions initiales étaient par conséquent supposées dater d'une période pré-grecque. Rappelons cependant qu'il existe une imposante ville circulaire fortifiée, Kohna Qala, datant du 1er millénaire av. n. è. (y compris la période achéménide) à deux kilomètres d'Aï Khanoum, en bordure de l'Amu Darya (voir Gardin 1998, fig. 3.1 et 3.4), ce qui rend peu probable un autre point fortifié achéménide aussi proche. Voir aussi les remarques de la note suivante.
24. En tout état de cause, aucun des chantiers ouverts sur Aï Khanoum n'a donné des tessons purement «achéménide» et la collection finale de ces derniers n'a jamais été suffisamment importante pour autoriser à supposer une occupation du site dès cette époque.
25. Donc daté «6e-4e s. av. n. è.»
26. «7e-4e s. av. n. è.»
27. Carré 25, selon le carroyage adopté à l'époque et publié dans Burjakov 1974: 54.
28. Il les datait respectivement du 5e-4e et du 4e s. av. n. è.
29. En particulier Kabanov 1981, période IA fig. 13, 4, 5, 6, 8, 13; période IB fig. 17, 5-12, 14, 16-20 et fig. 18, 5, 6, 8-10, 13, 16, 17.
30. Il s'agit d'un grenier contenant une grande quantité de graines d'orge et de millet, voir Grenet 2004.
31. Le constat peut être généralisé à l'ensemble du site.
32. Signalons, cependant, que Kabanov 1981 mentionnent deux ou trois tessons gris-noir lissés dans le matériel de sa période IB.
33. Shishkina 1994 signalait la présence de grandes briques rectangulaires portant des signes proches de lettres grecques dans la construction du 2e rempart attribué aux Achéménides. Voir aussi Lyonnet 2007.

34. Cette provenance n'est toutefois pas assurée et la monnaie pourrait provenir du Tadjikistan (A. Atakhodzhaev, communication personnelle)
35. Selon A. Atakhodzhaev, cette monnaie n'a jamais existé et il s'agirait d'une erreur d'attribution.
36. Donc en excluant les imitations d'Antiochos Ier.
37. Ces imitations des monnaies d'Antiochos Ier s'étalent certainement sur une très longue durée.
38. Il y a également quelques tessons de céramique façonnée peinte (période KT I) à Afrasiab, mais rien qui évoque une occupation aussi importante qu'à Koktepe.
39. Selon l'auteur, le rempart à galerie daterait d'après la conquête d'Alexandre.
40. Cette information a été immédiatement publiée par M. Isamiddinov mais avec une erreur que je me permets de souligner ici car elle provoque une confusion totale dans la typo-chronologie générale et, probablement aussi dans l'interprétation chronologique du site. Celui-ci a, en effet, transposé la distinction que j'avais faite entre les périodes Afrasiab IIA et IIB – sur la base de l'apparition des œnochoés et des bols mégariens simplifiés dans la seconde période – à celle de la présence ou non de formes grecques à Koktepe. De ce fait, il crée de toute pièce une nouvelle phase Afrasiab IIa dans laquelle il n'y aurait ni assiettes à poisson ni bols à lèvre rentrante lesquels n'apparaîtraient qu'en Afrasiab IIB (Isamiddinov 2002: 141-142 et fig. 168 II et III). S'il est vrai qu'il y a bien à Afrasiab une phase probablement grecque sans assiette à poisson ni bol à lèvre rentrante, il s'agit en fait de la phase Afrasiab IB mise au jour par Kabanov comme indiqué plus haut.
41. Voir, par exemple, Isamiddinov 2002, fig. 113, 8, 9, 18-20.
42. Voir, par exemple, Isamiddinov 2002, fig. 113, 6, 15-17.
43. Pour les bols à lèvre droite, voir Kabanov 1981, période IA, fig. 13, 5 et 6 et période IB, fig. 17, 5, 6, fig. 18, 8-10. Pour ceux à bord éversé à l'horizontal ou montant, voir *ibidem*, période IB fig. 17, 7-12.
44. Ivanitskij 1992, tombes dans deux des fours de potiers de Saratepe 2, dont l'une est accompagnée de ratés de cuisson montrant ainsi que certains des autres fours continuaient encore à fonctionner. Le matériel n'est malheureusement pas illustré.
45. Le matériel céramique de la période I de Kurganzol est comparable à celui de la phase IB d'Afrasiab.

Bibliographie

- Abdullaev, K.- Franceschini, F.- Raimkulov, A. (2004) 'The Tetradrachm of Seleucos I from Sazagan Region of Uzbekistan', *Circle of Inner Asian Art*: 10-13.
- Arrien, *Anabasis Alexandri*, traduction de E. Iliff Robson, Harvard University Press.
- Atakhodzhaev, A.Kh. (2005) 'Ranneantichnye monety s gorodishcha Afrasiab (novye nakhodki)', in K.A. Abdullaev (ed.) *Materialy po antichnoj kul'ture Uzbekistana. K 70-letiju G.A. Koshelenko*, 33-36. Samarkand.
- Atakhodzhaev, A.Kh. sous presse
- Bernard, P. (1967) 'Deuxième campagne de fouilles d'Aï Khanoum', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 306-324.
- Bernard, P. (1969) 'Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 313-355.
- Bernard, P. (1971) 'La campagne de fouilles de 1970 à Aï Khanoum', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 385-452.
- Bernard, P. (1973) 'Campagne de fouilles à Aï Khanoum (Afghanistan)', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 1972: 605-632.
- Bernard, P. (1978) 'Le nom de la ville grecque du tepe Aï Khanoum' in P. Bernard et H.-P. Francfort *Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan)*, 3-15 et 67-75. Paris.
- Bernard, P., avec le concours de R. Desparmet, J.-C. Gardin, P. Gouin, A. de Lapparent, M. Le Berre, G. Le Rider, L. Robert, R. Stucki (1981), *Fouilles d'Aï Khanoum I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968)*, 2 vol., Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 21. Paris.
- Bernard, P. (1982) 'Alexandre et Aï Khanoum' *Journal des Savants*, Avril-Juin 1982: 125-138.
- Bernard, P. (1985) *Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne*. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 28. Paris.
- Burjakov, Ju.F. (1974) 'Nekotorye materialy k istoricheskoj topografii shakhristana Samarkanda', in Ja.G. Guljamov (ed.), *Afrasiab III*: 52-62. Tashkent.
- Cattenat, A. – Gardin, J.-C. (1977) 'Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le Plateau iranien et en Asie centrale', in J. Deshayes (ed.) *Le Plateau ira-*

- nien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique: 225-248. Paris.
- Francfort, H.-P. (2005) 'Asie centrale', in P. Briant et R. Boucharlat (dir.) *L'archéologie de l'empire achéménide: nouvelles recherches, Persika* 6: 313-352. Paris.
- Gardin, J.-C. (1971) 'Céramique', in P. Bernard 'La campagne de fouilles 1970 à Aï Khanoum', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 447-452.
- Gardin, J.-C. (1973) 'Les céramiques' in P. Bernard (ed.), *Fouilles d'Aï Khanoum I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968)*, 2 vol., Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 21, 121-188 et pl. 113-143. Paris.
- Gardin, J.-C. (1985) 'Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'antiquité, d'après des données céramologiques inédites', in J.-L. Huot, M. Yon et Y. Calvet (eds.) *De l'Indus aux Balkans, Recueil à la mémoire de J. Deshayes*, 447-460. Paris.
- Gardin, J.-C. (1990) 'La céramique hellénistique en Asie centrale. Problèmes d'interprétation', *Akten des XIII. Internationalen Kongresses für Klassische Archäologie*, Berlin 1988, 187-193.
- Gardin, J.-C. (1998) *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978)*, sous la direction de J.-C. Gardin, vol. 3, Description des sites et notes de synthèse. Paris.
- Gardin, J.-C. – Lyonnet, B. (1976) 'La céramique' in P. Bernard *et al.* 'Fouilles d'Aï Khanoum: campagne de 1974', *Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient* 63: 45-51.
- Grenet, F. (2004) 'Maracanda / Samarkand, une métropole pré-mongole. Sources écrites et archéologie', *Annales. Histoire, Sciences sociales*, sept.-déc. 2004: 1043-1067.
- Ivanitskij, I.D. (1992) 'Saratepe 2- Poselenie keramikov serediny I tysjacheletija do n. e. pod Samarkandom', *Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana* 26: 22-41.
- Isamiddinov, M. (2002) *Istoki gorodskoj kul'tury Samarkandskogo Sogda*. Tashkent.
- Isamiddinov, M., Rapin, C., Grenet, F. (2001), 'Raskopki na gorodishche Koktepa', *Arkheologicheskije issledovanija v Uzbekistane- 2000 god*: 79-86. Samarkand.
- Kabanov, S.K. (1969) 'Izuchenie stratigrafii gorodishcha Afrasiab', *Sovetskaja Arkheologija* 1: 183-198.
- Kabanov, S.K. (1981) 'Osvoenie zapadnykh rajonov goroda na rannikh etapakh ego zhizni', in Ju.F. Burjakov (ed.) *K istoricheskoj topografii drevnego i srednevekovogo Samarkanda*, 23-59. Tashkent.
- Lecuyot, G. (sous presse) *Fouilles d'Aï Khanoum. L'habitat*. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
- Leriche, P. (1986) *Fouilles d'Aï Khanoum V. Les remparts et les monuments associés*, Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 29. Paris.
- Lerner, J. (2003-2004) 'Correcting the Early History of Āy Kānom', *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 35-36: 373-410.
- Lerner, J. (2005) 'Greek Ceramic Period IV of Aï Khanoum', *Tsentral'naja Azija. Istochniki, istorija, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii posvjashchennoj 80-letiju Dr. E.A. Davidovich i Akad. Dr. B.A. Litvinskogo*, 464-476. Moscou.
- Lyonnet, B. (1991) 'Les nomades et la chute du royaume gréco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de l'Asie centrale orientale. Vers l'identification des Tokhares-Yueh-chi?', in P. Bernard et F. Grenet (eds.) *Histoire et cultes de l'Asie centrale pré-islamique. Sources écrites et documents archéologiques*, 153-161 et pl. LXI-LXIII. Paris.
- Lyonnet, B. (1997) *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978)*, sous la direction de J.-C. Gardin, vol. 2., *Céramique et peuplement, du Chalcolithique à la conquête arabe*. Paris.
- Lyonnet, B. (2001) 'Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère', *Bulletin of the Asia Institute* 12, 1998: 141-159.
- Lyonnet, B. (2007) 'Sogdiane, Chach et Ferghana à la fin de l'Age du Bronze et à l'Age du Fer. Questions autour de la céramique', in D.A. Alimova et Sh.R. Pidaev (eds.) *The Role of Margilan City in the History of World Civilization*, 67-71. Tashkent-Margilon.
- Lyonnet, B. (sous presse 1) 'La céramique de la Maison du quartier sud-ouest d'Aï Khanoum', in G. Lecuyot *Fouilles d'Aï Khanoum. L'habitat*. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
- Lyonnet, B. (sous presse 2) 'La Bactriane et la Sogdiane, ou deux histoires singulières et complémentaires' (en russe) Tashkent
- Najmark, A.I. (2005) 'Nakhodka grecheskikh monet v Sogdiane', *Numizmatika i epigrafika* 17: 116-138.
- Nemtseva, N.B. (1969) 'Stratigrafija juzhnoj okrainy gorodishcha Afrasiab', in Ja.G. Guljamov (ed.) *Afrasiab I*: 153-205. Tashkent.

-
- Rapin, C. (1992) *Fouilles d'Aï Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane*. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 33. Paris.
- Rapin, C. (2007) 'Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan Period', *Proceedings of the British Academy* 133, 29-72. London.
- Rapin, C – Isamidinov, M. (1994) 'Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samarkand-Afrasiab)', *Topoi* 4/2: 547-565.
- Robert, L. (1973) 'Les inscriptions', in P. Bernard *Fouilles d'Aï Khanoum I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968)*, Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 21: 207-237. Paris.
- Rotroff, S. (1982) *Hellenistic Pottery. Athenian and imported moldmade bowls. The Athenian Agora*, vol. XXII. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton.
- Rotroff, S. (1997) *Hellenistic Pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material. The Athenian Agora*, vol. XXIX. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton.
- Shishkina, G.V. (1974) 'Keramika kontsa IV-II vv. do n. e. (Afrasiab II)', in Ja.G. Guljamov (ed.) *Afrasiab III*: 28-51. Tashkent.
- Shishkina, G.V. (1975) 'Ellenisticheskaja keramika Afrasiaba', *Sovetskaja Arkheologija* 2: 60-78.
- Shishkina, G.V. (1994) 'Ancient Samarkand: Capital of Soghd', *Bulletin of the Asia Institute* 8: 81-99.
- Sverchkov, L. (2008) 'The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era)', *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 14: 123-191.
- Terenozhkin, A.I. (1950), 'Sogd I Chach', *Kratkie Soobshchenija Instituta Istorii Material'noj Kul'tury* 33: 153-169.
- Terenozhkin, A.I. (1972) 'Voprosy periodisatsii i kronologii drevnejshego Samarkanda', *Sovetskaja Arkheologija* 3: p. 90-99.

Борис Маршак, **Франц Грене**,
с комментарием Поля Бернара
Россия, Франция

КУШАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ НА ТКАНИ

Предупреждение Ф. Грене. Профессор Борис Маршак, уже достигнутый болезнью, от которой он скончался 28 июля 2006, попросил меня дополнить и прочесть свои записи. На основании этих записей, которые он периодически отправлял мне, мною создан нижеследующий текст. Мое вмешательство здесь ограничилось некоторыми дополнениями. Дополнительный текст, написанный мною, включает некоторые моменты, которые упоминались в беседе, но не нашли письменного отражения в его записях [Франц Грене].

Представленная картина на хлопчатой ткани (рис. 1, 2) в настоящее время находится в Бангкоке в коллекции г. Мехмета Хассана, которому я приношу благодарность за разрешение ее опубликовать. Согласно информации, которой располагает владелец, место ее находки связывается с южной частью китайской провинции Синьцзян, что соотносится с хорошей ее сохранностью, возможной только в очень сухой среде. Радиоуглеродный анализ, проведенный по просьбе владельца, дает хронологические рамки между 74 и 258 годами нашей эры¹. Органические пигменты, среди которых индиго для передачи фиолетового цвета, указывают на их индийское происхождение, однако стиль и представленные реалии склоняют к мысли, что картина, скорее всего, была выполнена в Бактрии. Фрагмент ткани имеет размеры 97 см в высоту и 140 см в ширину. Вероятно, она была предназначена, чтобы вешать ее (к верхнему краю прикреплена петелька). Имеется небольшая утрата по длинной стороне справа и вся нижняя левая часть отсутствует.

В центре композиции представлен правитель, сидящий на своем троне со скрещенными ногами. В левой руке он держит копье или штандарт, древко которого изображено неровно. Оно продолжается перед его локтем, а затем за коленом. Поза правителя, держащего копье, аналогична изображениям кушанского царя Хувишки на некоторых бронзовых монетах с нечеткой фактурой (рис. 3 а)². Время его правления может быть приблизительно датировано между 153 и 191 гг., исходя из недавно установленной даты кушанской эры 127/128 гг. н.э.³ [подразумевается начальная дата правления Канишки I. Прим. К.А.]. Копье с наконечником в виде полумесяца встречается и на других монетах Хувишки (рис. 3b), а также на стреле, которую держит иранский бог Тиштрия на стенной росписи Гулбиян в Афганистане, датируемой концом IV века⁴. Некоторые из этих деталей имеются на монетах, выпущенных во второй половине правления Хувишки, во время кризиса, который отмечен инфляцией, а также явным отсутствием контроля над религиозной иконографией и точностью легенд.⁵ К тому же корона, изображенная на картине (рис. 4 а), не соответствует в полной мере ни одному из обоих типов тиар, которые можно видеть на монетах Хувишки. Один из них в ромбе, другой просто закруглен (рис. 4 b, c). Главный элемент здесь – округлая шапка с передней частью наподобие фригийской, дополненная накладками и завязывающимися деталями из ткани. Другие детали, ранее неизвестные – два длинных матерчатых кофра – впереди ушей и двух других сзади, вероятно, при-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 6

Рис. 8

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 7

крывающих или заключающих пряди волос. У Хувишки, как и у правителя на нашей картине, гладко выбритый подбородок, но в отличие от последнего, Хувишка носил бакенбарды, которые были видны (рис. 4 с) в случаях, когда не были закрыты нащечником шлема при изображении его в виде воина (рис. 4 b). Эти различия могли бы указывать на иную идентификацию царя – не с Хувишкой, но с каким-то конкурентом, который имитировал бы царские атрибуты, подчеркивая разницу. Над головой царя, чуть позади, парит крылатый путти, который несет ленту, символизируя божественную защиту. Подобный путти представлен на кушано-сасанидском блюде Британского музея⁶ (рис. 5). Мотив изначально греческого или римского происхождения.

Перед сидящим царем виднеется верхняя часть лука, древко которого перевито крученой веревкой, и завершается шариком; справа от него расположен верх трубчатого колчана, снабженного закругленной ребристой крышкой. На блюде Британского Музея, в нижнем регистре центрального медальона, правитель, венчаемый сидящей богиней, держит в руке лук. Взгляд царя на картине направлен вниз, без сомнения, к коленопреклонному персонажу или юноше, что позволяет интерпретировать сюжет как сцену инвеституры. Он не смотрит на обоих стоящих перед ним людей; судя по высоте их голов, они выглядят мельче, чем любые другие и, следовательно, играют второстепенную роль в этой сцене. Каждый из них держит знак, украшенный солнечным диском и полумесяцем. Сохранилось лишь лицо самого высокого из них; по всей вероятности, его рот и подбородок закрыты ритуальной повязкой *padam*, привязанной нитью выше ушей, что позволяет идентифицировать его как зороастрийского жреца. От его служки, может быть также жреца, сохранился лишь лоб и верхняя часть зачесанной назад при-

чески. Позади них различимо сооружение, видимое в аксонометрической перспективе. Более в высоту, чем в ширину, оно снабжено обрамленной дверью и увенчано по углам загнутыми мерлонами – деталями, которые делают его сходным с культовым зданием, представленным на монетах Фратарака из Фарса (рис. 6 а, б).

Два высокопоставленных персонажа стоят за тронем. Оба они одеты в короткие туники, сильно расширенные книзу. Облегающие штаны и тяжелая обувь отличны от тех, что носят донаторы на рельефах Гандхары, но аналогичные им можно найти в Матхуре и на росписях II века в Фаязтепе в Термезе⁷, а также в костюме царя, изображенного на нескольких бронзовых монетах Хувишки (рис. 3 а). Туники обоих персонажей, так же как и царская корона, украшены нашитыми в ряд золотыми бляшками, которые мы видим уже в первом веке нашей эры в костюмах царского некрополя Тилля-тепе близ Бактр и в могиле Коктепе около Самарканда⁸. Первый вельможа не вооружен, он держит большое закрытое блюдо с ручкой на крышке, другой держит копье или стрелу с трехгранным наконечником. Похоже, что он одет в железную каску, показанную серовато-голубым цветом, который завершается назатыльником красного цвета. Видимо, они исполняют различные должности – один гражданскую, другой – военную, между тем как оба левых персонажа, если они действительно выходящие из храма жрецы, привносят религиозный оттенок в сцену. Таким образом, здесь перед нами в царском окружении изображены представители высших сословий.

Ценность этого уникального документа мне кажется тройственной. Предмет, воспроизводимый в многочисленных экземплярах, он предлагает нам первый известный образец живописной пропаганды кушанской Империи. Он подтверждает также то, что предполагалось уже давно, а именно, что наряду со стенной росписью – почти единственной дошедшей до нас живописью, древняя Центральная Азия знала живопись во многих других формах: деревянные панно, исторические свитки и, как здесь, картину на ткани. Наконец, эта картина, современная Марку Аврелию или Коммоду, напоминает о силе эллинистического наследия в Центральной Азии, в особенности в царском изображении.

Дополнение Франца Грене

Царский профиль практически совпадает с Хувишкой, таким, каким он фигурирует на одной замечательной золотой монете, недавно опубликованной Осмундом Бопеараччи (рис. 4а и б), и который приближается к наиболее поздним эмиссиям этого правителя⁹. Мы наблюдаем тот же самый реализм в отношении покато лба, раскосых глаз, загнутого крючковатого носа, усатого рта с приспущенными складками, круглого и выдающегося подбородка, который не выражен в такой же степени на других эмиссиях¹⁰. Определенно, Борис Маршак прав, отмечая, что главный элемент короны, «фригийская шапка», не встречается в точности на монетах Хувишки, но фактически корона не отличается от монетных корон более, чем последние различаются между собой. Приходится принимать в расчет схематизацию, связанную с гравировкой монет. Недавно опубликованный гандхарский рельеф, где центральный донатор – не кто иной как Хувишка¹¹ (рис. 7), показывает очень сложную корону, форма которой очень напоминает структуру короны, представленной на живописном изображении (см. в особенности навершие и ткань, завязанная по бокам), в то время как его сосед слева носит «фригийскую шапку». Корона, представленная на этом рельефе, помогает интерпретировать длинные клапаны, которые на картине спадают впереди и позади

уха: речь, скорее всего, должна идти не о футлярах, заключающих пряди волос, а о лентах, поперечные складки которых не были показаны художником – однако на ленте, несомой путти, также не было необходимости указывать больше складок. Они могли бы скрывать бакенбарды. Что касается коротких лент, нарисованных черным позади короны (две развевающиеся ленты под двумя другими слабо завязанными, расположенными неплотно одна над другой), то можно обнаружить их почти полную тождественность некоторым портретам Хувишки, и только его¹². Таким образом, по-моему, нет настоящих причин сомневаться в тождестве личности царя. Эти разные параллели в деталях портрета и короны предполагают скорее всего дату во второй половине его долгого правления, (которое длилось не менее 38 лет по его датированным надписям в Индии).

Так как тетива лука спадает со стороны царя, то именно он должен был держать его в правой руке, так же как и колчан. Представленные изображения, современные древнекушанскому периоду, показывают довольно широкие гориты, форма которых согласуется с кривизной лука: монеты Герая¹³ и пластины Орлата около Самарканда, на которых горит соединяется с двойным трубчатым колчаном¹⁴. Трудно поверить, чтобы царь на картине удерживал в одной руке подобный предмет. Вероятнее предположить, что лук был либо вытасен, либо помещен в узкий горит, который туго сжимал его. Парфянская монета правителя Артабана III (80-81 гг.н.э.) показывает его держащим такой же горит, из которого торчит верхний конец лука¹⁵ (рис. 8 b).

Оба сравнения, приведенные Б. Маршаком – существенны. С наиболее древними монетами Фратарака из Фарса картина разделяет не только схематический тип здания, без сомнения, храмового, в левой части (рис. 6 а, b), но также и другие элементы общей компоновки сцены; царь, опершийся о лук, знамена (одно знамя водружено справа от здания Фратарака¹⁶, два знамени поддерживаются руками священнослужителей на картине), эмблема инвеституры на самом верху; крылатый диск Фратарака, унаследованный от ахеменидской символики, у Хувишки замещается эллинистическим мотивом путти, несущего развязанную диадему; последний в иранском контексте интерпретируется, вероятно, как эмблема *khwarrah* (бактрийский *farro*), символ фортуны и царской легитимности¹⁷ Что касается кушано-сасанидского блюда из Британского Музея (рис. 5), оно показывает в верхнем регистре медальона подобного же путти, приносящего развязанную ленту персонажу, который не может быть никем иным, как царем, и в нижнем регистре царственный персонаж (он же, или его наследник?) который только что получил от сидящей дамы, определенно покровительницы царской власти (Анахита или ее бактрийский аналог Нана), корону с лентами и лук, который он держит руке¹⁸.

Несмотря на потерю левой нижней части картины, напряженный взгляд царя, устремленный в этом направлении, заставляет предположить там присутствие важного персонажа сцены. Можно было бы подумать о сцене изъявления покорности, ссылаясь на вышеупомянутые монеты Артабана III (рис. 8 b), где царь, держащий свой лук, получает почести от Тихе, олицетворяющей Селевкию на Тигре. На более древних эмиссиях Селевкии, принадлежащих Ороду II (около 57-38 гг. до н.э.) коленопреклонение Тихе не оставляет сомнения в иерархии главных действующих лиц (рис. 8 а). Но на картине присутствие служителей культа, и, вероятно, также храма, могло бы указывать скорее всего на сцену инвеституры, как предполагает В. Маршак. Единственный текст, который касается царской

коронации, отрывок Плутарха, Жизнь Артаксеркса, III.1-2, указывает, что это имеет место «в святилище воинственной богини, которой может быть Афина»; в этом одном пассаже можно распознать Анахиту в качестве воинственной защитницы царства. Это согласуется с передачей лука богиней на блюде из Британского Музея (рис. 5). Изображает ли живописная сцена царскую инвестицию наследного принца, которому лук вручается посредником царя-отца под божественным покровительством? В легенде о начале царской власти у скифов, переданной Геродотом (IV. 9-10), способность держать в руках отцовский лук провозглашает право властвовать. Эта идея приводится ниже в истории – настоящей или выдуманной, неважно – рассказанной тем же Геродотом (III. 30) о зарождении соперничества между Камбизом и его братом Смердисом: этот последний был единственным, кто мог справиться с луком, подаренном царем эфиопов.

Оба левых персонажа принадлежат, вероятно, зороастрийскому духовенству. Как это верно заметил Борис Маршак, тот, чье лицо почти полностью сохранено, носит *padām*. На более поздних изображениях бывает, конечно, что *padām* носит прислужник, но присутствие знаков и, вероятно, храма, склоняют к идее, что это культовый персонаж. Самый маленький персонаж мог бы быть *raspig* – помощником, сопровождающим *zot*, главного жреца. Он мог бы быть также простым служителем культа. Надпись из Рабатака (I. 21) упоминает, что царь Канишка, отец Хувишки, обеспечил храм *redge*, «отроками-помощниками»¹⁹.

Оба персонажа правой стороны (рис. 2), внушительные по своим размерам, как это хорошо подметил Борис Маршак, представляют соответственно гражданские и военные должности; так же, как жрецы левой стороны, они дополняют картину трех высших сословий индийского и иранского обществ: следует ли отказываться от толкования Дюмезиля, раз оно документально подтверждается? "Гражданский" персонаж, без вооружения, держит большое закрытое блюдо. Одна из возможностей, что оно содержит монеты, подобно подносам, которые приносят дарители в храме II Пенджикента²⁰ и, несомненно, конической вазе, которую подносит дарительница буддийского монастыря Фаяз-тепе, прикрыв ладонью²¹. В этом случае можно предложить идентифицировать высокопоставленное лицо с главой налоговой администрации – должности, эквивалентной «писцу податей» сасанидов, который, согласно «Книге венца» Ибн-аль-Мукаффы, появлялся во время аудиенции Нового Года рядом с царем, с главой магов, главой визирей и главнокомандующим²². Но блюдо могло бы быть также столовым блюдом, символизирующим скорее придворную должность, нежели административную. Источники, на которые можно сослаться с точностью в этом пункте, поздние, однако есть все основания думать, что эти должности восходят к древним традициям. При дворе хорезмшаха Мухаммада (1200-1221 гг.) упоминается *tastdār*, "податель блюда", который определяется как главный интендант двора²³. В нем можно узнать далекий прообраз «стольничего», упомянутого в сасанидскую эпоху (название известно только на арабском языке, через Tabari, I.1061: *ḡi'āsāt ashāb al-mā'idah*)²⁴ (русская параллель – *кравчий*, ныне устаревшее. *Примечание К.А.*) Обладатели этих должностей, подобно «царскому виночерпию» ахеменидов, известному по Геродоту, Ксенофону и Библии (Книга Ноеми, I.11), были, несомненно, важными лицами, олицетворяющими совокупность экономических функций государства. Имея контроль даже над самой жизнью царя, они были ответственны также за довольствие двора. Не удивительно, что один из последних сасанидских кравчих осуществлял фактически регентство под юным царем Арташиром III²⁵.

* * *

После этой информации П. Бернар представил следующие наблюдения:

«Предложенная нашим коллегой Б. Маршаком идентификация восседающего на троне царя, окруженного различными придворными персонажами, с кушанским правителем Хувишкой (153-191), преемником Канишки, или, если считать, что этот правитель обычно носит бакенбарды, которые отсутствуют здесь, с претендентом на трон, который был его современником, вызывает одобрение. Наличие нимба, обозначенного дугой перед головой и позади нее, на фоне которого изображено лицо, является благоприятным аргументом для идентификации с Хувишкой. Этот правитель был первым из кушанской династии, кто заставлял изображать себя на своем монетном чекане с этим божественным атрибутом²⁶. Массивное лицо, загнутый крючком нос, стиснутый рот с тонкими губами, выступающим вверх подбородком составляют портрет, который поражает верностью, без лести модели, но не умаляя естественного величия сцены и действующих лиц, произведение мастера, столь новой для своего времени живописью провозглашая уже искусство скорее Веласкеса, чем Лебрена²⁷. Я соглашусь с Ф.Грене в том, что длинные детали, которые опускаются от головного убора до плеч и падают по обе стороны левого уха (лицо показано в профиль), являются, скорее всего, не матерчатыми кофрами, в которые продеты пряди волос, как считает Б. Маршак, а лентами ткани, войлока или кожи, прикрепленными к высокому головному убору; сам убор, вероятно, кожаный или войлочный, усыпан жемчужинами и загнут вперед подобно фригийской шапке. Эти ленты могли быть и декоративным воплощением нащечника и назатыльника, которыми снабжен иранский башлык²⁸.

Отмечу наличие двух различных этнических типов. К первому принадлежат, в первую очередь, оба левых персонажа, от которых сохранились только верхние части голов; наиболее сохранившийся из них позволяет увидеть сплюснутый сзади череп и лоб, стянутый широкой повязкой: эти две детали очень напоминают портреты завоевателей юэчжей, предков кушан на сырцовых фризах дворца Халчаяна. Под короной восседающего на троне царя угадывается, что сам он имеет скорее узкий череп, хотя эта физическая особенность менее выражена, чем у двух других персонажей. Справедливо, что на монетах Хувишки эта физическая особенность также не отмечена четко, однако передают ли они сходство с царем вернее, чем картина? Вероятно, нет. Лоб, во всяком случае, явно покатый, как на головах номадов Халчаяна и, так же как у последних, косой разлет бровей. В целом, исключая прическу, портрет тронного правителя не лишен аналогий, не говоря о стиле, на монетах Герая.

Ничего нельзя сказать о вооруженном персонаже, крайнем справа, из-за потертости картины его черты нечетки и частично скрыты каской.

Вельможа слева от царя, который, как это хорошо отметил Б. Маршак, в отличие от вооруженного человека, изображенного позади него, выполняет придворные или административные функции, своей круглой головой и чертами безбородого лица относится к характерному европеоидному типу; если бы не обувь с широким закругленным носком, можно было бы принять его за знатного итальянца в картине Кватроченто. Таким образом, сцена объединяет вокруг восседающего правителя как его соотечественников, так и представителя местных народов, присоединенных к новой власти, может быть, это потомок древних греческих колонистов или выходец из местного бактрийского рода, ныне служащий

власти кушан.

Помимо крылатого путти, который витает над головой царя, дабы увенчать его диадемой, я охотно увидел бы другую примету западной традиции, освоенной в Центральной Азии более чем за два века греческого господства в том, как нижний край царской мантии, окрашенный в розовый, противопоставляется зеленому цвету ткани, развеваясь и образуя волнистые складки, характерные для греческой драпировки. Поразителен контраст с обоими персонажами правой стороны, чьи туники, отягощенные нашивками или жемчугом, образуют расширяющиеся вокруг бедер торсы без складок, жесткие, как панцири насекомых.

Кайма, которая образывает верхний край картины, украшена фризом, где повторяется растительный мотив, состоящий из четырех цветков, каждый с четырьмя зеленоватыми листьями, расположенными крестом, по диагоналям четыре больших красных цветка: наиболее близок к этой растительной композиции, мотив, использованный на ковре кургана N 5 Пазырыка, привезенном из Ирана или ахеменидской Бактрии: S.I. Rudenko, *Frozen Tombs of Siberia. The Pazyryk Burials of Iron-Age Horsemen*, 1970, pl. 174,175, рис. 141.

Этот исключительный памятник призван фигурировать во всех историях искусств Центральной Азии. Справедливо, что имя Бориса Маршака будет стоять первым в связи с этим открытием».

Сноски

1. Отчет G. Bonani, Швейцарский федеральный Институт Технологии (ETH) Цюриха, от 29 августа 2005: вероятность 94,6 % для даты между 74 и 258 гг.н.э., 4,5 % для даты между 299 и 321 гг.
2. Если не указано иное, иллюстрации монет заимствованы: R. Göbl, *System und Chronologie der Münzprägung des Kusânreiches*, Vienne, 1984.
3. H. Falk. The *yuga* of Sphujiddhvaja and the era of the Kusânâs // *Silk Road Art and Archaeology* 7 (2001), p. 121-136.
4. J.L. Lee et F. Grenet. New light the Sasanid painting at Ghulbiyan, Faryab province, Afganistan // *South Asian Studies* 14 (1998), p. 75-85, см. в особенности рис. 2, персонаж № 8.
5. См., например, Е.В. Зеймаль. Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983. с. 205-211.
6. В.Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты // *Эпиграфика Востока*. 18 (1967), с. 28-29, рис. 6; P.O. Harper et P. Meyers, *Silver vessels of the Sasanian period, I: Royal imagery*, New York, 1981, p. 108-110, fig. 35.
7. Л.И. Альбаум. Живопись святилища Фаязтепа // *Культура среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство*. под ред. Г.А. Пугаченковой. Т., 1990. с. 23-25. рис 3 и 4.
8. См. по этому поводу С. Rapin *el al.* La lombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand. *CRAIBL* 2001 (fasc. I [janvier-mars]), p. 33-92.
9. О. Ворепараччи. Récent archaeological discoveries from Afghanistan and Pakistan // *Bulletin of Miho Muséum* 5 (2005). p. 19-25, в особенности p. 25 et fig. 41, который я воспроизвожу здесь. В классификации Göbl (op.cit. [N. 1]) наиболее близкие аналогии находят с типами 280-287 (мастерская А. 4-ая, т.е. последняя эмиссия), тип XVIII в таблице портретов pl. 158.
10. См. однако, откровенно карикатурное изображение типа 290, 1-ой эмиссии, типа XX из pl. 158 (воспроизведенный здесь на рис. 4 с).
11. О. Ворепараччи. Op.cit. (n 9). с. 25 и рис 40. Я воспроизвожу рельеф согласно оригинальной фотографии, любезно предоставленной автором.
12. R. Göbl. Op. cit. (N. 1). с. 158. типы XI, XII, XIII, XIV, XVII, XIX, XXII. Все относятся к 3-ей и 4-ой эмиссии.
13. Многочисленные воспроизведения в The "Heraus" coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, с. AD 30-80, in M. Priss. A. Burnett et R. Bland (éd.). *Essays in honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins*, Londres. 1993, p. 107-134. pl. XXIII-XXVII.
14. J. Пыасов. Covering tails and "flying" tassels // *Iranica Antiqua* 28 (2003). p. 292-300 et. pl.VI.VII.X. 3-4.
15. D. Sellwood. *An introduction to the coinage of Parthia*, Londres. 1971. n° 74/1-5: V.S. Curtis. Dress of

the impérial court. in Ph.J. Godrej et EP Mistree (éd.). *A Zoroastrian tapestry. Art, religion and culture*. Ahmedabad. 2002. p. 545-546. fig. 11b (приписанный здесь по ошибке Пабору II: к тому же тот и другой автор ошибочно интерпретируют лук в горите, который держит царь, как диадему или развязанный пояс, который держит Тихе).

16. О знаменах, сохранившихся в храмах, можно прочесть относящиеся (надлежащие) анализы A. Jong. *Vexillologica sacra: searching the cultic banner*, in C.G. Cereti. M. Maggi et E. Provasi, *Religious thèmes and texts of pre-Islamic Iran and Central Asia. Studies in honour of Professor Gherardo Gnoli on the occasion of his 75th birthday on 6th December 2002*. Wiesbaden. 2003, p. 191-202.

17. На эмиссии Ватрадата I, иной, чем та, что я привожу здесь (рис 6 b), символ крылатого диска заменяется символом Nike, венчающей царя (M. Alram. *Numina prupria iranica in nummis*. Vienne. 1986. vol. 2. n° 544)

18. Тронный персонаж в верхнем регистре медальона не может быть богом, так как не встречено ни одного божества, получающего от небесного посланца инвеститурную ленту. Стоящий персонаж, которому он вручает кольцо, не является ни божественным, ни царственным (он – единственным из четырех, у которого нет никаких лент, ни на голове, ни на диадеме, которую он получает). Я полагаю интерпретировать его как вельможу, может быть, владельца блюда (у пирующего в центре периферийной сцены так же нет лент).

19. N. Sims-Williams. Further notes on the Bactrian inscription of Rabatak, with an Appendix on the names of Kujula Kadphises and Vima Taktu in Chinese, in Id. (éd.). *Proceedings of the Third European Conférence of Iranian Studies*. Wiesbaden. 1998, p. 87-88.

20. А.М. Беленицкий. Б.И. Маршак, В.И. Распопова. Раскопки городища Пенджикента в 1978 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. № 18 (1984), с. 231 (без иллюстраций).

21. Э.В. Ртвеладзе. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Т., 2002, рис. на с. 166. Деталь видна хорошо только на оригинале, выставленном в Музее Истории Узбекистана в Ташкенте, и который все еще не является предметом полноценной публикации. Хотя в его прическе рога, персонаж не является Александром, как этого хотел бы Ртвеладзе (loc. cit. легенда документа), но богатой дарительницей, которая сопровождает своего мужа, идущего рядом со своей лошадью.

22. M. Grignaschi. Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // *Journal Asiatique* 254 (1966). cc. 103-107 (арабский текст), cc. 129-132 (перевод).

23. Abū'l Fidā'. *Abulfedae annales muslemici arabice et latine*, éd. J.J. Reiske. Copen-hague. 1789-1794. vol. 4. p. 378 (арабский), 379 (латинский). Об этом тексте и об иконографии царственной знати в исламском Иране, см. Y. Karev. *Qarakhanid wall paintings in the citadel of Samarqand: first report and preliminary observations*. *Muqarnas* 22 (2005). p. 45-84, в особенности с. 72-73.

24. *The History of al-Ṭabarī. V: The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen*, translated and annotated by C.E. Bosworth. Albany. 1999. p. 400.

25. Там же.

26. R. Göbl. *System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches*, Vienne, 1984, p. 14. 36-37. pl. 158.

27. Шарль Лебрэн (Ле Брен) – французский художник XVII века, основатель Королевской академии живописи и скульптуры. Создатель официального придворного стиля Людовика XIV (*примечание К.А.*)

28. О формах иранских башлыков с эллинистической эпохи, см. тиары царей и божеств Коммагены, владетелей Суфены, царей Персиды первых парфянских эмиссий и т.д. На некоторых монетных портретах Вимы Кадфиза отличаем два длинных волнистых придатка отростка), прически, падают на плечи которые освобождаются, ее причесывает, и которые не могут смешаться ни с концами диадемы, которые уходят на затылок, ни с отдельными прядями волос: Göbl. Op. cit. (N. 26), pl. 157/1, II, X, XI. R. Göbl отметил эту деталь и думал, что это речь могла идти о креплении лоскута ткани, стягивающей волосы под головным убором (с. 24), что маловероятно. Кроме того, что речь идет о двух правителях, принадлежащих к той же династии и не столь удаленной во времени, аналогия с этими монетными портретами кушан тем заманчивее, что "ленты" не скрывают ушей в отличие от нащечника и назатыльника настоящих башлыков, как в случае монетных изображений, упомянутых в начале этого примечания.

Перевод с французского Казима Абдуллаева, 2010.

Марина Реутова
Узбекистан

НОВЫЕ НАХОДКИ ГЛИНЯНО-ГАНЧЕВОЙ СКУЛЬПТУРЫ НА КАРАТЕПА И ИХ КОНСЕРВАЦИЯ

За время раскопок буддийского комплекса Каратепа Узбекско-японской экспедицией (раскопки начаты в 1998 году) было обнаружено большое количество фрагментов глиняно-лессовой и каменной скульптуры. Четыре расчищенные скульптуры сохранились почти полностью, отсутствовали только головы персонажей. Однако в большинстве случаев мы встречаем скульптуру в виде обломков различной величины. Особенно сильно пострадала скульптура, изготовленная из глины и ганча. При археологическом исследовании памятника скульптуру находили как в нишах *in situ*, так и сброшенную с постаментов. Многочисленные куски скульптуры мы находили на полу помещений или собранными в определенном месте. Например, значительное количество фрагментов от различных скульптур было складировано в юго-западном углу двора большой ступы на северном холме.

Новые оригинальные фрагменты глиняно-ганчевой скульптуры и архитектурного декора были обнаружены и обработаны в последние три года. Работы по консервации этого материала были сосредоточены на северном холме буддийского культового центра Каратепа. Они проводились в помещении 60, выходящем в северный обводной коридор большой ступы, и в западной части двора, где располагались три ниши шириной 1,9-2,1 м.

В помещении 60 при его расчистке в 2005 году были обнаружены четыре большие ступни от крупных глиняно-ганчевых скульптур [Пидаев, 2006, с. 183-191]. Три ступни находились рядом на одной суфе. Две из них принадлежат одной скульптуре. От другой скульптуры сохранилась лишь правая стопа. Фрагменты находились *in situ*. Разрушенная четвертая ступня от третьей фигуры обнаружена в юго-западном углу помещения.

Поверхность суфы, на которой стояли пристенные скульптуры, была окрашена в насыщенный красный цвет, по которому рисовались мелкие черные пятилепестковые цветы. На стенах также были росписи. Но от них сохранились только белые и черные размытые пятна. Судя по размерам ног (70x27 см), стоящие статуи были значительных размеров. Их высота могла достигать приблизительно 3,7-4 метра. В помещении также было обнаружено несколько мелких фрагментов одежды. Однако крупных частей скульптуры встречено не было. Возможно, что после ее разрушения куски были вынесены в другое место или использованы как строительный материал (для замеса глины при формовке кирпичей или забутовки).

После тщательной расчистки поверхности фрагментов ног от лесса стало видно, что они ранее были окрашены в теплый розовый цвет. Краска сохранилась местами. Ступни одной фигуры были обуты в сандалии с крупными пряжками, которые сохранились лишь на одной ноге. Скульптура была выполнена очень реалистично, с тщательной проработкой деталей. Об этом можно судить по пластической моделировке сохранившихся ног персонажей. При их лепке анатомически правильно соблюдены размеры и форма пальцев ног и самой ступни. С особой тщательностью проработаны ногти и суставы пальцев ног.

Как показал анализ найденных в помещении материалов, установка здесь скульптурных изображений была связана с последним периодом обживания монастыря и датируется второй половиной III – началом IV вв.н.э.

При расчистке завала в помещении 60 также было обнаружено шестнадцать небольших фрагментов одеяния персонажей. Двенадцать фрагментов представляют собой остатки от складок одежды. Одни куски окрашены белой краской, а другие – светло-коричневой, третьи – розово-красной. Также был встречен фрагмент плеча небольшой скульптуры с тройной складкой от одеяния. Расчищен фрагмент предплечья розового цвета размером 6х16 см и фрагмент выпуклой части скульптуры с остатками светло-коричневой краски размером 14х15 см. Все куски скульптуры были расчищены, закреплены растворами консерванта, обклеены марлей и извлечены из завала. Несомненно, что они принадлежали скульптурам, находившимся ранее в помещении 60. Также были обнаружены лежащие вразброс пять пальцев рук, разбитый на несколько частей ободок с треугольными налестками, украшавший шею одного из персонажей, две крупные розетки, окрашенные белой краской и крупный улиткообразный завиток волос. Пальцы рук были изображены прямыми. Размеры полностью сохранившихся пальцев – 14, 15, и 21 см. Они принадлежали разным скульптурам, так как на одних пальцах ногти овальной формы, а на других – треугольной. Возможно, что некоторые из них принадлежали скульптуре стоящего Будды. В его каноническом изображении руки находились в позиции абхайя-мудра (знак развеянных опасений или жест увещевания). Здесь правая рука приподнята ладонью наружу, а левая придерживает край одежды [Пугаченкова, 1982, с. 44]. Очевидно, что обнаруженные в раскопе пальцы были от правой руки.

В процессе расчистки тыльной стороны фрагментов скульптуры из помещения 60 была прослежена техника ее изготовления. Поскольку нами были обнаружены лишь обломки скульптур, то мы не имеем возможности судить о ее каркасе. Однако, ориентируясь на размеры фигур, можно предположить, что это были сырцовые кирпичи. Возможно, что это был типичный каркас из жгутов камыша или деревянных брусков. Их поверхность послойно обмазывались глиняным тестом, содержащим значительное количество самана. Этой скульптурной массой древним мастером вчерне формировались общие очертания фигуры. Поверх глиняной болванки наносился моделирующий слой из хорошо отмученной глины с добавлением черного песка и камышового пуха, которые вводились для предотвращения усадки скульптурного теста. Толщина этого слоя около 1 см. Затем поверхность скульптуры проклеивалась слоем ткани, на которую послойно наносился ганч. Ганчевой массой осуществлялась моделировка отдельных деталей (складки одежды). Завершающим процессом изготовления скульптуры было ее окрашивание минеральными красками, замешанными на растительном клеевом составе, и украшение наклеиваемыми деталями. В данном случае мы можем говорить только о крупных розетках, которые обнаружены в раскопе. Прическа одного из персонажей была украшена улиткообразными завитками, один из которых также был найден нами. Отдельно, из пластичной глины коричневого цвета, формировались пальцы рук, которые затем приклеивались к кисти. В этом раскопе нами были встречены куски скульптуры, у которых моделирующий слой был покрыт слоем жидкой глины. Она наносилась кистью, следы ворса которой хорошо видны на этом тонком "лакирующем" слое. Данный прием прослежен нами на фрагментах, у которых отсутствовал красочный слой и в технике обработки скульпп-

туры встречен впервые.

Таким образом, судя по сохранившимся остаткам скульптурных изображений, они были воспроизведены в два раза больше натуральной величины. Эти новые находки монументальных скульптур на Каратепашний раз указывают на широкое распространение в художественной скульптуре кушанской Бактрии III-IV вв. н.э. техники изготовления монументальных скульптурных изображений буддийского характера.

Оригинальный материал был обнаружен при расчистке трех ниш, оформлявших западный обводной коридор двора большой ступы. В северной нише скульптура отсутствовала, но боковые стены были украшены выпуклыми рельефными налестками. Во второй нише находилась разрушенная скульптура Будды. В третьей нише также находились остатки скульптурной композиции, которую составляли восемь персонажей. Это Будда и его ученики.

Две стены северной ниши украшали выпуклые рельефные налестки (рис. 1). В процессе отделения фрагментов архитектурного декора от стены и обработки тыльной стороны, мы проследили технику их выполнения. Сначала на стену ниши в несколько слоев наносилась саманная штукатурка толщиной от 7 до 10 см. Штукатурка была побелена. Видимо, таким было первоначальное, довольно незатейливое, оформление ниши. Затем (в процессе изменения общего дизайна ниши во время ремонта?) на побеленную поверхность наносилось глиняное основание "буклей". Их поверхность оклеивалась слоем ткани, обмазывалась ганчем и тщательно заглаживалась. "Букли", видимо, были окрашены светло-коричневым цветом, кое-где – зеленым. Краски на ганчевой поверхности практически не осталось. Лишь в одном месте, в углублении рельефа прослеживаются остатки коричневой краски, а в другом – зеленой. Оставшееся свободное пространство на стенах ниши покрыли росписью. Сохранились редко разбросанные белые пятилепестковые цветы и цветы в виде розочки насыщенно – розового оттенка. Фрагментов скульптуры в нише не обнаружено.

Во второй нише были обнаружены остатки скульптуры сидящего Будды. *In situ* сохранилось лишь левое колено и часть разрушенной центральной части скульптуры. Правое колено Будды отсутствует. На расчищенной поверхности подиума мы наблюдаем лишь его светлое контурное очертание. Ганчевое покрытие скульптуры полностью утрачено. Однако хорошо сохранилась гладко заглаженная моделирующая глиняная обмазка.

В процессе расчистки завала перед подиумом мы обнаружили массовое скопление обломков упавшей верхней части скульптуры (рис. 2). Здесь было расчищено 17 кусков различной величины. Фрагменты лежали хаотично. Хорошо сохранился крупный кусок левого плеча и части руки скульптуры, задранированные складками одежды. Все куски скульптуры были укреплены и извлечены из завала. После расчистки их лицевой стороны стало ясно, что скульптура некоторое время находилась под открытым небом. За это время её ганчевое покрытие полностью смылось, а на сохранившейся глиняной обмазке мы видим потеки мелкодисперсного лесса, намывшихся дождями. Однако можно сказать, что одеяние Будды было красного цвета. В одном месте в заломе складки сохранились следы красной краски.

При расчистке завала возле третьей ниши было встречено кусок архитектурной глиняной детали, лежащей вниз лицом. После проведения соответствующих консервационных работ он был извлечен из завала, а лицевая сторона расчищена от

Рис. 1. Оформление ниши

Рис. 2. Фрагменты скульптуры в нише

*Рис. 3.
Архитектурная
деталь с грифоном*

*Рис. 4. Фрагменты головы
скульптуры до реставрации*

*Рис. 5. Голова скульптуры
после реставрации*

лесса. В процессе расчистки верхней части выявилась ровная площадка, в одном углу которой находилась голова грифона, оформленная только с одной стороны (рис. 3). Головка грифона на изогнутой шее поднималась на высоту 5 см над уровнем площадки. Она выполнена очень реалистично. У птицы мощный клюв, хорошо выделенные глаза и хохолок. Шея грифона украшена характерным выступающим воротником, оформленным прямыми линиями и резными ромбами, имитирующими оперение. Она плавно переходит в изгибающийся край "капители". Создается впечатление, что это распростертые крылья птицы. Боковая поверхность "капители" с одной стороны украшена лентой из шести рельефных плавно изгибающихся линий. Между двумя нижними линиями выполнен узор из треугольников. В одном месте на ленте сохранился полностью коррозированный железный гвоздь. Возможно, что он использовался для крепления данной архитектурной детали к стенке ниши. С другой стороны край "капители" гладкий и на нем находятся небольшие выпуклые двухступенчатые детали. Они формовались отдельно и жидким ганчем приклеивались к поверхности. Грифон, верхняя площадка, а также верхняя часть изгибающейся ленты окрашены в насыщенный красный цвет. Нижняя часть ленты покрыта голубой краской. Нам пока еще неясно, какую части ниши украшал этот оригинальный фрагмент.

Очень интересной находкой является голова мужского персонажа, обнаруженная фрагментарно. Голова персонажа до и после реставрации представлена на рис. 4 и 5. Высота головы 16 см. Лицо, окрашенное в теплый розовый цвет, сохранилось почти полностью. У персонажа нос с небольшой горбинкой. Кончик носа отбит. Мы видим черные вразлет брови, нарисованные по границе выпуклых надбровных дуг. Глаза миндалевидные, с припухшими верхними веками, которые обведены черной краской. Зрачки глаз окрашены в черный цвет, но рельефно на ганче они не выделены. На обеих щеках имеются неглубокие вдавления около 1 см в диаметре. У персонажа волевой подбородок, который подчеркнут небольшой прорезью под нижней губой. Рот очень хорошо очерчен. Ближе к концу губ расположены короткие усы. От их черной окраски сохранились лишь следы. Усы не приклеены (как мы наблюдали в других случаях), а вылеплены вместе с остальными элементами головы. Волосы человека окрашены в черный цвет. Около ушей мы видим короткие пейсы, с прочерченными волнистыми линиями. Лоб украшают завитки в виде полумесяцев. Они не приклеены, а вырезаны в ганчевом монолите. В целом лицо изображено очень реалистично и индивидуально. Возможно, данный персонаж – донатор, передает в своем образе одного из представителей местной знати.

Таким образом, проведенные консервационные и реставрационные работы позволили выявить и сохранить новые оригинальные фрагменты монументальной глиняно-ганчевой скульптуры и архитектурного декора Каратепа. Обнаруженный нами оригинальный материал позволяет сказать, что древние мастера, используя накопленный собственный опыт, местные традиции и учитывая разработанные каноны буддийского искусства, создавали великолепные образцы буддийского монументального искусства, которые мы обнаруживаем в ходе археологических раскопок.

Использованная литература

Пидаев Ш.Р., Като К. Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепа. // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. Т., 2006.
Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М., 1982.

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА

Памятникам Бактрии античного периода, давшим разнообразный материал, свидетельствующий о высоком уровне социального и экономического развития проживавшего здесь в то время населения, посвящена большая литература. Среди этих публикаций известны работы, в которых исследуются изделия, сделанные из меди её и сплавов. Чаще всего металлические предметы рассматривались параллельно с другими материалами и при этом основное внимание археологи уделяли морфологическому анализу находок. Данные же о химическом составе изделий нашли незначительное отражение в печати. На сегодняшний день опубликовано лишь пять статей (Лёвушкина. 1981, 1989, 2001; Рузанов. 1986, 2005), освещающих результаты спектрального анализа и металлургическую характеристику медно-бронзовых предметов из античных памятников Бактрии. Однако все эти работы описывают цветную металлообработку племён, проживавших в Северной Бактрии. Что касается южной территории этого государства, то сведений о химическом составе найденного здесь металла нет. Поэтому вопросы технологического характера южно-бактрийской металлообработки античного времени остаются открытыми.

В настоящей статье мы познакомим читателя с результатами спектрального анализа и статистической обработки данных химического состава медно-бронзовых изделий из городища Дильберджин.¹

Дильберджин, раскопки которого проводили советские и афганские археологи в 70-х годах прошлого столетия, расположен около одноимённого селения в 40 км к С-З от г. Балх. По мнению авторов исследований И.Т. Кругликовой (1974, 1986) и Г.А. Пугаченковой (Кругликова, Пугаченкова, 1977), этот город являлся центром одного из оазисов Северного Афганистана и функционировал около тысячи лет. Поднятые при раскопках памятника материалы относятся к ахеменидскому, греко-бактрийскому, кушанскому и кушано-сасанидскому времени. Дильберджин дал разнообразные археологические материалы, в том числе предметы из цветного металла: оружие, украшения и монеты. У некоторых из них нами были взяты образцы металла на анализ. Спектральному анализу удалось подвергнуть 13 находок из этого памятника. В их числе: три наконечника стрелы, серьга, обломок браслета, видимо, ручка от сосуда, две монеты и четыре фрагмента изделий с неопределённым функциональным назначением (рис. 1, таблица 1).

Результаты спектрального анализа металла из Дильберджина показали, что десять предметов сделаны из меди её сплавов, а три фрагмента пластинчатых изделий с неопределённым функциональным назначением изготовлены из серебра. Химический состав дильберджинских вещей на медной основе насыщен примесями. Здесь в различных концентрациях представлены олово, свинец, цинк, висмут, серебро, сурьма, мышьяк, железо, никель и кобальт. В некоторых предметах зафиксировано золото. Ряд изделий выделяется весьма большой концентрацией олова, свинца, цинка и эти примеси можно рассматривать как искусственные добавки в медь для получения сплавов разного состава. В их числе – оловянный, оловянно-свинцовый, оловянно-цинковый, цинковый, цинково-свинцовый, мышьяково-свинцовый и цинково-свинцово-оловянный сплавы. Как свиде-

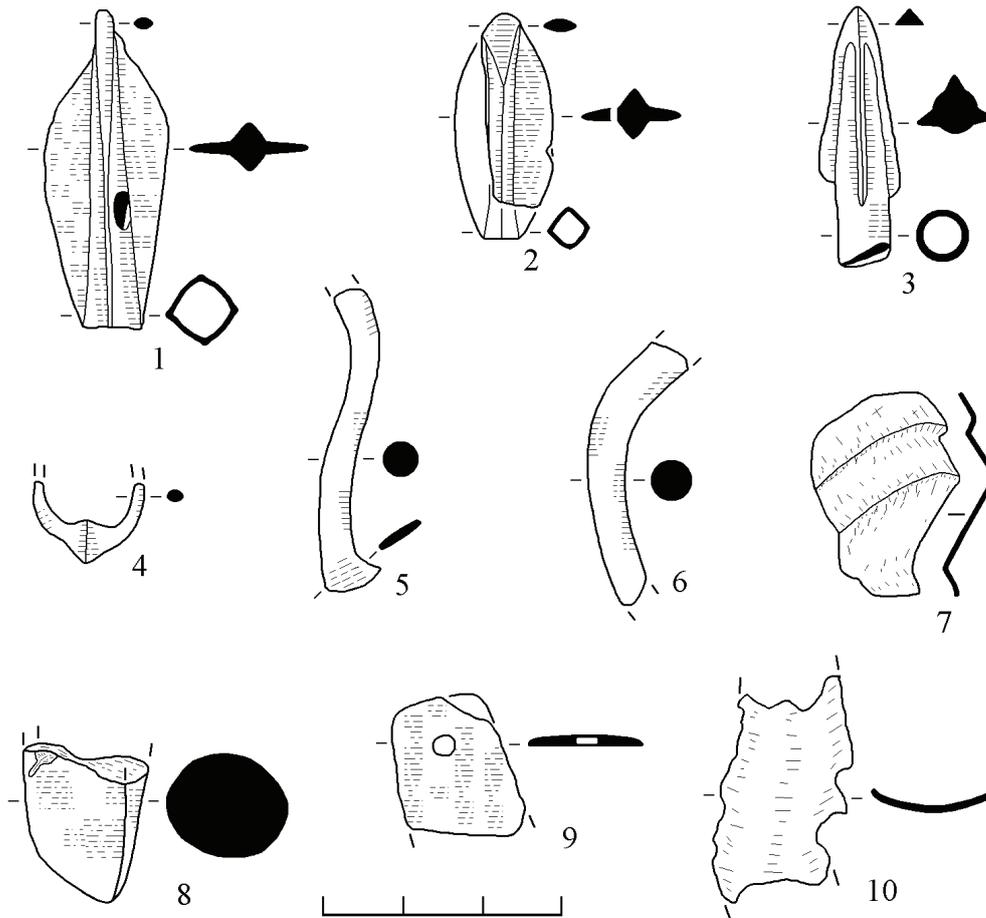

Рис. 1. Дильберджин

Таблица 1.

Шифр лабор.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
34207	Осн.	0,026	0,25	0,57	0,0057	0,0069	0,0062	1,4	1,8	0,0082	0,011	-
34208	Осн.	4,2	0,004	0,95	0,0057	0,0004	0,0013	0,033	0,32	0,0057	0,0027	-
34209	Осн.	1,9	1,3	0,001	0,014	0,0004	0,031	0,23	0,016	0,011	0,0017	0,0001
34210	Осн.	0,023	0,006	0,02	0,002	0,0005	-	0,002	0,007	0,0068	0,0036	-
34211	Осн.	0,003	0,005	0,19	0,002	0,0003	-	0,003	0,009	0,0052	0,0022	-
34212	Осн.	0,68	3,0	16,0	0,0035	0,06	0,018	0,21	1,5	0,046	0,025	0,0035
34213	Осн.	0,033	0,011	0,029	0,0013	0,0024	0,0019	0,13	0,65	0,038	0,02	0,0002
34214	Осн.	0,23	0,72	36,0	0,0016	0,0003	0,0012	0,009	0,65	0,0062	0,0039	0,0001
34215	1-3%	0,001	0,2	0,006	0,11	Осн.	-	-	0,0018	0,0002	-	0,84
34216	Осн.	1,9	0,011	0,006	0,0063	0,35	0,0013	0,092	0,0018	0,077	0,025	0,0093
34217	Осн.	0,012	0,059	18,0	0,0007	0,0015	0,0006	0,001	0,086	0,0025	0,0013	-
34218	1-3%	0,005	0,038	0,003	0,0014	Осн.	-	0,001	0,018	0,0003	-	0,085
34219	1-3%	0,001	0,58	1,0	0,012	Осн.	-	0,001	0,004	0,0002	-	0,027

Примечание. Металл изделий анал. 34207-34209, 34212-34214, 34216, 34217 выплавлен из руды полиметаллических месторождений; металл предметов анал. 34210, 34211 - из руды месторождений медистых песчаников. Изделия анал. 34215, 34218, 34219 сделаны из серебра. Наконечники стрел: анал. 34207, рис.1:1; анал. 34208, рис.1:2; анал. 34209, рис.1:3. Серьга, анал. 34212, рис.1:4. Обломок ручки сосуда: анал. 34213, рис.1:5. Обломок браслета: анал. 34214, рис.1:6. Фрагменты не определенных изделий: анал. 34215, рис.1:7; анал. 34216, рис.1:8; анал. 34217, рис.1:9; анал. 34218, рис.1:10. Монеты: анал. 34210; анал. 34211.

Условные обозначения. «Осн.» - основа сплава, «-» - элемент не обнаружен.

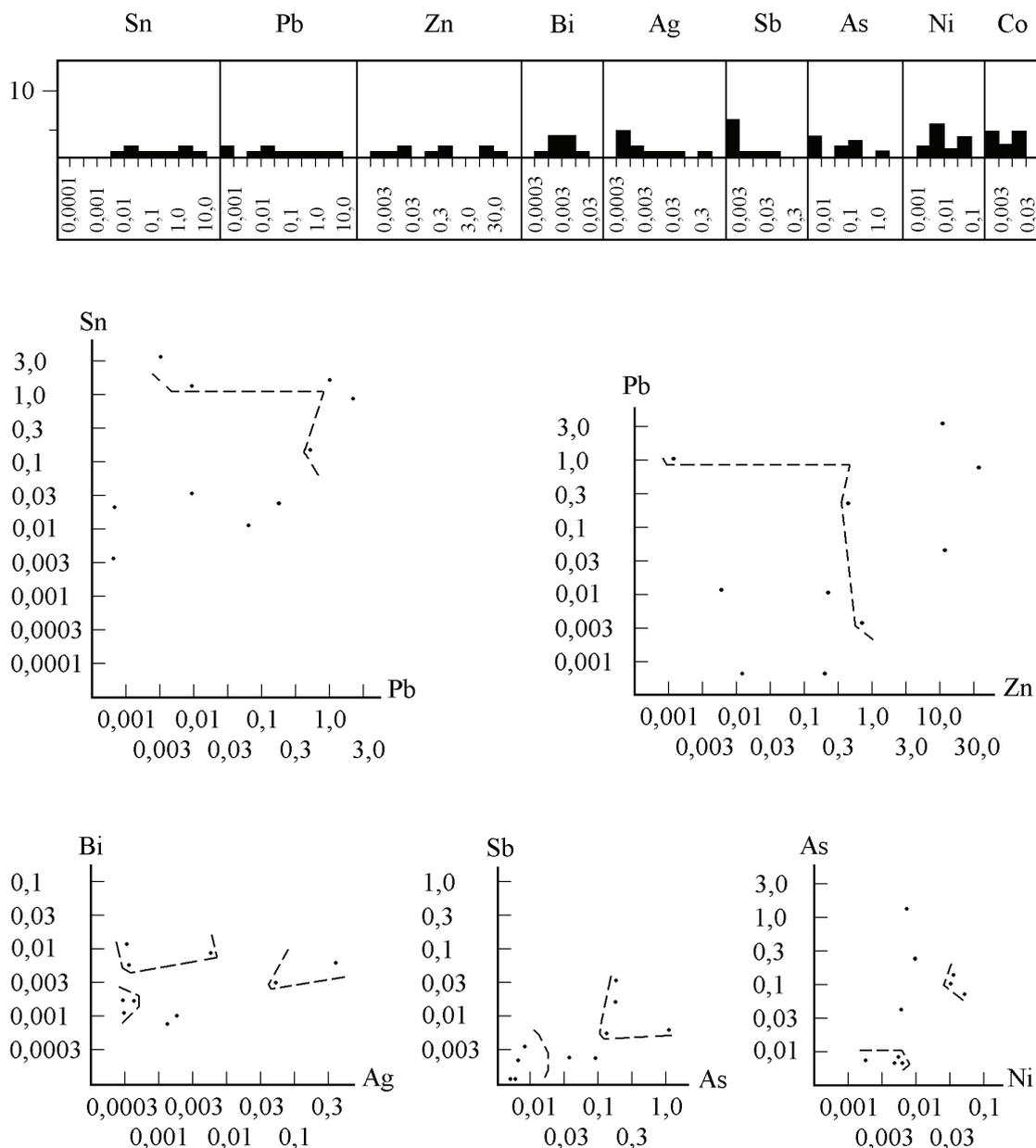

Рис. 2. Частотные гистограммы и корреляционные графики примесей к меди городища Дильберджин

тельствуют корреляционные графики пар примесей, олово-свинец и свинец-цинк (рис. 2), граница искусственного ввода лигатур в медь проходит в интервале 0,6-1,0%. Среди находок из Дильберджина обращают на себя внимание серьга, фрагмент пластинки с отверстием и обломок браслета, имеющие очень высокое – 16%, 18%, 36% содержание цинка. Остальные легирующие примеси присутствуют в меньших количествах, не превышающих для олова 4,2%, свинца 3% и мышьяка 1,4%. Кроме вышеупомянутых сплавов употреблялась «чистая» медь.

Анализ соотношения металлургических групп с категориями изделий не выявил строгой взаимосвязи между этими показателями в дильберджинской коллекции. Некоторым исключением являются монеты, для изготовления которых

использовалась только «чистая» медь. Из меди без искусственных присадок также сделана ручка от сосуда. Серьга и браслет изготовлены из цинково-свинцово-оловянного и цинково-свинцового сплавов. Наконечники стрел отлиты из оловянно-цинкового, оловянно-свинцового и мышьяково-цинкового сплавов. Наблюдаемое рецептурное различие для изделий свидетельствует, скорее всего, об их хронологической разнице и разных производственных мастерских, где они были сделаны.

Прочие, отмеченные в дильберджинском металле, примеси – это висмут, серебро, сурьма, железо, никель и кобальт носят естественный, геохимический характер. Корреляция пар примесей висмут-серебро, сурьма-мышьяк и серебро-никель (рис. 2), указывает о химической неоднородности металла из Дильберджина. Проанализированные образцы могут быть подразделены на три химические группы, различающиеся между собой содержаниями серебра, висмута и никеля. Большая часть дильберджинского комплекса характеризуется металлом, выплавленном из руды полиметаллических месторождений. При этом наличие в ряде изделий большого количества примеси железа (0,32-1,8%) свидетельствует об использовании сульфидных руд. Вместе с тем употреблялась медь медистых песчаников, о чём говорят маленькие содержания элементов-примесей. Из такой меди отлиты монеты.

В связи с небольшой серией исследованных изделий мы пока не будем делать какие-либо заключения о динамике употребления типов сплавов.²

Отметим лишь, что в ахеменидском периоде, металл которого характеризуют наконечники стрел, применялись такие сложные типы сплавов, как оловянно-цинковый, оловянно-свинцовый и мышьяково-цинковый.

В кушанское время, судя по данным химического состава монет, употреблялась «чистая» медь.³ Однако думается, что такой сплав был не единственным в практике местных литейщиков в это время. Принимая во внимание разнообразие рецептуры сплавов в металлообработке Северной Бактрии в I-III вв. н. э., можно предположить, что на столь же высоком технологическом уровне функционировало металлообрабатывающее производство и на юге государства.

Рудная база Афганистана богата металлическими полезными ископаемыми. Здесь известны медные, полиметаллические, оловянные месторождения и рудопроявления (Абдулла, Чмырёв. 1980). Некоторые из них эксплуатировались в древности, о чём свидетельствуют встреченные здесь выработки и следы металлургического производства. К сожалению, афганские рудные источники археологически изучены слабо. Их исследованием занимались французские специалисты, которые провели разведку 12 месторождений и рудопроявлений меди, олова и золота, расположенных в провинциях Герат, Фарах, Кандагар, Газни, Майдан, Логар, Каписа и Баглан (Berthoud et aut. 1977). Среди них, судя по керамике и данным радиоуглеродного анализа, медное рудопроявление Айнак (провинция Логар) разрабатывалось в кушанское время. Остальные объекты этой группы остались хронологически неопределёнными.

Многие учёные полагают, что именно афганские касситеритовые рудопроявления являлись главным источником олова для металлургии племён Древнего Востока в эпоху энеолита и бронзы (Moorey. 1985, p. 128; Stech, Pigott. 1986, p. 44-47; Muhly and ath. 1991, p. 117; Pigott. 1999, p. 117; Reiter. 1999, p. 166). Думается, что некоторые из них могли разрабатываться и в более позднее время, в том числе в период функционирования Дильберджина и снабжать оловом кузнецов

этого города. Возможно, что медь дильберджинских изделий, которая, как мы полагаем, выплавлена из руд полиметаллических месторождений, также имеет местное, афганское происхождение. Правда, данное заключение вряд ли касается меди монет, полученной из руд медистых песчаников, поскольку месторождений такого типа, согласно геологическим данным, на территории Афганистана нет. Однако они известны в горах Южного Гиссара на юге Средней Азии. Особенно богат месторождениями медистых песчаников Гаурдакский рудный бассейн, находящийся в Юго-Восточном Туркменистане (Русаков, Королёв, 1935, с. 41-43). Судя по химической близости здешних руд к бактрийскому металлу, можно предположить, что некоторые гаурдакские рудопроявления служили источниками меди, использовавшейся в монетном деле, как в Северной, так и Южной Бактрии.

В заключение отметим, что при сегодняшнем положении в области древней металлургии и металлообработки Бактрии, характеризующейся слабой археологической изученностью рудных районов, ограниченной информацией о химическом составе изделий и геохимии медно-оловянных месторождений, изложенные в нашей статье выводы можно рассматривать как предварительные, определяющие направление поиска источников сырья. В этой связи необходимо продолжить исследования античного металла и обследование месторождений Бактрии.

Сноски

1. Спектральный анализ изделий из Дильберджина был проведён в лаборатории спектрального анализа московского Института археологии АН РФ.
2. Решение этого вопроса дополнительно осложняет отсутствие сведений о месте нахождения предметов. Так, переданные на анализ в лабораторию спектроаналитического изучения наконечники стрел не имели полевого шифра. В известных нам публикациях (Кругликова, 1974; Кругликова, Пугаченкова, 1977), посвященных городищу Дильберджин, наконечники стрел с такой морфологией отсутствуют. В тех же работах мы не нашли каких-либо данных о сережке, обломка браслета и ручки от сосуда, хотя в поле эти находки были обозначены под следующим индексом: Р, с. III, зап. р. пом. 27 и С. II, пом. 25 (1972 г.).
3. Датировка спектрально изученных монет из Дильберджина определена К. Абдуллаевым, в связи с чем автор приносит ему благодарность. Хронологическая принадлежность фрагментов предметов исследованной нами серии к периодам функционирования города не установлена.

Использованная литература

- Абдулла Ш, Чмырёв В.М. Геология и полезные ископаемые Афганистана. Ч. 2. М., 1980.
- Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Ч. 1. М., 1974.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970-1973 гг.). Ч. 2, М., 1977.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1986.
- Лёвушкина С.В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии // В кн. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаева «Каталог древних монет Южного Узбекистана». Т., 1981, сс. 94-119.
- Лёвушкина С.В. О химическом составе металла из могильников кушанского времени в Дальверзинтепа, Ялангтуштепа, Айратаме // Сб. «Консервация и реставрация музейных художественных ценностей». Вып. 3. М. 1989, сс. 17-22.
- Лёвушкина С.В. Цветной металл Кампыртепа // Сб. «Древняя и средневековая культура Сурхандарьи». Т., 2001, сс. 31-38, 122-126.
- Рузанов В.Д. О химическом составе металла Северной Бактрии // Материалы советско-французского коллоквиума: «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда». Тезисы докладов. Т., 1986, с. 127.
- Рузанов В.Д. Химико-металлургическая характеристика цветного металла некрополя Ялангтуштепе // Материалы по античной культуре Узбекистана, посвященные 70-летию д.и.н., проф. Г.А. Кошеленко. Самарканд. 2005, сс. 80-83.

- Русаков М.П., Королёв А.В. Медные руды Средней Азии и проблема Алмалыкстроя // Минеральные богатства Средней Азии. Л. 1935, с. 11-60.
- Berthoud T., Besenval R., Carbonnel J.P., Cesbron F., Lyszak-Hours J. Les anciennes mines d'Afghanistan // *Unite de recherche arceologique* n 7. Rapport preliminaire. Prospection. Paris. 1977.
- Muhly J.D., Begemann F., Öztunali Ö., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., Wagner G.A. The Bronze Metallurgy in Anatolia and the Question of Local Tin Sources // *Archaeometry '90*. International Symposium on Archaeometry, 2-6 April, 1995. Heidelberg, Germany. 1999, p. 209-220.
- Moorey P.R. *Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia: The evidence of Archaeology and Art*. Ynternat Series 237. Oxford. 1985.
- Pigott V.C. A heartland of metallurgy Neolithic / Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // *The Beginning of Metallurgy*. International Simposium, 26-28 April, 1995. Bochum, Germany, 1999, p. 107-120.
- Reiter K. Metals and metallurgy in the Old Babylonian period // *The Beginning of Metallurgy*. International Simposium, 26-28 April, 1995. Bochum, Germany. 1999, p. 167-171.
- Stech T., Pigott V.C. The Metals Trade in Southwest Asia in the Third Millennium B.C. // *Iraq*. № 48. 1986, p. 39-64.

Леонид Сверчков
Узбекистан

«ТОХАРСКАЯ ПРОБЛЕМА» И КУЛЬТУРА РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

П. Бернар – признанный во всем мире специалист по истории и археологии эллинистического Востока, но круг интересов нашего уважаемого юбиляра не ограничивается рамками какого-то одного хронологического периода и, тем более, не стеснен выбором научной тематики. Поэтому предлагаемая статья связана не с последними данными археологических исследований памятников эпохи эллинизма, как предполагалось, а с не менее интересными вопросами, ответы на отдельные из которых, как представляется, давно лежат на поверхности.

В последние десятилетия XX в. появился целый ряд научных трудов, посвященных проблеме происхождения и распространения индоевропейских языков. К сожалению, в подавляющем большинстве работ Средняя Азия вообще не рассматривается или, в лучшем случае, ей отводится роль географической зоны вторичного, если не третичного, порядка и только в связи с распространением индоиранских или иранских языков¹. Конечно, в таком контексте не может быть и речи ни о каких тохарах или, тем более, прототохарах в Средней Азии вплоть до 2-ой половины II в до н.э., когда на территорию Греко-Бактрии вторглись племена «да юечжи». Известные по китайским хроникам юечжи большинством исследователей отождествляются с тохарами классических античных источников, хотя и со многими, вполне обоснованными оговорками². Во всяком случае, название области на юге Узбекистана, Таджикистана и севере Афганистана – Тохаристан (кит. Ту-хо-ло), сохранившееся в названии современной афганской провинции Тахар, возникло много позже, не ранее конца IV в. н.э. и связано, вероятно, с приходом кидаритов – сяо юечжи (малые юечжи).

В противовес большинству лингвистических исследований относительно роли и места Средней Азии имеется иное мнение, озвученное в известных трудах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Авторы пришли к заключению, что тохары вместе с носителями западноиндоевропейских диалектов в конце III–II тыс. до н.э. мигрировали из Северо-Западного Ирана именно через Среднюю Азию, на территории которой не позднее II тыс. до н.э. контактировали с носителями восточноиранского диалекта, разумеется, после распада индоиранского единства (Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 23–26; 1984, с. 371–428; 1989, с. 23–35; Иванов, 1992).

Среди археологов среднеазиатское направление в связи с возможностью перемещений прототохаров даже не обсуждалось, за исключением попытки Б. А. Литвинского на примере поселения и могильника Заманбаба увидеть проникновение в Среднюю Азию племен катакомбной культуры, которые, по мнению автора, могли быть предками тохаров (ИТН, 1963, с. 128). Во второй редакции «Истории таджикского народа» эта тема отражена уже несколько иначе: «Передвинувшаяся на восток прототохарская этническая общность едва ли была очень многочисленной, но все же она была достаточно велика чтобы, расселившись, занять почти весь Восточный Туркестан, а также обширные территории Средней Азии, в частности в Фергане» (Литвинский, 1984, с. 11). Можно предполагать, что в этой фразе содержится отдаленный намек на тохарскую атрибуцию

культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа, но в данном случае важна сама постановка вопроса. Существует ли возможность обнаружить археологические признаки присутствия тохаров в Средней Азии? Думается, что надежда есть.

Как бы скептически не относились некоторые специалисты по историческому языкознанию к сопоставлению древних диалектных общностей с той или иной археологической культурой, попытки подобного рода будут предприниматься вновь и вновь. Без этого история человечества превратится в схоластическую науку, сводящуюся исключительно к систематизации фактов, чередующихся в хронологическом порядке. Вопрос в том, насколько беспристрастно применяется принцип корреляции данных археологии и лингвистики (прежде всего, по ареальным признакам), отчего главным критерием должна быть не столько взаимная приспособляемость, сколько отсутствие или хотя бы минимальное количество противоречий.

Для того чтобы выбрать направление поисков, необходимо, в первую очередь, рассмотреть данные по археологии Синьцзяна, поскольку именно здесь были обнаружены письменные тохарские тексты.

Культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа Восточного Туркестана

Первые признаки постоянного проживания на территории Синьцзяна появляются около 2000 г. до н.э. Для эпохи бронзы (2000–1000 гг. до н.э.) К. Дебэйн-Франкфор выделяет 9 «культурных групп»: Гумугоу, Синтала, Вупу (объединяет два памятника), Нанвань (четыре памятника), Ордос, Калахэчжо, Халадун, Акэ-тала и Сидаогоу (Debaine-Francfort, 1988, с. 14–26). В эпоху железа (990 г. до н.э. – начало н.э.) здесь насчитывается 7 «культурных групп: Чавухугоу, культура “Gushi” или “Jushi” (состоит из 3 подгрупп), Кээрмуци, культура “Saka” (два памятника), Сянбаобао, культура “Wusun” (шесть памятников), памятники периода правления династии Хань (могильник Шанпула и бронзовая пластинка т.н. «ордосского» типа) (Debaine-Francfort, 1989, с. 183–206).

К. Чен и Ф.Т. Хиберт называют пять главных районов сосредоточения археологических памятников Синьцзяна: 1) южные оазисы пустыни Такламакан в бассейне р. Талиму; 2) оазисы Восточного Синьцзяна; 3) речные долины северной окраины пустыни Такламакан; 4) памятники южных склонов Алтайских гор в Джунгарской долине; 5) долина верхнего течения р. Или в горах Тянь-Шань. На их территории имеются 10 «культур», 6 из которых относятся к раннему периоду (приблизительно 2000–1000 гг. до н.э.): Гумугоу, Янбулакэ, Адинху, Синтала, Халадун и Кээрмуци. Еще 4 «культуры» датируются началом I тыс. до н.э.: Сидаогоу, Чавухугоукоу, Канбакэ и горная “Saka” культура (Chen, Hiebert, 1995, с. 250).

Наиболее полноценная сводка всей имеющейся по археологии Синьцзяна информации приводится в книге Цзянцзун Мэя. Автор сразу оговаривает, что организация древних памятников по принципу «культура» или «культурная группа» носит чисто условный характер и вовсе не адекватно понятию «археологическая культура». Похоже, сам Цзянцзун Мэй больше придерживается географического принципа и рассматривает памятники Синьцзяна в соответствии с занимаемой ими территорией: 1) восточные предгорья Памира, 2) восток Таримского бассейна, 3) южные предгорья Тянь-Шаня, 4) Турфанский бассейн, 5) юг Таримского бассейна, 6) бассейн Хами, 7) северные предгорья и горные долины среднего Тянь-Шаня, 8) северо-запад Синьцзяна, 9) южные предгорья Алтая (Mei, 2000, с. 9).

С учетом незначительных особенностей той или иной «культурной группы», в действительности на территории Синьцзяна выделяется три историко-культурные общности, что и было наглядно продемонстрировано К. Дебэйн-Франкфор (Debaine-Francfort, 2001, с. 58, рис. 1).

1. На территории Северо-Западного Синьцзяна в эпоху бронзы – раннего железа последовательно сменяют друг друга племена андроновского круга, затем приходит время сакской культуры, еще позже наступает черед культуры усуней.

2. Южную, западную и северо-западную окраины пустыни Такламакан занимают памятники «серой керамики», выделяемые А.-П. Франкфором в отдельную археологическую культуру Акэтала (Francfort, 2001).

3. В центральной части Синьцзяна, широтной полосой между пустыней Такламакан на юге и горами Тянь-Шань на севере, от Кучи на западе до бассейна Хами на востоке, включая восточные отроги Тянь-Шаня, разместились памятники культуры расписной керамики.

Дж. Мэллори и В. Мэйр удачно совместили распространение известных археологических комплексов с находками памятников тохарской письменности (Mallory & Mair, 2000, с. 301, рис. 160). Даже с учетом хронологического разрыва до написания первых тохарских текстов можно ясно видеть, что ареал распространения тохарских А и В языков (Куча, Карашар, Турфан) абсолютно совпадает с областью «культуры расписной керамики». В то же время «культура серой керамики» точно так же соответствует области государства Крорайна с его субстратным тохарским С языком, если, конечно, он действительно был тохарским, а не каким-либо иным древнеиндоевропейским диалектом.

Не менее интересный результат получается при обзоре распространения антропологических типов древнего населения Синьцзяна, хотя здесь принцип единого хронологического среза еще больше нарушен (Mallory & Mair, 2000, с. 240, рис. 138). При всех имеющихся погрешностях можно заметить, что в ареале культуры «серой керамики» преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках «культуры расписной керамики» зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы, особенно на восточных окраинах, но населения средиземноморского облика, насколько можно судить по имеющимся данным, там меньше всего.

Палеоантропологическое исследование населения Синьцзяна явно отстает от достижений новой научной дисциплины, биоархеологии. В результате генетического исследования образцов мумий эпохи поздней бронзы из Кизилчока (Qizilchoqa) в Хами П. Франкалаччи установил, что они входили в хаплогруппу “Н” при полном отсутствии признаков групп “Т” и “М”. Группа “Н” присуща европеоидному населению, заполняя почти половину митохондриального генного поля ДНК западноевропейского населения, но крайне редка у неевропеоидного, около 0, 25 %. Для сравнения, у французов и славян-боснийцев 48 %, у немцев 46, 3 %, у испанцев 45, 1 %, у русских 42 %, у шведов и финнов 40–41 %, в то время как, например, у саамов 4 %, у якутов и индусов 3 %. Генетические исследования китайских биологов показали начало проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н.э. (Mair, 2005, с. 24–25), что полностью согласуется с данными китайских письменных источников.

В. Мэйр склонен считать, что мумии Тарима следует идентифицировать с но-

сителями тохарских языков, доводов в пользу этого предположения гораздо больше, чем, скажем, доказательств их иранского или какого-то иного происхождения, с чем, конечно, полностью согласился Э. Пуллиблэнк, как, впрочем, и большинство исследователей (Mair, 2005, с. 32–33; Pulleyblank, 1995, с. 415; Renfrew, 1998). Тем не менее, толика сомнений все равно остается: “We still do not know exactly who the mummies were, precisely where they came from, and what language(s) they spoke, but we are getting closer to the answers every day” (Mair, 2005, с. 36).

В поисках археологической культуры, созданной предками тохаров, предлагались абсолютно логичные построения, но в качестве посылки использовались факты в пределах собственного информационного поля. В итоге главный принцип научного познания – движение от известного к неизвестному – предопределил «сибирскую доминанту» по отношению к памятникам Синьцзяна. Отсюда происходит все объясняющая «афанасьевская гипотеза» и настойчивые попытки найти хотя бы минимальные признаки присутствия афанасьевцев в Синьцзяне (Даниленко, 1969, с. 234; Mallory, 1989, 62–63). Если даже нечто подобное обнаруживается, то значение этого явно преувеличивается, и часто отдельно взятые эпизоды используются в сомнительных, с точки зрения археологии, теоретических конструкциях (Anthony, 2007, с. 264–265, 311).

Исследователи иногда ссылаются на находки в Синьцзяне фрагментов керамики степного облика, которые периодически приписывают то афанасьевской культуре, то андроновской. Существование в северо-западной части Синьцзяна андроновских памятников, насколько известно, никто и не оспаривает (Chen & Niebert, 1995; Mei & Shell, 1999). Никто не сомневается и в присутствии андроновского компонента в памятниках культуры расписной керамики, но с признаками афанасьевской культуры дело обстоит сложнее (Mei, 2000, с. 58–61). Упомянутые выше фрагменты керамики были найдены экспедицией А. Стейна вместе с микролитами на развеечных стоянках в бассейне Яркенддарьи и в дельте Курукдарьи, на западе и юго-западе Синьцзяна (Stein, 1981, табл. XXII–XXIII). По мнению С. П. Толстова, керамика и сопутствующий кремневый инвентарь являются типичными для кельтеминарской культуры (Толстов, 1948, с. 64). Новейшие исследования в этом районе, на поселении Сулэтанбаэ возле Кашгара (Suletangba'e), подтверждают указанный, кельтеминарский круг аналогий (Mei, 2000, с. 9, 59). По сути, в пользу афанасьевцев свидетельствует только антропологический тип отдельных групп древнего населения Таримской долины. Протоевропеоидный набор признаков людей, похороненных в могильнике Гумугоу, является главным аргументом сторонников присутствия афанасьевской культуры в Восточном Туркестане. Действительно, крупная, длинная и высокая голова, умеренно низкое и широкое, остро профилированное лицо и сильно выступающий нос присущи населению евразийских степей эпохи бронзы (Алексеев, 1992, с. 393), но не следует забывать о кельтеминарской культуре, для которой характерен точно такой же расовый тип.

Развернутое обоснование «афанасьевской гипотезы» предложено в работах Вл. А. Семенова и В. А. Посредникова. Вл. А. Семенов называет крайним юго-восточным памятником афанасьевской культуры могильник Шатар-Чулуу, что «свидетельствует о продвижении какой-то группы афанасьевцев в глубинные районы Монголии». На южном направлении к афанасьевским древностям автор безоговорочно относит материалы из могильников, расположенных на севере и

юго-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР: Кээрмуци в уезде Алтай и Гумугоу близ озера Лобнор. По мнению В.А. Семенова, это означает, что афанасьевцы из Минусинских степей или Алтая распространились в Туву, затем в Монголию, где «могли вступить в контакт с культурами восточно-азиатской расписной керамики, памятники которой в небольшом числе открыты в Южной Гоби». Предполагается также возможное участие европеоидной афанасьевской культуры в сложении культур Цицзя в Китае и Окунево в Саяно-Алтайском нагорье. Окуневская культура и культура расписной керамики Синьцзяна рассматриваются автором как сохранившиеся остатки древнего афанасьевского населения, связанного происхождением с восточноевропейским энеолитом, и, соответственно, афанасьевцы являлись носителями прототохарских языков (Семенов, 1993, с. 26–29).

Позже А. В. Варенов подверг тщательному анализу материалы из 32 коллективных захоронений в каменных ящиках близ Кээрмуци и датировал их XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н.э. (Варенов, 1999, с. 53–56)³. Во второй, более развернутой статье А. В. Варенов обращается к вопросу, на основании чего могильник Гумугоу считается «афанасьево-андроновским», а Кээрмуци, по мнению Ю. А. Заднепровского и Вл. А. Семенова, входит в круг афанасьевской культуры. В. И. Молодин и С. В. Алкин уже тогда не признали афанасьевскую или андроновскую природу материалов из Гумугоу, однако могильник Кээрмуци, а также Сыдуйтуцю возле Урумчи, сочли афанасьевским. При ближайшем рассмотрении археологических материалов и правильном переводе китайских терминов выяснилось, что конструкция могильных сооружений и погребального обряда, аналогии керамике, бронзовым и каменным изделиям (в том числе каменным наконечникам стрел) не дают оснований для сопоставления с памятниками афанасьевской культуры. В итоге А. В. Варенов призвал «с осторожностью подходить к безоговорочному включению всего Северного Синьцзяна в ареал распространения классической афанасьевской культуры» (Варенов, 1998, с. 60–65).

Таким образом, археологический поиск в бассейне Тарима культур, генетически восходящих к афанасьевской культуре, успехом не увенчался. Возможно, поэтому не так давно А. А. Ковалев предпринял попытку иного рода. На примере более чем 300 бронзовых предметов из Южной Сибири, Монголии и Синьцзяна, обладающих едиными типологическими признаками, автор выделяет некую общность под условным названием «культура Чаодаогоу» (XIII–XI вв. до н.э.). «Чаодоугоу» являлась «мощным центром металлообработки с устойчивыми традициями, производившим определенный набор предметов вооружения и украшений на протяжении нескольких веков» (Ковалев, 2004, с. 250–255). Местные истоки такой традиции отсутствуют, к тому же комплекс «Чаодаогоу» отличается от собственно китайского (Шан-Инь), восходящего, по мнению автора, к сейминско-турбинской общности. А. А. Ковалев обращается к гораздо более ранним, широко известным материалам Западного Ирана конца III – начала II тыс. до н.э., где имеются прямые и многочисленные аналогии изделиям «Чаодоугоу». Появление и распространение изделий переднеазиатского типа в Китае автор связывает не с диффузией культурной традиции, а с миграцией ее носителей, поскольку никаких промежуточных памятников этого типа в Средней Азии не обнаружено. Следовательно, как пишет А. А. Ковалев, имеются все основания предположить, что «культура Чаодоугоу» принадлежит потомкам пратохаров, вышедшим, по теории В. Б. Хеннинга и Вяч. Вс. Иванова, из Иранского Загроса. В качестве до-

полнительного аргумента автор приводит известные лингвистические соображения, трактующие некоторые особенности тохарского языка влиянием дравидского, неотличимого от угро-финского из-за их тесной генетической связи (Ковалев, 2004, с. 261–270).

В отличие от западных исследователей, китайские археологи, как правило, заняты выявлением связей памятников Тарима с древними культурами Великой Китайской равнины. Как и в предыдущем случае, никто не отрицает существования контактов и взаимовлияния двух ареалов, особенно в восточной части Синьцзяна, но сводить происхождение культуры расписной керамики Тарима к прямому воздействию позднего Яншао (4000–3000 гг. до н.э.) или Мацзяо (3300–2000 гг. до н.э.) не вполне корректно. Есть несомненное сходство археологических комплексов памятников Тарима с материалами культур эпохи поздней бронзы на территории провинций Ганьсу (Gansu) и Цинхай (Qinghai). Это касается форм сосудов, особенно с ручками, типов орнамента, мотивов росписи (спираль), но фактор взаимовлияния характерен больше для контактной зоны на крайнем востоке Синьцзяна: памятников Хами, с одной стороны, и культурой Сиба (Siba Culture), с другой, что подтверждается и антропологическими данными. Дальше к западу круг аналогий сокращается, да и в восточном направлении сходство уменьшается (Li, 2002; Wagner, 2001). Не правильнее ли будет говорить, что в районе восточного Синьцзяна – Западного Ганьсу сошлись два встречных этнокультурных импульса, две традиции расписной керамики, и, безусловно, китайская культура Сиба (1950–1550 гг. до н.э.), возникшая в контактной зоне, обязана своим происхождением синтезу или, точнее, наложению двух сфер влияния.

По поводу определения места культуры Таримского бассейна в системе евразийских связей существует компромиссная точка зрения, которая совмещает северный и восточный вектор. По мнению К. Дебэйн-Франкфор, источник происхождения расписной керамики в Синьцзяне восточный, из Китая, в то время как металлургическая традиция отражает северное, степное влияние (Debaine-Francfort, 2001, с. 67). В чем-то эта точка зрения близка мнению Э. Пуллиблэнка, который исходит из того, что тохары всегда располагались восточнее индоиранцев, и, следовательно, следы их присутствия надо искать в доисторических культурах Китая. Далее автор подчеркивает, что в исторический период для Китая ближайшими представителями индоевропейской семьи были тохары, поселившиеся на северной окраине Таримского бассейна не позднее арийского вторжения в Индию во II тыс. до н.э. и даже еще раньше. Поэтому Э. Пуллиблэнк предположил, что тохары создали археологическую культуру Цицзя (2300–1800 гг. до н.э.), охватывающую территорию от восточной части Ганьсу до провинции Цинхай (Pulleyblank, 1966, с. 14, 29, 35; 1983, с. 457–458), однако культура Цицзя далеко на запад никогда не распространялась, а северную окраину Таримского бассейна изначально занимали памятники культуры расписной керамики.

В то же время, переключив внимание с восточного и северного направлений на запад, легко можно обнаружить совершенно идентичные таримским «культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа».

Культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа Западного Туркестана

Впервые археологический комплекс, включавший внешне грубую расписную посуду, был выявлен в верхних слоях холма Анау в северных предгорьях Копет-

дага экспедицией Р. Пампелли и Х. Шмидта и обозначен как «эпоха варварской оккупации» (Pampelly, 1908). После раскопок Яздепе и установления его периодизации по отношению к «варварской» культуре в научный оборот вошло название Яз I или культура Окса раннего железа (см. Кузьмина, 1972; 2008, сс. 281–321). На раннем этапе исследований основное внимание уделялось южному и юго-западному направлению связей комплекса Яздепе I, поскольку памятники Северного Ирана эпохи раннего железа тогда были изучены несравненно лучше (Массон, 1959, с. 44–48). Там расписная керамика исчезает около сер. II тыс. до н.э., но в 1-ой половине – середине I тыс. до н.э. появляется вновь (Погребова, 1977, сс. 160, 162), и, может быть, отчасти поэтому период Яз I датировали 900–650 гг. до н.э., а более архаичное Чустское поселение – 2-й половиной II тыс. до н.э. (Массон, 1959, сс. 48, 115).

Аналогии между материалами Яздепе и Чуста несомненны, и по мере обнаружения все новых и новых памятников типа Яз I сложилась концепция о поэтапном расселении ее носителей из Ферганы в оазисы района Амударьи, Мургаба и еще южнее (Casal, 1961; Заднепровский, 1962; Аскар, 1979; 1981). Другая концепция предполагала обратное направление – из Иранского Хорасана на восток и север: в Мундигак и Тиллятепе в Афганистане, оттуда в Кучуктепа и Бандыхан в Южном Узбекистане (Сарианиди, 1977; 1981). Когда стали известны новые, калиброванные даты периода Яз I – около 1500–1000 гг. до н.э., дискуссия, похоже, утратила свой смысл, поскольку в целом подтвердилась синхронность памятников Яз I и чустской культуры Ферганской долины⁴. Казалось бы, верх одержали приверженцы нейтральной позиции, которые отвергали наличие общих истоков чустской культуры и культуры Яз I, объясняя их сходство конвергентными процессами, происходившими преимущественно на базе развития автохтонных предшествующих культур (Массон, 1959, с. 116; 1989; Хлопина, Хлопин, 1976; Сагдуллаев, 1985; 1989; Francfort, 2001). В последние годы география памятников круга Яз I существенно расширилась, но, как точно подметил 20 лет назад А. С. Сагдуллаев, проблема происхождения археологических, а не просто «керамических», комплексов типа Яз I еще очень далека от однозначного решения (Сагдуллаев, 1989, с. 63).

Существует еще один аспект исследования общности расписной керамики Средней Азии эпохи раннего железа, связанный с ее лингвистической атрибуцией. Пикантность ситуации заключается в том, что создание общности Яз I приписывается восточноиранским племенам. Вне связи с памятниками Ферганской долины утверждается, что носители культуры Яз I говорили на восточноиранских языках, отделяясь на западе пустыней Деште-Кевир от носителей западноиранских диалектов – создателей культуры серой керамики. Правда, сам автор теории несколько недоумеет по поводу того, что в Маргиане, т.е. на территории восточноиранской культуры Яз I, позже распространился западноиранский парфянский язык (Массон, 1984, с. 9). Не приводится никаких объяснений по поводу того, каким образом произошла кардинальная трансформация абсолютно всех составляющих материальной культуры, состава стада и даже антропологического типа представителей северной степной культуры эпохи поздней бронзы. Благозвучный, но не вполне корректный в данном случае термин «седентаризация» является, похоже, попыткой ухода от археологических реалий.

Среднеазиатские археологи, которые занимались сравнительным исследованием материалов Яз I, чустской культуры Ферганской долины и бургулюкской

культуры Ташкентского оазиса, давно обратили внимание на многочисленные и разнообразные аналогии с культурой расписной керамики Синьцзяна, в частности, с памятниками Тарима (Киселев, 1960, с. 253; Заднепровский, 1962, с. 107; 1997, с. 96–98; Masson, Sarianidi, 1972, сс. 164–165; Литвинский, 1981, с. 159–160; Антонова, 1984, сс. 57–58; Kohl, 1984, сс. 189–191). Этот факт подтверждают также китайские исследователи, в последнее десятилетие существенно активизировавшие археологические изыскания в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР. Предполагается даже, что такое важное технологическое достижение как производство черных металлов было заимствовано населением Восточного Туркестана из Ферганы (Mei, 2000, сс. 67–69; Mei, Shell, 2002, сс. 229–230). Впрочем, А.-П. Франкфор отвергает саму мысль о существовании каких-либо родственных связей между культурами Ферганы и бассейна Тарима на том основании, что между памятниками чувстской культуры и южных предгорий Тянь-Шаня расположена культура Акэтала, которой присуща исключительно серая, а не расписная керамика (Francfort, 2001, сс. 228–229, 232). Однако надо вспомнить, что сравнению подлежит не только керамика, а весь археологический комплекс в совокупности. К тому же, помимо полной идентичности каменных изделий Ферганы и Акэтала, в четырех поселениях чувстской культуры (все на востоке Ферганской долины), кроме расписной посуды, имеется и черно-серолощенная, и просто серая керамика (Заднепровский, 1962, с. 28; 1997, с. 51).

Не вернее ли будет рассматривать чувстскую культуру Ферганы вместе с родственной бургулюкской культурой Ташкента просто как локальный, западный вариант единой с Таримом культурно-исторической общности расписной лепной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа⁵? Представляется, что проблема разделения общего пространства с единообразным археологическим комплексом носит скорее историографический характер, обусловленный хронологией исследований, различными методологическими установками и современными административными границами. С другой стороны, все сказанное в полной мере относится и к вопросу о взаимосвязи памятников круга Яз I с культурами Синьцзяна, Ферганы и Ташкента. При этом, как ни парадоксально, иногда круг аналогий Яз I с бургулюкской культурой и отдельными комплексами Синьцзяна шире, чем с Чустом. По мере выявления на территории Среднеазиатского междуречья все большего числа памятников или, как правило, слоев, относящихся к сообществу культур расписной керамики эпохи раннего железа⁶, яснее понимается, что северо-восточный и южный его ареалы никак нельзя считать обособленными. Как правило, среднеазиатские археологи давно пришли к такому выводу.

Разумеется, проблему генезиса культуры лепной расписной керамики не решить вне элементарных археологических задач – стратиграфии, периодизации и хронологии каждого отдельно взятого памятника общности расписной керамики. Подавляющее большинство поселений периода Яз I перекрыто поздними архитектурными сооружениями и слоями, как правило, ахеменидского времени (VI–IV вв. до н.э.). Зачастую происхождение материалов просто не поддается определению, а соотнесение архитектурных остатков со временем Яз I позже не подтверждается. В качестве примера можно назвать крупнейшее в верховьях Кашкадарьи поселение Узункыр, на поверхности которого найдена расписная керамика типа Яз I, но обводная стена, как позже выяснилось, была построена при Ахеменидах, в середине I тыс. до н.э., а к периоду Яз I относятся только нижние слои цитадели (Лушпенко, 1990, с. 27).

Сама по себе расписная керамика, тем более без четкого археологического контекста, никак не может служить хронологическим признаком, иногда она встречается и в позднеахеменидских материалах Северной Бактрии. Вне пределов Ахеменидской империи, например, в Фергане и Ташкенте, культура лепной расписной керамики сохранялась значительно дольше. Показателен пример бургулюкской культуры, которую ее главный исследователь, уважаемый Х. Дуке датировал IX–VII вв. до н.э., но указал, что «...что не снимает оговорок относительно условности и предварительности подобной даты, ибо археологические исследования на поселениях бургулюкской культуры еще не завершены» (Дуке, 1982, с. 71–72). Вполне возможно, что, как предполагает М. И. Филанович, на Шаштепа бургулюкская культура продолжала бытовать еще в VI–IV вв. до н.э. и вплоть до появления сарматоидной культуры Каунчи в III–II вв. до н.э. (Филанович, 1982, с. 121)⁷. В Ферганской долине чустскую культуру наследуют ее продолжатели – эйлатанская и шурабашатская, которым тоже присущ обычай украшения сосудов росписью (сер. I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Встречается расписная керамика и в комплексах раннего средневековья, особенно на севере Ферганской долины, и в Синьцзяне ситуация, насколько известно, сходна с ферганской⁸.

К сожалению, мы не имеем радиоуглеродных дат для многочисленных памятников Кашкадарьи и бургулюкской культуры Ташкента. Для долины Заравшана есть единственная дата для нижнего комплекса городища Коктепа – 690±50 г. до н.э. (Исамиддинов, 2002, с. 64). Можно, конечно, с известной долей скепсиса воспринимать калиброванные данные анализа по C14, но когда имеешь дело с удивительно консервативной культурой с практически не поддающимися выявлению изменениями археологического комплекса, в том числе самого массового – керамики, иного способа выстроить хотя бы относительный хронологический ряд попросту не существует. С другой стороны, хотелось бы предостеречь от повального увлечения новейшими естественнонаучными методами, что может привести к произвольному и часто необоснованному углублению хронологии памятников. Если когда-то комплексы с лепной расписной керамикой в основном датировали началом I тыс. до н.э., то теперь – 2-ой половиной II тыс. до н.э., хотя, как видно на примере образца из Коктепа, это не всегда и не везде соответствует действительности. Понятно, что для каждого конкретного памятника должна быть своя конкретная хронология, и в случае с общностью лепной расписной керамики принцип формальных аналогий, тем более только керамики, не всегда срабатывает.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ генезиса культур юга и северо-востока Центральной Азии, приведем один небольшой, но конкретный пример разительного сходства двух археологических комплексов. Первый из них происходит из последних раскопок крупнейшего на юге Узбекистана памятника периода Яз I – Майдатепе (Бандыхан I), исследования которого в начале 70-х гг. проводили Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев (Ртвеладзе, 1976; 2007). В 2005 г. совместно с Германским Институтом археологии (DAI) работы были возобновлены на единственно доступном для раскопок месте – приземистом холме, полукольцом охватывающем «цитадель» с запада⁹. В раскопе размером 20×10 м открыты остатки домовладения, которое неоднократно перестраивали. По стратиграфии выделено 5 этапов, датируемых по C14 1400–1000 гг. до н.э. (Görsdorf, 2007, с. 132). Спустя какое-то время после того, как поселение было оставлено,

на его поверхности появляются ямы с типичной для ранней стадии периода Яз II керамикой.

Для каждого из пяти исследуемых этапов удалось получить полноценный археологический комплекс, который, надо сказать, остался практически неизменным на всем протяжении существования поселения. На этапах 1–3, как и на более поздних этапах 4–5, отмечается тот же стандартный бытовой инвентарь, сохраняются те же строительные приемы, что ясно свидетельствует о невероятном консерватизме и безоговорочной преемственности традиций носителей культурной общности Яз I. Количество фрагментов сосудов с росписью красной, коричневой, красно-коричневой, реже черной красками по светлому фону составляет около 9 %. В керамическом комплексе Майдатепы имеются фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге в манере БМАК (около 10 % от общего количества), которые обнаружены в слоях, относящихся ко всем пяти этапам существования поселения. Однако в нарушение керамической традиции, восходящей к бактрийско-маргианскому археологическому комплексу, унаследованной и продолжающейся в период Яз II, станковые сосуды Майдатепы являются точными копиями лепных¹⁰.

Аналогичный бандыханскому археологический комплекс происходит из раскопок поселения и могильника Синтала (Xintala), а также могильника Куху (Quhui), расположенных на северо-восточной окраине Таримской впадины близ города Янки (Карашар). Синтала занимает площадь размером около 4 га (высота 5 м), размер могильника не установлен и раскопки его не проводились. В Куху было найдено несколько разрушенных погребений, но конструкция их не поддается определению.

В результате археологических исследований на поселении Синтала стало известно об использовании в строительстве сырцового кирпича размером 42×21×11 см, что является одним из самых ранних свидетельств его применения в Синьцзяне. В гончарной продукции из поселения наблюдается сочетание двух традиций. Первая представлена керамикой с росписью красно-коричневой краской по светлому фону¹¹, орнамент геометрический – треугольники, сетки, зигзаги и волнистые линии. Сосуды другого типа, черно-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте, менее распространены, чем первые. Они украшались штампом и насечками: орнамент в виде треугольников, елочек и линий оформлял венчик и горловину сосуда, что является характерным признаком керамики андроновской культуры. По описанию не вполне понятно, происходят эти фрагменты из одного слоя с расписной керамикой или предшествуют ей, но вероятнее второе. Найдены также два каменных т.н. «серпа чувстского типа», зернотерки, терочки, ступки, пестики, мотыги, а также полированный топор из привозного нефрита. О знакомстве с металлообработкой меди свидетельствуют находки каменной литейной формы, бронзового ножа, фрагмента медного сосуда, среди подъемного материала имеется бронзовый кельт сеймино-турбинского типа. При раскопках поселения найдены зерна проса (*Setaria italica*), радиоуглеродный анализ которых показал возраст 1680–1490 гг. до н.э., анализ угля позволил установить вторую дату – 1700–1470 гг. до н.э. В целом, время обживания поселения Синтала относится к периоду около 1690–1425±150 гг. до н.э. (Debaine-Francfort, 1988, с. 16–18; Chen & Niebert, 1995, с. 265, 267; Заднепровский, 1997, с. 96–98; Mei, 2000, с. 10).

Археологические комплексы поселений Синтала и Майдатепы (Бандыхан)

идентичны, совпадает даже размер сырцовых кирпичей. Подобное совпадение трудно признать случайным, а, учитывая синхронность запустения поселения Синтала и появления Майдатепы около 1400 г. до н.э., трудно избавиться от мысли о взаимосвязи этих двух событий. Как представляется, на примере этих двух поселений отчетливо прослеживается не просто какой-то случайный, пусть даже очень высокий уровень контактов между культурами Синьцзяна и юга Средней Азии, а прямое переселение древних обитателей Синтала в Бандыхан. Археологов вряд ли смутит единственное отличие в керамическом комплексе двух памятников – тот процент керамических изделий, которые в Синтале представлены фрагментами посуды андроновского типа, а в Майдатепе – бактрийско-маргианского (БМАК). Напротив, этот факт прекрасно демонстрирует влияние соседних культур: в Синьцзяне таковыми являлись андроновцы, в Сурхандарье – носители традиций БМАК. Можно только с большой долей уверенности утверждать, что контакты с теми и другими носили совершенно мирный характер.

Говоря о причинах столь дальнего переселения, в первую очередь, конечно, мы должны назвать тот глобальный экологический кризис, который разразился в степной зоне Евразии в последней трети II и продолжался до начала I тыс. до н.э. (Яблонский, 2005, с. 778). Как установлено палеоклиматическими исследованиями в Северо-Восточном Китае, один из пиков климатических колебаний приходился приблизительно на 1400 г. до н.э. (Tarasov, Jin, Wagner, 2006, с. 298). Но если климат северо-востока КНР в этот период был степным, то Тарим около 1400 г. до н.э., вероятно, как и сегодня, представлял собой пустыню и полупустыню. В качестве нового пристанища переселенцы из Синтала облюбовали верхнюю дельту Бандыханская (Байсунская) как знакомую и привычную для них до наступления засухи экосистему. Но около 1000 г. до н.э. поселение Майдатепы (Бандыхан I) без всяких видимых причин было оставлено, нет никаких признаков пожара, каких-то следов разрушений природного или военного характера. Возможно, жители ушли обратно на север в широком значении этого слова – от долины Кашкадарьи до Синьцзяна.

Археологические комплексы Яз II и Яз I: Иран и Туран

После относительно недолгого периода запустения жизнь в Бандыхане возрождается, но ей соответствует совершенно иной археологический комплекс, известный под названием Яз II. В это время возле Майдатепы (Бандыхан I) появляется поселение Бектепы (Бандыхан II), в двух нижних слоях которого обнаружена керамика, генетически связанная с традицией культуры Бактрии–Маргианы эпохи средней бронзы. В частности, вновь появляются сосуды с конической придонной частью, полностью отсутствовавшие в период Яз I, когда станковые сосуды тоже изготавливались (около 10 %), но форма их, в подражание лепным, была сферической. Венчики горшков имеют характерный клювовидный профиль, что считается отличительной особенностью комплекса Яз II. Количество лепной посуды, изготовленной уже в иной манере, чем в период Яз I, резко сокращается (около 23 %), росписи нет. В следующем слое лепной керамики еще меньше, около 16 %, и, наконец, наряду с клювовидными, уже появляются манжетовидные венчики, получившие широкое распространение с VIII по IV в. до н.э. Комплекс и, соответственно, период Яз II занимает промежуточное положение между нижними слоями с лепной расписной керамикой периода Яз I и вышележащими слоями с характерными баночными сосудами предахеменидского и ахеменидского времени. Для датировки нижнего слоя Бектепы мы имеем две калибро-

ванные радиоуглеродные даты, определенные в лаборатории г. Киль (Германия): 929–822 гг. до н.э. – из нижней части и 900–800 гг. до н.э. – из верхней.

Наибольший интерес представляет тот факт, что типичная керамика периода Яз II, причем раннего этапа, найдена при раскопках городища Нади-Али в Афганском Сеистане (Ghirshman, 1939, с. 19, рис. IV, **N.A. 75**). Мы не можем знать, из каких слоев происходят образцы керамики периода II Нади-Али, представленные в публикации Р. Гиршмана, но в ней отчетливо прослеживаются три компонента: Яз I, марликская культура (или архаического Дахистана) и Яз II. Первая представлена расписной посудой; вторая – черно-серой и, в частности, характерным носиком-сливом с перемычкой; третья – крупным сосудом с характерной для Яз II формой венчика и тулова¹². Даже в таком, не вполне ясном контексте находка керамики типа Яз II в Нади-Али имеет крайне важное значение, поскольку Сеистан в зороастрийской традиции занимает особо выдающееся положение (Gnoli, 1980, с. 129–136; 1989, с. 46). Руины древнего города Нади-Али близ впадения реки Хильменд в озеро Хамун, которые исследовал Р. Гиршман и которые он датировал VIII в. до н.э., многими историками с полным на то правом отождествляются со столицей царства «ранних кави» (ИТН, 1998, с. 242).

Как следует из анализа археологических материалов, на юге Средней Азии существует археологически установленная последовательность развития археологических комплексов от бактрийско-маргианской культуры до ахеменидского периода. Оставляя в стороне проблему этнической атрибуции бактрийско-маргианской культуры на начальном этапе, носители БМАК в конечном итоге стали ираноязычными, и процесс этот начался, судя по всему, с продвижения на юг андроновских племен. Иного объяснения генетической связи комплексов БМАК–Яз II–Яз III среднеазиатские археологи не видят, что, собственно, еще 40 лет назад пытался объяснить Б. А. Литвинский (Литвинский, 1967, с. 125–126). Но комплекс Яз I является в Бактрии и Маргиане совершенно инородным явлением, вклинившимся в естественный процесс развития местной культуры во 2-ой половине II тыс. до н.э.¹³ Если принять допущение, что носители крайне самобытной и невероятно консервативной культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа были в языковом отношении древнеиранскими племенами, это вступает в неразрешимое противоречие со всеми имеющимися фактами, лингвистического, археологического и, если угодно, антропологического порядка¹⁴.

Знающая в целом археологические материалы Средней Азии уважаемая Е. Е. Кузьмина, обратив внимание на находки в слоях памятников периода Яз I подгорной полосы Копетдага фрагментов так называемой «валиковой керамики», настаивает на идентификации восточных иранцев с КВК – культурой валиковой керамики (Кузьмина, 2006, с. 179; 2008, с. 327–328). В Бандыхане, в комплексе из Майдатепы (период Яз I) среди нескольких десятков тысяч фрагментов найден только один фрагмент с налепным валиком, что для статистики равно нулю, хотя для гуманитариев является свидетельством если не прямых, то косвенных контактов, но на поселении Бектепы (период Яз II раннего этапа) нет ни одного.

В интересующей нас зоне общность КВК представлена бегазыдандыбьевской культурой Казахстана и близкой ей амирабадской культурой Южного Приаралья, т.е., по сути, в эпоху поздней бронзы – раннего железа общность приблизилась только к дальней северной окраине среднеазиатского региона. Тем не менее, контакты севера и юга, конечно, были, а уровень их интенсив-

ности (где-то больше, где-то меньше) хорошо виден по находкам валиковой керамики в археологических комплексах различных памятников Среднего Востока, в том числе Ирана и Афганистана. Е. Н. Черных в специальной статье, посвященной проблеме общности КВК, видит в распространении валиковой керамики признаки расселения индоиранцев или иранцев, но указывает, что истоки КВК находятся далеко на западе, в т.н. «фракийской» зоне и уходят корнями в эпоху ранней бронзы. На севере Балкан и в Карпатском бассейне традиции культуры валиковой керамики сохраняются на протяжении всего бронзового и раннежелезного века и наследуются, к примеру, гето-дакийской культурой рубежа нашей эры (Черных, 1983, с. 96–97).

Трудно представить, что восточноиранский скифо-сарматский мир сформировался на базе культур валиковой керамики, имеющей явно западное происхождение, но отрицать участие КВК в сложении иранской или, точнее будет сказать, западноиранской языковой общности, наверное, нельзя, как, впрочем, и фракийской тоже.

Как следовало ожидать, рассмотрение проблемы комплексов Яз I и Яз II выходит из плоскости чисто археологической и затрагивает невероятно сложные и запутанные аспекты истории происхождения и географии древних иранцев. Конечно, никто не предлагает банальное уравнение «комплекс керамики Яз II = восточные иранцы», что выглядит довольно абсурдно, но хронология Бектепа и новые археологические данные, хотим мы того или не хотим, заставляют переосмыслить сложившиеся представления и еще раз перепроверить многие, казалось бы, абсолютно устойчивые представления.

Первый вывод, к которому мы поневоле приходим, состоит в том, что комплекс Яз II, аналогичный бандыханскому, распространен практически в центре той загадочной территории, которая после научного провала «теории Большого Хорезма» соотносится с «Арьянэм-Вайчах» – ареалом расселения племен, говоривших на авестийском иранском (уст. зэндском) языке, не восточноиранском, но, возможно, с некоторыми его элементами. Как бы не хотелось некоторым исследователям, комплекс Яз II, подобный бандыханскому, к северу от Гиссарского хребта, в Согдиане, до сих пор не выявлен, в чем нет ничего удивительного, поскольку северные земли означали территорию Турана – извечного противника и антипода Ирана. Второй вывод, соответственно, таков: создатели комплекса Яз II начала I тыс. до н.э. – это потомки создателей БМАК, ассимилированных ариями-андроновцами, подвергшиеся затем языковому воздействию других древнеиранских племен, возможно, уже носителей восточного диалекта древнеиранского. Таким образом, для культуры Яз II, распространенной на территории будущих Бактрии и Маргианы, в археологии юга Средней Азии не существует иной альтернативы, кроме признания ее древнеиранской, точнее, авестийской иранской.

Конечно, арианизация и иранизация населения Средней Азии, как и любой другой процесс такого сложного порядка, происходила скачкообразно и неоднородно. В один и тот же отрезок времени могли сосуществовать как неиранские группы населения, так и носители иранских языков и диалектов различной степени развития, а также, разумеется, арийских и индоиранских языков. Но есть один момент, на который хотелось бы обратить особое внимание – это относительно быстрая по историческим меркам скорость языковой ассимиляции, что свидетельствует в пользу близкого родства языков пришлого и местного населе-

ния, обусловленного, надо полагать, принадлежностью к одной, индоевропейской семье.

Для Е.Е. Кузьминой все народы, упомянутые в Яште XIII «Авесты»: арии, туры, сайрима, сайни и дахи – несомненно, были родственными иранскими племенами (Кузьмина, 2008, с. 332), но так ли это в действительности? Если у археологов и антропологов возникают сомнения во «всеобщей ираноязычности» евразийских степей эпохи раннего железа (Яблонский, 2005, с. 788), как, впрочем, и любой другой моноэтничности, то что говорить о населении Средней Азии, издавна отличавшегося необыкновенной пестротой этнического состава. В любой исторический период здесь можно было наблюдать прямое воздействие или, по крайней мере, отголоски всех без исключения цивилизаций Евразии – от средиземноморской и ближневосточной до китайской и индийской. Представляется, что и в эпоху поздней бронзы – раннего железа ситуация мало отличалась от известного по письменным источникам этнического многообразия.

Возвращаясь к проблеме этнической атрибуции общности культур расписной керамики, можно смело утверждать, что доводов в пользу признания ее тохарами или, точнее, прототохарами намного больше, чем, скажем, древними иранцами. Появление племен расписной керамики в бассейне Тарима в конце III тыс. до н.э. – тема отдельного исследования, но с тех самых пор народ, создавший эту археологическую культуру, проживал на одной и той же территории вплоть до появления текстов, написанных на тохарских языках. Ферганская долина, возможно, также являлась частью ареала первичного заселения, это покажет более пристальное исследование памятников чувстской культуры, не только поселения Чуст и городища Дальверзин, но и многих других. Приблизительно в середине II тыс. до н.э. произошел отток какой-то части населения Таримского бассейна на запад и юго-запад. Похоже, именно с этим процессом связано появление бургулюкской культуры Ташкентского оазиса и, как, надеюсь, показал пример Бандыхана, возникновение первых поселений общности Яз I на юге Средней Азии.

В целом исторические события конца II тыс. до н.э. напоминают ситуацию с миграцией «больших юечжи» в конце II в. до н.э. – тот же маршрут, те же территории, в конечном счете, потомки тех же народов. Судя по археологическим и антропологическим данным, население Синьцзяна II тыс. до н.э., как и II в. до н.э., тоже не отличалось этническим однообразием, так что в распространении культуры расписной керамики эпохи бронзы – раннего железа, надо полагать, принимали участие не только тохары, но и еще какие-то, неизвестные нам народы. Аналогичен также ход последующих событий: как Сасанидская империя, подчинив Кушанскую империю в III в. н.э., приблизила свои северные границы к Согдиане, так в начале I тыс. до н.э. Иран начал свое наступление на Туран, продолжившееся при Ахеменидах и закончившееся на берегах Яксарта – Сырдарьи. В тех землях, что подпали под власть Ахеменидской империи, распространился археологический комплекс Яз III, на неподвластных территориях – Ташкенте, Фергане и, конечно, Синьцзяне, культура расписной керамики видоизменяется, но продолжает свое существование¹⁵.

Вполне вероятно, что расселение племен общности расписной керамики в конце II тыс. до н.э. далеко на юг от Амударьи нашло свое отражение в «Авесте», где сказано о захвате когда-то царем Турана Афрасиабом всей страны ариев – «Арьянэм-Вайчах». Согласно пехлевийской традиции, Афрасиаб даже проводил строительные работы в Сеистане, в том числе возле легендарного озе-

ра Хамун (ИТН, 1998, с. 243). О бесконечном противостоянии Ирана и Турана захватывающе повествует Фирдоуси в эпическом сказании «Шахнаме»¹⁶. В одной части «Книги царей» можно найти образ Тохара – советника сына Сиавуша Форууда, возглавлявшего туранское войско против Кей-Хосрова, в другой – Тохар является владельцем Дехистана и доблестным воином Кей-Хосрова на войне с владыкой Мекрана (Фирдоуси, т. II, с. 388–407; т. III, с. 356, 461). На первый эпизод обратил внимание Б. А. Литвинский, как и на то, что в «Шахнаме» указано довольно точное месторасположение города Сиавушгерд – к востоку от Хотана. Затем автор, как всегда, предельно обстоятельно дает разъяснение по поводу ошибочной, по его мнению, локализации Сиавушгерда в стране тохаров (ИТН, 1998, с. 630, сноска 264; с. 633, сноска 309). Сиавушгерд (Гангдиз), по мнению Б. А. Литвинского, располагался там же, где и столица Афрасиаба, в центральной области Турана под названием Кангха или Канг, в районе низовьев Сырдарьи (ИТН, 1998, с. 630, сноска 264; с. 633, сноска 309).

Трудно спорить, но, похоже, такая окраинная локализация является отголоском все той же «теории Большого Хорезма», яростным противником которой является сам Б. А. Литвинский. Абсолютно непонятно, почему почти все значимые исторические события начала I тыс. до н.э. должны были происходить на периферии, в низовьях главных среднеазиатских рек, почему из обзора географических областей вдруг выпадает название Согдианы – реального центра Среднеазиатского междуречья, имеющего вполне конкретное стратегическое значение? Может быть, потому, что Туран – это не только Хорезм, но и Согдиана, а область Канг – Самаркандский Согд? В этой связи желательнее было бы внимательнее присмотреться к результатам археологических работ на городище Коктепа, что находится на расстоянии около 25 км к северу от Самарканда. Нижние слои памятника включают комплекс культуры расписной керамики VIII–VII вв. до н.э. (по ¹⁴C), верхний слой относится к ахеменидскому периоду вплоть до греческого завоевания в конце IV в. до н.э., когда жизнь в городе прекратилась. Исследователи памятника предполагают, что Коктепа – это упомянутая Аррианом «басилейя Согдианы», т.е. столица Согдианы, куда из Самарканда вынужден был отступить Спитамен (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 78). Вполне возможно, что текст Арриана не подвергся искажениям, и в Согдиане была столица ахеменидского времени – Самарканд (городище Афрасиаб) и столица доахеменидская – «басилейя Согдианы» (городище Коктепа), которая когда-то являлась резиденцией Афрасиаба, главным городом области Канг и всего Турана.

В античной традиции турам соответствуют массагеты¹⁷, для которых исследователи находят археологическое соответствие в виде специфических погребальных конструкций – каменных склепов в юго-восточном Прикаспии (Мандельштам, 1984, с. 174). Вероятнее всего, ареал расселения массагетов предопределил локализацию области Канг в западной части Средней Азии, но аналогичные захоронения в каменных склепах имеются и на территории Ферганской долины, причем сосуды из могильника Даштиашт изготовлены и украшены росписью в лучших традициях общности лепной расписной керамики (Салтовская, 1978).

Исходных данных явно недостаточно и пока с определенной долей вероятности можно утверждать только то, что на позднем этапе археологический комплекс расписной керамики в Западном Туркестане был присущ не только древним тохарам, но и еще одному, по сути, неизвестному народу под названием ту-

ры или массагеты.

«Тохарская проблема» и «туранский язык»

Конечно, нам не дано знать, на каком языке говорили туры, или массагеты, или дахи, но по отдельным пассажам «Гимна Хварно» «Авесты» понятно, что не на иранском. Во всяком случае, когда в пылу гнева царь Турана Афрасиаб (Франхрасьян) переходил на родной язык, арии воспринимали его речь как абракадабру (Яшт 19, VIII, с. 138). В то же время, никак нельзя признать туранский язык тохарским, можно лишь предполагать их тесное родство. Конечно, проще всего было бы считать язык туров–массагетов одним из древнеиранских, как, впрочем, чаще всего и делается. В пользу такого заключения как будто свидетельствует тот факт, что наиболее ранние контакты тохарского с иранским восходят приблизительно к I тыс. до н.э. и связаны не столько с авестийским языком, сколько с каким-то неизвестным древнеиранским диалектом, вероятнее всего, далеким предком современного осетинского (Pinault, 2002, с. 245).

Конечно, никто и не думает отрицать контакты тохаров с древнеиранскими племенами, но для нас особенно важен факт языкового взаимодействия тохарского с авестийским иранским, что подтверждает проникновение носителей тохарского языка на юг Средней Азии уже в эпоху поздней бронзы – раннего железа. В археологии этот процесс виден в появлении на юге Средней Азии культуры расписной керамики типа Яз I в ареальной близости с культурой Яз II. Но когда мы говорим о связях тохарского и туранского, речь должна идти не просто о контактах на уровне обычного словарного обмена, а очень близком родстве двух языков. И вот какие данные хотелось бы привести по этому поводу.

В ходе новейших исследований в области сравнительного языкознания выявляется некий неизвестный центральноазиатский язык. Г. Карлинг, отмечая установленный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н.э. В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка–донора, существовавшего некогда в Центральной Азии (Carling, 2005, сс. 52–54, 66)¹⁸.

Много раньше Т. Барроу на основании изучения документов III в. из города Ния – столицы государства Крорайна (Лоулань) пришел к выводу о возможности существования в южных областях бассейна р. Тарим третьего тохарского языка – тохарского С (Biggou, 1935, с. 675). В северо-западном пракрите светских документов из Нии, названном Т. Барроу “krogianic” (крорайни), в отличие от соседнего Хотана, зафиксировано влияние субстратного, как предполагалось, тохарского языка. Кроме того, засвидетельствовано более тысячи имен собственных и около сотни слов, происходящих (или родственных) из тохарских языков А и В (Воробьева-Десятовская, 1984, сс. 68–69).

В раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке выявлены заимствования из тохарских диалектов, относящиеся, по-видимому, к I тыс. до н.э. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» (Иванов, 1992, с. 14).

Всем историкам Центральной Азии прекрасно известна острая полемика по поводу происхождения суффикса -šk- в именах кушанских правителей Канишка, Хувишка и Васишка (см. Захаров, 2002). Вяч. Вс. Иванов предлагал объяснить

появление суффикса -šk- в Бактрии происхождением из тохарского, но встретил резкое несогласие со стороны специалистов по иранскому языкознанию. По их мнению, иранские этимологии лучше подходят для перечисленных имен, хотя и не подтверждаются на материалах собственно бактрийского языка, в котором этот суффикс отсутствует (Иванов, 1992, с. 19). Но не содержится ли и в этом случае намек на все тот же загадочный центральноазиатский язык, должно быть, занимавший промежуточное положение между тохарскими и иранскими языками.

Если бы археологу было позволено стать лингвистом, то по аналогии с историческими данными о Туране следовало бы назвать неведомый вымерший язык «туранским»¹⁹. И, наверное, нет для него иного места в системе индоевропейских языков, кроме отнесения к южной группе наряду с греческим, армянским, иранским, индийским и, конечно, фракийским и фригийским. Последний из перечисленных языков был особенно близок тохарскому, как, впрочем, и иранскому, а если бы мы знали больше о фракийском языке, то, думается, можно было бы сопоставить «туранский» язык и с фракийским или гипотетическим древним фрако-фригийским диалектом²⁰.

С археологической точки зрения не видится никаких противоречий в предположении о тохарской атрибуции культурно-исторической общности лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа. Признаки комплекса расписной керамики периодически обнаруживаются в археологических материалах Средней Азии разных эпох и обычно связаны с передвижением племен из Восточного Туркестана. Разумеется, не только тохары принимали участие в этих процессах, поскольку со временем, приблизительно с начала I тыс. до н.э., на территории Западного Туркестана данный археологический комплекс (типа Яз I) становится присущ не только предкам исторических тохаров, но и тому народу, который именуются турамы или массагетами.

Если рассматривать в динамике все предшествующие штурму Греко-Бактрии события с учетом археологических данных, напрашивается вывод о постоянно усиливающемся симбиозе двух народов, из которых Ханьскому Китаю были лучше известны их ближайшие соседи «юечжи» (туры, массагеты), а средиземноморским цивилизациям – тохары. Вполне вероятно, что существующая до сих пор в историографии двусмысленность относительно идентичности «больших юечжи» китайских источников II в. до н.э. и «тохаров» (вкуче с прочими) классических античных отражает конкретные исторические реалии. Во всяком случае, после массового исхода «больших юечжи» из Восточного Туркестана во II в. до н.э., в котором, несомненно, какая-то часть тохаров также принимала участие, последние еще долго оставались на прежнем месте, о чем мы можем уверенно судить по находкам тохарских текстов в Синьцзяне. В Западном Туркестане туранский язык полностью растворился в восточноиранской среде, оставшиеся в Китае его носители – «сяо юечжи» были поглощены гуннскими и тибетскими племенами, в то время как последние носители последнего тохарского языка были полностью ассимилированы тюркскими народами, прежде всего, предками современных уйгуров.

Последнее по времени появление культуры лепной расписной керамики в Западном Туркестане относится к рубежу X–XI вв., когда основанный в Восточном Туркестане Караханидский каганат, свергнув династию Саманидов, подчинил своей власти Мавераннахр. В самом начале XI в. на всей территории Средней

Азии вдруг снова, как и 2000 лет назад, появляется лепная расписная посуда, что не поддается никаким разумным объяснениям. Более того, возникла даже мода на подобную продукцию, и городские ремесленники украшали росписью сосуды, изготовленные на гончарном круге. Все становится на свои места, если мы вспомним, что последние по времени тохарские тексты в Синьцзяне датируются X и, вероятно, даже XI в. (Carling, 2005, с. 47–48), и тогда, конечно, столь неожиданное возобновление традиции расписной керамики связано с вольным или невольным переселением в Среднюю Азию потомков исторических тохаров. Этот народ, создавший когда-то уникальную и крайне консервативную культуру и в течение многих столетий строго придерживавшийся ее канонов, уже даже потеряв, наверное, свой родной язык и находясь на грани полного исчезновения, сумел сохранить последнее из того, что досталось ему в наследство от предков – древнейшие и весьма своеобразные технологические приемы. Одним из проявлений исторической памяти тохаров и непременным атрибутом их культуры во все времена было изготовление лепной расписной керамики.

Сноски

1. Определение Средняя Азия подразумевает территорию Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизстана и южной части Казахстана – то, что раньше называлось Западный Туркестан.
2. Подробный обзор см.: Умняков, 1940.
3. Китайские археологи, раскапывавшие могильник Кээрмуци, датировали его III в. до н.э. – III в. н.э.
4. Первооткрыватель чувской культуры М.Э. Воронец датировал ее III–II тыс. до н.э. Надо сказать и о калиброванных радиоуглеродных датах чувской культуры, самые ранние из которых относятся к концу III тыс. до н.э. (Заднепровский, 1997, сс. 72–76).
5. Не вполне удачное определение «культура расписной керамики» понимается условно, поскольку количество сосудов с росписью обычно составляет 1–5 % всего комплекса керамики.
6. В Средней Азии местонахождений керамики типа Яз I, похоже, нет только там, где ее не искали.
7. Также в Ташкентском оазисе могли быть бургулюкские поселения, датирующиеся гораздо более ранним временем, чем начало I тыс до н.э.
8. Можно также вспомнить хорошо известный среднеазиатским археологам рецидив производства так называемой «псевдотрипольской» посуды в период с рубежа X–XI до середины XII в. н.э., охвативший тогда всю территорию Мавераннахра и сохранившийся в отдаленных горных районах вплоть до нашего времени.
9. Судя по отрывочной информации, раньше возле Майдатепы находили древние разрушенные захоронения: «В 1973 г. Э.В. Ртвеладзе, проводивший разведку в округе древнеземледельческих поселений Бандыхана, обратил внимание на находки человеческих костей на прилегающих к оазису естественных холмах» (Сагдуллаев, 1990, с. 34).
10. Вероятнее всего, центром производства станковой посуды, поступавшей в Бандыхан, являлись поселения Миршадинского оазиса Моллали и Буйрачи в дельте р. Халкаджар в 40 км к северо-востоку.
11. Во избежание недоразумений приходится повторяться: роспись наносилась по светлому фону, а не по красному (Заднепровский, 1997, с. 97).
12. Вероятно, наличие расписного сосуда в материалах из раскопок Нади-Али явилось когда-то основанием для предположения о восточноиранской атрибуции общности Яз I, хотя сомнения в верности данного положения у самих приверженцев этой теории возникали неоднократно.
13. Возможно, что на восточной окраине территории бактрийско-маргианской культуры эпохи бронзы (например, в районе Денау или северо-восточном Афганистане) последовательность развития культуры от БМАК к Яз II пресекалась не настолько резко или вовсе не прерывалась. К примеру, в Денауском районе вообще не выявлено ни одного памятника Яз I, найдено только два

фрагмента расписной керамики. В упомянутом выше поселении Буйрачи разрыва традиции БМАК не замечено (см. Сагдуллаев, 1989, с. 62).

14. Ш. Б. Шайдуллаев связывает появление комплекса Яз I с миграцией нового этноса, впоследствии полностью растворившегося в среде местного населения (Шайдуллаев, 2000, с. 87).

15. В это же время в Средней Азии появляются сакские племена, определившие восточноиранский вектор языкового развития.

16. Современный исследователь, конечно, вправе сомневаться в исторической достоверности информации, переданной в XI в. великим Фирдоуси.

17. Возможно, другое название массагетов – дахи, жившие около сер. I тыс. до н.э. в Прикаспии по соседству с хорасмиями, «хотя основное ядро этого объединения находилось еще в степях за Сырдарьей» (см. Щеглов, 2006, с. 310). Многие исследователи придерживаются сформулированной еще в 20-е гг. XIX в. версии А. Rémusat – J. Klaroth о тождестве массагетов и больших юечжи (Franke, 1904; Толстов, 1948, с. 242–245).

18. В известной дискуссии И.М. Дьяконова с Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым приводится китайское слово *lac* «молоко (творог, сыр, масло)», восходящее не к тохарскому, а к древнему общеиндоевропейскому *Grag* «молочный продукт» (Дьяконов, 1982 (II), с. 22–23; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 120). Вероятно, происхождение китайского слова для обозначения молочного продукта также следует объяснить влиянием этого неизвестного языка.

19. Судя по документам из Крорайны, «туранский» язык исчез раньше тохарских, можно предполагать, что приблизительно в одно время с тохарским А, наверное, не позднее середины I тыс. н.э.

20. Специалистам по сравнительному языкознанию и просто историкам можно адресовать целый ряд довольно странных совпадений, каждое из которых, само по себе, значит мало или не значит ничего, но вместе они образуют некую закономерность. Обращает на себя внимание избирательность культовой тематики греко-бактрийского времени, когда из всего античного пантеона особую популярность приобрели якобы эллинические божества, но почему-то фракийского происхождения. То же относится и к музыкальным инструментам, которые когда-то в Элладу попали из Фракии, но в Средней Азии были известны задолго до прихода греков. Название фракийского племени одрисов совпадает с названием бактрийского племени, возле одрисов в Родопских горах жили бессы, что звучит так же, как имя Бесса – наместника Ахеменидов в Бактрии конца IV в. до н.э. Непосредственно к тематике этой статьи относится сопоставление, которое, насколько известно, никто никогда не делал: самоназвание фригийцев и области Фергана, и лучше не в китайской передаче, а в согдийской, имеющейся в документах с горы Муг.

Использованная литература

Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии проф. М.И. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

Алексеев В.П. Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. М., 1992, сс. 388–405.

Антонова Е.В. Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б.А. Литвинского. М., 1984, сс. 55–60.

Аскарлов А.А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, сс. 34–37.

Аскарлов А.А. Южный Узбекистан во II тысячелетии до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, сс. 167–179.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск, 1998, сс. 60–72.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4. Горно-Алтайск, 1999, сс. 53–59.

Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1984, сс. 61–96.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В. В. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2, сс. 11–33.

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (по поводу статей И.М. Дьяконова в *ВДИ*, 1982, № 3 и 4) // *ВДИ*. 1984. № 2, с. 107–122.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // *ВДИ*. 1989. № 1, с. 14–39.
- Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. Киев, 1969.
- Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Т., 1982.
- Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // *ВДИ*. 1982. № 4, с. 11–25.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. *МИА*. № 118. М. – Л., 1962.
- Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
- Захаров А.О. К проблеме происхождения юечжей // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XII. Москва–Магнитогорск, 2002, с. 447–455.
- Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б.А. Литвинского. М., 1992, с. 6–31.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Т., 2002.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // *ИМКУ*. Вып. 30. Т., 1999, с. 68–79.
- ИТН – История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н.э. Под редакцией Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1963.
- ИТН – История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под редакций Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998.
- Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // *СА*. 1960. № 4, с. 244–266.
- Ковалев А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. Санкт-Петербург, 2004, с. 249–292.
- Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность) // *ВДИ*. 1972. № 1, с. 131–147.
- Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) и ее этническая атрибуция // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации: Материалы Международной научной конференции. Мары, 2006, с. 178–180.
- Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.–СПб., 2008.
- Литвинский Б.А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // *ВДИ*. 1967. № 4, с. 118–137.
- Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, с. 154–166.
- Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б.А. Литвинского. М., 1984, с. 4–28.
- Лушпенко О.Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Под редакцией З. И. Усмановой. Т., 1990, с. 24–29.
- Мандельштам А.М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 173–177.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // *МИА*. № 73. М.–Л., 1959.
- Массон В.М. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1984, с. 5–12.
- Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976, с. 93–103.
- Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Т., 2007, с. 67–95.
- Сагдуллаев А.С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // *СА*. 1985. № 4, с. 21–32.

- Сагдуллаев А.С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // *СА*. 1989. № 2, сс. 49–65.
- Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа // *Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры)*. Под редакцией З.И. Усмановой. Т., 1990, сс. 29–38.
- Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // *КСИИМК*. М., 1978. Вып. 154, сс. 95–98.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди В.И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)*. М., 1981, сс. 180–191.
- Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 4, сс. 25–30.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Умняков И. Тохарская проблема // *ВДИ*. 1940. № 3–4, сс. 181–193.
- Филанович М.И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента // *У истоков древней культуры Ташкента*. Т., 1982, сс. 91–124.
- Фирдоуси. Шахнаме. Т. 2. М., 1960.
- Хлопина Л.И., Хлопин И.Н. К происхождению комплекса Яз-Тепе I Южного Туркменистана // *СА*. 1976. № 4, сс. 200–203.
- Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1983, сс. 81–99.
- Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Т., 2000.
- Щеглов Д.А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // *ЗВОРАО*. Т. II (XXVII). СПб., 2006, сс. 276–316.
- Яблонский Л.Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // *Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович*. М., 2005, сс. 776–791.
- Anthony, D.W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders of the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton University Press, 2007.
- Burrow, T. *Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan* // *JRAS*. Cambridge, 1935, p. 667–675.
- Carling, G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language // *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004*. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, DC 2005, p. 47–71.
- Casal, J.-M. *Fouilles de Mundigak*. II volumes. *MDAFA Tome XVII*. Paris, 1961.
- Chen, Kwang-tsun & Hiebert, F. T. *The Late Prehistory of Xinjiang in Relation to Its Neighbors* // *Journal of World Prehistory*. 1995. Vol. 9. No. 2, p. 243–300.
- Debaine-Francfort, C. *Archaeologie du Xinjiang des origines aux Han*. Première partie // *Paléorient*. Vol. 14/1, 1988, p. 5–29.
- Debaine-Francfort, C. *Archaeologie du Xinjiang des origines aux Han*. Pième partie // *Paléorient*, Vol. 15/1, 1989, p. 183–213.
- Debaine-Francfort, C. *Xinjiang and Northwestern China around 1 000 BC: Cultural Contacts and Transmissions* // *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel Vorder- und Zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend*. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, p. 57–70.
- Francfort, H.-P. *The Cultures with Painted Ceramics of South Central Asia and their Relations with the Northeastern Steppe Zone (late 2nd – early 1st millenium BC)* // *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend*. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, p. 221–235.
- Franke O. *Beiträge aus Chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*. Berlin, 1904.
- Ghirshman R. *Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire)* // *Revue des arts asiatiques*. Annales du Musée Guimet. Tome XIII (1939–1942), Paris, 1939, p. 10–22.
- Gnoli, G. *Zoroaster's Time and Homeland. A Study on the Origins of Mazdeizm and Related Problems*.

- Naples, 1980.
- Gnoli, G. Avestan Geography // *Encyclopædia Iranica*. Vol. III. Edited by Ehsan Yarshater. London - New York, 1989, p. 44–47.
- Görsdorf, J. Information zu den 14C-Datierungsergebnissen von Majdatepa (Bandixon I) // *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. 3. Т., 2007, с. 132.
- Görsdorf, J. und Parzinger, H., Nagler, A., Leont'ev, N. Neue 14C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // *Eurasia Antiqua* 4, 1998, p. 73–80.
- Kohl, Ph. L. *Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris, 1984.
- Li, Shuicheng. The Interaction between Northwest China and Central Asia During the Second Millennium BC: an Archaeological Perspective // *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, p. 171–182.
- Mair, V. H. Genes, Geography, and Glottochronology: The Tarim Basin during Late Prehistory and History // *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004*. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, 2005, p. 1–46.
- Mallory, J. P., *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London, 1989.
- Mallory, J. P., Mair, V. H. *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*. London, 2000.
- Masson, V. M., Sarianidi, V. I. *Central Asia: Turkmenia Before the Achaemenids*. London, 1972.
- Mei, Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its Cultural Context and Relationship with Neighbouring Regions. *BAR International*. Series 865, 2000.
- Mei, Jianjun & Shell, C. The Existence of Andronovo Cultural Influence in Xinjiang During the 2nd Millennium BC // *Antiquity* 73 (1999), p. 570–578.
- Mei, Jianjun & Shell, C. The Iron Age Cultures in Xinjiang and their Steppe Connections // *Ancient Interactions: East and West in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, p. 213–234.
- Pinault, G.–J. Tocharian and Indo-Iranian: Relations Between Two Linguistic Areas // *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Proceedings of the British Academy, 116. Edited by Nicholas Sims-Williams. Oxford, 2002, p. 243–284.
- Pulleyblank, E. G. Chinese and Indo-Europeans // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1–2. London, 1966, p. 9–39.
- Pulleyblank, E. G. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times // *The Origins of Chinese Civilization*. Edited by D. N. Keightley. Berkeley/Los Angeles, 1983, p. 411–466.
- Pulleyblank, E. G. Why Tocharians? // *JIES*, Vol. 23, Nos. 3-4 (Fall/Winter 1995), p. 415–430.
- Pumpelly, R. W. *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment*. Washington, 1908.
- Renfrew, C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: A View from the West // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Vol. 1. Edited by V. H. Mair. Philadelphia, 1998, p. 202–211.
- Stein A., K.C.I.E. *Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Īrān*. Vol. I–II – texts, III–IV – plates and plans, V – maps. Cosmo Publications, New Delhi – India, 1981.
- Tarasov P., Jin, Guiyun, Wagner, M. Mid-Holocene environmental and human dynamics in northeastern China reconstructed from pollen and archaeological data // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2006. No. 241, p. 284–300.

О ВЕРЕТРАГНЕ

Этимология имени этого божества яштов Авесты совпадает с эпитетом Индры -божества грома и молнии Ригведы. Известно, что в мифологии народов индоевропейской языковой принадлежности центральное место в пантеоне занимали божества грома и молнии. В структуре мифологической системы, согласно функциональной типологии, они собирали тучи и вызывали живительные дожди. Среди подобных божеств, занимающих главенствующее положение в пантеонах культовых систем народов индоевропейской языковой общности, следует назвать греческого Зевса-громовержца, римского Юпитера, ведического Индру, славянского Перуна, литовского Перкунаса, скандинавского Тора. Это божества-громовержцы и тучегонители, они побеждают дракона или мирового змея, освобождая при этом воду и обеспечивая плодородие всего живого. Известен этот образ и в древнейшей из сохранившихся индоевропейских мифологических традиций – хеттской. Символическое оружие этих владык пантеонов обычно боевой молот или топор, оружие Индры – дубина. В Малой Азии эпохи бронзы символами божества грома и дождя был также и лабрис – ритуальный топор для жертвоприношений. В греко-римской изобразительной традиции Зевс и Юпитер изображены часто с пучком молний в руке. Кроме того, спутником Зевса и Юпитера является орел; в какой-то степени орел связан и с образом Индры – именно орел приносит Индре священный напиток сому, дающий последнему вдохновение и всепобеждающую силу, а один из помощников Тора – Локи выступает в оперении сокола. Образ царственной птицы указывает на небесную сущность этих божеств грома и молнии.

Образ бога-громовержца был известен в Средней Азии с эпохи бронзы, при раскопках В.И. Сарияниди на поселениях эпохи бронзы в низовьях Мургаба была найдена глиняная статуэтка мужчины с топором за поясом, обхватившая вторую человеческую фигурку. В.И. Сарияниди довольно аргументированно приходит к выводу о том, что перед нами образ божества-громовержца, повергающего своего соперника. Образ орла или иных хищных птиц, которые могут быть связаны с богом грома, также широко распространен в тематике глиптики эпохи бронзы Маргианы и Бактрии и можно полагать, что изображения парящей распластанной фигуры орла на печатях Бактрии и Маргианы эпохи бронзы символизировали образ бога-громовержца. Для этого же Бактрийско-Маргианского археологического комплекса характерны разнообразные ритуальные бронзовые топоры. Однако в эпоху раннего железного века в связи с повсеместным распространением в древних оазисах Средней Азии нового археологического комплекса крашеной керамики геометрического стиля и полным исчезновением изобразительных сюжетов, материальные следы образа бога-громовержца теряются. Это была эпоха распространения новой авестийской мифологической традиции, которая, вероятно, и была связана с вышеуказанным комплексом материальной культуры. Однако сама Авеста сохранила нам образ аналогичного божества, а также и его имя.

Зороастрийская или авестийская мифологическая традиция знает бога-драконоборца Веретрагну, одной из инкарнаций которого является хищная птица

Варагн, о котором Бахрам-яшт сообщает:

Один он догоняет
Из всех одушевленных
Полет стрелы, что пущена
Без промаха летящей. [Бахрам-яшт VII, 20]

Об идентификации этой птицы нет единой точки зрения, она отождествляется с орлом, коршуном, ястребом, вороном. Однако указание яшта о том, что только один он способен догнать стрелу, выпущенную из лука, видимо свидетельствует о том, что Варагна – это орел. Именно орел способен переломить кости своей жертве, что также подчеркнуто в гимне Веретрагне [Бахрам-яшт, VII, 19-20]. Более того, на монетах кушанских правителей Канишки и Хувишки он носит имя Орлагно и изображен в виде мужской фигуры в кафтане, над головой которого парит орел.

Но, в отличие от Зевса и Юпитера, Веретрагна далеко не центральная фигура зороастрийского пантеона. Веретрагна – один из многих божеств-язатов, занимающих подчиненное положение по отношению к Ахурамазде и шести священным Амешаспентам.

Кардинальная реформа, проведенная Заратуштрой, отодвинула на второй план все древние языческие иранские и индоарийские божества, подчинив их в качестве простых язатов верховному богу Ахурамазде и его шести помощникам в сложной системе зороастрийского пантеона. Хотя функции всех этих архаических божеств сохранились. Текст древнего гимна, посвященного Веретрагне, достаточно раскрывает сущность и функции этого архаического бога. Это, прежде всего, божество военной победы, удачи и непобедимой силы, он также дает поклоняющимся выносливость и стойкость, и остроту зрения стервятника. Гимн перечисляет десять инкарнаций или образов, в которых является Веретрагна – в виде ветра, несущего благое Хварно, то есть успех и богатство; затем в виде прекрасного и могучего быка; белого, златоухого коня; мощного верблюда; свирепого вепря; в виде ясноглазого пятнадцатилетнего Мужа; хищной птицы Варагн; горного прекрасного барана; дикого козла; благородного мужа. В гимне особо выделено воплощение божества в хищную птицу Варагн. Согласно яшта Веретрагны, перья этой птицы обладают магической силой. На вопрос – как уберечься от чар колдовства и заклинаний, Ахура-Мазда отвечает:

Возьми перо, Спитама,
Ширококрылой птицы,
Перо от птицы Варагн
И, проведя по телу,
Пером заклятье снимешь
Ты своего врага. [Бахрам-яшт XIV, 35]

Указывается также, что перо Варагна дает его владельцу неодолимую силу. Два или четыре пера Варагна, протянутые перед войском, обеспечивают этому войску полную победу при поддержке Веретрагны. Божество откликается в первую очередь на призыв тех, кто владеет пером этой священной птицы. В гимне Веретрагне отмечается, что в арийских странах при жертвоприношении ему варят мясо скотины одной масти, а также упоминается какой-то сигуровский камень (нефрит?), который тоже способствует победе войска.

Однако ни о молоте, ни о громае и молнии, ни о драконе Вритре, которое побеждает божество в гимне Веретрагне, не упоминается. Однако несомненно, что

Веретрагна – аналог ведического божества грома и молнии Индры, носителя эпитета Вритрахан – убийца Вритры. На это же указывает и имя божества грома и молнии армянской мифологии Вахагна, с переходом «х» в «р» в имени Варагна – основного воплощения божества Веретрагны. Эти типологические сходства при расхождении части атрибутов и функций Веретрагны по сравнению с Индрой и остальными грозными атмосферными божествами мифологических традиций других индоевропейских народов следует объяснять длительным развитием древнеиранской мифологии после этнокультурного разделения индоариев и древних протоиранцев в эпоху бронзы. Трансформация структуры пантеона и функции божеств определялись теми условиями и историко-культурными факторами, в которых протекало развитие ираноязычных этносов и их мифологии. Видимо, ко времени сложения древнейших частей Авесты прежнее божество грома и молнии общих предков индоариев и протоиранских племен обрело все те атрибуты и функции, что упомянуты в Бахрам-яште. Возникает вопрос – чем объяснить то, что при сохранении имени, символического спутника в виде хищной птицы, а также основной своей функции бога – победителя, Веретрагна потерял такие свои существенные проявления, как гром и молнии, и свое символическое оружие – молот или топор?

Древнейшие божества пантеонов различных мифологических циклов представляли собой персонификации сил и ресурсов природы – неба, земли, воды, атмосферных явлений, а также растительного и животного мира. Прежде всего, были обожествлены важнейшие факторы и явления в жизнеобеспечении человека – животные и растения, на которых охотился первобытный человек, что привело к понятию тотема. Осознана также и роль плодородия диких животных, что находит свое отражение в ярких памятниках первобытного искусства. Далее с развитием производящего хозяйства особую роль обретают факторы экологические, атмосферные, климатические, солнце, вода и особенно плодородная земля. Орнаментальные сюжеты, сохранившиеся на керамике древнеземледельческих цивилизаций, достаточно ярко зафиксировали это. К этому времени – эпохе неолита и энеолита, – обычно относят формирование и постепенное распространение племен индоевропейской языковой группы. Вопрос о первоначальной прародине их остается предметом нескончаемых дискуссий. Большинство специалистов помещают прародину ранних индоевропейцев в районах Северного Причерноморья или восточной Турции и северо-западного Ирана, есть также Балканская версия происхождения индоевропейцев. В любом случае все три перечисленных района находятся в зоне развития неорошаемого земледелия, где весенние и летние дожди, сопровождаемые громом и молниями, играли решающую роль в процессах вегетации растений, в том числе и посевов зерновых. Хозяйственно-культурный тип жизнеобеспечения древнейших индоевропейцев тотально был привязан к сезонным атмосферным осадкам и связывался с грозными атмосферно-климатическими божествами. В мифологических системах иных древних цивилизаций мы не встречаем обожествления этих атмосферных явлений, это, например, египетская и древнетюркская мифологии, неявен образ бога грома и молнии и в скифской мифологии, о пантеоне которой сообщают греческие источники. Экологические условия долины Нила и Центральной Азии способствовали развитию иных хозяйственно-культурных типов производства – орошаемого земледелия и кочевого скотоводства. Приоритеты, определяющие структуру пантеона здесь иные, господствуют божества неба и земли, важную роль играют

женские акватические божества, однако грозного бога-громовержца и тучегонителя, которому подчиняются прочие боги, мы здесь не видим. В ряде мифологических традиций, где атмосферные осадки непосредственно влияли на состояние земледелия и связанного с ним придомного животноводства, – грозные атмосферные божества занимают подобающее им место в структуре пантеона. Среди последних можно упомянуть шумерского Ишкура или аккадского Адада – богов ветра, грома, дождя и потопа, а также хеттского бога грозы Тешуба.

Следует полагать, что история развития древнеиранских племен и их мифологических циклов протекала в эпоху бронзы на широких просторах Центральной Азии, где они сначала занимались пастушеским скотоводством и неорошаемым земледелием, а затем, во II тысячелетии до н.э., по мере усиления всеобщей аридизации центральноазиатского региона переходят к орошаемому земледелию и альтернативному ему кочевому скотоводству. И, начиная с этого времени, видимо, структура первоначального общеиндоевропейского мифологического наследия раннеиранских племен начинает трансформироваться. О том, что это началось уже до Заратуштры, свидетельствуют Гаты самого пророка, где основной смысл проповеди сводится к указанию выхода из конфликта оседлых родов с теми, кто перешел уже к кочевничеству. Вопрос социальной направленности содержания Гат неоднократно обсуждался в литературе.

Вероятно, образ Веретрагны, сохранившийся в Бахрам-яште, есть результат отмеченной выше трансформации в экологических условиях Центральной Азии, где все более и более нарастала общая аридизация климата всего этого обширного региона, когда в итоге роль неорошаемого земледелия теряла свое значение и божество, которое вызывало дожди, отходит на второй план. На вопрос о том – в каком из двух альтернативных хозяйственно-культурных типов складывается культ Веретрагны, нам дают ответ те пассажи гимна Веретрагны, где речь идет об основной инкарнации божества в виде хищной птицы Варагна, где разъясняется магическая роль перьев этой священной птицы в качестве оберега и талисмана, дающего владельцу этих перьев неодолимую силу и стойкость. Обычай использования перьев хищных птиц в качестве амулета сохранился до современности в районах господства кочевнических традиций Средней Азии и в ближайших к ним оазисах.

В мифологических сюжетах современных тюркоязычных народов Средней Азии, являющихся потомками и наследниками древнего ираноязычного населения этого региона, которое ассимилировало тюркоязычные этносы, вливавшиеся в Среднюю Азию из восточных районов Центральной Азии и постепенно само перешло на различные диалекты тюркского языка, явственно сохранились представления о магической роли перьев хищной птицы. Эти представления сохранились в эпических циклах о Гороглы, где речь ведется о двух чудесных перьях, проведя которыми по лицу, герой обретает молодость или превращается в старца. Аналогичные мотивы магии с помощью двух перьев встречаются в эпических циклах «Хушкелди» и «Гулихиромон». Мифическая птица приходит на помощь и к персонажам народных сказок, получившим перо этой птицы за сделанные ими добрые дела. Обычай украшать головные уборы детей и невесток у тюркоязычного населения Средней Азии имеет под собой глубокие исторические корни и апотропеический смысл. Археологически можно проследить, что обычай украшать головной убор перьями в Центральной Азии начинается с эпохи бронзы и продолжается в эпоху раннего железного века.

На территории Казахстана прекрасный погребальный головной убор, украшенный золотыми перьями, известен из кургана Иссык, украшался перьями и бокка – казахский парадный головной убор молодых женщин. Все это указывает на то, что первоначальная трансформация образа Вретрагны происходит в степной кочевнической среде, здесь же, видимо, происходит сакрализация перьев хищной птицы – символического спутника божества и использование их в качестве амулета и оберега. Центральное положение занимает образ орла и в скифском искусстве звериного стиля.

Однако нельзя сказать, что в авестийской мифологической традиции и в их пантеоне не было божеств, персонифицирующих природные силы и символы, связанные с дождем. Здесь известна мифологема о Тиштрии и Апаоше, Тиштрия – олицетворение звезды Сириус в лице белого златоухого коня, вызывающего животворные дожди, а его антипод – облезлый черный конь Апаоша вызывает засуху, в их ежегодной борьбе, с помощью Ахура-Мазды, побеждает Тиштрия, вызывая после летнего зноя дождь, он орошает все живое. Но этот сюжет – принадлежность только авестийской традиции. Он не известен в прочих индоевропейских мифологиях, считается, что мифологема о роли звезды Сириус в Авесте – результат ближневосточного влияния.

Кроме того, в Средней Азии, помимо зороастризма и авестийской мифологии, продолжали существовать и развиваться также и иные мифологические традиции, которые сохраняли более архаические образы божеств грома и молнии в их изначальном виде. В частности, сообщение китайского источника свидетельствует о поклонении в Согде злему духу Дэси, который отождествляется с известным по мусульманским источникам Таксичем. Его можно сопоставить с осетинским Туhost – сильный или энергичный, как эпитет духа грома и дождя. Имя правителя Согда предарабской поры Тархун почти повторяет эпитет хеттского бога грозы Тархунт – могущественный. Это указывает на то, что в Средней Азии наряду с образами авестийской мифологии продолжали жить и более древние мифические персонажи, генетически восходящие ко временам индоевропейской архаики.

Веретрагна не был единственным персонажем авестийской мифологии в пережитой им глубокой трансформации, нечто близкое претерпевает и древняя речная богиня, известная в Авесте как Харахвати Ардвисура Анахита, более архаический прототип которой сохранился на городище Еркурган в городском храме эпохи хионитов. Это была речная богиня – покровительница вод реки Кашкадарья, она имеет ближайшие параллели в образах греческой Афродиты и индийской Ганги. В святилище этого храма в обмозках пола были найдены отпечатки крупных маховых перьев птицы и некоторые кости крыла. Следует полагать, что в археологическом контексте остатков ритуального реквизита храма речной богини мы встречаемся опять со следами культа архаического божества грома и молнии, стимулирующего дожди и функционально связанного с женским аква-тическим божеством. Следует отметить, что при вскрытии отпечатков перьев в поле первоначально мы не придавали значения этому факту, посчитав их следами жертвоприношения.

Использованная литература

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад. Ылым. 1990.
- Мирзаев Т.М., Жураев М. 'Авесто' мифологияси ва узбек халк оғзаки ижоди. // *Ўзбекистон тарихи*. 2001. N 3.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия [некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории]. М., 1989.
- Кабилов Ж. Сармишсойнинг қоя тошларидаги расмлар. Т., 1976.
- Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. Пер. с фр. А.З.Алмазовой. М., 1990.
- Abdullaev K. Images et cultes de l'occident dans l'orient hellenise. Heracles en Asie Centrale et dans l'inde du Nord-Quest. // *CRAI*, Paris, 2007.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Т., Фан. 2000.

Маргарита Филанович
Узбекистан

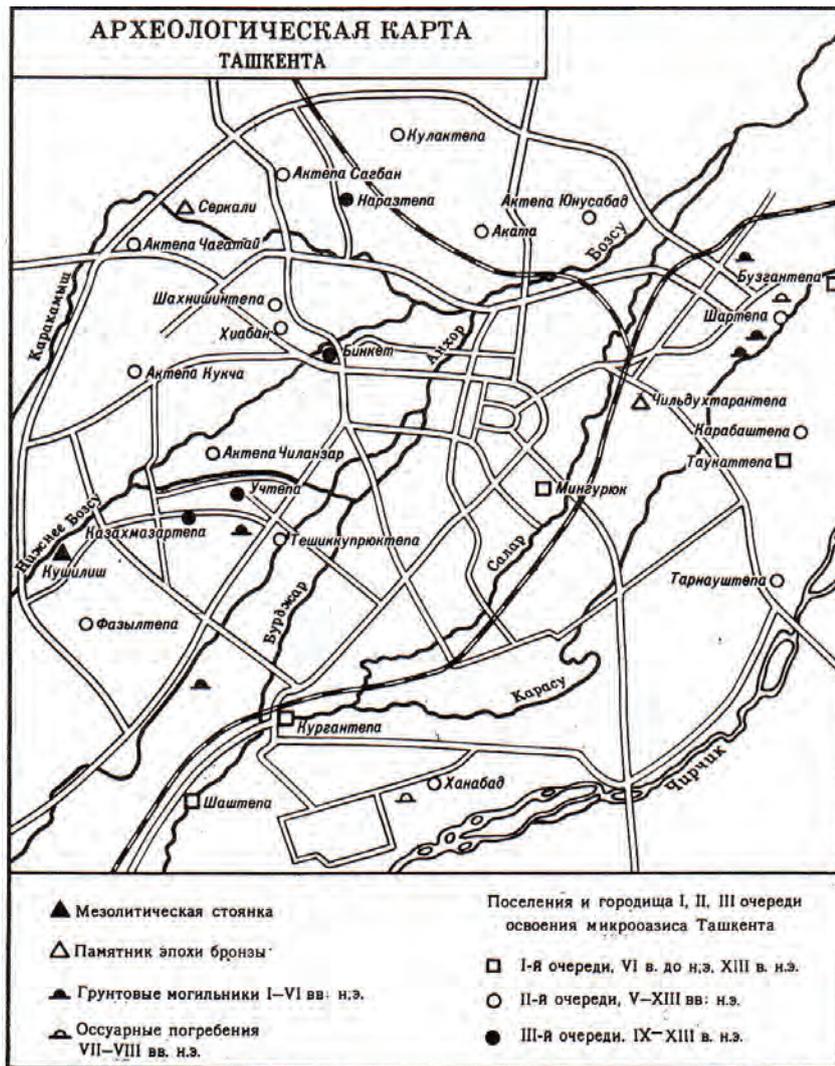
ДРЕВНИЙ ЧАЧ НА ПУТИ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ НОМАДОВ (данные археологии и историческая традиция)

Проблема взаимодействия оазисных земледельческих цивилизаций Средней Азии со скотоводческой кочевой периферией остается одной из главных в исторической науке. К ней вновь и вновь обращаются историки, археологи, лингвисты и другие исследователи, как по мере накопления новых артефактов, главным образом в археологии, так и при пересмотре подчас под новым углом зрения имеющихся письменных источников. Историческая эпопея взаимоотношений и борьбы эллинистических государств, сложившихся на Ближнем Востоке и в Средней Азии после завоевательных походов Александра Македонского, с пресингом кочевых племен, надвигавшихся из евразийских степей, что нашло определенное отражение в классических с IV в. до н.э. и китайских источниках, начиная со второй половины II в. до н.э., одинаково будоражит умы исследователей обоих миров. Проблеме отдал определенную дань и П. Бернар, в частности, предложив новый взгляд на состав племен номадов, участвовавших в ниспровержении власти греков в Бактрии и хронологической последовательности их вторжения [Bernard P., 1987].

Вспомним сообщения персидских источников и историков походов Александра Македонского о роли в политических событиях в Трансоксиане племен, живущих за Яксартом и пришедших оттуда, наиболее ранние из которых дахи или даи. Упоминают о дахах надписи ахеменидских царей и Геродот. Антидевовская надпись Ксеркса включает дахов в круг самых крупных племен и народов [Хрестоматия по истории древнего мира, с. 276-277]. Как значительное объединение племен кочевников середины I тыс. до н.э. дахи фигурируют у Геродота [Геродот, I, 125]. Даи из-за Танаиса (Яксарта) участвовали в борьбе Бесса с македонцами [Арриан, III, 28, 8], а затем в походе Александра в Индию. Помещает даев над Меотидой (Аральское море) и по Танаису, впадающему в нее, также Страбон. Он передает рассказ о их переселении из этих областей [Страбон, XI, 9, 3]. Страбон называет также самые известные из племен, которые также пришли из-за Яксарта и «отняли Бактриану у греков»: асии, пасианы, сакаравлы и тохары [Страбон, XI, 8, 2]. Последовательность изложения позволяет считать, что их исход из заякскартских степей, который непосредственно привел к гибели Греко-бактрийского царства, был позднее тех событий, в которых участвовали дахи.

Обратимся к некоторым результатам археологических исследований на этой территории, в первую очередь в заякскартской зоне исхода или начального транзита этих миграций. На всем пространстве Трансоксианы накопилось немало свидетельств этно-культурных передвижений в Согдиане и Бактрии, отраженных как в материалах изучения могильников и стратиграфии городских поселений, так и в сюжетах настенных росписей и скульптуры. Эти материалы побуждают вернуться к вопросу о начальных этапах этого движения.

В этом плане интересны результаты исследования археологических городищ и могильников на землях, примыкающих к обоим берегам Сырдарьи – Яксарта от Приаралья до выхода ее из Ферганской долины. Многочисленность выявлен-

Карта археологических памятников на территории Ташкента

ных здесь культур дает основание предполагать, что процессы смешения и этнокультурной интеграции на этих территориях ближайшего соседства земледельцев и скотоводов происходили особо активно. В центре этой зоны находится Чач или земледельческий оазис Средней Сырдарьи, сложившийся на притоках этой реки Чирчике и Ахангаране. Происхождение названия этого региона объясняется по-разному, но в письменной традиции оно появилось со второй четверти III в. до н.э. на монетах этого государства [Ртвеладзе Э.В. 2006, с. 26, 36, 38; Он же. 2008, с. 67-74], в надписях на терракотовых плитках из Культобе [Sims-Williams N., Grenet F., 2006, p. 98. 10; Sims-Williams N., Grenet F., Podoushkin A., 2007. P. 1023, fig. 12], в надписи Сасанидского царя Шапура I на Каабе Зороастра в Иране [Sprengling M., 1953. P. 7; Луконин В.Г., 1968, с. 62, 126]. Во время активного продвижения племен в III в. до н.э. Чач оказался в гуще событий. Определенный вклад в изучение характера этнокультурных контактов, осуществлявшихся в пределах этого региона с древности вносят результаты раскопок городища Шаштепа, расположенного в южной части современного города Ташкента на берегу протока Джун, вытекающего из р. Чирчик.

Нижний культурный слой городища занят земляночным поселением с характерным археологическим комплексом бургулюкской древнеземледельческой культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа. Оставленный жителями этот поселок пребывал некоторое время в руинах, и, превратившись в небольшой холм, затем был использован под могильник. Исследовано несколько могил, которые оказались, в свою очередь, погребенными под архитектурно-строительным комплексом II в. до н.э. – III в. н.э., возведенном на цитадельном бугре городища. Могилы впущены в холм с руинами первоначального поселка, который таким образом послужил готовым курганом. Полностью расчищено два погребения. Несмотря на то, что одно слегка прорезает нижележащее, и обряд, и инвентарь их одинаков. Отличие лишь в ориентации погребенных. Нижнее – ориентировано меридионально, головой на юг, вышележащее – головой на восток. Еще несколько погребений были нарушены при строительстве верхнего здания, зафиксированы лишь нижние части котлованов могил и разрозненный инвентарь. Глубина расчищенных могил до 2 м. Это – простые ямы шириной не более 1 м с уступами (заплечиками) вдоль боковых сторон.

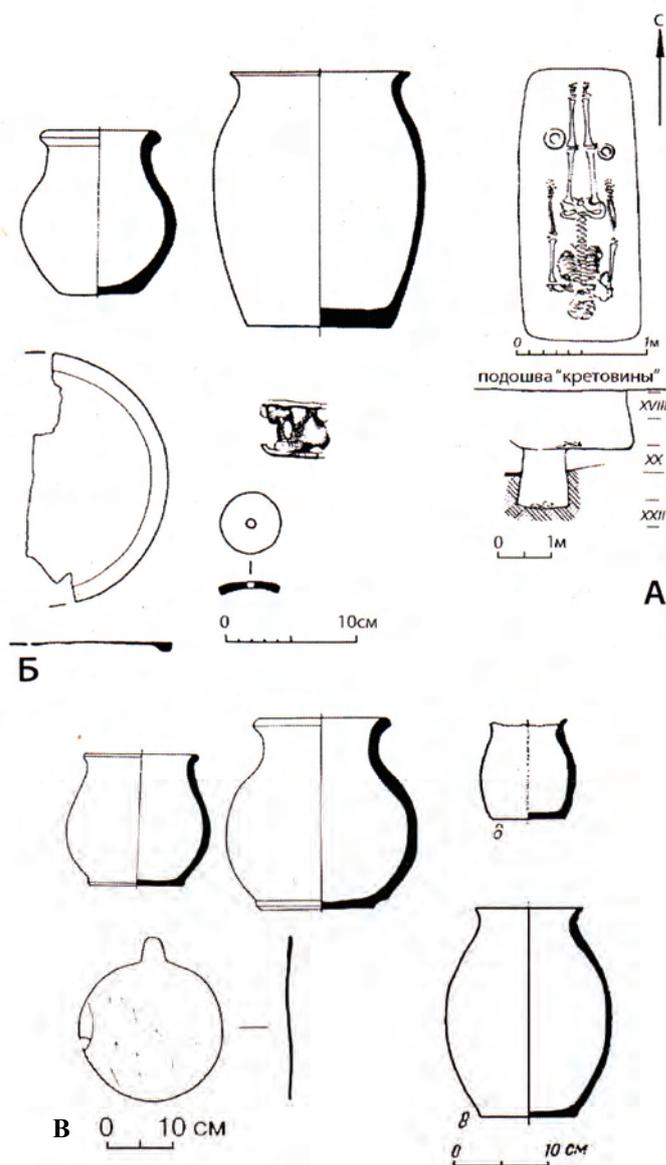
В обеих погребены женщины молодого возраста, черепа европеоидного типа (по определению Т.К. Ходжайова). Костяки лежали на спине в полной сохранности и анатомическом порядке на камышовой подстилке с вытянутыми вдоль тела руками. Сверху погребенные были прикрыты камышовой циновкой, которая удерживалась на уступах ямы. В одном из погребений под кистью левой руки лежало бронзовое зеркало в виде тонкого диска, диаметром 10,5 см, с боковой короткой ручкой, отлитой вместе с диском. В некоторых местах на окиси металла сохранились следы ткани: отпечатки рукава одежды или мешочка, в котором хранилось зеркало. Слева от головы стояли два горшка, вылепленные вручную, грубого черного черепка с дресвой, и с коричневой подлощенной поверхностью. В районе шеи костяка встречено несколько бусин из стеклянной пасты бирюзового цвета. Погребение сопровождалось заупокойной пищей в виде лопатки и части передней ноги барана.

Второе захоронение также сопровождалось заупокойной пищей того же типа. Его погребальный инвентарь включал половину круглого бронзового зеркала (диаметром 19 см) с утолщенным бортиком, положенного под правую лопатку погребенной. Возможно, была ручка. Зеркало явно преднамеренно сломано и изогнуто, прежде чем его половину положили в могилу.

На этом же костяке под подбородком обнаружен фрагмент прямоугольной бронзовой пряжки с вписанной в нее фигурой лежащего двугорбого верблюда. Этот кусок сломанной в свое время поясной пряжки скреплял, очевидно, ворот одежды покойной, т.е. вторично был использован как украшение. От пряжки сохранилась левая половина рамки с двумя отверстиями в углах (5,5 x 4 см). Соответственно сохранилась передняя половина изображения лежащего верблюда (который был обращен головой влево). В слабом рельефе передана голова с глазом, прижатыми ушами, шея с проработанной под ней мохнатой шерстью, поджатые передние ноги и горб, поверху которого также штрихами передана длинная шерсть, переходящая на шею в виде гривки. По экстерьеру и расположению участков с длинной шерстью можно безошибочно определить, что моделью послужил двугорбый верблюд-бактриан, одомашненный и использовавшийся в хозяйстве скотоводов-кочевников на обширных просторах степей Евразии с III – II тысячелетия до н. э. Здесь же найдено несколько бусин из пасты бирюзового

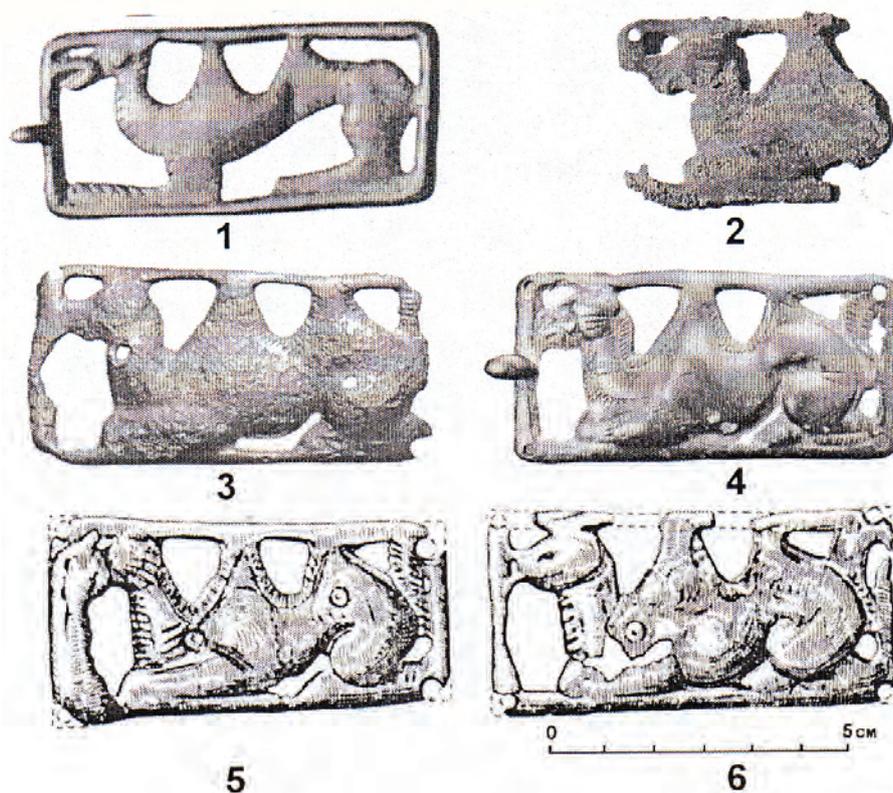
цвета. Рядом с костяком (в районе поясицы) обнаружено пряслице (диаметр 4,5 см), выточенное из стенки сосуда станковой работы красновато-розового черепка со следами светлого ангоба. Вертикальное положение этого кружочка с отверстием свидетельствует о том, что при погребении оно было надето на стержень веретена, положенного вблизи правой руки покойной. В районе колен стояли два приземистых горшка – плоскодонных со слегка отогнутой закраиной. Оба ручной выделки из грубого теста с коричневатой подшощенной поверхностью. Третий сосуд из черного рыхлого теста с такого же цвета поверхностью обнаружен в ногах костяка.

Подобные сосуды извлечены из разрозненных погребений, где костяки не сохранились. Все извлеченные археологически целые плоскодонные горшки вместе с другими артефактами (например, железный ножичек с горбатой спинкой) составляют единый характерный комплекс. Из набора артефактов некрополя, абсолютно отличных от материалов раннего бургулюкского поселка, явствует, что он был оставлен чужеродными племенами. В Ташкентском оазисе подобные захоронения вообще не зафиксированы. Возможно, к ним могут быть отнесены захоронения, обнаруженные на руинах бургулюкского поселения в Туябугузе, но конкретизировать это невозможно, так как о них нет четких данных [Филянович М.И., 1991, с. 80]. Южная и юго-восточная ориентация погребений характерна для прохоровской культуры сарматского Приуралья. Что касается керамики шаштепинских захоронений, то в Ташкентском оазисе единственной аналогией ей являются три лепных горшка с затертой закопченной поверхностью, найденные вне погребального контекста на городище Ишкурган в Паркенте. Сосуды датированы первыми веками до н.э., ближайшие аналоги находятся в раннесарматской культуре [Богомолов Г.И., 1984, с. 266-267].

Шаштепа. Некрополь номадов.

А - план и разрез погребения; Б - инвентарь погребения 2; В - инвентарь погребения 1

Пряжки с лежащим верблюдом.

*1. Могильник на реке Маныч; 2. Некрополь Шаштепа;
3-4. Некрополи на Дону и Донце. 5-6. Могильник Бабашов*

Обряд захоронения в узких ямах в поисках аналогий уводит в более глубокую древность, в сако-савроматскую эпоху. Этому не противоречит и форма бронзового зеркала, встреченного в первом шаштепинском погребении. К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова отмечают его широкое использование и в раннепрохоровских погребениях. Он генетически связан с савроматской культурой, где подобные зеркала были широко распространены в VI – IV вв. до н.э. [Мошкова М.Г. 1963, с. 41, 42, табл. 27; рис. 2]. Зеркало из второго погребения относится к типу с выпуклым бортиком, который встречается как в грунтовых ямах, так и в катакомбах. Такие зеркала появились в степях на рубеже IV и III вв. до н. э. и становятся наиболее типичной формой у сарматов, подтверждение чему дают эти предметы из Мечетсайского могильника прохоровской культуры.

С савромато-сарматским миром сближает погребения Шаштепа и характерная керамика: груболепная вручную, с большим количеством крупного шамота в тесте, так что куски добавок выступают на заглаженной поверхности. Тесто почти черного цвета, рыхлое, поверхность подлощена. Вся посуда представлена плоскодонными горшками. Погребения в ямах, как и характер инвентаря и пищи в могилах Шаштепа позволяет связывать их предпочтительнее с раннепрохоровской культурой, когда типичный комплекс ее еще не был полностью сформирован [Смирнов К.Ф., 1958, с. 316, рис. 13; Сеницын И.В. 1958, с. 198; Шилов В.П., с. 435; Мошкова М.Г., 1963, с. 24.].

Важным этнокультурным индикатором в составе инвентаря могил Шаштепа

является половина пряжки с лежащим верблюдом (рис. 3, 2).

Она находит идентичные аналогии на юге Средней Азии в могильнике на среднем течении Амударьи в западной части Северной Бактрии, а также в Нижнем Поволжье и в донских степях. В Северной Бактрии идентичные пряжки извлечены из могильника Бабашов II – I вв. до н.э., в котором, по мнению его исследователя А.М. Мандельштама, осуществляли захоронения различные группы пришлого кочевого населения, [Мандельштам А.М., 1975, с. 107-126]. У одной из групп преобладает тип погребения в грунтовых ямах, но с северной ориентацией и небольшими отклонениями, единична поперечная ориентация. Положение погребенного – вытянутое на спине. В ямах встречены остатки камышовой или войлочной подстилки. Инвентарь небогатый: один – два сосуда, оружие – в мужских погребениях, бронзовые зеркала и бусы – в женских. Заупокойная пища скудная – ребра или лопатки барана. Зеркала – обычно на правой руке погребенных. Эти предметы, как и в могильнике Шаштепа, двух типов: с выпуклым ободком по борту и гладкие, у некоторых сохранились остатки черешков ручек. Кроме целых в могилу клались обломки преднамеренно разбитых зеркал.

Здесь же на мужских костяках (выше таза) обнаружены две целых пряжки с лежащим верблюдом, что указывает на их связь с поясом (рис. 2, 5, 6). Целые экземпляры пряжек позволяют реконструировать недостающую часть шаштепинского предмета. Здесь четко видно, что изображен двугорбый верблюд в характерной позе с подогнутыми ногами и хвостом, задранном кверху. Поза и положение хвоста реалистично передаются во всех аналогичных пряжках. Сходство пряжек доходит до тождества, что вкупе с другими аналогиями обряда (за исключением ориентации) и инвентаря заставляет считать этнические группы, оставившие погребения на Шаштепа и в Бабашовском могильнике, родственными.

Различия также отмечаются в керамике. Шаштепинские племена принесли с собой свою керамику, которая, как кажется, может быть этническим индикатором. Бабашовские кочевники пользовались, как это зачастую встречается, керамикой местного бактрийского ремесленного производства. А.М. Мандельштам, публикуя материалы могильника Бабашов, отмечал, что в могилах немало предметов, находящих аналогии в круге сарматских культур, хотя сами памятники в районах, откуда пришли кочевые группы, фактически неизвестны. Тождественные соответствия ямных захоронений этого могильника и их основного инвентаря (особенно пряжки с лежащим верблюдом) с некрополем Шаштепа отвечают на вопрос – откуда могла прийти одна конкретная группа кочевников, и указывают на район средней Сырдарьи как некий промежуточный пункт их движения на юг. Что касается происхождения этих кочевников, то разобраться в этой проблеме поможет сопоставление шаштепинских захоронений с комплексами материальной культуры населения Приаралья, Южного Урала, Волги и Дона.

Прямоугольные пряжки с включенной фигурой лежащего верблюда настолько своеобразны на фоне других отделов этих артефактов, что их можно считать не только связанными с определенной племенной группой, где священным животным был верблюд, но и ее этническим индикатором. В этом плане следует назвать ряд пряжек из сарматских захоронений в Поволжье, Южном Приуралье и низовьях Дона. Сам тип пряжек в виде прямоугольной рамки с изображением внутри появляется в IV в. до н.э., что отмечено в мечетсайском прохоровском могильнике на р. Илек. Один образец пряжки с фигурой лежащего верблюда влево обнаружен М.И. Артамоновым, на р. Маныч в сарматском погребении, кото-

рое по составу погребального инвентаря датировано первой половиной II в. до н.э. [Артамонов М.И., 1949, с. 321. рис. 18. 395]. Второй экземпляр этого типа описан В.П. Шиловым, как происходящий из кургана на Средней Волге, также датированном II в. до н.э. [Мошкова М.Г., 1960, с. 303; она же, 1968. таб. 25, 15]. На этих двух пряжках манера изображения лежащего верблюда несколько иная, чем на пряжках из некрополя Шаштепа и Бабашова. Тожественные аналоги этим последним находим на нижнем Дону [Максименко В.Е., 1983, с. 95, 211] и в Приазовье в погребениях сармат прохоровского типа [Schilz V., 2001. P. 143, 144]. Это две пряжки – одна с крючком того же практически размера, что найденные на Шаштепа и в Бабашове (рис. 2, 3, 4). Первая пряжка найдена в Ростовской области под Азовом в некрополе Красноголовка III, и датирована III – II вв. до н. э. Вторая – происходит из некрополя Донской в той же области, датированного I в. до н. э. Несмотря на разницу во времени обе пряжки идентичны: прямоугольник с вписанным в него лежащим влево верблюдом, с передачей лохматой гривки и волос на горбах бактриана с традиционно задраным вверх хвостиком. По-видимому, эти предметы были весьма ценными для племенной группы, продвинувшейся в Приазовье, как и в Северную Бактрию, для которой бактриан имел сакральное значение и стал как бы ее визитной карточкой.

Исследователи савромато-сарматской культуры в районах западнее Приуралья и Волги отмечают, что верблюд в Причерноморье не был известен до III – II вв. до н. э. Тогда как в западном Казахстане и на Южном Урале его изображения известны с эпохи бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) [Кузьмина Е.Е., 1963, с. 38, 41] и в конце VI-V вв. до н.э. [Смирнов К.Ф., 1964, с. 238 и сл., рис. 80 (13)]. Появление в этом регионе его образов в искусстве, как и присутствие костей в раскопках связано с приходом сюда сарматских племен [Вайнберг Б.И., 1973, с. 109; Чезина Е.Ф., 1991, с. 16 и сл.; Schiltz V., 2002, p. 859].

Тот факт, что некрополь кочевников Шаштепа оставлен пришлым населением при кратковременной остановке подтверждается чуждым для региона комплексом его материальной культуры, а также использованием готового бугра в качестве кургана. То же отмечается в погребальной практике савромато-сарматского населения Приуралья и Поволжья. Для своих погребений эти племена могли использовать курганные насыпи эпохи бронзы [Смирнов К.Ф., 1975, с. 106]. Иногда такие сделанные насыпи погребения могут свидетельствовать о нестабильности жизни на данной территории, ставшей местом временного проживания в ходе миграций [Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 156 и сл.; Schiltz V., 2002, p. 860].

В случае с погребениями на Шаштепа на кратковременность пребывания прошлого населения, как отмечалось, намекает «своя керамика», типичная для одного отдела плоскодонной керамики прохоровской культуры и одной группы сосудов чиркрабатской культуры.

Выраженные археологические и хронологические соответствия Шаштепскому комплексу захоронений присутствуют в памятниках сырдарьинской зоны в широком плане, в чиркрабатской культуре, а также в Кызылкумах и в Южном Приуралье в зоне прохоровской культуры, что, видимо, позволяет прояснить вопрос о том, где был первичный очаг исхода и какими путями осуществлялись постоянные миграции.

В центральной части Кызылкумов изучалась Кулкудукская курганная группа. Захоронения в ямах той же южной с отклонениями ориентации, что и погребения

ния Шаштепа, положение погребенных вытянуто на спине на камышовой подстилке, форма зеркал и железных ножей, другие признаки находят соответствие также в прохоровской культуре и в северо-восточном Приаралье. Датированы III – II вв. до н. э. [Маньолов Ю.П., 1990, с. 46 и сл.]

Ближний комплекс культуры номадов и обряд погребения в ямах выявлен в курганах Кокпатаса на южном склоне хребта Букантау [Маньолов Ю.П., 1993, с. 59 и сл.].

Аналогии погребениям Шаштепа есть и в некоторых курганных погребениях могильника Жаман-Тогай. Имеется в виду та часть могильника, где осуществлялись погребения в грунтовых ямах с заплечиками с южной ориентацией погребенных. Керамика с коричневатой-красной поверхностью стенок, закопченная, аналогична сосудам из могил Шаштепа. Авторы публикации находят ей аналогии в могильнике III – II вв. до н. э. [Максимова и др. 1968, с. 183, рис. 8, табл. III].

В Самаркандском Согде выделяются наиболее ранние курганы в Агалыкском и Аржантепинском могильниках. Обряд погребения в них идентичен шаштепинскому: грунтовые ямы, вытянутые по линии север – юг, в одном случае с заплечиками, ориентация скелета – южная, зеркало с черешком и выпуклым бортом. Мужские погребения включали оружие, мечи и наконечники стрел. Весь комплекс соотносится с прохоровской культурой и датирован IV в. до н.э. [Обельченко О.В., 1978, с. 116-117; он же, 1992, с. 219]. Южная ориентация погребений, но с иной конструкцией отмечена в могильнике Сирлибайтепе (погр. 1 и 4). [Иваницкий И.Д., Иневаткина О.А., 1988, с. 52-54].

Следует отметить и археологические соответствия могильника на Шаштепа с характерными признаками прохоровской культуры в частности сарматских могильников илекской группы. Это: 1) разнообразие форм погребений, среди которых значительно число прямоугольных ям с заплечиками; 2) разноразной ориентации, но с преобладанием южной; 3) среди железных предметов наличие ножичков с горбатой спинкой; 4) характерный набор отдела плоскодонных сосудов (яйцевидные, эллипсоидные, серовато-черного цвета черепка); 5) наличие пряслиц из стенок импортной станковой керамики; 6) два типа зеркал в погребениях, как предмет женского туалета и как символ культового характера: а) плоский диск, отлитый вместе короткой ручкой, б) диск с утолщенным валиком по краю, захороненные предварительно разломленными; 7) наличие украшений в виде бус из цветного стекла, фаянса, как импорт из эллинистического Северного Причерноморья; 8) появление типа пряжек в виде прямоугольной рамки с вписанной фигурой, в частности, одна с воином-всадником. К.Ф. Смирнов отмечал, что истинное этническое название ранних сарматов илекской группы не известно, но он рассматривал их как родственников дахо-массагетскому союзу племен [Смирнов К.Ф. 1975, с. 153, 159, 170]. Кроме аналогий в прохоровской культуре выявляется ряд родственных элементов погребального комплекса Шаштепа с чирикратской культурой, существовавшей на южных дельтовых протоках Сырдарьи в IV – II в. до н.э. Эта культура принадлежала как оседлым земледельцам и скотоводам, овладевшим через посредство Хорезма техникой градостроительства, так и подвижным кочевникам, которые подобно другим племенам из-за Яксарта участвовали в широком движении номадов на юг. Ряд родственных элементов культуры также встречает близкие аналогии среди культуры сармат Южного Урала. Наиболее выразительные соответствия это: 1) плоскодонная лепная

керамика яйцевидной и шаровидной формы кострового обжига; 2) бронзовые трехлопастные наконечники стрел; 3) кинжалы сарматского типа; 4) бронзовые зеркала с валиком по борту. В комплексе этой культуры встречен фрагмент пластинчатого доспеха, найденного в круглом погребальном здании IV в. до н.э. [Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993, с. 87, рис. 84, 53, 54]. Исследователи этой культуры пришли к выводу об определенном участии традиций савромато-сарматского круга в культурогенезе местного населения с IV–III вв. до н.э. [Вайнберг Б.И., 1999], и отождествляют носителей чирикрататской культуры с племенами союза даев-дахов, проживавших на этой территории с глубокой древности, поскольку выявлена их культурная преемственность с предшествующим населением низовьев Сырдарьи. Поскольку полное исчезновение этой культуры, не оставившей преемников, отмечается ко II в. до н.э., полагают, что ее носителями были апарты, которые ушли на юг в Хорасан и Иран, где предводитель одного из родов Аршак стал основателем правящей династии Парфянского государства.

Таким образом, выявляется довольно обширный ареал близкородственных культур IV–II вв. до н.э., включающий Южное Приуралье и Восточное Приаралье. Одной из причин концентрации в Южном Приуралье популяций сарматского культурно-хозяйственного комплекса на начальном этапе формирования прохоровской культуры, по мнению исследователей, стала отмечаемая в степях Приуралья постепенная аридизация климата [Скрипкин А.С., 1984, с. 288]. Концентрация кочевников привела здесь к демографическому взрыву, который, видимо, обусловил волнообразные и разнонаправленные миграции сарматов на протяжении III–II вв. до н.э.

Начиная с III в. до н.э., часть массива племен указанного ареала, видимо, ушла на запад в заволжские степи, Прикаспий, в Предкавказье и в Причерноморье и участвовала в формировании культуры сармат. Это движение, видимо, выплеснуло на Дон первые волны сармат, в том числе, оставивших могильники с пряжками в виде лежащего верблюда. Родственным культуре Каунчи элементом стали зооморфные ручки лепных сосудов [Литвинский Б.А., 1968, с. 8-13]. Об этом же свидетельствует близость династийных сарматских тамг Причерноморья и правителей среднеазиатских владений, входивших в состав конфедеративного государства Кангюй [Яценко С.А., 2001, с. 87-89].

Передвижения номадов фиксируются и к северу от Чача, в Испиджабском историко-культурном регионе, где присутствуют артефакты чирикрататской культуры [Байтанаев Б.А., с. 29, 30]. Возможно, какая-то часть кочевников в Ташкентском оазисе постепенно смешалась с местным населением, а их материальная культура стала одним культурообразующих факторов в сложении каунчинского комплекса. Другая же часть проследовала вглубь Трансоксианы в долину Зарафшана и далее на побережье Средней Амударьи.

Продвижение племен из очага, по всей видимости, располагавшегося между Южным Уралом и Волгой и северо-восточным Приаральем, внесло изменения прежде всего в этнокультурную ситуацию в присырдарьинской зоне, а также повлияла на центральные и южные районы Средней Азии. Миграции растянулись во времени, начиная с III в. до н. э., и привели к некоторому упадку городской культуры в Согде, в частности, в Самарканде. Исследователи помещают этот так называемый «темный период» вторжения кочевников с северо-запада, отраженный в упадке городской культуры Самарканда, на временной отрезок между вто-

рой третью III в. до н.э. и началом II в. до н.э. [С. Rapin en collaboration avec M.M. Isamiddinov et M. Khasanov, 2001, p. 75]. В этот период появился первый некрополь на Коктера. Кочевниками постепенно была занята долина Зарафшана, контроль над которой был потерян греческой администрацией [там же].

Хронологически сопоставив картину передвижения номадов с данными письменных источников о ранних мобильных племенах за Яксартом и в Приаралье, есть основания считать их частью дахского племенного союза.

Источники довольно подробно сообщают о племенах, входивших в эту большую конфедерацию. Эти сообщения дали повод определять первоначальную территорию их расселения в довольно широких географических границах на пространстве от Южного Приуралья и Восточного Приаралья (до ухода парнов) и степей за Сырдарьей. Дахи – военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, а с III в. до н.э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее название массагетов. Некоторые данные позволяют считать, что в III в. до н.э. дахи, продвинувшись с Сырдарьи в прикаспийские степи, вытеснили с их земель массагетов, оставшаяся часть которых, по мнению С.Г. Кляшторного, видимо, растворилась в этом мощном союзе [Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992, с. 42]. С III в. до н.э. название массагетов исчезает из сообщений античных авторов, освещающих походы Александра Македонского. Мощный новый союз дахов, очевидно, стал господствующим объединением на огромной территории евразийских степей.

К.Ф. Смирнов предположил, что от общего названия этих племен могло происходить название р. Урал – Даик. Об этой реке есть упоминание у Птолемея [Смирнов К.Ф. 1979, с. 76.]. И. В. Пьянков связывает с дахами ареал прохоровской культуры в Приуралье. Он полагает, что переселение даев в Прикаспий и к северу от Парфиены произошло в первой половине III в. до н.э. [Пьянков И.В. 1964, с. 124–125.]. Б.И. Вайнберг помещает даев (дагов) к востоку от Хорезма в низовьях Сырдарьи, где археологически с ними связываются носители чирикрабатской культуры [Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993].

Археологические исследования на юге Казахстана и в Ташкентском оазисе, в частности, раскопки некрополя Шаштепа выявили ранее не выявляемый факт смещения еще одной части родственных племен по коридору вверх по Сырдарье. Они оставили на Шаштепа могильник в III в. до н.э., с инвентарем, в числе которого пряжка в виде лежащего верблюда.

Видимо, накапливание масс номадов в зоне Яксарта с III в. до н.э. сопровождалось оттоком их на юг. Эта волна кочевников, связанная с дахами, создала угрозу власти Селевкидов в Трансоксиане в первой половине III в. до н.э., чем, по всей видимости, был вызван поход Демодама – полководца Селевка и Антиоха около 281 г. до н.э. [Bernard P., 1985, p. 39, прим. 1]. Он переправился за Яксарт для подавления собравшихся там масс кочевников. И. Вольский, с точки зрения И. Пьянкова, убедительно связал этот поход с движением даев из-за Яксарта и считал мерой поддержания власти Селевкидов на дальних окраинах государства [Пьянков И., 1997, с. 54]. Эти кочевники ранней волны упомянуты в источниках в связи с военными действиями в Бактрии Антиоха III против Евтидема в 206–205 гг. до н.э. В переговорах представителя селевкидского царя и мятежного Евтидема прозвучало беспокойство по поводу полчищ кочевников, скопившихся на северных пределах государства, вторжение которых угрожает обеим сторонам [Polyb., XI, 39, 5].

В сообщении Страбона о племенах, «отнявших Бактриану у греков» (Страбон, XI, VIII, 2), даи упомянуты, но они не входят в число четырех племен, которые получили особенную известность, так как провели эту акцию, т.е. уничтожили Греко-бактрийское царство и династию.

Раскопки в Ай-ханум позволили французским исследователям сформулировать вывод о двух волнах номадов, последовательно через какое-то время грабивших и опустошавших эту греческую колонию, восточную столицу Бактрии. Первый разгром относят к 145 г. до н.э., датированный монетой, керамикой и рунической надписью на серебряном слитке. Второй – несколькими годами позже, видимо, до 130 г. до н.э., когда пала власть Гелиокла [С. Rapin en collab. P. 80]. Иными словами, гибель столиц и династии относится ко второй половине II в. до н.э., что стало результатом действий номадов, пришедших позднее дахов. Дахи же, придя ранее в северо-западную Бактрию, участвовали в борьбе с вновь прибывающими племенами за господство над этими территориями. Возможно, в китайской передаче этноним «Дахя» (Дася) есть отзвук присутствия в Бактрии дахов. Обращает на себя внимание факт, фиксируемый археологически и некоторыми скудными сведениями письменных источников. Согласно им, только массагеты и дахи имели воинские отряды закованных в железные латы всадников и их коней. Катафрактарии массагетов, описанные Геродотом, и унаследовавшие от них это защитное вооружение дахи-парфяне в Эпитоме сочинения Помпея Трога (у Юстина) с их доспехами из маргианского железа, отличаются от других скиффов. Юстин сообщает: «...защитой для воинов и их коней служат чешуйчатые кольчуги, которые покрывают все тело и всадника, и коня» [Латышев В.В. 1947, с. 218.]. Следует вспомнить находки пластинчатого доспеха в мавзолее IV в. до н.э. чирикрабатской культуры в низовьях Сырдарьи [Вайнберг Б.И., Левина Л.-М., 1993. рис. 84, 53, 54)], т.е. в ареале первичного обитания дахов. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у парфян (парнов), первыми из племен дахов в III в. до н.э. ушедших из этого ареала на юг.

Бронированные катафрактарии позже (с I в. до н.э.) появились у сармат в Прикубанье и на нижней Волге, по всей видимости, с исходом племен из того же ареала.

На юге Средней Азии воины катафрактарии племен первой волны миграции столкнулись с легковооруженными всадниками новых завоевателей – юечжей. П. Бернар первый обратил внимание на эту ситуацию, проанализировав сцены с участием всадников в рельефах дворца Халчаяна [Bernard P., 1987, p. 758-768]. В противовес опубликовавшей их Г.А. Пугаченковой, увидевшей в этой сцене возвращение победителей – юечжей и их союзников – бактрийцев, он показал, что на панно мог быть изображен эпизод сражения, разгрома и преследования катафрактариев этой легкой конницей юечжей. П. Бернар интерпретирует как триумфальную, одну из сцен рельефного панно, где победитель – принц из юечжей держит панцирь как трофей. Он считает, что побежденными катафрактариями в этой сцене были пришедшие ранее саки или сакарауки [Bernard P., 1987, p. 758-768].

Учитывая приведенные выше исторические сведения и археологические данные, нам кажется, ничто не мешает видеть в этих тяжеловооруженных всадниках представителей тех племен, которые начали когда-то свою длительную одиссею с территории Приуралья и низовьев Сырдарьи и которые были частью союза дахов. Здесь уместно вспомнить, что ушедшие на запад сарматы также характе-

ризуются источниками, как обладающие отрядами катафрактариев [Хазанов А.М., 1968, с. 122, 125]. Более того, длинное копьё-кантос, бывшее у них на вооружении, впоследствии заимствовано римлянами, постигавшими науку противостояния этим рыцарям степей [Симоненко А.В. 2002, с. 107-122]. Бронированное облачение, длинное копьё и выработанная особая посадка катафрактария-сармата представлены на вазе из кургана у с. Косика в Нижнем Поволжье [Schiltz V., 2001, р. 28], и примерно к этому времени относится сцена битвы катафрактариев Кангюя на костяной пластине из кургана у с. Орлат в Согде [Пугаченкова Г.А., 1987, с. 57].

Некоторый дополнительный свет на происхождение племен, оставивших часть погребений в ямах могильника Бабашов, проливает сообщение Помпония Мелы о том, что возле области дахов Окс в первый раз поворачивает на север [Mela, III, 42]. Текущая поначалу в широтном направлении Амударья поворачивает на северо-восток между Келифом и Керки. Близ Керки между железнодорожными станциями Ташрабад и Мукры как раз находится Бабашовский могильник. Не является ли замечание Помпония Мелы указанием также на то, что на Средней Амударье расселилась какая-то часть дахских племен, ушедших вверх по Сырдарье и далее на юг через Согдиану.

Открытие в погребальном инвентаре пряжек с лежащим верблюдом, абсолютно идентичных, как из могил Шаштепа, так и из сарматских курганов в Причерноморье и некрополя Бабашовского, помимо прочих признаков и элементов погребальной обрядности, позволяют сделать заключение о довольно широком фронте продвижения племен – носителей сарматских культур не только на юго-запад до Волги, Дона и Донца, но и на юго-восток через Чач до среднего течения Амударьи, в Северо-Западную Бактрию. Это движение началось раньше (возможно, с конца IV–III вв. до н.э.), чем кочевники круга саков и юечжей начали штурм Греко-Бактрийского царства, отмечаемый с середины II в. до н. э. В числе первых выходцев из западного ареала ударной силой были племена дахов, которые представляли начальный этап Великого евразийского переселения народов.

Использованная литература

- Bernard P. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-baktrienne // Fouilles d' Aï Khanoum. IV. Paris, 1985.
- Bernard P. Les nomades conquérants de l'empire gréco-baktrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // CRAI. 1987. Paris.
- Rapin C. en collaboration avec M.M. Isamididov et M. Khasanov. La Tombe d'une princesse nomade à Koktepa près de Samarkand // CRAI. Janvier – mars, 2001.
- Schiltz V. Les Sarmates entre l'Occident et la Chine (III s. av. J.C. – IV s. apr. J.C.) // L'or des Amazones. Paris, 2001.
- Schiltz V. Les Sarmates entre Rome et la Chine. Nouvelles perspectives // CRAI. Juillet – octobre. Paris, 2002.
- Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe // SHYGYS. Алматы, 2006. № 1.
- Sims-Williams N., Grenet F., Podoushkin A. Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // CRAI. Paris, 2007.
- Sprengling M. Third Century Iran. Sapur and Kartir. Chicago, 1953.
- Артамонов М.И. Раскопки курганов на Маныче в 1937 г. // СА, XI. М., 1949.
- Байтанаев Б. Древний и средневековый Испиджаб.: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Алматы, 2008.
- Богомолов Г.И. К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии // ИМКУ. Вып.

19. Т., 1984.

Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Т., 1973.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (VII до н.э. – VIII в. н.э.). М., 1999.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. М., 1993.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение Скептуха I в. н.э. у села Косика Астраханской области // *ВДИ*, М., 1993. № 3.

Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.

Заднепровский Ю.А. Находки зеркал сарматского типа в Иране // Искусство и археология Ирана. М., 1971.

Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // *СА*. 1963. № 2.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *ВДИ*. 1947. № 3.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1968.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-Дон, 1983.

Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата. 1968.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. М., 1975.

Маньлов Ю.П. Курганы Кокпатаса // *ИМКУ*, Вып. 26. Т., 1993. Маньлов Ю.П. Раскопки Кулдукской курганной группы в Центральных Кызылкумах // *ИМКУ*, Вып. 23. Т., 1990.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д–1–10. М., 1963.

Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // *МИА*, № 78. М., 1960.

Обельченко О.В. Культура античного Согда (по археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. до н.э.). М., 1992.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // *СА*, 1978. № 4.

Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве / Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Т., 1987.

Пьянков И.В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // *ВДИ*, 1964. № 3.

Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.

Ртвеладзе Э.В. К ранней истории Чача (новые нумизматические и эпиграфические источники) // *ОНУ*, 2008. № 4.

Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III–начало VIII в. н.э.). Т., 2006.

Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // *ВДИ*, 2002. № 1.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // *МИА*, № 60. М., 1958.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское // *МИА*, № 60. М., 1958.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Смирнов К.Ф. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте // *ИМКУ*, Вып. 25. Т., 1991.

Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Т., 2010.

Чезина Р.Ф. Образы верблюдов в искусстве ранних кочевников Евразии (пути распространения и развития) // Археологические культуры Евразии и проблема их интерпретации. СПб., 1991.

Хазанов А.М. Из истории сарматского наступательного оружия // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. Древний Восток. М., 1950.

Шилов В.П. Каменовский курганный могильник // *МИА*, № 60. М., 1958.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

DU BONNET D'ULYSSE À LA TIARE DE SAÏTAPHARNÈS

En hommage à Paul Bernard, et pour fêter dignement ses quatre fois vingt ans, qu'il lui soit offert ici une coiffure un peu particulière, qui ressemble peu aux élégants chapeaux de pluie irlandais qu'il aime à porter à l'occasion. Et moins encore à la *tubeteika* ouzbèke, le séduisant *duppi* qu'on l'a vu porter, à Samarcande, en quelques grandes occasions, avec le traditionnel *khalat* (fig. 1).

En réalité, si ce que présente, sur un coussin comme il se doit pour un cadeau de prix, cette jeune femme aux yeux de velours est bien la célèbre tiare de Saïtapharnès (fig. 2), ce n'est pas tant elle, que ce qui a été son modèle qui fait l'objet de ces lignes. Comment pourrait-on, en effet, offrir un faux, même en or, même royal, au grand savant pour qui la recherche obstinée du vrai a toujours été la règle absolue? Ce qui lui est dédié ici est plus modeste, mais parfaitement authentique. Ce serait plutôt le *pilos* d'Ulysse, ou même un simple bonnet. Non pas le bonnet de l'homme de cabinet, à la manière de celui que porte Chardin sur son superbe *Autoportrait aux bésicles*, mais bien plutôt la coiffe conique qu'on imagine de feutre qui, dans l'imagerie grecque, signale le voyageur. Quoi de plus adapté pour celui qui, après avoir arpenté les buissons de Sainte-Maxime et la Cour-aux-Ernestes de la rue d'Ulm, a été l'explorateur infatigable de la Grèce, de Thasos, et plus encore des sites d'Asie centrale et d'Afghanistan? A moins que ces lignes ne soient qu'un prétexte cherchant moins à informer qu'à distraire, à procurer à l'homme de grande culture, à l'esprit ouvert et curieux de tout qu'est Paul Bernard quelques instants de distraction. Par la lecture d'une histoire où se mêlent archéologie, épigraphie, histoire ancienne et moderne, littérature grecque et littérature russe, sans oublier les salons littéraires français et l'Académie, bref, tout ce qu'il aime et pratique avec succès.

Brève histoire de l'achat de la tiare

L'histoire de la tiare de Saïtapharnès est bien connue et a fait l'objet d'une très abondante littérature. Pourtant, nombre d'inexactitudes et d'erreurs continuent à courir, sur le papier comme sur la toile. En outre un témoignage majeur et de toute première main a été jusqu'ici négligé, celui qu'apportent les papiers manuscrits de Charles Clermont-Ganneau, conservés à la bibliothèque de l'Institut de France sur lesquels nous nous appuyons largement ici¹.

Rappelons l'essentiel des faits, au moins du point de vue français. Au printemps 1896, le Louvre fait l'acquisition, pour un prix astronomique, d'une pièce superbe, une tiare en or merveilleusement ouvree de 17,5 cm de haut, un diamètre de 18 cm à la base et 443 g d'or fin (fig. 3). Elle est présentée comme provenant de la région des bouches du Dniepr, où elle aurait été découverte dans une tombe fortuitement éventrée par des paysans dans les environs du bourg d'Otchakov, sur le site de l'antique Olbia. Le 26 mars 1896, le directeur du Louvre Albert Kaempfen et avec lui trois grands spécialistes, deux conservateurs des antiquités, Antoine Héron de Villefosse et Léon Heuzey, ainsi que Salomon Reinach, alors conservateur-adjoint du Musée de Saint-Germain, examinent longuement l'objet. Ils sont éblouis. Immédiatement, les quatre érudits ont identifié les scènes du bandeau central comme appartenant à la geste d'Achille. Au-dessous apparaissent des barbares, archers et cavaliers, qui illustrent la vie des Scythes telle qu'ils la connaissent tant par Hérodote et

son livre IV que par les objets mis au jour en Russie dans les décennies qui précèdent. D'ailleurs Salomon Reinach lui-même ne vient-il pas de collaborer à la publication en France d'un ouvrage qui fait le point sur les récentes découvertes de Russie méridionale?²

Parfaitement original dans sa conception d'ensemble comme dans la réalisation des détails, l'ensemble n'en fleure pas moins une certaine familiarité des formes, un air de déjà-vu propre à rassurer les quatre grands savants. En outre, sur le bandeau séparant les deux registres, court une inscription dédicatoire propre à lever les derniers doutes: «La *boulè* et le peuple des Olbiopolitains au grand roi invincible Saïtapharnès». Non seulement le texte et l'écriture en sont, d'un point de vue épigraphique, irréprochables, mais le nom qui apparaît, celui de Saïtapharnès³, est attesté sur une inscription célèbre des environs de 250 av. J.-C., le décret de Protogénès, qui mentionne les cadeaux en métal précieux fait par les citoyens d'Olbia à ce chef barbare pour se le concilier⁴. Inscription d'autant mieux connue des savants français qu'il y est fait allusion dans le livre que vient de contribuer à publier Salomon Reinach⁵. Enfin, dernier argument de poids, quoi de mieux d'adapté à réjouir le cœur d'un «roi» scythe qu'une coiffure en forme de bonnet pointu? Hérodote ne mentionne-t-il pas des Scythes Orthocorybantes? Et sur les images, quand ils n'ont pas la tête nue, les «barbares», qu'ils soient scythes ou iraniens, et leurs chefs surtout, ne sont-ils pas coiffés ainsi? En cette fin du 19e siècle on connaît déjà nombre de représentations d'archers scythes et d'Amazones sur les vases grecs; on connaît aussi le célèbre vase du peintre de Darius, la mosaïque de Pompéi, et le Skunkha du relief de Bisutun. Et d'ailleurs, comme en témoigne l'ouvrage auquel Salomon Reinach a contribué, un objet de forme semblable, un casque d'or ajouré, vient d'être exhumé au sud de Kertch, sur la pointe d'Ak-Burun⁶.

Les savants se réjouissent à l'idée que le Louvre puisse s'enrichir d'un chef-d'œuvre aussi exceptionnel de l'art gréco-scythe⁷. D'autant qu'acquérir un objet d'une telle qualité à la barbe des Autrichiens et des Allemands avec lesquels, sur fond de guerre de 70, la compétition bat son plein, notamment en Grèce, sur les «champs de bataille» archéologiques que sont devenus Delphes et Olympie, est particulièrement satisfaisant⁸. L'achat est donc décidé à l'unanimité des membres du Comité consultatif et du Conseil des Musées. L'institution d'avenir qu'est le Conseil des Musées, la futures Réunion, est déjà constituée⁹, mais le Louvre ne dispose pas de la somme nécessaire, 200000 francs or, et il faut attendre que la Chambre vote un crédit spécial. Or les vendeurs semblent très pressés et menacent d'aller proposer l'objet à Londres, au British Museum, si l'affaire ne se conclut pas immédiatement. Qu'importe, les frères Reinach appartiennent à une famille de banquier, et Théodore, le frère cadet de Salomon, avec Edouard Corroyer¹⁰ proposent d'avancer chacun la moitié de la somme¹¹. Si bien que l'affaire est rondement menée et que l'achat se fait. Dans le procès-verbal de sa séance du 28 mars 1896, le Conseil des Musées déclare la coiffure «offrant un intérêt capital du point de vue historique et archéologique et trouvée dans un excellent état de conservation».

Avant d'être installée au Louvre, le 1er avril 1896 (date prémonitoire!), la tiare est présentée à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres qui est alors sous la présidence du byzantiniste et numismate Gustave Schlumberger. Si l'on en croit le récit, à vrai dire écrit après coup et influencé par les événements ultérieurs, de Salomon Reinach «Toute l'Académie – sauf Clermont-Ganneau, qui n'aimait pas Villefosse – était debout et admirait, s'associant aux félicitations du président»¹². Puis la tiare est livrée sept ans durant à l'admiration des visiteurs du musée qui, au demeurant, n'accordent qu'une attention modérée à cette nouvelle acquisition.

fig. 1

fig. 2

fig. 3

Le scandale et l'enquête

Seulement voilà. L'objet a beau avoir été très savamment commenté¹³, c'est un faux. Il a été fabriqué en 1895 à Odessa par un orfèvre de génie auquel des commanditaires malhonnêtes, les frères Hochmann, ont fait croire qu'il s'agissait, d'un cadeau «destiné à un professeur archéologue de Kharkov dont on devait célébrer le jubilé»¹⁴. Du reste, dès son apparition sur le marché des antiquités, les doutes les plus vigoureux avaient été émis sur son authenticité, tant en Russie dès le mois de mai 1896 par le grand archéologue et professeur à l'Université de Saint-Petersbourg Nicolas Vesselovski, et par le directeur du musée d'Odessa Ernst von Stern¹⁵ qu'en Allemagne, à Munich, par Adolf Furtwängler qui écrit à son propos des articles circonstanciés¹⁶. Ils seront rejoints plus tard par Gangolf von Kieseritzky conservateur au musée de l'Ermitage impérial à Saint-Petersbourg, qui semble avoir cru, dans un premier temps, à l'authenticité de l'objet avant de la mettre radicalement en doute.

Mais en France, le Louvre fait obstinément la sourde oreille¹⁷ et personne ne bouge, jusqu'au jour où, le 17 mars 1903, un certain Rodolphe Mayence qui se fait appeler Elina, artiste montmartrois et faussaire à l'occasion, prétend pour se dédouaner devant la justice et banaliser l'industrie de la fabrication des faux que bien des objets que présente le Louvre sont des contrefaçons. En particulier la tiare de Saitapharnès. Bien mieux, il en revendique haut et fort la paternité.

Des voix, bientôt relayées par la presse, s'élèvent alors pour protester et rendre justice au véritable auteur de l'objet, un graveur et orfèvre¹⁸ d'Odessa. L'un des tout premiers à écrire au quotidien *Le Matin*¹⁹ pour lui rendre son nom exact, Israël Rouchomovsky, est un certain Kalman Lifschitz²⁰, un joaillier venu à Paris en 1897 et établi au 54 rue des Archives, mais qui, à Odessa en 1895, avait pu voir son collègue et ami aux prises avec la fabrication de la tiare²¹.

La rumeur enfle, les journaux s'emparent de l'affaire. Barnum propose au Louvre 250000 francs pour la tiare à condition qu'elle soit reconnue authentiquement fausse. Paris se divise en «Saitaphernistes» et «Antitiaristes», et un énorme scandale éclate. Cette histoire rocambolesque qui met en cause Odessa et Paris et associe la Deribassovskaya et la Butte Montmartre suscite une avalanche de chansons, couplets, cartes postales et caricatures. Ne disait-on pas cette année-là, pour signifier la survenue d'un gros pépin: «C'est la tiare!»²². Le grand public, cette fois-ci, se précipite en foule au Louvre pour voir l'objet. Trente mille personnes en une journée, prétend-on. Un record!

Le scandale est tel que l'État français s'émeut. Il a payé fort cher cet achat malheureux soumis à l'agrément de l'Assemblée Nationale. En outre, le fait que les Reinach aient été dans l'affaire à la fois juge et partie et favorisé l'acquisition donne lieu à des insinuations aussi injustes qu'ignominieuses. A la manière d'un «J'accuse» à l'envers, on «découvre» que la femme de Salomon a de la famille à Odessa... On souligne qu'il a fallu un excellent connaisseur, un grand helléniste, pour fournir les éléments susceptibles d'inspirer un faux aussi parfait... On s'interroge: à qui profite le crime?... Nous sommes, ne l'oublions pas, en pleine affaire Dreyfus²³, et dans les mois où s'élabore dans l'ombre à Paris le faux politique que sont les *Protocoles des Sages de Sion*²⁴.

Les choses s'accroissent. Le 23 mars 1903, la tiare est retirée de sa vitrine. Le 26, sept ans tout juste après l'achat, le Ministre convoque le grand sémitologue Charles Clermont-Ganneau, familier des fraudes archéologiques²⁵, pour prendre la tête d'une Commission d'enquête. Il accepte, et reçoit le lendemain même sa lettre de mission. Le 29 a lieu une première séance au Louvre à la suite de laquelle la tiare est prise en charge et examinée.

Le 3 avril voit la visite de Héron de Villefosse accompagné d'un «marquis de Vogüé» qui est vraisemblablement - mais cela reste à établir- le diplomate et orientaliste, plutôt que l'Eugène-Melchior qui, après avoir vécu un temps à Saint-Pétersbourg, avait introduit en France avec son célèbre ouvrage de 1886 *Le Roman russe*, Tolstoï et Dostoïevski, «guidant les Français aux idées claires et positives dans les troubles profondeurs de l'âme russe» (Pierre Pascal). La visite de celui-ci serait pourtant d'autant moins invraisemblable qu'il demeurerait membre actif de la Société impériale d'histoire.

Plus encore que le rapport envoyé au ministre et publié dans *Le Temps* du 11 juin 1903, les six cahiers, en moleskine noire pour le premier, simples cahiers d'écolier pour les autres, où tout a été ainsi consigné au jour le jour avec une extrême minutie en témoignent: Clermont-Ganneau mène l'enquête de façon exemplaire. Il procède d'abord par lui-même, puis en présence de l'orfèvre qu'on a fait venir à Paris et qu'il interroge, dans un premier temps en le questionnant sur la tiare sans la lui montrer, puis en présence de l'objet qu'on lui présente lors de la sixième confrontation. Roukhomovsky se montre surpris, de la couleur prise par l'or et plus encore des meurtrissures qu'on a infligées à la tiare pour la rendre plus crédible, en prenant bien soin toutefois de ne pas en abîmer le décor. Surprise non feinte qui prouve bien qu'il a œuvré de bonne foi, sans songer à crédibiliser un faux.

Quant à Clermont-Ganneau, il se pose la question des outils utilisés et, dans une lettre à Henry Roujon, le directeur des Beaux-Arts, il raconte comment il a pris une boîte de sardines qu'il a frappée avec un simple marteau utilisé d'estoc et de taille, avant de conclure par ces propos étonnants et quelque peu provocateurs: «Ce serait amusant, n'est-ce pas, d'arriver à résoudre ce logogriphe par la tangente et de montrer que l'archéologie est, dans plus d'un cas, justiciable de la méthode expérimentale; cela la relève à mes yeux (l'archéologie, bien entendu), car au fond je l'ai toujours tenue pour la plus bête, la plus nulle et – cela va toujours de pair – la plus prétentieuse des sciences... Car les grands pontifes prétendent qu'il y a des sciences archéologiques; ils en ont de ce mot plein la bouche... Quelle blague! Et comme l'instinct public a raison au fond quand il ne peut prendre au sérieux tous ces faux savants que nous sommes, ou prétendons être, en usurpant ce beau nom qui appartient à ceux-là seulement qui sont aux prises avec la nature et ses modes d'action, au lieu de s'attarder à ces coprolithes de l'esprit humain»²⁶.

Finalement, il demande à Roukhomovsky de refaire devant témoin une partie du travail, ce que celui-ci fera avec brio à la Monnaie entre le 1er et le 6 juin. Le 22 juin l'orfèvre retourne à Odessa²⁷ tandis que la tiare est rendue au Louvre le 24²⁸.

Tout au long de l'enquête, Clermont-Ganneau ne cesse de manifester un grand respect pour son interlocuteur, qu'il traite, il le précise lui-même, non en accusé mais en «témoin». Ainsi rappelle-t-il dans une lettre à Théodore Reinach: «Le ciseleur d'Odessa ne m'appartient pas. je considère quant à moi qu'il est venu de son plein gré se mettre à notre disposition pour nous aider à faire la lumière sur les origines de l'objet en litige. Ce n'est pas un accusé que j'ai à interroger, c'est un témoin, un témoin dont les dires demandent, sans doute, à être sévèrement contrôlés»²⁹ Il est visiblement convaincu que, dans cette affaire, Roukhomovsky non seulement n'est en rien coupable, mais qu'il a été lui-même grugé par des commanditaires qui ont fait fortune sur son dos aux dépens de son immense talent. Ce qui ne l'empêche pas de recouper méticuleusement les différentes versions du récit et de se faire préciser le sens de chaque mot russe, cherchant à débusquer d'éventuelles contradictions, à la manière de l'instructeur d'une affaire criminelle³⁰. Finalement, et comme on pouvait s'y attendre, le verdict de la commission confirme, preuves irréfutables à l'appui, ce que d'aucuns savaient depuis toujours: la tiare est bien une pièce d'orfèvrerie moderne, fabriquée par un artisan de génie.

Les sources qui ont inspiré les faussaires

Chemin faisant, Roukhomovsky avait expliqué comment il travaillait sur les indications précises des commanditaires, qui guidaient de près ses moindres pas et lui fournissaient des «modèles», voire des calques, d'après lesquels réaliser les décors. En réalité, les sources d'inspiration de l'orfèvre se réduisent pratiquement à deux ouvrages. D'une part, pour les scènes «scythes» du bandeau inférieur, l'ouvrage mentionné de Tolstoï et Kondakov. D'autre part, pour les scènes «homériques», le *Bilderatlas zur Weltgeschichte* de Weisser³¹.

Lors de son interrogatoire à Paris, Roukhomovsky parle d'abord d'un «recueil d'images» avant de prononcer le mot «atlas». Il en décrit l'aspect, reliure rouge aux coins de cuir noir et grand titre en lettres d'or, en donne les dimensions approximatives, un in-folio, précise qu'il y avait là des monnaies, des rois de toutes les nations, et même Pierre le Grand, ainsi que des scènes bibliques de Raphaël, et évoque la très petite échelle des figures³². L'orfèvre se souvient que la partie grecque commence vers la seizième ou dix-septième page. Mais il en a oublié la référence exacte et envoie le jour suivant un télégramme à ses fils restés à Odessa pour se la faire préciser. Sans attendre la réponse, Clermont-Ganneau réfléchit en procédant par élimination: ce ne peut être ni le Schreiber ni l'Overbeck³³. Par déduction, il devine, dès le 14 avril et avant d'en avoir la confirmation définitive, qu'il s'agit du Weisser³⁴. Il en fait venir la troisième édition de la bibliothèque de la Sorbonne, et comprend vite qu'en fait, c'est la deuxième édition, celle de 1882, qu'il emprunte à la bibliothèque des Beaux-Arts, qui est sans doute possible la source exacte de celui qui a conçu le décor: non seulement Roukhomovsky la reconnaît, mais tous les calques qu'il a apportés avec lui d'Odessa s'y ajustent exactement.

Pour comprendre comment un unique livre, fût-ce un in-folio, a pu être une source d'inspiration aussi complète et offrir des figures et des schémas de composition assez variés et crédibles pour abuser de grands savants, il faut, à défaut de l'avoir tenu entre les mains, imaginer concrètement ce qu'est le Weisser.

Destiné avant tout à l'édification de la jeunesse, le Weisser est une sorte de compilation iconographique à des fins pédagogiques qui propose 146 planches illustrant par des gravures l'histoire du monde, des Egyptiens à l'époque moderne. Une centaine de ces planches sont consacrées à l'Antiquité, d'un point de vue chronologique, mais aussi d'un point de vue thématique. L'*Atlas* de Weisser n'invente pas: il reprend par le dessin au trait des œuvres existantes, qu'il s'agisse de monnaies, de peintures, de sculpture, de céramique; chacune des planches juxtapose plusieurs figures qui toutes reproduisent des œuvres anciennes authentiques, mais en les réduisant à une même échelle. Ainsi, pour ne citer que quelques-unes des œuvres qui ont inspiré la tiare, y trouve-t-on, quasiment côte à côte et ramenés à une échelle unique, le déroulé de la ciste Ficorini, les Noces Aldobrandines, des reliefs de la colonne Antonine ou le «Bouclier de Scipion», aussi bien que la bataille de Constantin et de Maxence de Jules Romain pour les Chambres de Raphaël au Vatican, sans parler de planches entières de vaisselle et autres accessoires dans lesquelles l'orfèvre a puisé. Aujourd'hui encore, on se plonge dans ce livre d'images avec délice, que ce soit pour jouer au jeu de l'identification des œuvres représentées, ou sur le mode de la délectation pure³⁵. D'ailleurs l'orfèvre lui-même, une fois son travail achevé, avait gardé l'ouvrage longtemps chez lui et avait exprimé le désir de l'acquérir. Mais ses commanditaires, qui pourtant avaient bien mal rétribué son talent³⁶, lui en demandaient trop cher.

De fait, lorsque l'on compare systématiquement le décor de la tiare à ses sources, on

constate que tout ou presque y trouve son origine, et que, comme l'a reconnu non sans humour l'orfèvre, sa part d'improvisation est, comme toute, bien mince³⁷. C'est vrai pour le bandeau scythe qui a été étudié sous cet angle³⁸. C'est vrai aussi pour la frise grecque dont l'étude n'avait jamais été poussée jusqu'au bout³⁹. Pourtant, curieusement, personne ne semble avoir prêté attention à un fait pourtant d'importance: la tiare elle-même, en tant que type de coiffure, tout comme l'organisation de son décor tirent également leur origine de l'*Atlas* de Weisser.

Le «casque» d'Ak Burun ou le bonnet de l'«Ulysse» du Weisser ?

Pour comprendre les choix des commanditaires de l'objet, il faut restituer l'histoire dans son contexte. En cette dernière décennie du 19e siècle, la mode de l'archéologie bat son plein. Les Russes, mais aussi les étrangers s'intéressent activement au passé du nord de la mer Noire et les «schastlivtchiki», les «chanceux» comme on appelait les pilliers de tombes, peinent à alimenter le marché. Originaires d'Odessa et d'abord commerçants en denrées diverses, les deux frères Hochmann se rapprochent d'Otchakov, à l'embouchure du Dniepr, pour se spécialiser dans la vente des antiquités fortuitement mises au jour par les paysans, et plus souvent pillées pour leur compte, notamment sur le site de l'Olbia antique. Mais leurs sources d'approvisionnement se tarissent et ils se trouvent à court de marchandise devant la frénésie collectionneuse des particuliers et des musées. La demande connaît une croissance sans précédent. Or les objets authentiques se font rares et les clients de plus en plus exigeants. Ils mettent alors au point une technique très efficace qui consiste à proposer des faux au sein de lots qui comportent quelques tessons, monnaies ou pièces d'intérêt secondaire, mais authentiques. Souvent, c'est une paysanne en fichu qu'ils délèguent pour proposer au collectionneur des objets encore salis de terre qu'elle sort de son tablier en racontant comment son mari les a vu surgir sous le soc de sa charrue.

D'abord spécialisés dans la pierre et les fausses inscriptions antiques, pour lesquelles ils bénéficiaient à coup sûr des conseils d'un épigraphiste éclairé⁴⁰, les frères Hochmann décident de développer leur officine en passant au métal précieux. La tiare illustre bien ce tournant de leur activité et leur désir de faire un gros coup, orienté sur la clientèle des musées étrangers. Des musées qui, en ce 19e siècle, en sont encore dans enfance. On peut raisonnablement penser que l'idée d'un tel faux est née d'une sorte de croisement entre une inscription susceptible de le légitimer en donnant le nom d'un roi scythe épigraphiquement attesté, qui plus est comme le récipiendaire bien réel de cadeaux de la part des habitants d'Olbia, et la mine d'images se référant elles aussi à des objets authentiques que proposait le Weisser. Encore fallait-il trouver un support susceptible de fournir un champ assez grand pour que s'y combinent l'inscription et le décor. Or l'art gréco-scythe, destiné à des nomades, ne connaît par définition que des objets transportables de petites dimensions. Et en cette dernière décennie du 19e siècle, on ne connaît guère que le vase d'argent de Tchertomlyk et la plaque de revêtement de carquois, à l'époque encore unique, provenant de la même fouille de 1862. Mais offre-t-on des armes à un ennemi potentiel que l'on cherche à se concilier?

Un objet, pourtant, avait été découvert en 1875⁴¹, qui proposait un modèle convaincant, si convaincant qu'on est pas allé chercher plus loin⁴²: le «casque» d'Ak Burun, aujourd'hui à l'Ermitage⁴³. Incontestablement authentique, il provient d'une sépulture située sur la langue de terre qui délimite, au sud, la baie de Kertch, l'antique Panticapée. L'extrémité de ce cap, au nom turc d'Ak Burun, le Cap blanc, est devenue la «Batterie de Pavlovsk» après la conquête russe de la fin du 18e siècle. Dès 1823-1827, les premières explorations

archéologiques y avaient été le fait du Français Paul du Brux, celui-là même qui, avec la fouille de Koul-Oba, a rendu aux Scythes un visage. Il y avait mis en évidence des restes d'habitat et de fortifications qu'il croyait pouvoir identifier avec la Nymphaion antique, mais qui correspondent plutôt, pense-t-on aujourd'hui, à l'antique Hermision⁴⁴, l'Hermisium mentionnée en même temps que Myrmecium par Pline l'Ancien⁴⁵. Des études récentes tendent à montrer que c'est là, entre le cap Ak Burun et le cap Tuzla, au bout de la presqu'île de Taman, que le détroit était le plus resserré dans l'Antiquité, quand le niveau des eaux étaient plus bas de quelque 4 mètres⁴⁶.

Or, à l'occasion de la fortification des lieux entre 1857 et 1877, après la guerre de Crimée, on découvrit une série de sépultures. Il s'agit, en fait, de l'extrémité de la nécropole constituant la frange orientale de la rangée de tumuli de Iouz-Oba (les «Cent colines»), rangée qui trouve son prolongement sur la rive asiatique, confirmant ainsi que là se faisait le passage, en barque l'été, à pied sur la glace l'hiver. La zone, très bouleversée, est restée terrain militaire jusqu'en 2003 et peut-être son étude archéologique, redevenue possible, permettra-t-elle d'identifier précisément le kourgane d'Ak Burun et d'en reprendre l'étude. Une amphore panathénaique et une monnaie d'Alexandre le Grand y accompagnaient le «casque», orné d'une couronne funéraire en or.

La parenté de celui-ci avec la tiare est si aveuglante qu'on en a fait la source unique des faussaires, sans s'interroger plus avant. En or lui aussi, et conique, il est un peu moins haut que la tiare (14,4 cm de haut), son diamètre à la base est sensiblement le même (17,7-19,5 cm), mais il est beaucoup plus lourd (823 g.) du fait de l'épaisseur de la feuille ajourée au décor de feuille d'acanthé d'où surgissent volutes et fleur de lys au-dessus d'une rangée de volutes et de palmettes courant sur le bord. Il s'agit à l'évidence d'une parure dont la calotte ajourée devait être doublée de cuir ou de feutre. L'objet fut publié pour la première fois dans les Comptes rendus de la Commission archéologique impériale, puis illustré dans l'ouvrage de Tolstoï et Kondakov⁴⁷. Il y a fort à parier que les faussaires ne connaissaient de l'objet que l'image. Mais il nous paraît assuré qu'en parallèle, une autre image a joué un rôle déterminant, et peut-être même déclencheur.

Que voyons-nous en effet sur la planche 25 du Weisser? L'ensemble de la planche est intitulé «Odyssée». Y abondent les scènes où apparaît Ulysse coiffé de son bonnet. Sous-titrée «Odysseus», la figure n° 5, qui se trouve en plein centre de la première rangée d'images, propose le haut du buste d'un homme à l'expression concentrée et presque sévère

fig. 4

Fig. 5.

(fig. 4). Le dessin le montre visage légèrement de trois-quarts sur des épaules de face. Il est drapé à la grecque d'une étoffe qu'une attache ronde retient sur l'épaule. Barbe, moustache et chevelure sont bouclées. L'expression de la bouche, petite et droite, est sérieuse. Le regard attentif et plus encore le pli entre les sourcils ainsi que l'esquisse de quelques rides sur le front suggère l'état d'esprit soucieux d'un homme que le destin n'a pas épargné, à moins que le héros ne médite quelque ruse. Mais l'essentiel, pour nous, est ailleurs. Ulysse – puisque c'est bien Ulysse que le personnage veut illustrer – est coiffé d'un étrange couvre-chef, qui n'est pas exactement le bonnet rond ou conique qu'on lui voit partout ailleurs, y compris sur les images qui le mettent en scène sur la même planche. Ici la coiffure est beaucoup plus haute que d'ordinaire et aplatie en son sommet. En outre, elle porte un décor parfaitement lisible et très inhabituel, qui paraît comme ciselé.

On l'a dit, l'*Atlas* de Weisser n'invente pas: il reproduit des œuvres existantes. Dans sa première édition il reste muet sur ses sources. Mais dans les éditions suivantes, les planches sont accompagnées de légendes qui commentent les images, sans toujours, au demeurant, en donner l'origine exacte. Voici, traduit en français⁴⁸, le commentaire, en l'occurrence court et plutôt sybillin, qui accompagne notre dessin: «Fig. 5. Tischbein et Heyne voulaient reconnaître ce buste comme l'idéal du noble et astucieux fils de Laërte. Contre quoi Inghirami déjà a fait remarquer que cette tête et ce couvre-chef appartiendraient plutôt à un

prince dace et se voudraient être un beau fragment de la même époque qui a produit les bas-reliefs de l'Arc de Trajan à Rome. Ce fragment avec la tête du beau prince barbare aurait ensuite été modifié par un restaurateur en un plaisant buste d'Ulysse avec un charmant bonnet de pêcheur tricoté»

Ainsi le commentaire n'identifie-t-il pas directement l'objet original mais se réfère aux divers commentaires qui en ont été faits: Tischbein et Heyne, puis Inghirami. Remontons la piste pour en savoir plus.

Tischbein et Heyne, Inghirami et Mylord Bristol

L'ouvrage de Tischbein et Heyne est à coup sûr celui qui est paru en français sous le titre de *Figures d'Homère d'après l'antique*⁴⁹. L'auteur en est bien connu. Issu d'une célèbre dynastie de peintres allemands, Johann Heinrich Wilhelm Tischbein (1751-1829), d'abord portraitiste de la Cour de Prusse à Berlin, était parti en 1779 pour l'Italie. Il y passa vingt ans. Il y accompagna notamment Goethe dans son voyage entre Rome et Naples et a au reste été surnommé Goethe-Tischbein à cause de la plus célèbre de ses œuvres, le tableau de 1787, aujourd'hui au musée de Francfort, qui montre un Goethe au grand chapeau se reposant, sur fond de ruines, dans la campagne romaine. C'est à Naples, où il avait été nommé en 1789 directeur de l'Académie royale de peinture et de sculpture, qu'il se consacra à l'entreprise d'envergure dont il rêvait: «livrer un Homère en figures purement antiques», autrement dit illustrer les textes homériques en s'inspirant des œuvres de l'Antiquité conservées partout en Europe: statues, reliefs, vases, intailles. Il dessinait ou faisait dessiner ses meilleurs élèves. Il gravait

aussi, et, le plus souvent sur le champ. Lui-même travaillait à l'eau-forte, et dit, en particulier, avoir confié au burin d'autres artistes «tels que Morghen, premier graveur de S.M. Sicilienne, qui a mis tout son art à rendre d'une manière accomplie le caractère des différentes têtes de héros». Il dit également avoir eu «les lumières d'hommes tels que MM. d'Hamilton et d'Italinski» et avoir eu accès «aux plus riches cabinets de Naples et de Rome». Il précise enfin que «quelques personnages saillants, tels qu'Achille et Ulysse [...] ont été les sujets favoris du travail des anciens artistes». Son travail ne fut interrompu que par l'arrivée à Naples, en 1799, des Français. Tischbein réussit, non sans mal, à fuir la ville avec ses œuvres. Une fois en Allemagne il fit appel à un ami et grand admirateur de Winckelmann, Christian Gottlob Heyne (1729-1812), titulaire de la chaire de philologie à Göttingen, pour commenter ces images. L'ouvrage parut simultanément en Allemagne, où il se limita aux deux premiè-

fig. 6

res livraisons, et en France où il connut un grand succès. L'Ulysse qui nous intéresse y apparaît à deux reprises. Dans le premier cahier, avec la planche 5 intitulée «Les têtes des sept principaux héros de l'Iliade, dessinées et groupées d'une manière caractéristique, par Tischbein, d'après sept beaux bustes antiques». Et dans le second cahier où il constitue la première figure intitulée «La tête d'Ulysse, en grand, d'après un des plus beaux bustes qui existent en marbre, dessinée par Tischbein, gravée par Morghen» (fig. 5 et 6).

Quant au grand antiquaire et érudit que fut Francesco Inghirami (1772-1846), c'est dans le troisième volume, paru à part en 1836, de sa *Galleria Omerica o raccolta di monumenti antichi per servire allo studio della Iliade*, précédemment parue en deux volumes à Fiesole en 1831, qu'apparaît l'Ulysse de Tischbein. Il y occupe la place d'honneur puisqu'il en constitue le frontispice. Curieusement ce dessin paraît en quelque sorte revenir à la sculpture: la tête paraît très modelée, et les yeux ont des pupilles en creux qui évoque le travail du ciseau ou du trépan. Comme le signale la brève légende du Weisser, Inghirami met fortement en doute l'identification du personnage à Ulysse et constate philosophiquement: "Chacun sait qu'à Rome l'usage existait chez les sculpteurs restaurateurs de faire d'un fragment un sujet à part entière, et de lui donner le caractère qui les arrange le plus, et ici on voit que le fragment de l'un des esclaves daces a été transformé en Ulysse et vendu comme tel au célèbre amateur, plus que connaisseur, Milord Bristol."⁵⁰

C'est donc à Milord Bristol qu'appartenait le buste original en marbre. Rien d'étonnant à cela. Homme curieux et cultivé, personnage passablement excentrique, Frederick Augustus Hervey (1730-1803), 4e comte de Bristol et évêque de Derry en Irlande, séjourna longuement en Italie où il fréquentait le meilleur monde. Tischbein, dans ses mémoires, raconte avoir fait son portrait grandeur nature. Lord Bristol fut un grand collectionneur, tout comme son ami William Hamilton⁵¹. Il destinait ses collections, où les antiques occupaient une place plutôt modeste, à son château d'Ickworth, dans le Suffolk⁵². Mais le sort en décida autrement. En 1798, il fut emprisonné un temps à Milan et sa collection tomba aux mains des républicains de l'armée française d'Italie. Il la racheta, mais la soldatesque la lui reprit pour la vendre. Une partie fut rachetée par un marchand, expédiée en Angleterre dans un vaisseau qui fut quatre fois capturé avant d'arriver à Liverpool, et finalement vendue à Londres.⁵³

Pour ce qui est de l'Ulysse qui nous intéresse, faute de savoir ce qu'a alors été son destin entretemps, on l'a vu récemment réapparaître à Maastricht, durant l'édition 2008 de la TEFAF (The European Fine Art Fair), sur le stand du marchand bâlois Jean-David Cahn.

Le «bonnet d'Ulysse», source de la tiare

N'en doutons pas: le regard du ou des concepteurs du faux, lorsqu'ils feuilletaient les deux ouvrages en leur possession pour y chercher l'inspiration, s'est à coup sûr arrêté longuement sur cette figure au bonnet si curieusement ouvragé qu'on l'imagine plus volontiers ciselé que brodé ou tricoté, plus en métal qu'en feutre ou en cuir. L'organisation du décor de la tiare le confirme de façon éloquente, car il reproduit d'assez près ce que nous pouvons observer sur ce bonnet.

Que voyons-nous en effet sur l'image du Weisser? En bas un motif en vagues auquel fait écho, sur la tiare, une rangée de palmettes réunies par des postes en un schéma qui, au demeurant, n'est pas sans évoquer le «casque» d'Ak Burun. Au-dessus, apparaît une haute frise de personnages dansant de part et d'autres de motifs végétaux à laquelle correspondent, sur la tiare, deux registres, celui, de peu de hauteur, des scènes scythes surmonté, au-dessus de l'inscription, des scènes consacrées à Achille qui se déploient en plusieurs grou-

pes, eux aussi rythmés par la présence d'arbres. Puis, dans les deux cas, un motif de rinceaux arrondis. Plus haut, le dessin du Weisser ne permet pas d'en dire plus. Seule différence sur la tiare: l'ajout d'un motif de volutes affrontées s'enchaînant les unes aux autres en formant une pointe en cœur. Or, comme par hasard, l'orfèvre précise durant l'enquête qu'il s'agissait là d'une initiative personnelle pour laquelle il avait été sévèrement tancé par les frères Hochmann qui craignaient que cette fantaisie inédite ne trahisse la contrefaçon. Bref, l'organisation du décor de la tiare ne rappelle en rien Ak Burun mais s'inspire à l'évidence du dessin de Weisser.

S'il subsistait le moindre doute, la scène qui, sur la tiare, figure immédiatement à droite du bûcher apporterait un argument supplémentaire. Elle montre un homme menant par la bride quatre chevaux. L'orfèvre interrogé, le désigne comme un écuyer amenant les chevaux de Patrocle. Mais il s'agit en réalité de l'épisode célèbre d'Ulysse dérobant les chevaux de Rhésos, et le dessin reproduit un original bien connu: une situle apulienne à figures rouges du Peintre de Lycurgue aujourd'hui au musée archéologique de Naples et qui figure sur la planche 19 de l'*Atlas*. Le choix de cette scène était d'autant plus tentant que les morts qui, sur la situle, gisent au-dessus du groupe et sont censés être des barbares thraces ressemblent furieusement, avec leurs capuchons pointus, leurs tuniques aux manches étroites et leurs justaucorps rayés, à des Amazones, ou à des barbares comme ceux qu'on voit sur le fourreau d'épée de Tchertomyk. Mais comme toujours, on a modifié le dessin afin de brouiller les pistes. Ce n'est pas deux, mais quatre chevaux qu'Ulysse tient par la bride sur la tiare. Et surtout une autre différence nous alerte. Comme l'Ulysse porte-tiare, celui du Peintre de Lycurgue est vu légèrement de trois-quarts sur des épaules de face, comme lui il est barbu, moustachu et bouclé. Et les deux sont coiffés d'un bonnet. Or, sur la tiare, l'Ulysse voleur des chevaux de Rhésos a été privé de son *pilos*. Et ceci de façon parfaitement délibérée, non pas sur une initiative de l'orfèvre, mais sur l'injonction explicite et pressante du commanditaire. Ce point, Roukhomovsky l'a clairement précisé à Clermont-Ganneau lors de son interrogatoire à Paris⁵⁴. Bien sûr, on peut voir là le désir de brouiller les cartes qui inspire beaucoup des divergences, grossières ou subtiles, entre les figures ciselées sur la tiare et leurs modèles dessinés du Weisser. Casque ajouté ici ou enlevé là, scènes inversées gauche sur droite, groupes autrement agencés. La plus réjouissante étant celle qui a privé de la bonne douzaine de porcelets accrochés à ses mamelles une truie qui, dans l'*Atlas* de Weisser, est celle de Lavinium telle que la décrit Virgile (*Énéide*, VIII, 5, 43), alors que, sur la tiare, promise au sacrifice, elle se glisse, bréhaigne, entre un guerrier de dos, main sur la hanche et mollets entrecroisés, directement emprunté à la ciste Ficorini, mais doté d'un himation jeté sur l'épaule et d'un superbe casque à panache sans doute volé à une image d'Arès, et un second personnage, quasiment identique à son modèle du Weisser à ceci près qu'il tient sa lance pointe vers le haut, et non pas appuyée au sol.

Mais en réalité, la vraie raison de la suppression du bonnet d'Ulysse est d'ordre psychologique et relève de l'autocensure: les faussaires craignaient de se trahir et d'être pris la main dans le sac. Un Ulysse en bonnet figure déjà sur la tiare: celui qui ramène Briséis à Achille trônant, scène qui, plus que du «Bouclier de Scipion» comme on l'a prétendu⁵⁵, s'inspire d'une Iphigénie conduite au sacrifice reproduite dans le Weisser⁵⁶. Trop d'Ulysse et trop de bonnets ramenaient les faussaires à cette planche «Odyssée» du Weisser à laquelle ils avaient fait leur emprunt majeur: la tiare elle-même. Cela pouvait éveiller l'attention et mettre un observateur attentif sur la piste. Supprimer le bonnet sur la tête de l'Ulysse du Peintre de Lycurgue équivalait donc pour eux à faire disparaître l'arme du crime. Comme le dit fort à propos le proverbe russe «Sur le voleur la chapka brûle»⁵⁷.

Ainsi donc, autant et sans doute plus que la trouvaille d'Ak Burun, le dessin du Weisser

a joué un rôle décisif dans la conception, l'essentiel, bien sûr, était la qualité de la réalisation. Et l'on ne peut qu'admirer le génie et le savoir-faire d'un orfèvre, graveur de formation, d'une virtuosité incroyable, qui savait restituer sa troisième dimension au dessin au trait d'un objet en relief. Une fois encore, comme souvent dans l'histoire des arts, l'enjeu est celui du passage d'une matière à l'autre, d'une technique à l'autre. Et aussi celui de la prééminence du dessin qui traverse les genres et les époques, même si, comme on le voit ici, il s'imprègne aussi de son temps.

Car à y regarder de près, nombre de détails, sur la tiare, trahissent le 19e siècle finissant. Outre cette inscription digne d'un porte-cigare de Fabergé, quelque chose dans le décolleté des robes, l'envol tourbillonnant de leurs plis évoque plus les élégantes dames aux bals de la Cour que les drapés de l'art antique. Mais cela, les contemporains ne pouvaient pas le percevoir. Pas plus qu'ils n'avaient conscience que la tiare faisait comme un sourd écho à la chapka de Monomaque, symbole du pouvoir russe⁵⁸.

Chapka, bonnet, *kolpak*⁵⁹, pilos, tiare, sans parler d'une *alopèkis* et d'un petit-fils de chapelier, c'est toute cette histoire, en somme, qui est sous le signe du couvre-chef. Couvre-chef, c'est sans doute le terme le plus approprié pour cette coiffure dédiée à un grand savant, réservant pour conclure celui qui exprime le plus exactement ce que l'on ressent devant la personne et l'œuvre de Paul Bernard: Chapeau!

Notes

1. Cote Ms 4114: *Procès-verbaux des séances de la commission d'enquête sur l'authenticité de la tiare prétendue découverte à Olbia, commission composée de Clermont-Ganneau, Albert Kaempfen, Héron de Villefosse, Fernand Mazerolle et Camille Legrand*. S'y ajoutent des lettres parfois intéressantes, parfois farfelues, et anonymes à l'occasion qui donnent la mesure de l'ampleur médiatique de l'affaire.

Cf pour une publication récente avec éléments bibliographiques Chaya Benjamin, «The Secret of the Tiara: The Work of the Goldsmith Israel Rouchomovsky», *The Israel Museum Journal*, XV, 1997, p. 95-114.

2. I.V. Tolstoj et N.P. Kondakov, *Russkie drevnosti v pamjatnikax iskusstva*, Saint-Pétersbourg, 1889, traduit en français avec la collaboration de Salomon Reinach sous le titre *Les Antiquités de la Russie méridionale*, Paris, 1891.

3. Nous adoptons ici la graphie Saïtapharnès telle qu'elle apparaît sur la tiare, et non sa forme francisée de Saïtaphernès. Dans ce nom superbement iranien, on reconnaît le substantif *farnah qui exprime l'idée de fortune et de légitimité royales. Quant au premier terme, *saïta, Abaev voulait y voir le nom de la tribu sarmate des Saïoi sous sa forme au pluriel scythique en – ta, le nom même des Saïoi *xšaya étant sans doute un équivalent du grec *basileioi*, royaux. Mais sans doute faut-il plutôt le dériver du *xšaeta qui signifie lumineux (communication orale de Frantz Grenet que nous remercions ici).

4. Cf (à l'époque) Latyshev, *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*, I, n° 16, et Dittenberger, *Sylloge*, I, n° 248. Actuellement: IosPE I², 32 A.

5. "A l'Est de l'Hypanis habitaient les Sées (Saïoi); l'un de leurs rois s'appelait Saïtapherne. Une inscription nous apprend que Protogène, citoyen d'Olbia, avait plus d'une fois fait à ce monarque, qui se présentait chez lui entouré de ses *skeptoukhoï* (princes vassaux), des présents pris sur sa fortune personnelle» Tolstoï, Kondakov, Reinach, *op. cit.*, p. 226.

6. Tolstoï, Kondakov, Reinach, *Les Antiquités de la Russie méridionale*, Paris, 1891, p. 49, fig. 56.

7. Sur cette «Histoire d'un achat malheureux», voir Alain Pasquier, Catalogue de l'exposition *La Jeunesse des Musées, les musées de France au XIXe siècle*, Paris, 1994, p. 300-311. Cf également, Catherine Metzger et Véronique Schiltz, "La tiare de Saïtapharnès: description et analyse" *ibidem* p. 312-313.

8. La compétition philologique allait également bon train. Ainsi Pierre Louys avait-il publié, d'abord dans le *Mercure de France*, puis, en 1894, en un recueil, des *Chansons de Bilitis* faussement attribués à une poétesse grecque du VIe s. av. n.è. Le philologue et grand nationaliste prussien condisciple et adversaire de Nietzsche et gendre de Th. Mommsen Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf en avait rendu compte de façon très négative, accusant entre autres le «traducteur» de préjugés pro-sémites. Pierre Louys se vengea en faisant figurer, dans l'édition suivante, le savant comme étant l'éditeur allemand de la poétesse. Dans cette nouvelle édition de 1898 figurait un «portrait antique» de la poétesse grecque, en réalité copié sur une terre-cuite du Louvre.

9. Cf les lignes consacrées à la tiare dans Agnès Callu, *La Réunion des musées nationaux, 1870-1940*, Ecole des Chartes-Droz, Genève-Paris, 1994.
10. Elu en cette même année 1896 à l'Académie des Beaux-Arts, l'architecte Edouard Corroyer (1835-1904), élève de Viollet-le-Duc, avait été chargé de l'étude et de la restauration du Mont-Saint-Michel.
11. La somme, en effet, est peu de chose, comparée aux neuf millions de francs or que coûtera la Villa Kérylos, dont la construction, financée par le passionné de la Grèce qu'est Théodore, sera entreprise en 1902.
12. Salomon Reinach, «Appendice sur l'histoire de la tiare», *Éphémérides de Glozel*, Paris, février 1928. Rappelons qu'au moment de l'achat, Reinach s'est porté candidat à l'Académie où il ne sera élu qu'en décembre, et qu'il n'assistait pas à la séance...
13. Notamment par M. Collignon, «Tiare en or, offerte par la ville d'Olbia au roi. Saitaphernes», *Monuments Piot*, 1899, pp. 5-59.
14. Cf Archives de l'Institut, Carnets Clermont-Ganneau à la date du 9 avril (3e confrontation), citant Roukhomovsky.
15. Dans une communication au 10e Congrès archéologique à Riga en 1896. Cf E. von Stern, «O poddelkakh klassicheskikh drevnostej na juge Rossii», *Trudy 10 Arkheologicheskogo s'ezda v Rige*, 1896. Vol. 1. Moscou, 1899, p. 189-196. En cette même année 1896, A.L. Bertier de la Garde publie un article sur les faux grecs au sud de la Russie (A.L. Bert'e Delagard, «Poddelka grečeskikh drevnostej na juge Rossii», *Zapiski Odesskogo Obščestva istorii i drevnostej* 19, 1896, p. 27-68.
16. Cf *Cosmopolis*, Bd 3, n° 8, 1er août 1896, p. 572-579, et surtout *Intermezzi*, «Excurs, Die Tiara des Saitaphernes im Louvre», Leipzig-Berlin, 1896, p. 79-92.
17. Les archives du Louvre conservent pourtant un télégramme daté du 15 janvier 1897 dont le texte est le suivant «Fabricant tiare Saitaphernes decouvert par moi hier Odesa (sic)» envoyé de Kischinef (aujourd'hui Chisinau) par un certain Jean Souroutschan qui avait eu lui-même maille à partir avec les faussaires.
18. Sur la carte de visite en français que conservent les archives de l'Institut, il se désigne lui-même ainsi: Israil Rouchomowsky, graveur d'art, Odessa.
19. *Le Matin* du 13 mars 1903.
20. Le fils de ce Lifschitz, plus célèbre que son père, est Boris Souvarine. Ce dirigeant important de la Ière Internationale communiste deviendra, après en avoir été exclus, une grande figure de l'antitotalitarisme. Il est l'auteur, en 1935, de la première biographie critique de Staline. L'histoire de la tiare est évoquée dans la biographie de J.-L. Panné *Boris Souvarine*, Paris, 1993, p. 14-15, qui s'appuie sur les mémoires de Nina Gourfinkel *Aux prises avec mon temps*, Paris, 1953. Nous devons ces précisions à Sophie Coeuré, que nous remercions vivement ici d'avoir apporté sa pierre à cet hommage à Paul Bernard.
21. Roukhomovsky raconte à Clermont-Ganneau au cours de l'enquête, comment, étant à Odessa, il a reçu une lettre de ce même Lifschitz lui disant: «Ja videl vashu tiaru v Luvre, ona poriadkom sognuta [j'ai vu votre tiare au Louvre, elle est pas mal enfoncée]». Dans son remarquable souci de tout comprendre exactement, Clermont-Ganneau se fait alors préciser le sens précis du mot russe «poriadkom».
22. Cette fortune verbale de la tiare a eu un prolongement inattendu. Georges Pérec, dans son roman oulipien à contraintes, *La Vie mode d'emploi*, qui joue sur les figures du Jeu de l'Oie et d'innombrables allusions littéraires, fait intervenir au chapitre LXXXIII (p. 493) une histoire de vol de tiare scythe sur fond érotique où interviennent, à côté de Chalia la Rapine, des personnages dont les noms sont empruntés au roman de Jules Verne *Les Aventures du capitaine Hatteras*. Or non seulement «tiare scythe» est le contrepet de «Icy le Hatteras», mais hatter signifie en anglais chapelier (Cf <http://remi.schulz.perso.neuf.fr/perec/jeu.htm>).
23. L'année de l'achat de la tiare, 1896, est celle de la première révision du procès de Dreyfus qui ne sera réhabilité qu'en 1906.
24. Ce prétendu «programme juif pour la conquête du monde» fut d'abord édité partiellement en Russie en août-septembre 1903 par le journal *Znamja*. Mais on sait aujourd'hui grâce aux recherches de Mikhaïl Lepekhin que ce faux a été fabriqué à Paris et en français sur la demande du chef de la police politique russe en France, Pierre Ratchkovski, par un publiciste russe, Matthieu Golovinski (1865-1920), lointain descendant du croisé Henri de Mons. Il avait décalqué un pamphlet français contre Napoléon III publié à Bruxelles en 1864: le *Dialogue aux Enfers entre Machiavel et Montesquieu* de Maurice Joly, un avocat antibonapartiste, remplaçant simplement «la France» par «le monde» et «Napoléon III» par «les juifs».
25. Orientaliste, maître incontesté de l'épigraphie sémitique, mais aussi archéologue, diplomate, ensei-

gnant, Charles Clermont-Ganneau a beaucoup oeuvré pour l'ouverture d'un Institut français à Damas (ainsi qu'à Beyrouth) et la création de la revue *Syria*. Après la découverte de la stèle de Mesha qui, rappelons-le, avait mis en évidence la première occurrence du nom même d'Israël, le prénom de l'orfèvre, il avait été confronté au problème des faux «moabites». Cf André Dupont-Sommer, «Un dépisteur de fraudes archéologiques: Charles Clermont-Ganneau (1846-1923), membre de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», *CRAI*, vol. 118, n°4, 1974, p. 591-609. Curieusement, cet article très informé semble ignorer qui est le père de Clermont-Ganneau, (cf «On ne sait que peu de choses de son père») personnage pourtant haut en couleurs, sculpteur, certes, mais surtout grand original bien connu de certains milieux, et qui, ironie du sort, était fils de ...chapelier! La correspondance conservée à l'Institut confirme le lien quasiment familial qui unissait Clermont-Ganneau à Théophile Gautier. Ce dernier l'appelle «cher Nono», tout comme sa fille Judith, future Madame Catulle Mendès, muse de Victor Hugo et dernière passion de Wagner, qui, elle, y ajoute des «mon chéri» et «grand dépendeur d'andouilles».

26. Archives de l'Institut, Lettre à Roujon du 1er avril 1903 (n°85 de la correspondance): «Rentré chez moi, je me suis mis à taper comme un sourd sur des couvercles de boîtes de sardines, faute de plaque d'or, et pour cause, hélas, au grand effroi de ma mère, de ma bonne et de mes voisins, avec un petit marteau que j'avais dans la main, jouant tantôt de la tête, tantôt du tranchant, et je vous assure que j'ai obtenu de très jolis résultats». Il exprime ailleurs sa crainte d'arriver, comme les carabiniers «trop tiare».

27. Il reviendra par la suite en France et s'y installera avec sa famille.

28. Il avait été envisagé de l'exposer non plus en tant qu'objet antique, mais comme un specimen relevant des «arts décoratifs». En réalité, elle restera des années durant cachée aux regards dans un coffre-fort du bureau du conservateur des antiquités grecques du Louvre, d'où, en son temps, Pierre Devambez l'avait extraite pour nous la montrer.

29. Archives de l'Institut. Papiers Clermont-Ganneau. Correspondance, lettre 24.

30. Dans la lettre à Roujon mentionnée ci-dessus, il emploie un vocabulaire de chasseur qui en dit long sur son état d'esprit: «je poursuis la piste que je vous ai fait flairer et qui, ou je me trompe fort, peut nous mener droit au gîte de la bête».

31. Ludwig Weisser, *Bilder-Atlas zur Weltgeschichte. Nach Kunstwerken alter und neuer Zeit*. Stuttgart, Première édition non datée circa 1880.

32. Carnets Clermont-Ganneau. Troisième confrontation du jeudi 9 avril.

33. Heureusement il ne tient pas compte du conseil de Salomon Reinach, qui lui avait écrit: «Furtwaengler a fouillé, non seulement les Bilderbücher, mais les recueils des compositions homériques de Genelli, Tischbein etc., à la recherche des matériaux du faussaire. Il n'a rien trouvé et il est fort inutile que nous recommencions son travail».

34. Clermont-Ganneau note sur ses carnets, avec son sens de la justice habituel: «Déjà, de Kieseritzky dans une de ses lettres à HdeV [Héron de Villefosse] supposait que l'ouvrage utilisé devait être le Weisser».

35. Nous tenons à remercier ici Martin Schiltz, qui nous a procuré un exemplaire de la deuxième édition, celle-là même dont les commanditaires de l'orfèvre se sont inspirés et qu'ils lui ont confié.

36. La tiare lui avait été payée 1800 roubles. Or son prix d'achat par le Louvre équivaut à quelque 90000 roubles

37. Interrogé sur la source des images d'oiseaux, il répond: «je les ai faits sans modèle précis, les draperies changent, mais les oiseaux ne changent pas». Réplique au demeurant contestable, puisque l'on retrouve dans le Weisser jusqu'aux oiseaux qui lui ont servi de modèle.

38. Cf R. Rolle, W. Herz, «Betrachtungen zur «Tiara des Saitapharnes», *Gedenkschrift für J. Driehaus*, Mayence, 1990, pp. 251-265.

39. Notre recherche sur la frise grecque a fait l'objet d'une communication prononcée à Moscou en septembre 2009 lors de la conférence dédiée à la mémoire de Gregory Bongard-Levin: *World in Antiquity* et qui sera publiée.

40. Il semble que la femme de l'un des frères ait eu quelques notions d'archéologie. Mais probablement y a-t-il eu d'autres conseillers très au fait.

41. Voir le Compte rendu de la Commission archéologique de Saint-Petersbourg, 1876, pl. II.

42. Cf le pourtant très attentif Furtwaengler: «Die Gesamtidee zur der Tiara gab natürlich der parchtvolle goldene Helm, CR. 1876 n 2, I.» «Excurs...», *op. cit.*, p. 86.

43. Inv. AkB 28.

44. Cf Shestakov S.A., «O lokalizacii bosporskogo goroda Germisija», *Problemy arkheologii i istorii Bospora*. Tez. dok. konf., Kertch, 1991.

45. *Histoire Naturelle*, livre IV, XXVI, 9. L'historien y signale l'existence d'une île dont le nom évoque l'*alopekis*, le bonnet pointu thrace en peau de renard. Encore un chapeau!
46. Voir S.G. Koltukhov, «Tuzlinskij istoriko-geograficheskij rajon Bospora Kimmerijskogo v antichnuju epokhu», *Geopolitika i ekodinamika regionov*, 2005, 1, p. 87-91.
47. Il en est la figure 50. Ajoutons que la trouvaille est signalée dans la *Revue archéologique*, 1885, p. 259, où les archéologues et conservateurs français avaient pu en prendre connaissance.
48. «Fig. 5. Diese Büste wollte Tischbein und Heyne als das Ideal des edeln vielklugen Sohnes des Laërtes erkennen. Dagegen hat schon Inghirami darauf aufmerksam gemacht, dass dieser Kopf und Kopfschmuck eher einem dacischen Fürsten zugehören und ein schönes Fragment aus derselben Kunstzeit sein möchte, welche die Basreliefs des Trajan-Bogens in Rom geschaffen hat. Das Fragment von der Bildsäule des schönen Barbarenfürsten wäre dann von einem Restaurator kurz und gut zu einer anmuthigen Odysseusbüste mit schön gestickter Schiffermütze zugerichtet worden.». Nous remercions vivement Hans Moltrecht de son aide efficace à la traduction.
49. *Figures d'Homère d'après l'antique* dessinées par H. Guill. Tischbein, avec les explications de Chr. Gottl. Heyne, Metz, 1801-1802, sorti en même temps que l'édition allemande *Homer nach Antiken gezeichnet*, qui se limita aux deux premières livraisons.
50. *Galleria Omerica*, p. 26: «Ognun sa che a Roma s'usa dagli scultori restauratori di fare d'un frammento un intiero soggetto, e darli quel carattere che più loro aggada, e qui si vede che il frammento d'uno di quei schiavi Daci fu convertito in Ulisse e venduto per tale al celebre amatore più che cognitore Milord Bristol».
51. Sur la personnalité de Lord Bristol, voir "Frederic Hervey: the Earl-Bishop of Derry", *The Irish Church Quaterly*, Vol. 6, n° 24 (Oct. 1913) pp. 271-286, et John Ingamells, *A Dictionary of English and Irish Travellers in Italy, 1701-1800*, New Haven et Londres, p. 126-130.
52. Voir J. Gage, *History and Antiquity of Suffolk*, Londres, 1838, p. 301.
53. Cf sur le destin de la collection de Lord Bristol Adolf Michaelis, *Ancient Marbles in Great Britain*, Cambridge, 1882, p. 108-109.
54. Carnets Clermont-Ganneau, 4e confrontation du 10 avril 1903.
55. Notamment M. Collignon (*op. cit.*).
56. Cf planche 18, fig. 17.
57. «Na vore i chapka gorit»
58. On le sait, la «chapka de Monomaque» était réputée avoir appartenu à l'empereur Constantin et avoir été envoyée en cadeau à son petit fils, le grand prince de Kiev Vladimir Monomaque (1053-1125), alors qu'en fait elle avait vraisemblablement été offerte dans les années 1330 par le khan Uzbek au prince moscovite Ivan Kalita.
59. C'est ainsi, selon Roukhomovsky, que les frères Hochmann désignaient en russe l'objet dont ils lui passaient commande.

L'ÈRE YAVANA D'APRÈS LES PARCHEMINS GRÉCO-BACTRIENS D'ASANGORNA ET D'AMPHIPOLIS¹

La chronologie des souverains ayant régné en Asie centrale et en Inde à l'époque hellénistique et kouchane a longtemps constitué un problème majeur des numismates et épigraphistes. Deux publications récentes viennent cependant étayer le dossier d'une manière significative. La première, issue d'un travail de doctorat intitulé *Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana*, mené par O. Coloru sur l'histoire du royaume gréco-bactrien et ses relations avec la composante indienne de l'hellénisme oriental, est une synthèse combinant un développement historiographique de l'Antiquité à l'époque moderne, une étude détaillée de l'état des questions et de riches réflexions d'ordre géopolitique. La seconde, dont la parution m'a été signalée par Frantz Grenet, est une étude consacrée à l'identification de l'ère grecque dite "Yavana" (Falk, Bennet, 2009). Partant des progrès majeurs réalisés ces dernières années sur la date de Kanishka, dans le sillage de la découverte de l'inscription de Rabatak (Sims-Williams, 2004), ses auteurs H. Falk et Ch. Bennett proposent une hypothèse très convaincante sur la date de l'ère d'Azès et, de ce fait, fournissent un solide point d'ancrage de l'ère grecque attestée par les sources indiennes et kouchanes.

À la suite des études de J. Cribb et E. Errington, H. Falk et Ch. Bennett soulignent le fait que l'ère de Kanishka, maintenant datée de 127/128 de n.è., coïncide de manière sans doute intentionnelle avec l'année 301 (c'est-à-dire la toute première année du quatrième siècle) de l'ère "Yavana", dans une filiation que confirme la parenté étroite du calendrier kouchan avec le calendrier macédonien. Cette ère Yavana ("hellénique") pourrait donc avoir débuté en 175/174 av. n.è. Sur la base d'une nouvelle lecture des inscriptions indiennes et des divers calendriers en vogue au Gandhara et dans les autres régions de l'Extrême-Orient hellénisé, ces deux auteurs défendent aussi l'hypothèse selon laquelle l'ère d'Azès aurait été inaugurée en l'an 48/47 av. n.è. Se fondant sur le reliquaire Rukhuna, qui permet de calculer un écart de 128 ans entre l'ère d'Azès et l'ère Yavana (Salomon, 2005), ils parviennent alors à dater cette dernière de l'année 175/174 av. n.è., obtenant le même résultat que pour le calcul fondé sur la date de Kanishka. L'ère d'Azès, quant à elle, coïnciderait de manière intentionnelle avec la première année du troisième siècle de l'ère arsacide.

Les deux publications à la source de cette étude ne concordent pas sur la date de l'ère Yavana et, comme on le verra, la seule qui paraisse maintenant devoir être retenue est celle de H. Falk et Ch. Bennett. Par leur complémentarité, ces approches fournissent toutefois une base de réflexion dans la question du contexte géopolitique de l'Extrême-Orient hellénisé à l'aube de cette ère méconnue (voir la figure 1 avec un schéma chronologique appuyant la présente démonstration et la figure 3 avec une carte de l'Asie centrale hellénistique).

Les parchemins gréco-bactriens

Cette ère "grecque" de 175/174 av. n.è. est donc susceptible d'intéresser les historiens et numismates de l'Asie centrale qui sont de leur côté également confrontés à une pénurie de points d'ancrage pour la datation absolue des souverains de l'époque hellénistique (voir, par exemple, la revue des hypothèses dans O. Coloru, 2009, p. 187-193,

qui pour sa part défend cependant l'idée selon laquelle c'est à la conquête de l'Inde par Démétrios I que l'on doit attribuer une ère Yavana datable de 186/185 av. n.è.²). La datation des souverains gréco-bactriens et indo-grecs repose pour l'essentiel sur un classement des monnaies par types, monogrammes et provenances (fouille, trésors, provenances non connues) et l'association d'informations extérieures, comme les parallèles avec d'autres monnayages datés et les liens avec les événements évoqués à travers les rares sources littéraires et épigraphiques (gréco-romaines, iraniennes, indiennes, chinoises) et archéologiques (voir notamment la synthèse d'O.Bopearachchi, 1991). Parmi les premières données chronologiques fournies par l'épigraphie gréco-bactrienne figure notamment l'inscription sur vase découverte dans la trésorerie royale d'Aï Khanoum, relative à une année 24 qu'à la suite de P. Bernard on préfère rattacher à une année régnale d'Eucratide I, le dernier des souverains gréco-bactriens ayant régné à Aï Khanoum et sur la Bactriane orientale (P. Bernard, 1985, p. 97-105; Rougemont, 2010, n° 117-120). Si l'on adopte le synchronisme entre les avènements d'Eucratide I et de Mithridate I (171 av. n.è.) donné par Justin, cette inscription correspondrait à l'an 147. Des recoupements avec les autres inscriptions découvertes dans le même bâtiment permettent de dater l'abandon de la ville – et donc la fin du règne d'Eucratide I – de 144 av. n.è.³.

Ce document exceptionnel est le dernier à avoir été fourni par la fouille. Cependant, parmi les trouvailles fortuites de parchemins qui, depuis les années 1990, proviennent du nord de l'Afghanistan, deux exemplaires en langue grecque fournissent des données chronologiques nouvelles sur des souverains gréco-bactriens qui semblent avoir justement régné aux environs du début de l'ère "Yavana". La localisation vraisemblable de leur trouvaille, le flanc nord de l'Hindukush, laisse supposer qu'ils se réfèrent exclusivement à des opérations de l'administration dépendant de Bactres, donc du nord de l'Hindukush:

– Le plus ancien sur le plan de la rédaction a été, publié en 2007 par W. Clarysse et D.J. Thompson. Bien que le texte soit mal conservé et que son contenu ne soit pas d'interprétation aisée, ce document semble avoir été un contrat dans lequel interviennent des Scythes, peut-être mercenaires (Rougemont, 2010, n° 93). Deux données se dégagent clairement du contenu: son lieu de rédaction, une ville gréco-bactrienne inconnue du nom d'Amphipolis, et sa date, une année 30, associée au nom d'un roi Antimaque.

– L'autre document a été simultanément publié en 1994 par J.R. Rea, R.C. Senior et A.S. Hollis d'une part, et par P. Bernard et C. Rapin d'autre part (avec une ultérieure synthèse dans Rapin, 1996) (Figure 2). Dans ce cas, l'objet est une quittance rédigée après le versement d'une taxe dans une ville du nom d'Asangorna (Rougemont, 2010 n° 92). La mention des divers fonctionnaires et magistrats qui sont intervenus dans l'opération financière en question fait de ce parchemin l'un des plus importants documents pour la connaissance de la structure administrative du royaume gréco-bactrien. La quittance porte elle aussi une date, le mois d'Olôios de l'an 4, et le nom de trois rois qui se présentent ici en corégence: Antimaque Théos, Eumène, et Antimaque. Le nom du dernier personnage est suivi au début de la ligne 2 par une mention partiellement effacée que je propose de lire "son fils" (*tou huiou autou*, lecture qui semble préférable à celle de *tôn huiôn autou*, "ses fils", proposée J.R. Rea, R.C. Senior et A.S. Hollis), ce qui permet de supposer qu'Eumène est le frère d'Antimaque Théos et le second Antimaque, le fils de ce dernier, donc le neveu d'Antimaque Théos.

Les publications identifient toutes correctement deux des trois souverains mentionnés par ces parchemins: l'Antimaque du document d'Amphipolis daté de l'an 30 et

Figure 1 : Schéma géo-chronologique des souverains gréco-bactriens

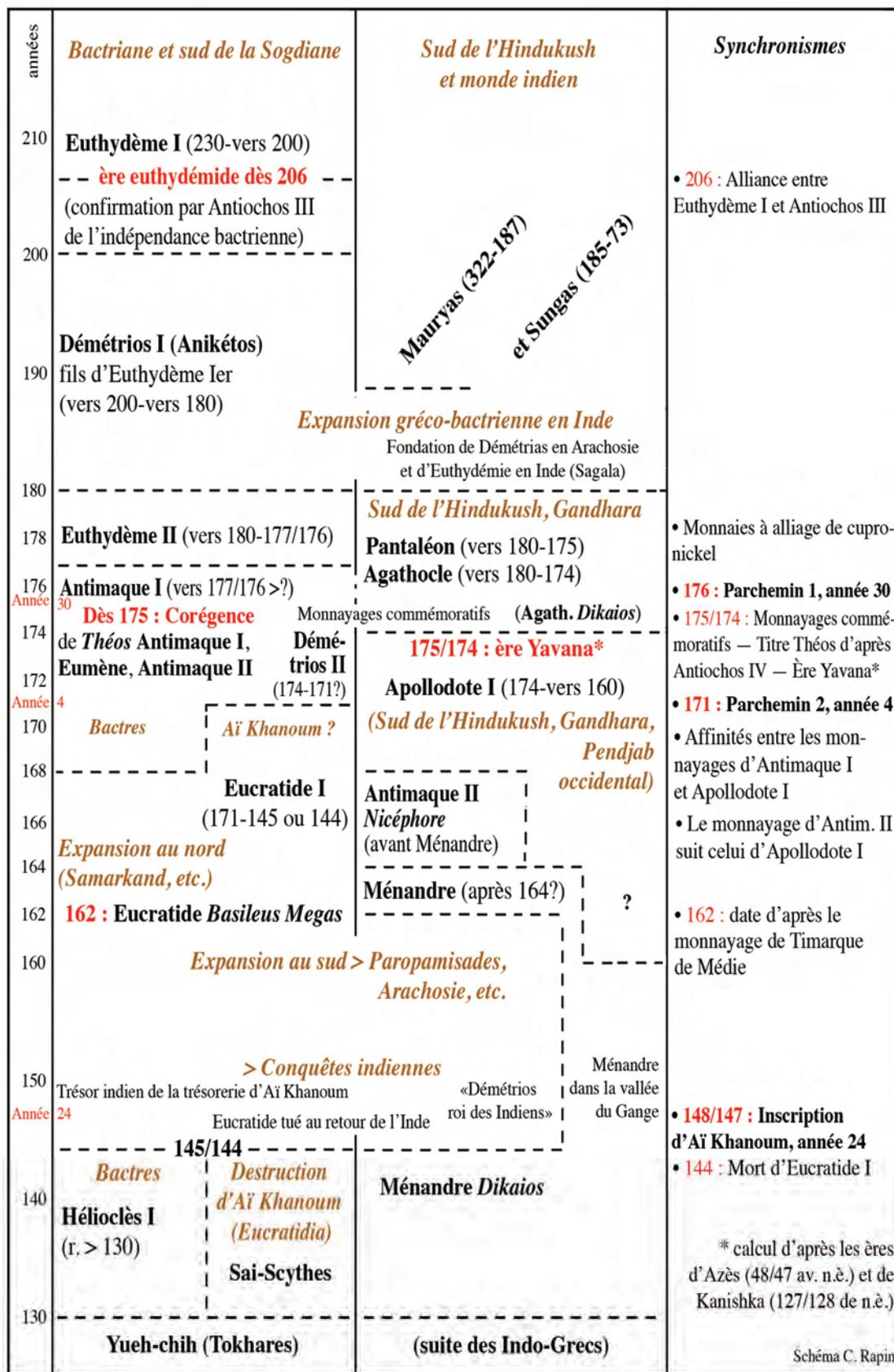
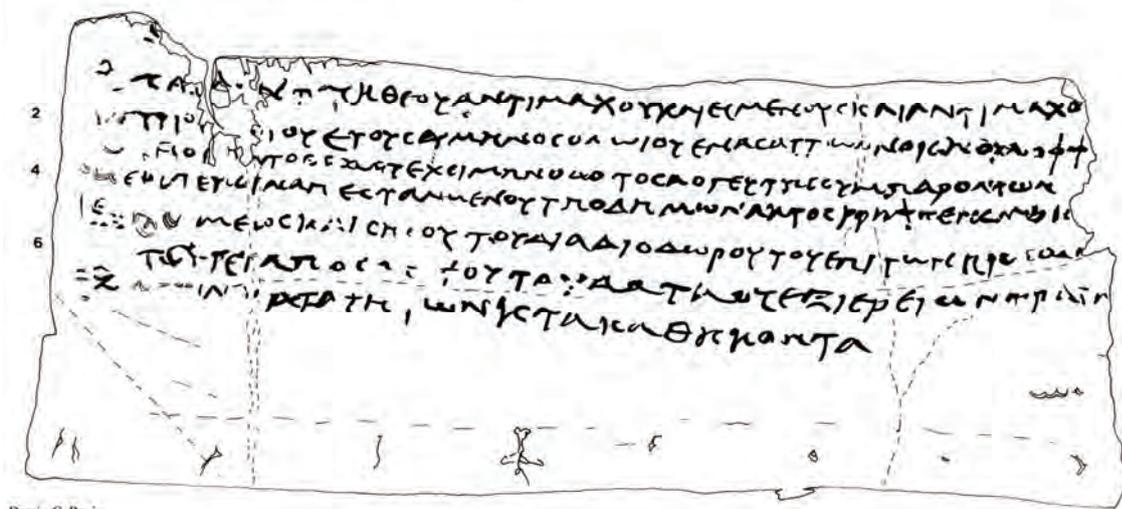

Schéma C. Rapin

Figure 2 : Parchemin d'Asangorna

l'Antimaque Théos du document d'Asangorna daté de l'an 4 correspondent à Antimaque I, successeur d'Euthydème II en Bactriane (d'après la séquence des monnaies). Le second Antimaque du parchemin d'Asangorna devrait, quant à lui, avoir été Antimaque II qui, d'après la diffusion de son monnayage, aurait régné au sud de l'Hindukush. Eumène, le deuxième des trois souverains du parchemin d'Asangorna, n'est pas connu par ailleurs. Les années 30 et 4 sont en revanche problématiques, dans la mesure où l'une relève d'une ère et l'autre du comput d'une corégence (qui ne coïncide pas, comme nous le verrons, avec une année régnale de souverain).

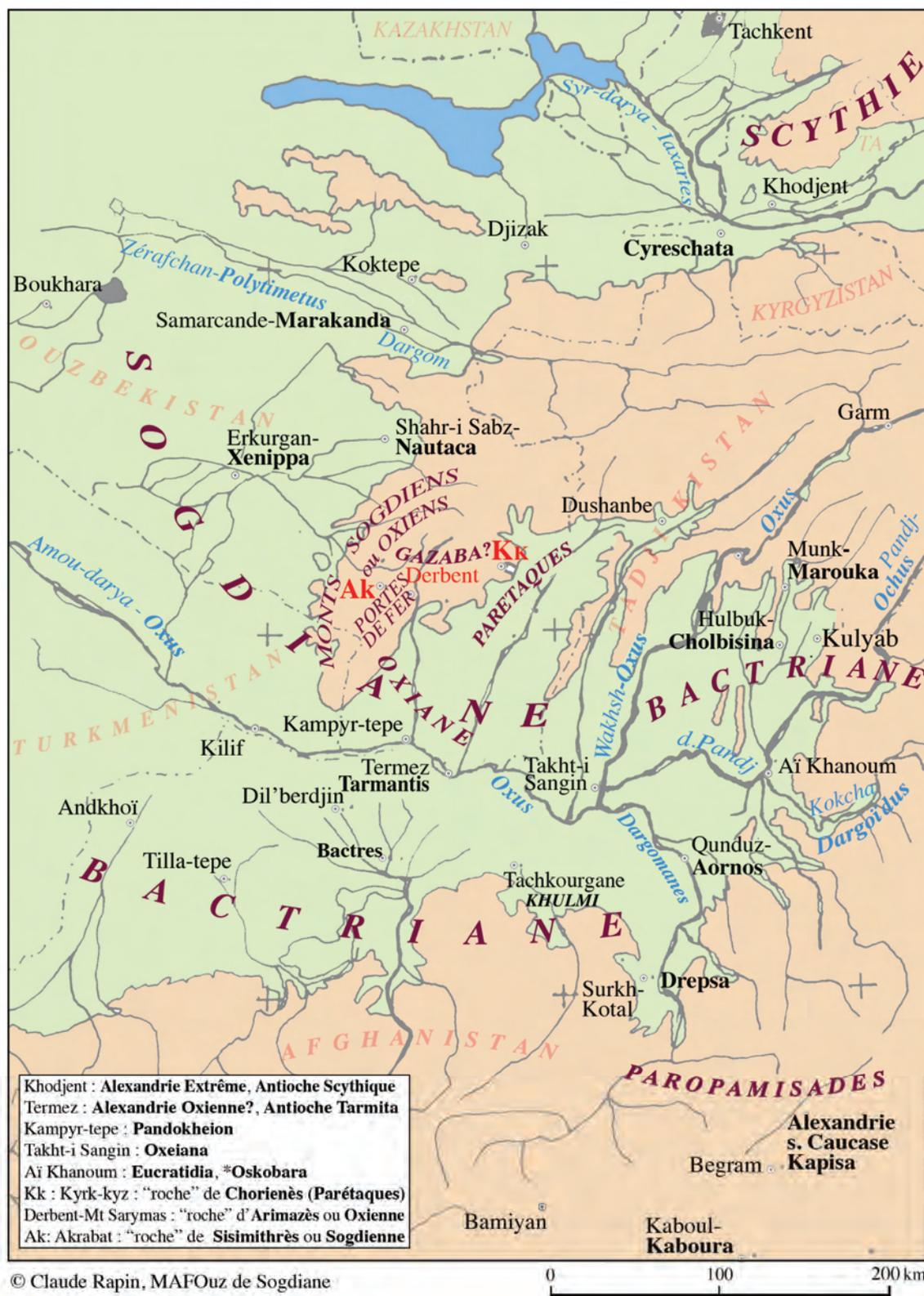
Eucratide I

C'est en reprenant la documentation à la lumière de l'ère Yavana de 175/174 identifiée par H. Falk et C. Bennett que je suis amené à revenir sur certains points des événements qui se seraient déroulés au nord de l'Hindukush dans les années 180-170 av. n.è. Cette ère hypothétique se situe dans la tendance générale des événements qui ont marqué les Gréco-Bactriens dans la première moitié du IIe s. av. n.è., avec notamment des tentatives répétées d'expansion vers l'Inde, qui contrastent avec un effort soutenu vers la défense des frontières septentrionales du royaume contre des peuples nomades.

Sur le plan archéologique, les recherches sur la Bactriane hellénistique ont été pour l'essentiel dominées par les données provenant du site d'Aï Khanoum et, sur le plan de la documentation historique, c'est surtout la dernière période de la ville, celle du règne d'Eucratide I, qui semble avoir été la plus féconde en dehors de l'apport des études numismatiques. Comme l'ont montré les fouilles et, notamment, les trouvailles de la trésorerie royale, la ville d'Aï Khanoum a joué un rôle privilégié dans la vie de ce roi, comme en témoigne le fait qu'il lui avait donné son nom, Eucratidia⁴, et en avait fait une de ses capitales. C'est sans doute dans cette ville, comme l'a supposé P. Bernard, qu'Eucratide I pourrait avoir pris le titre royal pour la première fois. Le mausolée royal au nord de son palais souligne en tout cas les liens de sa famille avec la ville.

La source littéraire la plus évocatrice du règne d'Eucratide I figure dans le résumé que Justin XLI, 6 a tiré de Trogue-Pompée où l'on apprend que ce roi a accédé au trône en même temps que Mithridate I chez les Parthes (en 171). Sous son règne les Bac-

Fig. 3: Carte de l'Asie centale hellénistique.

triens ont combattu les Sogdiens, les Arachosiens, les Drangiens, les Ariens et les Indiens, avant d'être, suite à leur épuisement, écrasés par les Parthes. Pour illustrer sa valeur à la guerre, Justin évoque ensuite comment Eucratide I conquiert l'Inde à la suite

d'un épisode au cours duquel, avec trois cents soldats, il parvint à résister victorieusement à un siège de quatre mois contre les soixante mille hommes d'un certain Démétrios, "roi des Indiens". À son retour de l'Inde, le roi aurait été assassiné par l'un de ses fils qu'il avait associé au pouvoir.

Si les dernières années, celles des expéditions indiennes, sont relativement faciles à mettre en connexion avec les trouvailles d'Aï Khanoum, il n'en va pas de même pour les débuts du règne. L'un des problèmes principaux réside dans l'identification du prédécesseur d'Eucratide I en Bactriane. L'identification d'un Démétrios II distinct du Démétrios I, fils d'Euthydème, est maintenant bien assurée. Selon O. Bopearachchi, ce Démétrios pourrait avoir été le roi légitime avant Eucratide I (la rareté de son monnayage laisse supposer qu'il n'a régné que peu de temps) et même qu'il pourrait avoir été le même individu que le roi indien qui aurait assiégé Eucratide I. Ce siège se serait déroulé à Aï Khanoum où Eucratide I aurait essayé de prendre le pouvoir en profitant de la présence en Inde de son rival (Bopearachchi, 1991, p. 65-66; Rapin, 1992, p. 282).

Cette hypothèse suppose deux faits géopolitiques principaux: d'une part, Démétrios II aurait lancé des expéditions de la Bactriane vers l'Inde (ce qui n'a cependant probablement pas été le cas comme on le verra ci-après); d'autre part, vers 171 av. n.è. la Bactriane est déjà politiquement séparée en deux (une partie occidentale sous le pouvoir d'Antimaque I et une partie orientale sous le pouvoir de Démétrios II).

Les expéditions vers l'Inde

L'hypothèse d'un Démétrios II tout à la fois gréco-bactrien et indien nécessite une revue rapide du contexte des interventions gréco-bactriennes en direction du sud au IIe s. av. n.è. Les souverains impliqués sont les suivants:

– *Démétrios I*: La première phase d'expansion vers l'Inde a été lancée par Démétrios I dans les années 190 ou 180 av. n.è., sans que l'on sache si elle a été engagée à la suite de l'affaiblissement du pouvoir maurya à la frontière méridionale de la Bactriane vers 187 av. n.è., sous les coups de Pushyamitra, fondateur de la dynastie sunga, ou si elle a été entreprise plus tôt, à l'initiative de Démétrios I en personne. Dans son monnayage Démétrios I illustre cet événement en se faisant représenter avec un scalp d'éléphant. Dans la toponymie antique, son mouvement vers le sud se traduit par la fondation, d'abord dans l'Arachosie proche, de la ville de Démétrias, à courte distance de Kandahar (c'est-à-dire dans l'"Inde blanche" qu'évoque Isidore de Charax dans ses *Stations parthes*), puis au Pendjab, par la refondation de la ville de Sagala (actuelle Sialkot) sous le nom d'Euthydémie (Ptolémée, *Géographie*) en souvenir d'Euthydème I, fondateur de la dynastie. Il est en revanche peu probable que cette expédition ait conduit jusqu'au bassin du Gange au-delà de Pataliputra, car l'identification du nom de Démétrios dans l'inscription de Hathigumpha – l'unique argument disponible à ce sujet – semble ne pas être correcte. On peut en outre souligner que les données relatives à ce même Démétrios dans l'inscription découverte en Bactriane orientale, à Kuliab sur la rive droite du Darya-i Pandj, sont vraisemblablement antérieures à la conquête de l'Inde⁵. Cette inscription qui se réfère à Euthydémios (I) et son fils Démétrios (le futur roi Démétrios I) daterait des années immédiatement postérieures au siège de Bactres par Antiochos III (208-206 av. n.è.), car ici Démétrios n'est pas encore mentionné comme roi. De ce fait, selon P. Bernard, les victoires évoquées par la qualification de ce dernier comme "glorieux vainqueur" se réfèrent probablement aux combats contre Antiochos III à l'époque du siège de Bactres, plutôt qu'aux événements de la conquête de

l'Inde⁶.

– *Eucratide I*: La dernière phase d'expansion des Gréco-Bactriens vers l'Inde est celle qui se produit sous le règne d'Eucratide I (voir la synthèse récente d'O. Coloru, 2009, p. 209-230). Comme l'indique le parallèle avec le monnayage daté de Timarque, satrape rebelle de Médie (Holt, 1992, p. 221; Bopearachchi, Grenet, 1996, p. 223-224, n. 12), Eucratide I entreprend des expéditions au sud de l'Hindukush à partir de 162, année qui inaugure une longue phase d'inimitié à l'égard de Ménandre qui vient de succéder à Antimaque II. C'est à partir de cette première incursion au sud de l'Hindukush – qui va momentanément repousser Ménandre plus à l'est – qu'Eucratide I adopte sur les revers de son monnayage l'image des Dioscures chargeant à cheval et le titre de "basileus megas" qui dans les légendes monétaires pourrait être une allusion au titre indien de "grand roi". Cette première attaque se transformera quelques années plus tard, de 155-150 à 145, en une série d'expéditions guerrières dont témoignent à la fois le texte de Justin et le butin d'Eucratide I dont les débris ont été découverts en grand nombre dans la trésorerie royale d'Aï Khanoum (Rapin, 1992). C'est à cette époque que l'on peut attribuer les incursions Yavana vers l'est, évoquées par les sources indiennes jusque dans le bassin du Gange et à Pataliputra (pour les sources grecques voir Strabon XV, 1.27).

– *Le Démétrios, roi indien*: Entre ces deux grandes phases d'expansion gréco-bactrienne, l'aire indienne des possessions grecques connaît une domination hellénique ininterrompue avec d'abord Pantaléon et Agathocle, puis leur successeur Apollodote I qui a fourni l'un des monnayages indo-grecs les plus abondants. L'intervention au nord et au sud de l'Hindukush d'un Démétrios II, à la fois roi légitime en Bactriane et "roi des Indiens", entre difficilement dans ce contexte. Bien que le récit de Justin ne soit qu'un raccourci de la biographie d'Eucratide I, il semble que le siège infligé par le roi indien à Eucratide I précède immédiatement la conquête de l'Inde, notamment la période dense des dernières années avec la rivalité contre Ménandre. On peut imaginer que, dans ce raccourci, un amalgame textuel pourrait s'être produit entre des homonymes comme Démétrios I, conquérant de l'Inde, l'éventuel Démétrios II vaincu par Eucratide I ou le Démétrios III connu par son monnayage bien plus tardif, ou, on ne peut totalement l'exclure, un dynaste indien du même nom qui aurait pris Eucratide I au piège lors de ses dernières expéditions contre Ménandre au-delà de l'Hindukush (Hollis dans Rea, Senior, Hollis, 1994; Coloru, 2009, p. 225-227). Comme le propose encore O. Coloru, ce Démétrios pourrait aussi avoir été le même Démétrios II des débuts du règne d'Eucratide I, qui serait réapparu dans le paysage géopolitique après des années d'exil au sud de l'Hindukush (Coloru, 2009, p. 226); dans ce cas de figure, cependant, il semble que les historiens n'auraient pas manqué de rappeler le fait qu'Eucratide I et ce dynaste se seraient déjà rencontrés antérieurement. Enfin, on ne peut également exclure une erreur lors du résumé des sources originales, avec l'insertion du nom de l'un de ces Démétrios à la place de celui d'Antimaque II ou de Ménandre. Un même exemple de ce mécanisme de glissement apparaît chez Strabon (XI, 9.2) où Euthydème est nommé à la place de Diodote, dans un amalgame des deux célèbres épisodes de l'indépendance bactrienne, le premier relatif à la révolte de la Bactriane au milieu du IIIe siècle et le second relatif à la résistance à Antiochos III entre 208 et 206 (Coloru, 2009, p. 163).

Quelle que soit la solution, il est donc préférable de dissocier du Démétrios indien le Démétrios II attesté par son monnayage et vraisemblablement antérieur à Eucratide I. La suppression de ce synchronisme conduit d'ailleurs A. Hollis (dans Rea, Senior,

Hollis, 1994) à douter de l'existence même de Démétrios II comme prédécesseur d'Eucratide I et à déplacer le monnayage attribué à ce roi à une date ultérieure indéterminée. Certes, aucune de ses monnaies n'a été découverte à Aï Khanoum⁷, mais la présence de ce Démétrios II en Bactriane avant la chute du royaume ne peut être d'emblée exclue de la discussion. Cette dernière, comme nous le verrons, portera finalement sur la concurrence qui, sur le plan des sources, semble se jouer entre Démétrios II et l'Eumène du parchemin d'Asangorna, deux personnages que l'on peine à insérer de manière cohérente dans le fil des événements.

Chronologie de la période entre Démétrios I et Ménandre

La période d'une vingtaine d'années qui va des années 180 aux années 160 – entre Démétrios I qui règne seul au nord et au sud de l'Hindukush et le couple antagoniste formé par Eucratide I et Ménandre – semble avoir été particulièrement complexe en événements, comme l'atteste la multiplication des souverains, dont les règnes se traduisent en monnayages très variés sur le territoire gréco-bactrien et indo-grec (Bopearachchi, 1991; Coloru, 2009). C'est en acceptant les grandes lignes de la hiérarchie des souverains établie par O. Bopearachchi, y compris pour la réalité du règne de Démétrios II comme prédécesseur d'Eucratide I, que je vais ici tenter d'esquisser le cadre chronologique dérivant de l'information des parchemins d'Amphipolis et d'Asangorna.

Antimaque I

Comme l'année 30 donnée par le parchemin d'Amphipolis ne saurait désigner une année régnale d'Antimaque I, W. Clarysse et D.J. Thompson, proposent d'y voir la référence à une ère euthydémide qui pourrait avoir débuté en 206 lors de l'accord de confirmation par Antiochos III du titre royal d'Euthydème I en Bactriane (Polybe XI, 34). Le parchemin daterait donc de 176/175 av. n.è. (Rougemont, n° 93; voir également *ibidem* F. Grenet et C. Rapin) ou plutôt, si l'on tient compte de la durée de l'année administrative, de 177/176: c'est à partir de cette date au moins que l'on devrait fixer le début du règne d'Antimaque I.

Même si elle pourrait ne pas être très éloignée de celle de l'accession au pouvoir de ce roi (à condition d'imaginer que ce document soit parmi les tout premiers publiés par l'administration d'Antimaque I), cette date de 177/176 semble à première vue entrer en contradiction avec la datation du parchemin d'Asangorna.

L'année 4 énoncée par ce second parchemin se réfère à un calendrier lié au même Antimaque I qui, dans ce cas, porte le titre de Théos. Ce dernier terme a conduit A. Hollis (sur la suggestion de MacDowall: Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 277) à souligner le parallélisme représenté par l'exemple d'Antiochos IV Théos (175-164 av. n.è.), le premier souverain hellénistique qui ait adopté ce titre traditionnellement réservé aux rois défunts. Ce synchronisme a permis de fixer en l'an 175/174 av. n.è. la date à laquelle Antimaque, sous l'influence d'Antiochos, pourrait avoir accédé au pouvoir (pour la date de 174 voir Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 278). Dans ce cas, la date mentionnant l'an 4 du parchemin d'Asangorna devrait correspondre à l'an 171 (des dates ultérieures comme 166⁸ ou 157/156⁹ ne peuvent être admises).

L'écart d'un an ou deux entre les dates apparemment précises fournies par ces deux documents, celle de 177/176 dans le parchemin d'Amphipolis et celle de 175/174 pour le début du comput reconstitué à partir du document d'Asangorna, ne peut à mon avis se comprendre que si Antimaque avait changé de système au cours de son règne.

D'après le dernier parchemin, il n'aurait ainsi adopté le titre de Théos qu'en un second temps, en coïncidence avec la mise en place de sa corégence (de la même manière qu'Antimaque II adoptera en un second temps le titre de Nicéphore: voir ci-après).

La date de 175/174 semble donc avoir constitué un tournant dans le règne d'un Antimaque I qui, non seulement, prend alors le titre exceptionnel de Théos, mais adjoint aussi la famille de son frère au pouvoir en Bactriane (au nord de l'Hindukush), dans une forme de bipartition du pouvoir¹⁰. L'apparition de cette corégence entraîne un changement de comput dans la chronologie gréco-bactrienne, passant d'une ère euthydémide à une ère à l'origine personnelle (cf. Clarysse et Thompson, 2007, p. 276; Coloru, 2009, p. 198). Cette transformation de la structure du pouvoir se fait peut-être par un effet de mode sous l'influence d'Antiochos IV, mais pourrait également résulter de la nécessité d'un regroupement des forces dans un contexte géopolitique tendu dans l'Extrême-Orient du monde grec.

Un peu auparavant, vers 177/176¹¹, Antimaque I avait succédé à Euthydème II dans un contexte politique que l'on reconstitue difficilement, mais qui ne semble pas avoir marqué une rupture dans le système politique du fait que l'ère euthydémide est restée toujours en vigueur (c'est l'une des informations historiques principales que fournit le document d'Amphipolis par sa mention de l'année 30). De ce fait, bien que rien ne permette de comprendre les circonstances de la mort d'Euthydème, la transition ne semble pas s'être faite de manière brutale. Mais alors que les monnaies d'Euthydème II se concentrent plutôt dans la Bactriane orientale, le pouvoir d'Antimaque I (dès avant la corégence) s'installe plutôt dans la ville de Bactres (Coloru, 2009, p. 196). À cette époque, sur le plan politique, comme en témoigne le parchemin d'Amphipolis, la politique de la Bactriane est, entre autres, intéressée par ses relations avec ses voisins scythes, c'est-à-dire par la préoccupation de gérer le problème, toujours présent depuis Euthydème I et même avant, des frontières avec le nord¹².

Antimaque I Théos, Agathocle Dikaios et les monnayages commémoratifs

Au même moment, au sud de l'Hindukush, Agathocle est encore au faîte de sa puissance après que son frère Pantaléon et lui-même ont succédé à Démétrios I dans les années 180¹³. La politique de ces deux frères entre de ce fait dans le sillage de celle des Euthydémides, car dans la partie de leur règne contemporaine d'Euthydème II ils continuent à entretenir des relations privilégiées avec ce roi du nord de l'Hindukush. C'est ce que semble confirmer l'étroite parenté stylistique des portraits monétaires d'Euthydème II et des deux rois indo-grecs, ainsi que le partage d'un alliage qui n'a été utilisé que par eux dans l'Antiquité, le cupro-nickel, qui apparaît conjointement dans les trois monnayages¹⁴.

La date de 175/174 marquant le début de la corégence d'Antimaque est aussi celle d'une rupture nette dans l'histoire de l'Asie centrale où un nouvel équilibre général semble se dessiner au détriment des Euthydémides. Au moment même où Antimaque I abandonne le comput fondé sur l'ère euthydémide pour celui d'une corégence, les célèbres monnayages commémoratifs font une apparition sans doute simultanée de part et d'autre de l'Hindukush, chez Antimaque (qui a alors pris le titre Théos) et chez Agathocle (qui prend alors le titre Dikaios). Bien qu'A. Hollis réfute cette thèse, il semble bien que, comme le pense O. Bopearachchi (1991, p. 61; voir également Coloru, 2009, p. 200-202), ces émissions traduisent l'entrée en concurrence des deux rois qui revendiquent le pouvoir ou leur légitimité en se situant dans la lignée des souverains antérieurs.

On ne sait lequel d'entre eux prend l'initiative du duel monétaire. Aucun des deux rois ne semble descendre directement des Euthydémides, mais c'est leur rôle politique ou militaire, peut-être associé à des alliances matrimoniales qui leur a valu d'accéder presque légitimement au pouvoir sous Démétrios I¹⁵ ou Euthydème II. En adoptant le titre de Théos à l'exemple d'Antiochos IV, Antimaque se rattache d'une certaine manière aux Séleucides. Mais en commémorant Diodote I et Euthydème I par le monnayage, il invoque surtout les héros des révoltes bactriennes, créateurs des ères antérieures et donc fondateurs directs du royaume gréco-bactrien. De son côté, Agathocle réplique par une surenchère d'émissions dédiées à Alexandre le Grand, Antiochos II, Diodote I, Diodote II, Euthydème I, Démétrios I et Pantaléon. Il s'attribue ainsi une généalogie regroupant presque tous les souverains impliqués dans le passé de l'Extrême-Orient grec, revendiquant même sa place dans l'histoire de la conquête de l'Inde (Alexandre, Démétrios I et Pantaléon)¹⁶.

Cet épisode qui survient probablement peu avant la chute d'Agathocle, peut-être encore au cours de la première année de la corégence d'Antimaque Théos, pourrait avoir eu pour enjeu – on le verra – des visées partagées sur la Bactriane orientale. Depuis Euthydème II, cette dernière s'était en effet alliée à la composante indo-grecque de l'empire au lieu de rester dans le berceau gréco-bactrien naturel dirigé depuis Bactres. Bien qu'il ait été, avec Pantaléon, le premier souverain hellénique à émettre un monnayage indianisé pour le public du sud de l'Hindukush, Agathocle s'est d'ailleurs efforcé de maintenir quand même un pied en Bactriane en conservant l'étalon attique de ses frappes monétaires.

Une Bactriane scindée

En instaurant une corégence, toujours sous l'influence séleucide, Antimaque entend probablement répartir ses forces au-delà de la ville de Bactres pour mieux contrôler la Bactriane. Cette politique ne s'explique que si Bactres ne constitue plus l'unique centre du pouvoir gréco-bactrien. En effet, sur le plan géographique, le royaume au nord de l'Hindukush est fractionné en au moins trois aires naturelles bien distinctes:

1. la Bactriane occidentale centrée sur la ville de Bactres.
2. la Bactriane orientale, dont Aï Khanoum est située exactement au centre, et qui comprend les territoires bactriens du grand bassin du Darya-i Pandj/Ochus à l'est de la ligne verticale marquée par la rive gauche du Wakhsh/haut Oxus et la rive droite de la rivière de Qunduz.
3. la "Sogdiane méridionale", sur la rive droite de l'Oxus entre Termez et les Portes de Fer, séparée de la plaine de Bactres non seulement par l'Oxus, mais aussi par un ruban désertique peu aisé à franchir¹⁷.

Par son cadre naturel, un pays d'oasis séparées par des zones steppiques, la Bactriane est un pays morcelé que les pouvoirs centraux n'ont jamais pu contrôler qu'en y disséminant de multiples gouverneurs locaux¹⁸. La partition du bassin de l'Oxus et du Pandj en deux ou trois grandes subdivisions territoriales (sans doute déjà enclenchée depuis Antiochos III et Euthydème I) permettait donc de réduire les conséquences de son morcellement et c'est peut-être dans ce contexte de partition que l'on doit probablement comprendre la création de la corégence d'Antimaque en 175/174.

Lorsqu'il accède au pouvoir, c'est à Bactres qu'Antimaque I va s'installer. Si ces considérations sont correctes, Antimaque I a probablement dû commencer par assurer son pouvoir à l'ouest et au nord et, comme le suggèrent certaines émissions monétaires à l'éléphant dépourvues du titre Théos, a fini par s'intéresser aux territoires à l'est de la

Bactriane et au sud de l'Hindukush.

Comme le montre la diffusion de son monnayage dans les trésors monétaires du nord de l'Hindukush, y compris à Aï Khanoum, et les parallèles stylistiques de son monnayage, Agathocle semble en revanche avoir pris pied en Bactriane orientale à partir de la disparition de Démétrios I en nouant des liens privilégiés avec Euthydème II. C'est dans cette région en effet qu'Euthydème II semble avoir implanté son pouvoir à la suite de son père Démétrios I (qui avait apparemment lui-même débuté au même endroit en tant que corégent d'Euthydème I).

Ce contexte expliquerait comment Antimaque I pourrait être entré en confrontation directe avec Agathocle. Tout en contrôlant le monde indien depuis la mort de Démétrios I, ce dernier était parvenu à maintenir un certain pouvoir sur la Bactriane orientale après la mort d'Euthydème II, grâce notamment au contrôle de la grande route réunissant les deux flancs de l'Hindukush.

Comme le montrent les études monétaires, le résultat du conflit semble avoir tourné au profit d'Antimaque, tandis que du côté du monde indien, le monnayage d'Agathocle laisse très vite place à celui d'Apollodote.

Démétrios II

Les circonstances de la disparition d'Agathocle n'apparaissent dans aucune source et l'on ne peut formuler que de fragiles hypothèses sur les conséquences qu'aurait pu entraîner la mise en place de la corégence. Dans ce partage géographique, où l'on voit que la Bactriane orientale ne semble pas avoir été véritablement contrôlée par Antimaque I Théos, on ne perçoit pas dans quels événements Eumène et son fils auraient pu intervenir dans la région à la disparition d'Agathocle¹⁹.

En réalité, il semble que la dynastie des Euthydémides ne soit alors pas encore morte dans la région: le monnayage en circulation en Bactriane orientale comprend en effet des émissions monétaires d'un Démétrios II, que le nom permet de rattacher à la lignée d'Euthydème, mais qui reste toutefois assez difficilement localisable dans ce contexte géopolitique. La comparaison des portraits monétaires, très différents l'un de l'autre, d'Euthydème II et de Démétrios II, suscite un certain nombre de questions sur les liens familiaux éventuels entre ces deux rois. D'après l'âge qu'il présente dans ses portraits monétaires, Euthydème II pourrait avoir accédé très jeune au pouvoir. Il pourrait donc être né vers le début du IIe siècle et avoir de ce fait été le fils aîné de Démétrios I. Euthydème I ne pouvant avoir eu deux fils du même nom, Démétrios II pourrait, comme son nom l'indique, se glisser dans la généalogie en tant que second fils de Démétrios I, donc comme frère cadet d'Euthydème II (Coloru, 2009, p. 208).

Cependant, quoique frère cadet hypothétique d'Euthydème II, Démétrios II se présente sur ses monnaies comme un personnage plus âgé. Il ne saurait de ce fait avoir succédé directement à son frère et son règne pourrait donc avoir débuté quelques années plus tard, dans les limites de la régence d'Antimaque I. Son portrait présente en effet des caractéristiques proches de celles des premiers portraits d'Eucratide I, qui font que le monnayage de Démétrios II ne doit pas être de beaucoup antérieur à la prise du pouvoir par ce roi en 171.

Démétrios pourrait donc bien avoir été le premier souverain qu'Eucratide devrait avoir renversé en Bactriane orientale lors de sa prise de pouvoir. La base du pouvoir de Démétrios II ne se situe probablement pas à Aï Khanoum; aucune monnaie de ce roi n'y ayant été découverte, la ville pourrait ne pas avoir servi au cours de ce règne. Pour la capitale de Démétrios II en Bactriane orientale on ne peut cependant exclure d'autres

candidates comme Qunduz/Aornos, dont provient un célèbre trésor monétaire et qui dominait à la fois la grand route de Bactres à Taxila et l'entrée du bassin du Darya-i Pandj qui constituait la Bactriane orientale.

Alors que l'on perçoit une importante emprise de sa part sur Euthydème II, Agathocle ne semble partager aucun point commun avec Démétrios II. Comme en témoigne son monnayage, Démétrios émet un monnayage de style très différent de celui d'Euthydème. Selon O. Coloru (*ibidem*), cette rupture par rapport à ses prédécesseurs en Bactriane orientale ne pourrait se comprendre que si Démétrios II a été intentionnellement maintenu à l'écart du pouvoir par Agathocle à la suite de la disparition d'Euthydème II. Quand Démétrios parvient enfin à régner, Agathocle a donc très probablement déjà disparu de la scène.

Afin d'expliquer enfin comment Démétrios pourrait s'être emparé du pouvoir en Bactriane orientale sans subir une riposte d'Antimaque I Théos, O. Coloru émet l'hypothèse selon laquelle Agathocle pourrait avoir été tué par son rival dans le cadre d'une campagne militaire au sud de l'Hindukush. C'est dans le contexte de l'absence de ces deux rois, que la Bactriane orientale pourrait avoir connu une lacune du pouvoir suffisamment longue pour que Démétrios II puisse s'imposer comme nouveau souverain²⁰. Si son règne a bien été contemporain de la corégence d'Antimaque, l'absence du nom de Démétrios dans la liste des souverains du parchemin d'Asangorna montre à l'évidence qu'il n'avait aucun lien familial avec Antimaque I et qu'il a dû régner en indépendant.

L'ère Yavana et l'alliance d'Antimaque I Théos et d'Apollodote I

Comme on l'a vu, l'année 175/174 est marquée par l'opposition de deux grands programmes politiques antagonistes et la victoire d'Antimaque I Théos.

Si le contexte de la disparition d'Agathocle est bien celui que propose O. Coloru, on comprend dès lors quelles sont les circonstances qui pourraient avoir permis à Antimaque I Théos de s'imposer à la fois au nord et au sud de l'Hindukush la même année. À partir de 174, un nouveau roi, qui jouira d'un règne de longue durée, semble dominer la vie économique au sud de l'Hindukush où il diffuse l'un des plus abondants monnayages du monde indo-grec: Apollodote I. La parenté, nettement établie, entre ce monnayage et celui d'Antimaque I Théos semble dénoter une connivence étroite entre les deux souverains (Bopearachchi, 1991). On ne peut donc exclure l'hypothèse selon laquelle ce lien entre les deux hommes a pu se nouer lors d'une rencontre survenue au sud de l'Hindukush dans le cadre des événements ayant entraîné la fin d'Agathocle. Les territoires rassemblés sous la houlette d'Antimaque I Théos et Apollodote I couvrent une aire suffisamment grande pour qu'on puisse attribuer à cet important accord entre rois le succès de la création de la durable ère Yavana. Les seuls qui pourraient s'être opposés au succès de cette ère sont les souverains de la Bactriane orientale: en tant qu'Euthydémide, Démétrios II ne saurait avoir reconnu cette ère au moment où il prenait enfin le pouvoir en 174; son successeur Eucratide I s'est quant à lui illustré par une hostilité à l'égard de tous ses contemporains et n'avait donc aucune raison de s'aligner sur une ère antérieure, que ce soit celle des Euthydémides ou celle, toute récente, de son rival Antimaque I Théos. L'année 24 de l'inscription d'Aï Khanoum a donc toutes les chances de s'aligner sur un comput débutant en 171, l'année où Eucratide a accédé au pouvoir²¹.

Eucratide I et la transition d'Antimaque I Théos à Antimaque II

La date de l'entrée en jeu d'Eucratide I, en 171, coïncide avec la date du parchemin d'Asangorna.

On ignore si Démétrios II était encore en vie au moment de l'arrivée d'Eucratide I, mais il est probable que ce dernier se soit dès le début installé en Bactriane orientale, plus particulièrement à Aï Khanoum (voir *supra*). D'après les estimations des numismates, Antimaque I Théos pourrait s'être maintenu encore quelque temps à Bactres, avant son élimination définitive par Eucratide I, mais ce sursis ne devrait pas avoir été de longue durée. Sa fin, qui a été estimée par O. Bopearachchi à l'an 165 environ, ne devrait en réalité pas avoir été de beaucoup postérieure à 168, et pourrait même remonter plus haut (*infra*). C'est à cette époque de transition, en tout cas, que l'on peut attribuer la cachette des documents d'archives bactriens d'Antimaque I²².

À cette date, Antimaque II commence officiellement sa carrière de roi en frappant un monnayage diffusé pour l'essentiel au sud de l'Hindukush²³. Eumène, son père encore vivant en 171 dans le cadre de la corégence, a alors déjà disparu, probablement lors des péripéties consécutives à l'arrivée d'Eucratide I. Comme l'a proposé A. Hollis, il est probable qu'à la mort d'Antimaque I Théos, Antimaque II ait bénéficié d'un asile au sud de l'Hindukush grâce à Apollodote I, en vertu des liens qui s'étaient noués plus tôt entre celui-ci et Antimaque I Théos. Le monnayage d'Antimaque II succède en tout cas dans la région à celui d'Apollodote I (Bopearachchi, 1991). Le titre de Nicéphore qu'Antimaque revêt durant son règne proviendrait d'une ou plusieurs victoires militaires qu'il pourrait avoir remportées au cours de son règne, peut-être contre Eucratide I dont Justin évoque justement un itinéraire des expéditions au sud de l'Hindukush.

Lorsque, au début de son règne, il reprend sans césure les derniers types de drachmes de son prédécesseur, ainsi que les mêmes monogrammes (Bopearachchi, 1991), Ménandre se présente comme le successeur direct d'Antimaque II. Les circonstances ayant conduit à la disparition de ce dernier ne sont pas connues. Il apparaît surtout qu'Apollodote I n'a pas repris la région, soit parce qu'il avait alors déjà disparu, soit parce qu'il s'était replié vers l'Inde du nord-ouest. S'il n'est pas mort de mort naturelle, on peut donc supposer qu'Antimaque II a été éliminé par Ménandre²⁴, ou qu'il a disparu dans une campagne militaire contre Eucratide I lui-même, auquel il pourrait avoir désiré reprendre la Bactriane qui lui avait été arrachée à la mort de son oncle Antimaque I Théos.

La date de Ménandre

Si la succession des rois est bien assurée, la question de la durée des règnes reste encore ouverte. Le principal point d'ancrage pour la chronologie absolue de cette période est fixé sur l'année 162, quand Eucratide I prend le titre de Basileus Megas et émet à Bégram son célèbre double décastatère en or à l'effigie des Dioscures chargeant à cheval (voir *supra*). Ménandre qui venait alors de succéder à Antimaque II dans la région est à ce moment refoulé en direction de l'Inde. La première partie de son règne après sa prise de contrôle sur Bégram est donc antérieure à 162 et son début a été estimé par O. Bopearachchi dans les environs de 165²⁵. L'intervalle de neuf ans entre l'arrivée d'Eucratide I en 171 et la prise de Bégram par lui en 162 devrait avoir suffi au déroulement de trois épisodes: 1. une période assez brève pendant laquelle Antimaque I aurait conservé le pouvoir en Bactriane occidentale après l'arrivée d'Eucratide I; 2. la durée du règne d'Antimaque II Nicéphore; 3. la première partie du règne de Ménandre sur les Paropamisades avant son éviction par Eucratide I. La longueur de chacun de ces

épisodes peut être arbitrairement fixée, mais il serait préférable de ramener jusqu'à 168 au moins la date de la chute définitive d'Antimaque I, traditionnellement datée de 166 (Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 278) ou de 165, de manière à allonger le règne d'Antimaque Nicéphore en proportion du volume de sa masse monétaire.

Conclusion

L'ère grecque d'Antimaque I Théos dans laquelle est daté le parchemin d'Asangorna est sans doute celle qui sera plus tard connue comme ère Yavana. Si l'on admet, en effet, la réalité de l'ère grecque de 175/174 établie par H. Falk et Ch. Bennett, les seuls événements compatibles avec cette date semblent coïncider avec les débuts de la corégence d'Antimaque I Théos et la mise en place par ce dernier d'un projet commun avec Apollodote I. Comme le souligne O. Coloru, la création de l'ère grecque ne peut s'être fondée que sur le concept d'une unité politique. Et, effectivement, le contexte géopolitique des années ici retenues est celui d'un remaniement général de l'organisation du pouvoir grec au nord et au sud de l'Hindukush. Alors qu'en un premier temps, vers 177, Antimaque I succède de manière apparemment naturelle à Euthydème II (c'est l'enseignement du parchemin d'Amphipolis), on assiste en 175 à un véritable duel d'émissions monétaires commémoratives où Antimaque I devenu "Théos" et Agathocle "Dikaios" cherchent, chacun de leur côté, à s'attacher une légitimité par une inscription dans une succession de rois (cette date est confirmée par le parchemin d'Asangorna).

Ce duel, probablement déclenché par les visées des deux rois sur la Bactriane orientale, aboutit à la disparition d'Agathocle. Aussitôt, Antimaque I Théos semble s'accorder avec Apollodote qu'il a porté au pouvoir pour partager une communauté d'intérêts allant de la Bactriane à l'Inde. On comprend ainsi la raison pour laquelle, ultérieurement, Apollodote I pourrait avoir volontairement laissé la place à Antimaque II au sud de l'Hindukush après la disparition d'Antimaque I Théos. Au même moment où, quelque part en Inde, Antimaque I Théos s'accorde avec Apollodote I, Démétrios II, qui avait été écarté du pouvoir par Agathocle, prend le contrôle de la Bactriane orientale. Cela n'exclut pas que des monnaies d'Antimaque circulent également dans la région, mais il n'est pas certain que jusqu'à Eucratide la région ait été administrativement rattachée au reste de l'empire.

Les autres points d'ancrage qui ont été proposés pour l'ère grecque correspondent à des événements ponctuels, qui n'impliquent pas l'ensemble des territoires gréco-bactriens et indo-grecs dans un programme d'envergure analogue à celui d'Antimaque I Théos et d'Apollodote I:

– La date de 186/185 défendue en raison de sa coïncidence fortuite avec la date de l'expédition indienne de Démétrios I est trop haute. Elle concerne en outre une expédition militaire limitée à une seule des composantes de l'empire, l'Inde, sans que l'on puisse percevoir, dans la Bactriane qu'il avait héritée de son père Euthydème I, la justification d'une quelconque césure. Rédigé dix ans plus tard, en 176 av. n.è., le parchemin d'Amphipolis montre surtout qu'en Bactriane occidentale l'ère euthydémide ne s'est pas arrêtée en 186/185.

– Une date liée à Démétrios II est elle aussi impossible, dans la mesure où, même s'il a apparemment pris le pouvoir la même année qu'Apollodote I, ce roi n'a vraisemblablement été lié ni à Antimaque I, ni à Agathocle. Il ne doit également plus être assimilé au "roi indien" évoqué par Justin et de ce fait être lié d'une manière ou d'une autre au sud de l'Hindukush.

– Une date liée au début du règne d'Agathocle serait elle aussi trop haute. Certes,

comme Antimaque I, Agathocle pourrait avoir choisi de changer de comput en cours de règne, en 175/174, à l'occasion de ses émissions monétaires commémoratives. Sa mainmise à la fois sur la Bactriane orientale et sur le monde indien pourrait très bien être interprétée dans le sens d'une volonté politique d'unification de l'empire. Son influence monétaire sur les émissions d'Euthydème II vont dans ce sens. En revanche, l'échec d'Agathocle se perçoit surtout dans ce que l'on apprend du monnayage de Démétrios II: une rupture non seulement avec Euthydème II, mais aussi avec le sud, d'autant plus que ce Démétrios ne peut plus être considéré comme le "conquérant de l'Inde" évoqué comme "roi indien" par Justin. Par sa mort prématurée, Agathocle semble donc n'avoir pas été en mesure d'installer un ordre universel dans l'Extrême-Orient grec. Malgré leur caractère spectaculaire, les émissions monétaires commémoratives qui devaient alimenter sa propagande ne sauraient être invoquées à elles seules pour attribuer à ce roi l'inauguration d'une ère de longue durée.

On peut, enfin, rappeler que, par leur alignement sur l'étalon attique, les monnaies indianisées de Pantaléon et d'Agathocle ne sont pas encore en phase avec les exigences de l'économie indienne du sud de l'Hindukush. D'autre part, sur le plan idéologique, ces deux rois ont également émis des monnaies sur lesquelles sont figurées pour la première fois des représentations humaines (même si sous la forme d'images de statues) des divinités hindoues (Rapin, 1995), dans un milieu où est en train de triompher le bouddhisme. Cette politique religieuse n'a peut-être pas été le meilleur point de départ souhaité pour s'imposer dans la durée, à la différence de l'image que reflète la politique monétaire, bien adaptée à l'Inde, d'Apollodote I.

Si l'on veut justifier la césure qui expliquera la mise en place de l'ère Yavana dans la première année de la corégence d'Antimaque I Théos, il faut supposer qu'Agathocle a disparu de la scène politique dans les mois qui ont suivi l'émission des monnaies commémoratives. Dans ce contexte, on comprend pourquoi l'ère Yavana, qui aboutira à l'éviction des Euthydémides après Démétrios II, ne peut être attribuée ni à un représentant de cette dynastie, ni à Agathocle et à son entourage.

– Comme pour les prédécesseurs, les souverains qui succèdent à Antimaque I ne semblent pas répondre aux conditions exigées par l'inauguration d'une ère stable. D'une part, la date de l'avènement d'Eucratide I ne peut être invoquée dans ce contexte dans la mesure où le règne d'Antimaque I Théos doit être considéré comme bien daté et a nécessairement débuté avant celui d'Eucratide I. La date de 171 traditionnellement proposée pour ce dernier ne devrait donc pas être anticipée. Bien qu'il ait frappé des monnaies compatibles avec le nord et le sud de l'Hindukush, il n'a jamais pu contracter d'alliances susceptibles, sur le plan géopolitique, d'unifier la totalité des territoires hellénisés de la région. Ménandre a en effet toujours conservé une part significative de pouvoir qui a permis de justifier son retour au premier plan de la scène politique après la disparition d'Eucratide I.

Dans ces conditions, c'est bien dans le cadre d'une politique partagée par Antimaque I Théos et par Apollodote I, après le duel des monnaies commémoratives, que l'on doit admettre le synchronisme entre la première année de la corégence d'Antimaque I Théos et l'année de création de l'ère grecque/Yavana de 175/174 av. n.è.

C'est par son ancrage dans la Bactriane plus proche que Démétrios I va hériter chez les Anciens du mérite d'avoir conquis l'Inde. Mais, à l'extrémité du monde hellénisé, la survie de l'ère d'Antimaque I Théos pendant trois siècles, en dépit de la brièveté du règne de ce roi, doit sans doute beaucoup à la réputation du trop peu connu Apollodote I, dont on tend à sous-évaluer le rôle qu'il semble avoir joué dans le monde indo-grec.

Notes

1. Cette étude dédiée à Paul Bernard est le résultat d'une réflexion engagée à la suite de la publication du parchemin d'Amphipolis et de discussions partagées avec G. Rougemont et F. Grenet lors de la préparation par G. Rougemont du volume consacré aux inscriptions grecques de l'Asie centrale dans le *Corpus Inscriptionum Iranicarum* actuellement sous presse.
2. O. Bopearachchi hésite également sur la date de l'ère Yavana, proposant d'abord le début du règne d'Agathocle avant de se rallier à la date de 186/5 av. n.è. (voir le tableau chronologique dans Bopearachchi, 2007, p. 50; également Bopearachchi, 2008a).
3. La date de cet abandon est habituellement estimée à 145 (si pour la date de l'inscription d'Aï Khanoum relevant du magistrat Straton on retient celle de 148 sur la base de l'année de référence de 171 av. n.è.: Rapin, 1992, p. 114), mais si l'on choisit d'attribuer l'année 24 de l'inscription à l'an 147 l'abandon de la ville correspondrait à 144; avec cette dernière date la séquence connue des derniers magistrats de la trésorerie d'Aï Khanoum se présenterait comme suit: Zénon en 149, Timodème en 148, Straton en 147, Philiskos en 146 et Nikératos en 145; même si les dates choisies sont relativement arbitraires, c'est donc en 144 av. n.è. qu'on devrait plutôt situer la mort d'Eucratide.
4. Les études de toponymie antique menées ces dernières années ont montré que le Darya-i Pandj qui baigne les murailles d'Aï Khanoum a vraisemblablement porté dans l'Antiquité le nom d'Ochus (le haut Oxus étant le Wakhsh); cette ville n'aurait de ce fait jamais porté le nom d'Alexandrie Oxienne (nom que l'on doit maintenant attribuer à Termez ou à un site proche): Grenet, Rapin, 2001; Rapin, 2005. L'appellation Eucratidia a probablement remplacé le nom indigène qu'Aï Khanoum pourrait avoir auparavant porté: *Oskobara (reconstitué d'après les toponymes Ostobara mentionné par Ptolémée et Scobaru de la Table de Peutinger: Rapin, 2005). Cette correspondance entre les deux toponymes repose, entre autres arguments, sur Ptolémée qui situe Eucratidia sur le fleuve Dargoïdos (probablement la Kokcha) et Ostobara sur l'Ochus (le Darya-i Pandj), deux fleuves qui confluent justement à Aï Khanoum. Il est donc peu probable qu'Eucratidia soit à identifier ailleurs en Bactriane.
5. D'abord publiée par P. Bernard et G. Rougemont dans le *Journal des Savants* 2004, p. 333-356, cette inscription a été incluse avec une synthèse des commentaires ultérieurs dans Rougemont, 2010, n° 151.
6. O. Coloru (2009, p. 188-189) émet l'hypothèse que la conquête de l'Inde par Démétrios pourrait avoir débuté avant la fin du règne d'Euthydème. Les données manquent cependant pour une rediscussion du contexte historique de l'inscription de Kuliab.
7. Comme me l'a signalé O. Bopearachchi, la monnaie d'Aï Khanoum attribuée en un premier temps à ce roi par P. Bernard (1985, p. 64-65; donnée reprise par Rapin, 1996, p. 465-466) porte en réalité un monogramme de Démétrios I.
8. Partant d'une autre hypothèse considérant que la mise en place de la corégence pourrait avoir résulté d'une réaction à l'arrivée au pouvoir d'Eucratide en 171, j'avais en un premier temps proposé de déplacer la date jusqu'en 166 au moins (Rougemont, 2010).
9. J. Jakobsson (2009) attribue ce parchemin au règne d'Antimaque II et le date de 157/156 à partir de l'ère indo-grecque hypothétique de 186/185 (idée déjà écartée par Clarysse et Thompson, 1997, p. 276, pour la date 156/155). Par son lieu de découverte au nord de l'Hindukush, ce document relève de l'administration gréco-bactrienne et ne saurait donc être lié à Antimaque II, qui n'a régné de manière indépendante qu'au sud de la chaîne.
10. Les corérences n'impliquent pas que leurs membres frappent monnaie indépendamment les uns des autres. On comprend ainsi pourquoi Eumène et son fils Antimaque II n'ont pas laissé de monnayage en Bactriane du vivant d'Antimaque I Théos (Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 276).
11. La rareté des monnaies d'Antimaque frappées sans le titre Théos laisse supposer qu'il n'a pas pris le pouvoir longtemps avant 175. Une hypothèse selon laquelle il pourrait avoir commencé à régner un peu plus tôt avant l'arrivée au pouvoir d'Antiochos IV permettrait cependant de mieux séparer dans le temps le règne du juvénile Euthydème II de celui de Démétrios II, son hypothétique frère cadet, plus âgé en apparence dans ses portraits monétaires (voir *infra*).
12. On peut rappeler qu'après l'abandon de Samarkand au cours du IIIe siècle av. n.è., ce sont les Gréco-Bactriens qui, pour se défendre des nomades du nord, construisent la muraille des Portes de Fer près de Derbent, dans la principale passe franchie dans la chaîne de Hissar par la route de Termez à Samarkand (Rapin, 2007, p. 46-47). Le voisinage avec les Scythes et leur présence dans la cité sont également attestés à Aï Khanoum bien avant la chute de la ville.

13. Selon O. Coloru, Pantaléon pourrait avoir régné avant Agathocle, ce qui aurait l'avantage d'éviter l'hypothèse selon laquelle ces deux rois qui semblent avoir été frères pourraient avoir frappé deux monnayages concurrents à destination du même public. L'ordre des séries incite cependant O. Bopearachchi à en faire deux souverains parallèles pendant quelques années, Pantaléon ayant disparu plus tôt qu'Agathocle.
14. L'origine de cet alliage est traditionnellement attribué à des échanges avec la Chine. Cette donnée concorderait avec l'information de Strabon (XI, 11.2) relative aux conquérants de l'Inde Ménandre et "Démétrios fils d'Euthydème", soit Démétrios I, selon laquelle l'empire grec se serait étendu jusqu'aux Sères et aux Phrynes. La date des relations avec la Chine du Nord est très débattue, d'autant plus que l'on ignore quels couloirs de circulation auraient été empruntés (la route sogdienne de Samarkand vers le Ferghana ou la route bactrienne d'Aï Khanoum vers les Comèdes/vallée du Karateghin sous Eucratide I, ou, plus à l'est, la route de Gilgit). F. Widemann, rattache plutôt ce métal à la prise de Taxila où pourraient s'être trouvées des réserves de ce métal qui serait parvenu de la Chine méridionale par la voie maritime (2009, p. 75-100: ces hypothèses demandent à être analysées plus en détail car la méthode générale et plusieurs développements de cet ouvrage appellent d'importantes réserves). O. Bopearachchi penche quant à lui vers une origine afghane du métal. La seule certitude que l'on se limitera donc à souligner dans le cadre de la présente étude est celle du synchronisme entre les trois rois tel qu'il a été établi grâce à l'identification de cette composante des monnaies.
15. On a en effet supposé que Pantaléon et Agathocle pourraient avoir été au départ des généraux de Démétrios I lors de ses campagnes d'expansion en Inde.
16. Selon Coloru, 2009, p. 203, l'absence d'Euthydème II dans cette liste ne serait pas le fruit du hasard, mais laisserait supposer qu'Agathocle et Pantaléon n'auraient pas aussitôt reconnu Euthydème comme roi légitime au moment de son accession au trône. Quoi qu'il en soit, dans la généalogie remontant à Alexandre, Pantaléon, puis Agathocle, ont succédé directement à Démétrios I; ils ne sauraient donc avoir été les descendants de leur contemporain Euthydème II.
17. La Sogdiane au-delà des Portes de Fer avait échappé au contrôle des Grecs dans le courant du IIIe siècle et ce n'est que dans les années 160, comme en témoigne Justin, qu'elle a été reprise par Eucratide I, qui lance à Samarkand un grand programme – interrompu à sa mort – de reconstruction des remparts de la ville.
18. Cette hypothèse découle, pour l'époque hellénistique, de la liste des satrapes et gouverneurs qui se sont opposés à l'avance d'Alexandre lors de sa campagne de conquête de la Bactriane et de la Sogdiane en 329.
19. Eumène, ne semble pas pouvoir être intégré dans la séquence des événements relatifs à la Bactriane orientale; il devrait donc avoir terminé son existence dans un autre épisode de la conquête du pouvoir par Eucratide, peut-être en même temps qu'Antimaque I Théos. Pendant la corégence il pourrait donc avoir été chargé du contrôle de la Sogdiane méridionale sur la rive droite de l'Oxus, très exposée aux incursions nomades par la passe des Portes de Fer.
20. L'ensevelissement des trésors monétaires dont les pièces s'arrêtent à Agathocle pourrait donc être attribué à son arrivée au pouvoir.
21. Dans l'hypothèse, que je retiens comme peu probable, où elle se serait référée à l'ère de 175/174, la date de cette inscription d'Aï Khanoum correspondrait à l'année 151 et la mort d'Eucratide à l'année 148.
22. Même s'il faut admettre qu'ils ont une provenance différente (Rougemont, n° 93) et qu'ils ne proviendraient donc pas du même dépôt administratif, on ne peut s'empêcher de souligner le fait que, hasard surprenant, les deux documents les mieux conservés de cette administration concernent tous deux le même souverain (comme l'a suggéré P. Bernard, ces documents ont probablement été dissimulés dans des abris sous roche, ce qui explique leur bon état de conservation). La dissimulation d'archives dans des abris protecteurs s'est probablement répétée à des époques et dans des contextes divers, mais on ne peut proposer de conjectures sur les circonstances de l'ensevelissement des diverses autres catégories de documents de l'époque achéménide à l'époque kouchane découverts ces dernières années au nord de l'Afghanistan.
23. Dans cette hypothèse il ne devrait plus y avoir entre les deux Antimaque de lacune chronologique comme celle qu'a proposée O. Bopearachchi en un premier temps (cf Rapin, 1996, p. 465).
24. Comme me le suggère F. Grenet, si elle a bien été l'épouse de Ménandre, la reine Agathocléïa pourrait avoir été une fille d'Agathocle ou, du moins, avoir été attachée à sa famille; ce possible lien familial entre Agathocle et Ménandre pourrait donc laisser supposer que c'est à Ménandre même que l'on pourrait attribuer la disparition d'Antimaque II et donc une restauration agathocléïenne du pou-

voir. Plusieurs auteurs considèrent cependant que le règne d'Agathocléa est plus tardif (ce qui rendrait cet argument inopérant), mais O. Bopearachchi en maintient la datation haute sur la base de l'étude des surfrappes monétaires: Bopearachchi, 2008b.

25. A. Hollis (Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 278) n'attache pas la même importance à la date de 162 du monnayage aux Dioscures, ce qui le conduit à conserver pour le début du règne de Ménandre la date traditionnelle de 155 av. n.è.

Bibliographie:

- Bernard, P., 1985: *Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne* (MDAFA, 28), Paris.
- Bernard, P., G.-J. Pinault, G. Rougemont, 2004: "Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie Centrale", *Journal des Savants*, p. 227-356.
- Bernard, P., C. Rapin, 1994: "Un parchemin gréco-bactrien d'une collection privée", *CRAI*, p. 261-294.
- Bopearachchi, O., 1991: *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné*. Paris: Bibliothèque Nationale.
- Bopearachchi, O., 2007: "Some observations on the chronology of the early Kushans", in *Des Indo-Grecs aux Sassanides: données pour l'histoire et la géographie historique*, *Res Orientales*, XVII, p. 41-53.
- Bopearachchi, O., 2008a: "Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire", *Journal des Savants*, p. 3-56.
- Bopearachchi, O., 2008b: "L'apport des surfrappes à la reconstitution de l'histoire des Indo-Grecs", *Revue Numismatique*, 164, p. 245-268.
- Bopearachchi, O., M.-F. Boussac (eds.), 2005: *Afghanistan ancien carrefour entre l'est et l'ouest (Indicopleustoi, 3)*, Turnhout: Brepols.
- Bopearachchi, O., F. Grenet, 1996: "Une monnaie en or d'Abdagases II", *Studia Iranica* 25/2, p. 219-231.
- Clarysse, W., D.J. Thompson, 2007: "Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria", *ZPE* 159, p. 273-279.
- Coloru, O., 2009: *Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana (Studi ellenistici, 21)*, Pisa, Roma.
- Falk, H., C. Bennett, 2009: "Macedonian Intercalary Months and the Era of Azes", *Acta Orientalia* 70, p. 197-216.
- Grenet, F., C. Rapin, 2001: "Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328", in O. Bopearachchi, C.A. Bromberg et F. Grenet (eds), *Alexander's Legacy in the East, Studies in Honor of Paul Bernard, Bulletin of the Asia Institute*, vol. 12, [1998], 2001, p. 79-89.
- Holt, F. L., 1992: C.R. de O. Bopearachchi. *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991, in *American Journal of Numismatics, American Numismatic Society*, p. 215-222.
- Jakobsson, J., 2009: "Who founded the Indo-Greek era of 186/185 B.C.E.?", *Classical Quarterly*, 59, p. 505-510.
- Rapin, C., 1992: *Fouilles d'Aï Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane* (MDAFA, 33), Paris.
- Rapin, C., 1995: "Indo-Greeks and Vishnuism: on an Indian object from the sanctuary of the Oxus and two temples in Taxila", dans *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity*, ed. A. Invernizzi, Turin, p. 275-291.
- Rapin, C., 1996: "Nouvelles observations sur le parchemin gréco-bactrien d'Asangorna", *Topoi* 6, p. 458-469.
- Rapin, C., 2005: "L'Afghanistan et l'Asie centrale dans la géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponymie des géographes gréco-romains. Notes sur la route d'Herat à Begram", in Bopearachchi, Boussac, 2005, p. 143-172.
- Rapin, C., 2007: "Nomads and the shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan Period", in *After Alexander: Central Asia before Islam* (Proceedings of the British Academy, 133), J. Cribb / G. Herrmann (ed.), Oxford, p. 29-72.
- Rea, J.R., R.C. Senior, A.S. Hollis, 1994: "A Tax Receipt from Hellenistic Bactria", *ZPE* 104, p. 261-280.
- Rougemont, G., 2010: *Corpus Inscriptionum Iranicarum (Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale)*, sous presse.

- Salomon, R., 2005: "The Indo-Greek era of 186/5 in a Buddhist Reliquary Inscription", in Bopparachchi, Bousac, 2005, p. 359-401.
- Sims-Williams, N., 2004: "The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading", *Bulletin of the Asia Institute* 18, p. 53–68.
- Widemann, F., 2009: *Les successeurs d'Alexandre en Asie centrale et leur héritage culturel*. Essai, Paris.

СОДЕРЖАНИЕ

Поль Бернар (биографическая справка)	7
Поль Бернар и археология Средней Азии	12
Поль Бернар: штрихи к портрету	13
Бахтул Абдулгазиева	
Чаша с мифологическими сюжетами из Лумбитепа	17
Казим Абдуллаев	
Традиции Востока и Запада в античной глиптике Нахшеба (По материалам городища Еркурган и его округи)	32
Казим Абдуллаев, Амридин Бердимуратов	
Монета Диодота из Муминабада (Ургутский район Самаркандской области)	45
Джалол Аннаев, Тухташ Аннаев	
Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа	53
Джалол Аннаев, Тухташ Аннаев, Алексей Горин	
Монетные находки из Фаязтепа	67
Ахмадали Аскарров, Одил Инамов, Бехзод Исабеков	
Комплекс погребальных памятников “Дулана Булак” в верховьях реки Ахангарана и его изучение	73
Евгения Баданова	
Уникальный памятник живописи кушанского времени	84
Сергей Баратов, Улугбек Рахманов	
Храмовый комплекс античного и раннесредневекового времени на юге Хорезма – Таш-кала 2	102
Геннадий Богомолов, Саида Ильясова	
К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче	106
Васиф Гаибов, Геннадий Кошеленко, Галина Требелева	
О городах парфянской Маргианы	117
Франц Грене	
Некоторые мало использованные данные по царскому протоколу в Иране и до-исламской Средней Азии	122
Мухаммаджон Исамиддинов	
Стратиграфия городища Коктепа и некоторые стороны истории и культуры Согдианы эллинистического периода	131
Бертиль Лионне	
От Айханум до Коктепа. Вопросы абсолютной датировки эллинистической керамики Средней Азии	141
Борис Маршак, Франц Грене, с комментарием Поля Бернара	
Кушанская живопись на ткани	154
Марина Реутова	
Новые находки глиняно-ганчевой скульптуры на Каратепа и их консервация	164
Владимир Рузанов	
О химическом составе металла из Дильберджина	170
Леонид Сверчков	
«Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа	176
Рустам Сулейманов	
О Веретрагне	198
Маргарита Филанович	
Древний Чач на пути евразийских миграций номадов (данные археологии и историческая традиция)	204
Вероника Шилц	
От шапки Одиссея до тиары Сайтаферна	217
Клод Рапен	
Эра Яваны по греко-бактрийским пергаментам Асангорна и Амфиполиса	234

CONTENTS

Paul Bernard (biographical information)	7
Paul Bernard and Archaeology of Central Asia	12
Paul Bernard: touches to the portrait	13
<i>Bakhtul Abdulgazieva</i>	
A Cup with Mythological Subjects from Lumbitepa	17
<i>Kazim Abdullaev</i>	
Tradition of East and West in the Glyptic Art of Nakhsheb (on the Base of Finds from Erkurgan and its Environments)	32
<i>Kazim Abdullaev, Amridin Berdimuradov</i>	
The Coin of Diodotus from Muminabad (Urgut District, Samarkand Region)	45
<i>Jalol Annaev, Tukhtash Annaev</i>	
Architectural Planning Structure and Dating of Buddhist Monastery of Fayaztepa	53
<i>Jalol Annaev, Tukhtash Annaev, Alexey Gorin</i>	
Numismatic Finds from Fayaztepa	67
<i>Akhmadali Askarov, Odil Inamov, Bekhzod Isabekov</i>	
The Complex of Funerary Monuments of Dulana Bulak in Upper Valley of Akhangaran River and Studying of the Area	73
<i>Eugenia Badanova</i>	
The Unique Monument of Painting of Kushan Period	84
<i>Sergey Baratov, Ulugbek Rakhmanov</i>	
The Temple Complex of Antique and Early Medieval Time in South of Khorezm – Tash-kala 2	102
<i>Gennady Bogomolov, Saida Ilyasova</i>	
To the Discussion on the Buildings of Cross Shape Planning in Chach	106
<i>Vasif Gaibov, Gennady Koshelenko, Galina Trebeleva</i>	
On the Cities of Parthian Margiana	117
<i>Frantz Grenet</i>	
Quelques données peu exploitées sur le protocole royal dans l’Iran et l’Asie centrale préislamiques	122
<i>Mukhammadjon Isamiddinov</i>	
Stratigraphy of the Koktepa Site and Certain Aspects of History and Culture of Sogdia in the Hellenistic Period	131
<i>Bertille Lyonnet</i>	
D’Aï Khanoum à Koktepe. Questions sur la datation absolue de la céramique hellénistique d’Asie centrale	141
<i>Boris Marshak, Frantz Grenet with commentary of Paul Bernard</i>	
Kushan Painting on the Canvas	154
<i>Marina Reutova</i>	
New Finds of Clay-Gypsum Sculpture on Karatepa and their Preservation	164
<i>Vladimir Ruzanov</i>	
Chemical Composition of a Metal from Dilberjin	170
<i>Leonid Sverchkov</i>	
The “Tokhar Problem” and the Culture of Painted Pottery of Early Iron Epoch	176
<i>Rustam Suleymanov</i>	
About Veretragna	198
<i>Margarita Filanovich</i>	
The Ancient Chach on the Way of Euro Asian Migrations of Nomads (Archaeological Data and Historical Tradition)	204
<i>Véronique Schiltz</i>	
Du bonnet d’Ulysse à la tiare de Saïtapharnès	217
<i>Claude Rapin</i>	
L’ère Yavana d’après les parchemins gréco-bactriens d’Asangorna et d’Amhipolis	234

Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии

Сборник статей в честь Поля Бернара

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Макет:

Т.Х. Очилов

Технический редактор:

Т.Х. Очилов

Редактор русского текста:

Е.И. Баданова

Корректор:

Е.И. Баданова

Издательство “Зарафшан”

140101, г. Самарканд, ул. Турсунова, 82

Сдано в набор 15.05.2010 г. Подписано к печати 25.06.2010.
Заказ 270. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист. 19,5. Уч.изд.л. 19,7.
Бумага офисная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. Академика В. Абдуллаева, 3

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Французской
археологической экспедиции